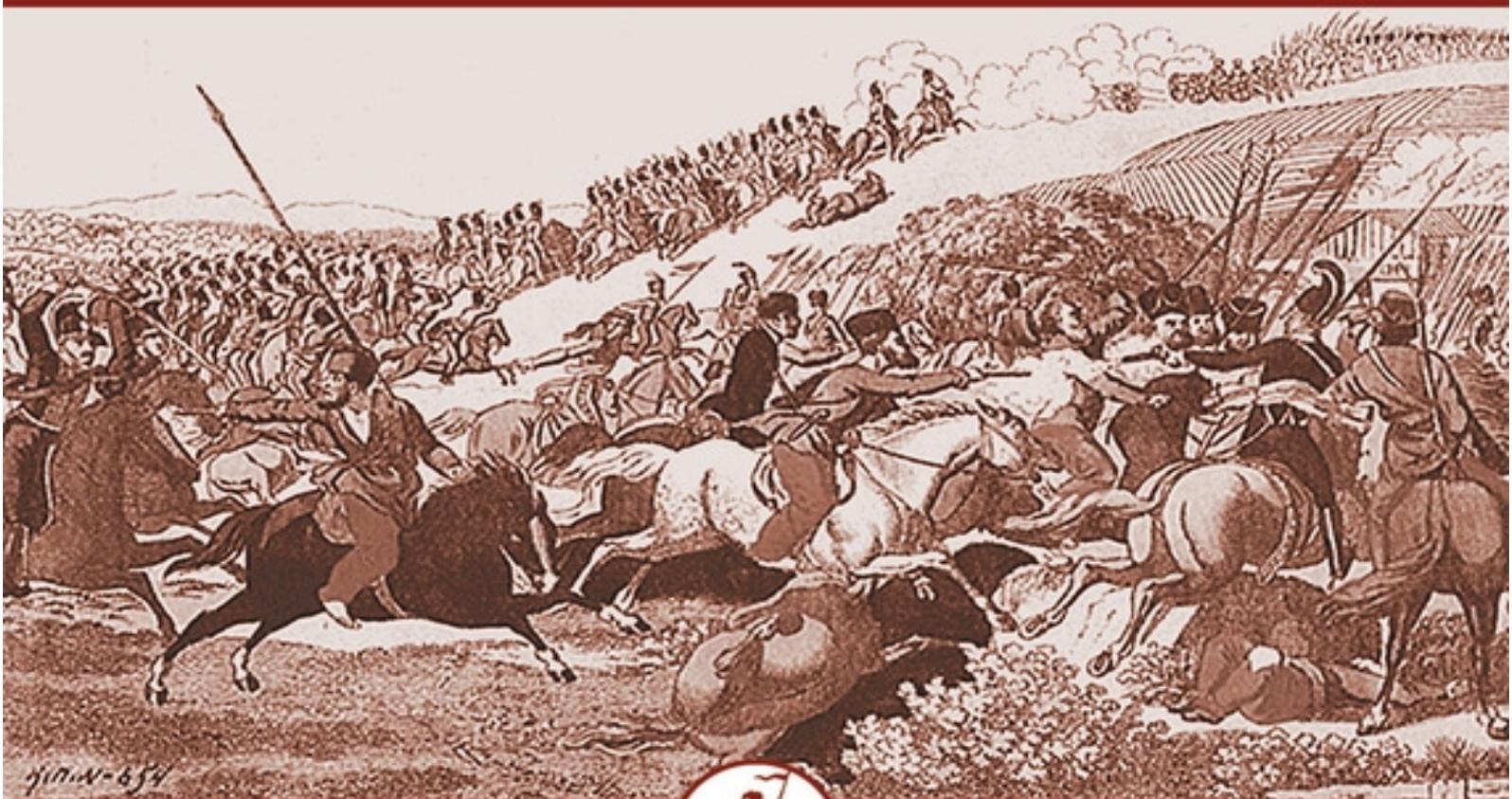
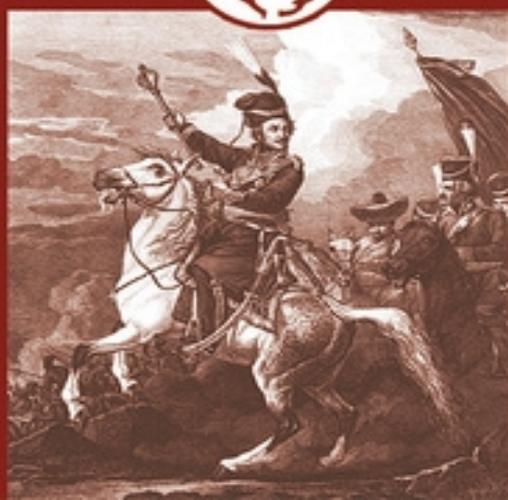

А.В. ШИШОВ

Казачество в 1812 г.

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

Annotation

Книга А. В. Шишова расскажет читателям о подвигах казачества в Отечественной войне 1812 г. Действия казаков были высоко оценены современниками. Император Наполеон, презрительно называвший казаков «жалкими арабами Севера», имел возможность убедиться в храбрости и доблести казачьих частей. Громкие и славные дела казаков под Миром, Красным и на Бородинском поле вписаны золотыми буквами в историю войны 1812 г.

Алексей Шишов

Казачество в 1812 году

© Шишов А.В., 2012

© ООО «Издательский дом «Вече», 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Слово от автора

Отечественная война 1812 года, как и вся эпоха Наполеоновских войн, есть одна из самых славных страниц в ратной истории России и ее казачества. Наполеоновское нашествие и сожжение первопрестольной Москвы всколыхнуло со всей Российской державой и ее воинское казачье сословие. Пожалуй, впервые в истории на Тихом Дону было объявлено действительно поголовное ополчение. Тогда оружие в руки взяли все, кто мог сидеть на коне. В одной из казачьих песен, сложенных в «грозу 12-го года», пелось:

Как заплакала Россиюшка от француза,
Ты не плачь, не плачь, Россиюшка, Бог тебе поможет!
Собирался сударь Платов да с полками,
С военными полками да с казаками...

История собственно войны началась с того, что завоеватели из Великой армии императора французов Наполеона I Бонапарта в первый день нашествия были встречены именно казачьими пулями. Разъезд лейб-казаков ротмистра А. Н. Рубашкина в ночь на 12 июня первым заметил переправу французских войск через пограничный Неман и вступил в перестрелку. И при изгнании Наполеона из России на берегах того же Немана именно казаки атамана М. И. Платова 2 декабря провожали пулями жалкие остатки Великой армии, бежавшей по льду на противоположный, прусский берег реки под ударами казачьих пик и сабель.

Между этими двумя отчетными точками Отечественной войны 1812 года было то, что составляет суть венца противостояния двух великих империй – Российской и Французской. Если первая встретила наполеоновский Русский поход в полном одиночестве, покинутая всеми союзниками (пример в отечественной истории весьма поучительный), то вторая привела на землю России войска пол-Европы. Соотношение сил было несопоставимо.

Война длилась полгода. В этот короткий отрезок отечественной истории уложилось отступление 1-й и 2-й русских Западных армий от черты государственной границы, схватка за город-крепость Смоленск и битва гигантов на поле Бородина, занятие французами первопрестольной Москвы, испепеляющий огонь партизанской борьбы, эпопея армейского партизанства, сражения на реке Чернишне и за Малоярославец, контрнаступление кутузовской армии и катастрофа неприятеля на Березине. И в итоге наполеоновская Великая армия нашла в России свою погибель.

Волей судьбы казачество судьбоносно оказалось в эпицентре всех этих событий. Летучий корпус атамана М. И. Платова не позволил вконец наполеону разобщить и истребить 1-ю и 2-ю Западные армии. В Бородинской битве рейд русской конницы прервал накал вражеских атак. В Тарутинском сражении казачья колонна стала творцом виктории. Казаки, как освободители, первыми вошли в сожженную Москву. Платовские полки исполнили роль подлинной голгофы для Великой армии на столбовой Смоленской дороге, будучи и молотом, и наковальней. Каждый город по Смоленке вошел в летопись казачьей ратной славы. Наконец, казаки стали ядром армейского партизанства, одним из символов народной войны против Великой армии Французской империи.

«Гроза 12-го года» дала военной истории государства Российского целое созвездие казачьих военных вождей, слава которых не меркнет уже два столетия. И первый из первых, разумеется это Матвей Иванович Платов, наказной атаман Войска Донского, генерал от кавалерии, граф, георгиевский кавалер. Под стать ему были в боях и походах казачьи генералы – плеяда Иловайских и Грековых, Василий Орлов-Денисов, Василий Сысоев, Иван Краснов, Дмитрий Кутейников, Гавриил Луковкин, Аким Карпов, Степан Балабин, Максим Власов... Под их начальством ходили в бой сотни есаулов и хорунжих, многие тысячи почти всегда

безвестных рядовых конных бойцов. И все они были одного казачьего роду.

Отечественная война 1812 года закончилась полным военным триумфом России: Великая армия европейского континентального воинства пала на ее полях, и больше в мировой истории такое название не встречается. Война закончилась почти полным истреблением неприятеля: вражеское нашествие и его эпилог в отечественной истории сравнимо разве что с походом шведской армии Карла XII на Москву, который закончился в 1709 году под Полтавой. Король шведов сравним с императором французов Наполеоном I тем, что оба они были великими венценосными полководцами не только для своей эпохи. И оба намеревались поразить Россию «в сердце».

Память о событиях того исторического противостояния двух держав, как и сама Отечественная война 1812 года, для России, ее народа священна вот уже на протяжении двух столетий. Вспомнить еще раз о героях той войны, прославленных и безвестных, – значит отдать дань воинской славе государства Российского. В этой же книге рассказывается о той части его военной силы, которая известна истории как казачество.

Глава первая. От Немана до Смоленска. Первые выстрелы на границе. Летучий казачий корпус атамана Платова. Первые кавалерийские дела и первые виктории. Славный бой под Миром.

Ночь на 13 июня 1812 года на берегах тихого, плавно несущего свои воды в Балтику пограничного Немана выдалась темной, а утро обещало быть сырым и туманным. Дождливые облака закрывали луну, и ее свет не серебрил неманскую гладь. По всему литовскому берегу реки разъезжали сторожевые пикеты от Лейб-гвардии Казачьего полка. Донцы молчаливо всматривались в противоположный берег, контуры которого едва просматривались в ночи, прислушивались к звукам, тревоживших устоявшуюся над рекой тишину.

Там, на западе от Немана, небо уже много дней издали отсвечивалось огнями бесчисленных бивачных огней. Если ветер дул с той стороны, то он доносил хорошо «читаемый» гул нахождения вдали от реки большого скопления людей, лошадей, повозок. Но ночь на 13 июня была тиха: ветер не дул с мест расположения огромной французской армии, подтягивающейся к российской границе.

Однажды лейб-казаки могли наблюдать, как на противоположном берегу Немана близ города Ковно, в том месте, где французские саперы наведут понтонные мостовые переправы, появилась немногочисленная группа всадников в мундирах польских улан. Они то медленно ехали по берегу, рассматривая противоположный, российский берег в подзорные трубы, то останавливались и что-то обсуждали. Тогда еще не знали, что в этой группе конников, в простом польском мундире, находился сам император французов с начальником своего главного штаба маршалом Бертье, лично выбиравший место переправы через пограничную реку для главных сил Великой армии. Надо заметить, что место перехода через границу России Наполеоном было выбрано удачно.

Одной из застав лейб-казаков повезло: там услышали стук конских копыт и скрип колес на противоположном берегу еще до того, как у уреза воды замаячили тени людей. Их, высвечиваемых луной в разрывах между облаками, становилось все больше и больше. На воду спешно спускались лодки, на руках подносились громоздкие понтоны. Доносился приглушенный людской говор, командные слова. Дозорным стало ясно: французы начинают переправу и готовят понтонный мост, да еще не один.

Командовавший здесь казачьими пикетами бывалый штаб-ротмистр А. Н. Рубашкин долго рассматривать приготовления недругов не стал: и так было ясно, что к чему. Он немедленно послал донесение полковому командиру Василию Васильевичу Орлову-Денисову о том, что французы в ночи начинают переправу через Неман в больших силах, используя лодки и строя не один понтонный переход через реку. Генерал-майор граф Орлов-Денисов был готов услышать такое, поскольку верил в то, что новая война с наполеоновской Францией у России уже не за горами, а дело ближайших дней и ночей.

Командир Лейб-гвардии Казачьего полка незамедлительно послал в недалекий город Вильно (Вильнюс), где находился со свитой император Александр I и генералитет 1-й русской Западной армии, с тревожным донесением урядника Ивана Крючкова. Ему было приказано коня не жалеть, а гнать во весь конский мах.

Урядник с небольшим конвоем, данным ему на всякий случай, умчался из полковой штаб-квартиры в те минуты, когда в ночи над Неманом уже гремели ружейные выстрелы с правого, российского берега.

Первые пули по врагу в Отечественную войну 1812 года были выпущены из донских лейб-казацких ружей. Донцы пикетов штаб-ротмистра Рубашкина вели огонь по переправлявшейся на лодках французской пехоте. Те отвечали русским конникам ружейной пальбой уже с чужого берега.

Наполеоновский адъютант Арман де Коленкур в своих мемуарах «Поход Наполеона в Россию» встречу французских военных русскими казаками на российском берегу плавно несущего свои воды Немана описывает куда «скромнее», и то понятно:

«Ночью дивизия Морана перешла через Неман. За нею последовали другие, так как понтонные парки заранее были стянуты к реке. Операция была выполнена в несколько часов без всяких помех даже со стороны казаков, которые в небольшом числе находились на правом берегу и стали отвечать на ружейные выстрелы, направленные против них, лишь тогда, когда наши части вступили в первую деревню по ту сторону Немана, находившуюся на некотором расстоянии от реки».

Ожидалось ли вражеское вторжение в те июньские дни 12-го года? Вполне определенно можно сказать, что да, ожидали. Казацьи дозоры многие дни перед этим могли наблюдать, как это описал мемуарист, на противоположном берегу пограничного с Восточной Пруссией полноводного Немана следующую картину:

«Неприятельские войска час от часу более и более скоплялись на Немане. О беспрестанном умножении их и приготовлениях к переправе показывали лазутчики, беглецы, наконец, и наши передовые цепи. Нам видно было, как неприятели свозили лес и барки, и усиливали вдоль реки разъезды. Во многих местах пробовали они глубину Немана, под видом купанья, и доходили до половины реки.

В Мерече, на вопрос нашего пикета, для чего они это делают, поляки отвечали, что, переправившись чрез Неман, скажут причину.

В ночное время слышны были с русского берега движения войск, бряцание сабель, топот и ржание лошадей, крики погонщиков. Только нельзя было знать точного направления неприятелей, потому, что они ходили то вверх, то вниз по реке, в разных местах делали обозрения и съёмки, и расширяли дороги.

У нас усугубили надзор, подтверждая пикетам и разъездам смотреть зорче. Парламентеров запретили пропускать в главные квартиры, и велели отбирать от них депеши, оставляя переговорщиков в передовых цепях до получения ответа.

Без письменных видов от главнокомандующих не разрешали въезда из-за границы и выезда из России. Береговым жителям дозволили производить рыбную ловлю только для их пропитания, да и то возле нашего берега, с подтверждением не выезжать на середину реки.

Со 2-го июля остановили ход почт в чужие края, и всякое сообщение с противоположным берегом Немана прекратилось...»

Начало вражеского вторжения в России описано многими мемуаристами, исследователями и писателями. Военный историк старой России А. И. Михайловский-Данилевский так изобразил то памятное событие в своем известном труде по Отечественной войне 1812 года:

«Наполеон... приказал, чтобы к вечеру начинали наводить три моста на Немане между Ковно и Понемунями.

На этом пространстве, почти возле самого Немана, стояли пехота, конница и артиллерия, в густых, необозримых колоннах. Запрещено было разводиться огни, и велено хранить величайшее молчание, чтобы никакой бивачный дым, никакой шум не изменили присутствию неприятельских сил на рубеже России.

Солнце село; наступила тишина, и Наполеон прибыл к Неману руководствовать переправой. При нем (с)пущены понтоны на воду, и 300 поляков 13-го полка отчалили от берега на лодках. Они заняли

лежавшую на той стороне небольшую деревню.

Тут был лейб-казачий разъезд. Начальник его, Жмурин, поскакал донести командиру полка графу Орлову-Денисову о переправе неприятелей, и испрашивал приказаний: ударить ли на них, или отступить? Разъезду велено собраться и отойти назад. Между лейб-казаками и поляками произошло несколько ружейных и пистолетных выстрелов. Гул их огласил песчаные берега Немана...»

...Великая армия императора Наполеона I начала переправу через пограничный Неман еще до получения императором Александром I, находившимся в Вильно, официального объявления войны России. Его французский посол в Санкт-Петербурге не без внутреннего торжества вручил главе российского МИДа 10 июня. Эстафета с берегов Невы не могла своевременно доставить эту весть в Вильно. Однако ошеломляющего вероломностью, внезапного первого удара у Бонапарта в ту ночь не получилось: несшие дозоры гвардейские казаки Орлова-Денисова, гордость Тихого Дона не оплошали. Они подняли тревогу еще до того, как первые вражеские лодки пристали к правому речному берегу.

Когда стало ясно, что тревога поднята по всему правобережью Немана, казаки отошли к своим главным силам: задачу армейского дозора они исполнили, настролялись вдоволь и видом своим испуга новоявленному врагу не выказали. Внезапного появления под утро на российском берегу неприятеля не произошло, как то иногда описывают. И «виной» тому стала пограничная казачья стража (по тому случаю она состояла из лейб-казаков), которая после 1812 года просуществовала в старой России еще более столетия.

Так для России начиналось нашествие более чем 600-тысячной наполеоновской Великой армии, вобравшей в себя военную силу пол-Европы и предназначенной для Русского похода Бонапарта. В первом эшелоне значилось примерно 450 тысяч человек и 1066 орудий. В ходе войны на российскую территорию было переброшено еще около 190 тысяч человек из состава тех сил, которые не перешли черту госграницы в первые дни вторжения и находились в составе 2-го эшелона Великой армии.

Лишь половину этой невиданной для истории Европы массы войск составляли собственно природные французы, граждане своей страны. Остальные (германцы и поляки, итальянцы и австрийцы, испанцы и португальцы, швейцарцы и бельгийцы, голландцы и хорваты... и даже египетские мамелюки) были рекрутированы из союзных и вассальных Франции европейских государств.

Россия в составе всех своих вооруженных сил в 1812 году имела 622 тысячи человек. Но из них на прикрытии западной границы было сосредоточено всего лишь 210–220 тысяч человек. Они составили на начало войны три полевые действующие армии: 1-ю Западную военного министра России генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли, 2-ю Западную генерала от инфантерии П. И. Багратиона и 3-ю Обсервационную (Наблюдательную) генерала от кавалерии А. П. Тормасова.

В первый день «грозы 12-го года» в русской армии, в ее казачьих полках читался приказ императора Александра I Павловича. В нем были и такие строки:

«...Не нужно напоминать вождям, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу! Я с вами. На зачинающего Бог!»

...Отечественная война 1812 года стала для истории апогеем столкновения на полях Европы двух подлинных империй Российской и Французской, созданной силой оружия за короткий временной срок великим венценосным завоевателем Наполеоном. На континенте у Бонапарта к тому году оставался единственный противник, растерявший своих союзников на сухопутье, – Россия. Схватка двух гигантов не заставила себя долго ждать, и стороны готовились к ней самым серьезным образом.

Подготовка к новой большой европейской войне коснулась и казачьи войска, составлявшие основу

легкой, иррегулярной конницы русской армии. С образованием в 1802 году Военного министерства (первоначально называлось Министерством военно-сухопутных сил) казачьи войска, прежде всего Войско Донское, подверглись структурной (штатной) реорганизации. Первые военные министры России – генерал от инфантерии С. К. Вязьмитинов (1802–1808), генерал от артиллерии А. А. Аракчеев (1808–1810) и генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли (1810–1812) в работе по усилению русской армии о казачестве не забывали.

В 1802 году император Александр I утвердил штаты Донского казачьего полка (кроме Лейб-гвардии Казачьего и Атаманского, находившихся на особом положении). Полк, в котором ранее числился 501 человек, теперь состоял из:

командира полка в звании штаб-офицера (полк носил имя своего командира, при его замене, убытии или гибели он переименовывался);

5 есаулов;

5 сотников;

5 хорунжих;

1 квартирмейстера;

1 писаря;

5 старших урядников;

5 младших урядников;

550 рядовых казаков.

Всего в 5-сотенном Донском казачьем полку по штату числилось 578 человек. Но Отечественная война 1812 года при ее накале боевых действий (особенно во время контрнаступления русской армии) внесла существенные «поправки» в численность казачьих полков не только Дона: в той войне фактическое число строевых казаков в конном полку колебалось от 200 до 400 человек.

К концу военной кампании 12-го года в полках оставалось менее половины штатного состава. Причина была не только в неизбежных боевых и санитарных потерях, различного рода командировках. Большое число рядовых казаков несли ординарческую и вестовую службу при штабах и лицах высшего армейского командного состава. То есть были там, где требовались конные люди сноровистые, быстрые в движении и неприхотливые в походной жизни.

Кроме того, полки выделяли часть своих людей для формирования летучих (партизанских) отрядов. Отдавали сколоченными для боя конными сотнями и командами с опытными урядниками и офицерами. Такие бойцы большую часть войны сражались вне своих полков и возвращались в их ряды только после расформирования отрядов армейских партизан, что делалось в самом конце 1812 года или в начале следующего 1813 года.

Каждый полк формировался под попечительством своего командира на выделенные из войсковой казны средства. Казенное довольствие (деньги и фураж) выплачивалось и выдавалось лишь при удалении полка более чем на 100 верст от войсковой территории. На меньшем расстоянии довольствование полка шло за счет войска и за свой собственный счет. В те годы жалованье казачьим офицерам полагалось по штату гусарских полков, тоже легкоконных.

«Донские штаты» распространялись и на полковую систему других казачьих войск. Равно как и каждое новое «Положение о Донском казачьем войске» становилось основанием для созданий «Положений» о других казачьих войсках.

Всего в Отечественной войне 1812 года приняло участие (находилось на действительной службе) именных по фамилиям командиров (кроме гвардии) 45 легкоконных полков и две роты конной артиллерии Донского казачьего войска, о чем войсковая канцелярия сделала Военному министерству соответствующий отчет. В войне участвовали следующие полки:

Лейб-гвардии Казачий полк.

Атаманский полк.

1. Подполковника И. И. Андрианова 2-го.
2. Подполковника Ф. А. Барабанщикова 2-го.
3. Полковника В. А. Быхалова 1-го.
4. Войскового старшины М. А. Власова 2-го.
5. Подполковника М. Г. Власова 3-го.
6. Полковника П. М. Гордеева (затем генерал-майора И. К. Красного 1-го, подполковника М. Г. Чернозубова 8-го).
7. Полковника А. Г. Грекова 4-го.
8. Генерал-майора П. М. Грекова 8-го.
9. Полковника А. Е. Грекова 9-го (бывший полковника И. Петрова, прибыл с Кавказской линии).
10. Войскового старшины И. В. Грекова 21-го.
11. Генерал-майора А. К. Денисова 6-го (затем подполковника И. Г. Мельникова, войскового старшины И. И. Жирова).
12. Генерал-майора В. Т. Денисова 7-го.
13. Полковника Г. А. Дячкина.
14. Генерал-майора И. Д. Иловайского 4-го.
15. Генерал-майора Н. В. Иловайского 5-го.
16. Подполковника С. Д. Иловайского (затем подполковника Т. Д. Грекова 18-го).
17. Полковника О. В. Иловайского 10-го.
18. Полковника Т. Д. Иловайского 11-го.
19. Полковника В. Д. Иловайского 12-го.
20. Полковника И. И. Исаева 2-го.
21. Генерал-майора А. А. Карпова 2-го.
22. Войскового старшины П. А. Киреева 2-го.
23. Войскового старшины Д. Д. Комиссарова.
24. Подполковника Ф. А. Кутейникова 4-го.
25. Подполковника И. Г. Лащилина.
26. Полковника Г. А. Луковкина 2-го.
27. Майора Ф. Ф. Мелентьева (затем войскового старшины Д. Ф. Горина).
28. Полковника Н. Г. Мельникова 5-го.

29. Майора С. И. Пантелеева 2-го.

30. Подполковника И. И. Платова 4-го.

31. Войскового старшины М. Д. Платова 5-го.

32. Полковника М. И. Родионова 2-го.

33. Майора А. И. Селиванова 2-го.

34. Войскового старшины С. И. Семенчикова (бывший войскового старшины Н. Б. Рубашкина, прибыл с Кавказской линии).

35. Подполковника И. Ф. Слюсарева 2-го (затем войскового старшины Г. Г. Мельникова 4-го).

36. Полковника В. А. Сысоева 3-го.

37. Подполковника И. Г. Турчанинова 1-го (бывший майора А. И. Исаева 4-го).

38. Подполковника К. И. Харитонова 7-го.

39. Войскового старшины А. И. Чикилева 1-го.

40. Войскового старшины В. А. Кутейникова 6-го.

41. Войскового старшины И. Г. Попова 13-го.

42. Полковника А. А. Ягодина 2-го (рабочий полк).

43. Войскового старшины А. М. Гревцова 2-го (рабочий полк).

Конную артиллерию Донского казачьего войска на театре войны представляли две отдельные воинские части (по 12 конных орудий в каждой):

1-я рота донской артиллерии войскового старшины П. Ф. Тащина.

2-я рота донской артиллерии войскового старшины П. В. Суворова 2-го.

Большая часть выше указанных конных полков и артиллерийские роты казачества Дона приняла самое деятельное участие в войне, особенно при преследовании наполеоновской Великой армии. Часть полков боевые действия вела откомандированными отдельными сотнями и командами. Другая их часть несла службу пограничной стражи, состояла в гарнизонах и так далее.

В 1812 году несколько донских казачьих полков изменили свои наименования, поскольку произошла смена (по разным причинам и не по одному разу) их командиров. Так, в ожесточенном бою при Молевом Болоте геройски погиб отважный подполковник И. Г. Мельников 3-й. Его полк принял войска старшина И. И. Жиров. Так в рядах русской действующей армии появился «новый» по названию казачий полк с Дона.

Два казачьих (рабочих) полка занимались на театре военных действий инженерно-строительными работами. Донские казаки отдельными командами участвовали в восстановлении разрушенных переправ через водные преграды, возводили на путях движения войск новые мосты, ремонтировали дороги, вели земляные работы и делали многое другое, для чего требовались в большом числе умелые рабочие руки.

«Примерным» полком для всех казачьих частей в «грозу 12-го года» являлся Атаманский полк. Он был создан на основании высочайшего повеления 20 апреля 1775 года как образцовый 5-сотенный полк Войска Донского. Его войска атаман А. И. Иловайский в тот день издал приказ о формировании для несения непрерывной внутренней службы особого, Атаманского полка, «дабы оный, будучи всегда в особом присмотре и попечении атамана, исправностью своею во всех нужной казацкой службы оборотах служить мог образцом для прочих полков».

Первоначально Атаманский казачий полк численно особо не отличался от других донских казачьих

полков. Пять сотен конников, каждый из которых снаряжался на действительную службу «за свой кошт», при двух верховых лошадях. Пика атаманцев имела крашеное (красное) древко.

Офицеров в сотне было три – есаул (командир), сотник и хорунжий. На положении офицеров находились писарь и каптенармус. Всем чинам полка было установлено следующее жалование: полковнику – 300 рублей, офицерам – 50, писарю – 30, казакам – по одному рублю в месяц.

Атаманцы отбирались из лучших казаков со всех станиц Дона. При этом учитывались не только внешние данные (такой казак должен был быть даже с виду бравым молодцом, не говоря уже о его воинской выучке), но и умение хорошо петь и плясать. Не случайно всероссийские императоры отмечали полковой хор и пляску казаков Атаманского (будущего Лейб-гвардии) полка на биваках и торжествах.

...Основным оружием для казаков в Отечественную войну 1812 года служили сабли, пики, пистолеты и ружья. Единообразия в вооружении не соблюдалось. Холодное оружие – сабли и шашки – было, как говорится, всех времен и народов, и являлось, как правило, семейными реликвиями, переходя от отца к сыну. Часть конников калмыцких, башкирских и тептярских полков имели луки со стрелами.

Из огнестрельного оружия в казачьих полках имелось: пистолеты (парами), ружья, карабины, мушкетеры и штуцера. Поскольку казаки вооружались на войну сами, то они имели то, что им доставалось в наследство от отцов и дедов. Кремневое огнестрельное оружие было отечественного и иностранного производств. К концу войны казаки имели в избытке французского оружия, «взятого с боя», то есть трофейного. Оно им служило после 12-го года не одно десятилетие.

Современные ружья и пистолеты казачьей конницы не отличались от тех, что имели кирасиры и драгуны, гусары и уланы русской армии. Кавалерийское огнестрельное оружие принципиально не отличалось от пехотного, хотя и имело некоторые особенности, связанные с применением в конном строю. Отечественное огнестрельное оружие производилось в ту эпоху на Тульском (крупнейший), Сестрорецком и Ижевском заводах. Наиболее современными кремневыми ружьями, сделанными в России, были пехотные ружья образца 1805 года (калибром 19,5 мм) и образца 1808 года (калибром 17,78 мм), которые не уступали лучшим иностранным образцам. Широкое применение получили кремневые кавалерийские пистолеты образца 1809 года.

...Новое столкновение с наполеоновской Францией привело к реорганизации действующих сил казачьих войск. Перед самой Отечественной войной 1812 года (весной этого года) в составе русской армии создается уникальное по своему составу и назначению кавалерийское соединение – летучий казачий корпус генерала от кавалерии М. И. Платова. Собственно говоря, другой кандидатуры на должность корпусного командира и не искалось. Корпус организационно входил в состав 1-й Западной армии, хотя к началу войны находился в большом отрыве от главных сил своей армии. Действовать же до выхода к Смоленску платовским полкам пришлось совместно с багратионовской 2-й Западной армией.

Атаман Матвей Иванович Платов, кавалер ордена Святого Георгия Победоносца 2-й (полководческой) степени был уже признанным вождем казачества. Военный орден он получил за генеральские отличия в ходе Русско-прусско-французской войны 1806–1807 годов. Высочайший указ от 22 ноября 1807 года гласил о его боевых заслугах кратко: «За неоднократное участие в боях в должности начальника передовых постов в войну с французами 1807 года».

Основу летучего казачьего корпуса составили семь Донских казачьих полков: Атаманский, подполковника М. Г. Власова 3-го, подполковника Грекова 18-го, генерал-майора В. Т. Денисова 7-го, генерал-майора Иловайского 5-го, подполковника И. Г. Мельникова 3-го и подполковника К. И. Харитонов 7-го и 2-я Донская конно-артиллерийская рота (12 орудий). В ходе войны командиры полков не раз менялись.

Помимо них в платовский летучий корпус вошли следующие полки иррегулярной легкой конницы: Перекопский подполковника Ахмет-бея Хункалова 1-го и Симферопольский подполковника К. М. Балатукова конно-татарские, Ставропольский калмыцкий капитана П. И. Диомидия и 1-й Башкирский майора М. М. Лачина. Тактика их действий была вполне схожа с казачьей тактикой. Походные невзгоды всадниками этих полков переносились столь же легко, как и казаками.

Перед самой войной казачий летучий корпус атамана М. И. Платова пополнился еще тремя казачьими полками – Донским Краснова 1-го, 1-м и 2-м Бугскими (есаула С. Ф. Жекула, которого сменил ротмистр А. Н. Чеченский, и войскового полковника М. А. Немце-Петровского). Так в корпусе, легком на подъем и неутомимом в действиях, стало 14 полков легкой конницы при 12 легких орудиях.

С началом войны 2-й Бугский казачий полк был разделен на отдельные команды и большую часть войны состоял при штаб-квартире 1-й Западной армии, неся ординарческую и вестовую службу. Вообще откомандирование отдельных сотен и отдельных команд из летучего казачьего корпуса в войну стало порочной системой, что невосполнимо умаляло его боевую силу.

Атаман М. И. Платов по такому случаю не раз высказывал свое неудовольствие высокому начальству. Поделаться же с такой напастью корпусной командир ничего не мог: ему приходилось выполнять на сей счет письменные приказы вышестоящих лиц. К тому же подобные откомандирования, от которых без пуль и болезней редели полковые ряды, было системой для хода предыдущих войн.

Летучий казачий корпус генерала от кавалерии М. И. Платова, мобильный и маневренный, представлял собой для врага грозную силу. Всего в нем числилось около 7 тысячи сабель при 12 конных орудиях. Мужество, неприхотливость и лихость платовских конных бойцов неприятелю были известны не понаслышке, а по событиям коалиционных войн в Европе против наполеоновской Франции начала XIX века.

Платовский корпус, который в русской армии назывался «Донским войском» (именно так называет его в своих «Записках» А. П. Ермолов) располагался в городе Гродно и Белостокской области. Начало войны показало, что он находился опасно далеко от штаб-квартиры 1-й Западной армии, поскольку не смог с ней соединиться до самого Смоленска.

На 17 августа в летучем казачьем корпусе генерала от кавалерии М. И. Платова значилось 46 сотен, людей: 15 штаб-офицеров, 117 обер-офицеров, 141 унтер-офицер (урядник) и 3123 рядовых казака. Всего провиант получало 4694 человека (вместе с нестроевыми). Фураж получали на: 3264 строевых, 164 артиллерийских и 556 подъемных (обозных) лошадей. Людей и лошадей в платовском корпусе было больше, чем в 1-м или 2-м резервных кавалерийских корпусах той же 1-й Западной армии.

Отдельные казачьи отряды разной численности к началу войны в обязательном порядке состояли в составе и других русских армий – багратионовской 2-й Западной, 3-й Обсервационной и Дунайской. Ряд армейских корпусов имел полки иррегулярной конницы в качестве собственной, корпусной кавалерии. Как, например, указывалось в «Описании Отечественной войны в 1812 году по высочайшему повелению, сочиненном генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским», в котором давалось расписание армейским силам:

«1-я Западная армия, Барклая де Толли. Пехотные корпуса...

3-й, Тучкова 1.

Пехота, 2 дивизии: 3-я, Коновницына, и 1-я гренадерская, Графа Строганова; 2 сводных гренадерских батальона; конница, лейб-казаки, Черноморская сотня и Тептярские казаки.

Батальоны – 26. Эскадроны – 6. Казачьи полки – 1».

Здесь под эскадронами разумелись Лейб-гвардии Казачий (донской) полк и входившая тогда в его состав Черноморская казачья сотня с берегов Кубани. Тептяри представляли Оренбургское казачье войско, то есть казачество Урала.

В силу своего армейского предназначения казакам пришлось не только открывать (с русской стороны) ружейными выстрелами новую войну с наполеоновской Францией на ночных берегах пограничного Немана, но и быть участниками первых серьезных схваток с врагом. Мемуарист генерал-адъютант граф Е. Ф. Комаровский, инспектор Внутренней стражи, состоявший в первые дни войны в свите императора Александра I, в «Записках» рассказывал о том, как французы входили в Вильно (ныне Вильнюс, столица Литвы):

«...Наш арьергард, состоявший из одних гвардейских казаков, под командою генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, был атакован французами в виленских улицах. Сей генерал так славно защищался, что не только отретировался в совершенном порядке, но даже ранил и взял в плен начальника неприятельского отряда, графа Сегюра, а полковник Ефремов сам своею пикою нанес почти смертельный удар принцу Гоненлоэ, бывшего после при дворе министром короля Вюртембергского».

Адъютант Наполеона А. де Коленкур этот эпизод начала Русского похода Бонапарта тоже занес в свой походный «Дневник»: «Наш авангард имел довольно оживленную стычку в нескольких лье от Вильно, а потом вторую вблизи города. Нашей кавалерии не повезло. Капитан легкой кавалерии де Сегюр попал в плен».

Первый французский офицер, взятый в плен казаками в 1812 году, оказался знатным человеком: он приходился двоюродным братом бригадному генералу графу Филиппу-Полю де Сегюру, блиставшему в свите Наполеона, будучи главным квартирмейстером его походной штаб-квартиры, и написавшему историю Русского похода 1812 года. Пленный такого рода во все времена был источником важной, конфиденциальной информации, которую нельзя было получить от рядового армейского офицера. Действительно, взятый лично в плен командиром Лейб-гвардии Казачьего полка граф Сегюр, при своем капитанском чине, знал многое из того, что интересовало главнокомандующего 1-й Западной армии генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли, одновременно еще остававшегося военным министром России.

...Венценосный полководец Бонапарт, казалось бы, в преддверии большой войны постарался предусмотреть все для подъема боевого духа тех сотен тысяч солдат, которые не уставали приветствовать его возгласами «Да здравствует император!» Перед вторжением в Россию, с «запоздалым» объявлением войны ее государю, в «многоевропейских» войсках Великой армии был зачитан приказ императора Наполеона I о начале Русского похода:

«Воины! Вторая Польская война начинается. Первая кончилась при Фридланде и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась на вечный союз с Францией и вечную войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои. Она объявляет, что дась отчет о поведении своем, когда французы возвратятся за Рейн, предав на ее произвол союзников наших. Россия увлекается роком; да свершится судьба ее!

Не думает ли она, что мы изменились? Разве мы уже не воины аустерлицкие? Россия дает нам выбор: бесчестие или война. Он не сомнителен. Вторая Польская война столь же прославит французское оружие, сколько и первая. Но мир, который мы заключим, будет прочен и уничтожит пятидесятилетнее гордое и неуместное влияние России на дела Европы».

Исследователи Отечественной войны 1812 года (или Русского похода Наполеона) сходятся в главном: на карту было поставлено само существование России как независимого государства, ее державное существование. Неоспоримым доказательством того являются хорошо известные для истории слова,

сказанные императором французом перед началом вторжения Великой армии в российские пределы в столице Варшавского герцогства. Победоносный полководец Наполеон тогда заявил для устрашения Европы и непокорившейся ему Российской державы:

«Через пять лет я буду господином мира, остается одна Россия, но я раздавлю ее!»

...С началом вражеского вторжения в российские пределы император Александр I в городе Вильно подписал «Приказ армиям», в котором говорилось:

«С давнего времени примечали Мы неприязненные против России поступки Французского Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя безпрестанное возобновление явных оскорблений, при всем Нашем желании сохранить тишину, принуждены Мы ополчиться и собрать войска Наши, но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах Нашей Империи, не нарушая мира, а быть токмо готовыми к обороне.

Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого Нами спокойствия. Французский Император нападением на войска Наши при Ковно, открыл первый войну. Итак, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается Нам ничего иного, как призвав на помощь свидетеля и защитника правды, Всемогущего Творца Небес, поставить силы Наши против сил неприятельских. Не нужно Мне напоминать вождям, полководцам и воинам Нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь Словян.

Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог».

В тот же день император Александр I отправил письмо генерал-фельдмаршалу графу Н. И. Салтыкову, председателю Государственного совета и Комитета министров с поручением управлять внутренними делами Российской империи в отсутствие (в столице) государя. Извещая его о вторжении Наполеона и начале военных действий, самодержец Александр I писал:

«...Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудили Нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем».

...Атаман Платов, командир летучего казачьего корпуса, узнал о начале военных действий в ночь на 14 июля. В предписании начальника штаба 1-й Западной армии генерал-лейтенанта Н. И. Лаврова, старого суворовца и георгиевского кавалера, атаману Войска Донского приказывалось «действовать из Гродно во фланг и тыл неприятельских корпусов, которые станут переправляться чрез Неман», и идти на соединение к главным силам военного министра генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли. Такое предписание, разумеется, не отвечало реалиям каждодневно менявшейся тактической обстановки на театре войны. Оно просто запоздало.

Донской атаман, естественно, отдал свой приказ по корпусу, который был зачитан в полках. Среди прочего, М. И. Платов, отметив справедливость войны со стороны России, указал, что те казаки, которые в боях лишатся коней, «должны биться пешими до последней капли крови, а также, будучи легко ранеными, не должны уходить с поля боя».

Пока позволяло время, Платов предусмотрительно отправил из Гродно обоз числом более трех тысяч подвод «по найму». В них отсылались подальше от границы больные казаки, излишнее оружие, запасы корпусного провианта, «главная аптека», воинская амуниция, различное казенное имущество. Обозам давался небольшой конвой со строгим устным приказанием старшему в чине хорунжего: французам ничего не уступать и не оставлять.

То, что вывезти было невозможно, – уничтожалось. В противном случае оно могло послужить неприятелю хорошую службу: Наполеон привычно делал ставку на снабжение своих войск провиантом и

фуражом за счет местного населения. Такое правило в войнах его подводило крайне редко, пока Бонапарту не довелось оказаться в России. Казаки же своими трудами и стараниями лишали французов и их союзников возможности «хорошо кормиться на чужой земле и иметь лошадей сытыми».

Когда к городу стали приближаться кавалерийские авангарды группировки брата Наполеона, Вестфальского короля Жерома Бонапарта, донской атаман приказал истребить мосты у Гродно и корпусу отходить к близкой Лиде. И этот город пришлось оставить французам. Тогда под Гродно прозвучали первые пушечные выстрелы донской казачьей артиллерии.

По первоначальному операционному плану, генерал от кавалерии М. И. Платов имел назначение: летучему корпусу «ударить во фланг и тыл неприятелей, когда они переправятся через Неман», а князь Багратион должен был поддерживать его частью сил своей 2-й армии. События развивались так, что казачий корпус и багратионовская армия не отделялись один от другого целый месяц, с открытия наполеоновского Русского похода до переправы через Днепр, а потому действия их находились в неразрывной связи.

12 июня военный министр России генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли, опережая события, отправил в Волковыск князю Багратиону и в Гродно атаману Платову следующие повеления о их действиях в случае перехода наполеоновской армии через пограничный Неман, то есть в начальный период войны. Командующему 2-й Западной армии приказывалось:

«...1) Платову предписано сосредоточить свой корпус около Гродно, и идти неприятелю во фланг.

2) армия, вверенная вам, должна способствовать сему действию, обеспечивая тыл корпуса Платова...»

Отношение к атаману Войска Донского генералу от кавалерии М. И. Платову гласило следующее:

«Так как главнейшие неприятельские силы сосредоточены между Ковно и Меречем, и сегодня, вероятно, последует переправа неприятеля через Неман, то предлагаю вам:

1) Иметь корпус ваш сосредоточенным около Гродно.

2) С первым известием о переправе неприятеля идти решительно ему во фланг, действовать сообразно обстоятельствам и наносить всевозможный вред.

3) Не должно излишне озабочиваться тылами вашего корпуса, ибо князю Багратиону дано знать о предназначенных вам действиях, и предписано обеспечивать тыл ваш».

Платов, получив такое предписание военного министра, немедленно отрядил сторожевые партии к Меречу «для разведывания не переправляется ли там неприятель». Французские начальники, чьи воинские части находились в том месте, были неприятно удивлены внезапным появлением перед ними на той стороне государственной границы большого числа конных казачьих дозоров. Они словно сторожили врага, уже изготовившегося к броску через линию госграницы.

Историк А. И. Михайловский-Данилевский так описывает непростую ситуацию, которая сложилась для 2-й Западной армии и летучего казачьего корпуса в первые три дня с начала войны:

«...13 июля, когда уже совершилось вторжение неприятеля, Барклай де Толли известил о том князя Багратиона, и объявил ему подтвердительное высочайшее повеление, согласное с посланным ему накануне.

Князь Багратион тотчас вступил в сношение с Платовым, и советовал ему действовать так, чтобы не быть отрезанным от 1-й армии, и для того идти из Гродно правым берегом Немана на Лиду и Минск.

«В сем случае, – писал ему князь Багратион, – я соберу мою армию за Щарою, в Слониме, где будут и мои казачьи полки под начальством Иловайского 5-го. При отступлении они прикроют мой левый фланг, а

перейдя Несвиж, я их отправляю на мой правый фланг, откуда они могут, совокупно с вашим корпусом, быть подкреплены моею армиею, наносить неприятелю вред и сохранять сообщение с 1-ю армиею. Впрочем, я говорю собственные мои мысли, и единственно для того, чтобы вы приняли оные в одном случае к соображению, а в другом, если не имеете особенных повелений, то для совместного выполнения».

Давая советы сии Платову, князь Багратион не выступил из Волковыска, но собрав там армию, писал к Барклаю де Толли, чтобы он испросил (у императора. – *А.Ш.*): идти ли ему на Минск? Два дня прошло в ожидании ответов от Барклая де Толли и от Платова. Платов не был подчинен князю Багратиону, а потому последний и не знал: согласится ли атаман на его предложение обратиться на Минск или, может быть, вознамерится из Гродно взять иное направление на сообщение неприятелей?»

...С началом войны император Александр I через временщика генерала от артиллерии А. А. Аракчеева отправил каждому корпусному командиру через флигель-адъютантов предписания о направлении начального движения войск. В Гродно к атаману («гетману») с секретным пакетом был послан князь ротмистр С. Г. Волконский, будущий декабрист-каторжник. Он отправился в рискованную поездку почтовым трактом в сопровождении слуги, унтер-офицера и рядового Оренбургского драгунского полка.

Императорский флигель-адъютант Волконский догнал (был встречен разъездом) летучий казачий корпус тогда, когда тот отошел от города Гродно уже на три суточных перехода. О выполнении начальных указаний предписания императора говорить уже не приходилось. Французы в крупных силах разъединили русские армии, стоявшие в приграничье и имевшие штабы на большом удалении друг от друга – в Вильно и Волковыске.

Атаман М. И. Платов оказался в первый же день войны в крайне затруднительном положении. Ему было предписано действовать в составе 1-й Западной армии Барклая де Толли. Но летучий казачий корпус при свойственной ему быстроте, не мог к ней присоединиться в силу стратегического замысла венценосного полководца Наполеона. Движение корпуса маршала империи Жака Луи Даву, самого сильного по составу в Великой армии, отбросило от Вильно платовский корпус. Ему пришлось «обратиться к армии князя Багратиона». Об этом Матвей Иванович известил государя, находившегося при 1-й Западной армии, через ротмистра князя Волконского.

В ходе начального этапа отхода от государственной границы в «команде» Платова оказался отряд генерал-майора И. С. Дорохова в составе Изюмского гусарского, двух (1-й и 18-й) егерских, двух казачьих полков, роты легкой артиллерии (12 орудий). Дорохов тоже не смог соединиться с 1-й Западной армией, тоже совершил марш-маневр (потеряв всего 60 человек), войдя в соприкосновение с платовским корпусом близ Воложина. Так в подчинении донского атамана оказалась легкая егерская пехота, чем он умело и воспользовался.

Дороховский отряд в начале войны являлся арьергардом 4-го армейского корпуса. Но, оказавшись отрезанным от главных корпусных сил, отряд, не обремененный тяжестями и потому маневренный, вместе с корпусом Платова получил приказание переправиться через Днепр у Быхова и оттуда следовать на соединение с армией Барклая де Толли к Смоленску.

Приказы Барклая де Толли для 2-й Западной армии и летучего казачьего корпуса, входившего в ее состав, оказались невыполнимы по той причине, что и Наполеон, как талантливый полководец, не дремал, двигая вперед корпуса своих маршалов. Стало ясно, что двум главным по силам русским армиям придется с боями идти на соединение друг с другом где-то западнее Смоленска.

В той ситуации военный министр России был вынужден решением государя отменить атаману М. И. Платову первоначальный приказ совершать диверсии во фланг и тыл переправившегося через Неман

неприятеля, а идти вместе с армией Багратиона на соединение с 1-й Западной армией. Летучий казачий корпус должен был прикрывать ее походный марш. Собственноручное повеление императора Александра I донскому атаману гласило следующее:

«Пока вверенный вам весь корпус казаков будет находиться между Лидой и Вилейкою, должны вы иметь предметом для нападений ваших на неприятеля все дороги, ведущие от вас к Вильне, по коим посылать вам вперед отряды из 500 до 1000 казаков, по усмотрению вашему, назначив сим отрядам пункты, на кои им отступить.

Когда весь корпус казаков минует Вилейку, тогда нападения казаков должны производиться на сообщения неприятеля с Вильною, прикрывая марш армии князя Багратиона; соображать же движения свои по направлению армии его, следующей по предписанию из Волковыска чрез Новогрудок на Вилейку, и которая служить будет вам опорой на случай вашего на нее отступления.

Посему и должно вам иметь непрерывное сношение с князем Багратионом, которому предписано уведомить вас о подробнейшем направлении марша вверенной ему армии, а вам как можно чаще извещать его о всех движениях, как ваших, так и неприятельских, равномерно доставлять известия сии ко Мне и Военному Министру, в место пребывания главной квартиры между Видзюю и рекою Двиною».

Платов выполнил приказ главнокомандующего 1-й Западной армии. 22 июня его летучий корпус у Николаева соединился со 2-й Западной армией князя Багратиона. Донской атаман временно переходил в его начальствующее подчинение, хотя в чинах они были равны: один полным генералом от инфантерии (пехоты), другой – полным генералом от кавалерии.

21 и 22 июня платовским казакам пришлось провести два боя с легкой кавалерией неприятеля из Первого армейского корпуса Великой армии маршала Л. Н. Даву – у Вишнево и Гудиненты. Столкновения оказались скоротечными, поскольку наполеоновцы в серьезное дело ввязываться не стали до подхода главных сил. В силу такого обстоятельства казачьи полки достаточно спокойно уходили от преследователей, прикрывшись дозорными разъездами. Атаман Платов отправил о том донесение главнокомандующему, в котором писал:

«Неприятель разбит и отретировался назад. Убито у него до ста человек. Сегодня поутру наступает на меня неприятель у селения Гудинешты и я, отразивши его, решил идти на селение Бакшты».

23 июня летучий казачий корпус расположился лагерем у села Бакшты. В тот день казачьи разъезды донесли атаману, что севернее, в Воложине, появился в больших силах неприятельский авангард. Платов решил выступить из Бакшты на юг, к Николаеву и там переправиться через Неман. Оповещенный о том князь П. И. Багратион, чья 2-я Западная армия двигалась еще южнее на Несвиж, предложил донскому атаману присоединиться к нему, для чего оставил для охраны неманских мостов в Николаеве и Колодзине два воинских отряда. Багратион предупредил, что оба моста в полдень будут уничтожены, то есть сожжены, дабы французы ими не воспользовались.

В тот же день главнокомандующий 2-й Западной армией приказал Платову вместе с отрядом Дорохова занять Воложин и удерживать его до 26-го числа. Атаман послал казаков разведать путь движения в Воложин. Оказалось, что дорога идет через болото, проходимого только в зимнее время, когда оно крепко замерзает. Поскольку французские войска находились не далее мили от Бакшты, то занимать Воложин уже не имело смысла, о чем и был извещен Багратион.

2-я Западная армия начала отход от Волковыска. Казачьи партии, «обозревавшие за Неманом дороги», своевременно донесли генералу от инфантерии П. И. Багратиону о том, что самый сильный в Великой армии почти 60-тысячный корпус маршала Даву перекрыл ему прямой путь на Минск. Даву имел сил намного больше своего противника (5 пехотных дивизий и 2 легкие кавалерийские бригады) и мог

надеяться на победный для себя исход встречного сражения.

Ученик Суворова «князь Петр» это прекрасно понимал и, умело маневрируя, продолжил отход от госграницы. В то же время багратионовская армия, «глазами и ушами» которой стали платовские казаки, начала опасно удаляться от 1-й Западной армии. Но в той ситуации иного и быть не могло: Наполеон контролировал ситуацию, а не его противники.

Летучий казачий корпус, будучи уже в первые дни войны отрезанным от главных сил своей 1-й Западной армии, вошел в соприкосновение с армией князя П. И. Багратиона не по желанию донского атамана. Платов, получив первый приказ военного министра ударить неприятелю во фланг, такой приказ в сложившейся ситуации исполнить не мог. Тогда он запросил генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли дать ему новое указание.

Тот ответил так: «Весьма мудро давать мне за 300 верст вашему превосходительству наставления, которые разрешаются местными обстоятельствами». Здесь следует заметить, что на действия 1-й Западной армии при отступлении к Смоленску заметно повлияло отсутствие в ее рядах сильной по составу легкой казачьей конницы. Это признается многими исследователями.

Ситуация и местоположение летучего казачьего корпуса говорили только об одном: прорыв сквозь боевые порядки наполеоновских корпусов для соединения с 1-й Западной армией невозможен. Если он и удастся, то это будет сопряжено с большими, ничем не мотивированными потерями в людях и лошадях. Рядом же, на путях отхода от границы находилась 2-я Западная армия генерала от инфантерии князя П. И. Багратиона, с которым атаман Платов был хорошо лично знаком и дружен. Да и к тому же тот и другой желали сражаться, а не отступить без боя от границы. Так судьба свела вместе двух героев войн с наполеоновской Францией уже в первые дни опасной начинавшейся для России войны.

Первый раз атаман М. И. Платов провел бой с большими силами французов 26 июня у местечка Кареличи (Кореличи). Или, говоря иначе, его летучий казачий корпус впервые столкнулся в той войне с вражеской кавалерией. Но это была проба сил сторон, «пристрелка» перед серьезным делом, в которой никто не упростиовал, а только присматривался друг к другу.

В тот день летучий казачий корпус, прикрывая отход 2-й Западной армии к городу Несвижу, без особого труда разбил неприятельский авангард, состоявший из трех колонн польской легкой кавалерии, отбросив его к городу Новогрудку. «Казачьи генералы Иловайский 5-й и Карпов 2-й ударили на поляков и гнали их до Новогрудка».

После боя у Кареличей платовский летучий корпус продолжил свой окружной путь к Смоленску. Боевые столкновения стали обыденным делом, то есть работой для казачьих разъездов. Платов писал, что «и хотя урон был мал, но он был, и был каждый день...» «Об убитых и раненых» у него велся «домашний счет».

...Начальное серьезное дело в «грозу 12-го года» казачья конница имела у Мира, небольшого местечка Новогрудского уезда Гродненской губернии. Здесь произошел двухдневный бой (27 и 28 июня) летучего казачьего корпуса генерала от кавалерии М. И. Платова, составлявшего арьергард 2-й Западной армии, с 4-й (Польской) легкой кавалерийской дивизией дивизионного генерала Александра Рожнецкого (3,6 тысячи человек при 3 конных орудиях), находившегося в авангарде группировки Великой армии Жерома Бонапарта, Вестфальского короля.

За день до боя атаман Платов получил от князя Багратиона задачу задержать у Мира двигавшийся со стороны Новогрудка неприятельский авангард. Это давало уставшим от каждодневных марш-бросков войскам 2-й Западной армии кратковременный отдых в городе Несвиж Слуцкого уезда Минской губернии.

26 июня генерал от кавалерии М. И. Платов имел под своим непосредственным начальством не весь

корпус, а только немногим более двух тысяч всадников. Эту силу составляли: половина Атаманского полка, Донские казачьи полки Н. В. Иловайского и В. А. Сысоева, 1-й Башкирский, Ставропольский калмыцкий и Перекопский крымско-татарский полки и 12 конных орудий (рота донской артиллерии). Часть корпуса под командованием генерал-майора Д. Е. Кутейникова была отправлена «для открытия связи» с шедшим на соединение со 2-й Западной армией отрядом генерал-майора И. С. Дорохова. Это была часть авангарда 4-го пехотного корпуса, отрезанного неприятелем от 2-й Западной армии. Другие казачьи полки несли боевое охранение флангов багратионовских войск (три из них, поспешив, участвовали в деле под Миром).

План атамана Платова на бой был следующий. Полк Сысоева оставался в Мире. Южнее местечка, в деревне Симаково, укрылись остальные полки. По сторонам дороги от Мира на Несвиж в перелесках скрытно расположились по сотне быстроконных, отборных казаков.

Первым подошел к Миру утром 27 июня передовой эскадрон 3-го Польского уланского полка полковника А. Радзиминского, входившего в состав 29-й бригады генерала Казимежа Турно. Уланы атаковали находившихся в местечке донцов, и Сысоев, совсем не упорствуя, стал уводить свой полк по дороге на Несвиж. Воспринимая это как большой успех, в погоню устремились все три эскадрона уланского полка. Поляки не подозревали, что их умело заманивают в засаду, которая таилась совсем близко от Мира.

При первых признаках погони за сысоевцами, атаман Платов повел полки, стоявшие в Симаково, к местечку по Несвижской дороге. 3-й Польский уланский полк неожиданно для себя оказался на дороге окруженным со всех сторон. Полковнику Радзиминскому пришлось отдать приказ на отход, то есть пробиваться к местечку Кареличи. Отход сразу же превратился в повальное бегство, поскольку платовцы преследовали вражеских конников буквально по пятам, да еще с трех сторон. Теперь уланам приходилось уповать только на резвость своих коней.

Как только бригадному начальнику генералу Турно стало известно о неудачном начале боя на Несвижской дороге для 3-го уланского полка, он поспешил с двумя другими полками (15-м и 16-м уланскими) занять долину реки Уши у местечка Пасячна (Пясечна), находившегося к северо-западу от Мира. Турно отрядил три эскадрона для защиты плотины (то есть переправы) на реке, а с тремя другими перешел на противоположный берег Уши, где уланская кавалерия выстроилась для боя.

Уланы еще не успели построиться как надо, как на них вынеслись остатки вконец расстроенного 3-го уланского полка, преследуемого расхажившими казаками. Когда беглецы соединились с главными силами генерала Казимежа Турно, преследователи остановили бег своих коней, но лишь для того, чтобы понестись вперед в новой атаке. В ее ходе платовцы опрокинули польских улан и принудили их бежать за плотину. При этом часть улан завязла в болотистых берегах реки Уши, и была перебита пулями и ударами пик. Другая, большая часть, оказалась взятой в плен. Был ранен полковник Радзиминский.

Тем временем к Пасячне подошла вся 4-я легкая кавалерийская дивизия генерала Рожнецкого (6 Польских уланских полков, две роты артиллерии: свыше 4,2 тысячи человек, в том числе 184 офицера, 12 орудий, около 4,7 тысячи лошадей). Атаман Платов прекратил бой 27 июня и, оставив под Миром в качестве своего арьергарда три полка, с остальными вновь отошел к Симаково, заняв у деревни выгодную засадную позицию. Князю Багратиону было послано подонесение о ходе и результате проведенного боя.

Потери Платова в тот день составили всего около 25 человек убитыми и ранеными, что свидетельствовало о том, что польские уланы рукопашного боя не приняли. Их потери превысили 300 человек, пленными из которых оказалось 250 нижних чинов и 6 офицеров, в своем большинстве «перераненных». Соотношение сил сторон, непосредственно участвовавших в первый день боя у Мира, было следующим: Платов ввел в дело 7,5 полка (около 3 тысяч всадников), Турно – 6 уланских эскадронов численностью в 1300 человек.

Вечером того же дня генерал Рожнецкий получил предписание от командира 4-го корпуса кавалерийского резерва генерала М. В. Латур-Мобура занять на другой день местечко Мир и продвинуться к городу Несвижу. О том, что неприятель продолжает наступательное движение, стало известно Багратиону, и он решил усилить атамана М. И. Платова под Миром.

От главных сил 2-й Западной армии на усиление прибыл сводный отряд под командованием генерал-майора И. В. Васильчикова в составе 5-го егерского, Киевского драгунского, Ахтырского гусарского и Литовского уланского полков. Подошел еще один корпусной полк донцов – Иловайского. Теперь войска Платова состояли из почти тысячи егерской пехоты, 2,5 тысячи сабель регулярной кавалерии и 4 тысяч иррегулярной конницы. К тому же атаман предписал отряду генерал-майора Кутейникова идти на соединение с ним. Точных сведений обо всем этом неприятель не имел.

Утром 28 июня дивизия Рожнецкого заняла местечко Мир, которое казаки оборонять не стали. После этого в полдень полки польской легкой кавалерии, памятуя участь 3-го уланского полка, стали с немалой осторожностью продвигаться от Мира по дороге на Несвиж. Так они дошли до Симаково и за деревней встретили передовой отряд платовских казаков. Донской атаман, владея ситуацией, понял, что в данном случае подготовленный им «вентерь» не сработает, и он решил атаковать авангардный уланский полк, которым оказался 7-й полк полковника А. Потоцкого.

Так завязался 28 июня 6-часовой «знатный» кавалерийский бой у Мира. Платовцы атаковали решительно, и после первого успеха обрушились и на полки бригады генерала Турно. Донская артиллерия своим огнем хорошо поддержала конные атаки, в которых приняли участие полки драгун и гусар генерал-майора Васильчикова.

Победный исход боя решило появление на левом вражеском фланге подошедшего казачьего отряда генерал-майора Д. Е. Кутейникова. Тот действовал не менее решительно, чем атаман Платов, с ходу начав атаку бригады генерала Д. Дзевановского (2-й, 11-й и 16-й уланские полки, которые стояли уступами). Польская кавалерия в ходе боя оказалась расстроенной и стала, как и в первый день дела под Миром, стремительно отступать к местечку, по пятам преследуемая противником.

По ходу событий польские офицеры пытались остановить расстроенные эскадроны и привести их в порядок для боя, но их усилия успеха не имели. И уланы находились в паническом состоянии, и казаки преследовали неотступно. Преследование по дороге прекратилось только под самым местечком, в котором появился 1-й конно-егерский полк 19-й бригады генерала Тадеуша Тышкевича из 5-го (Польского) армейского корпуса князя Ю. Понятовского с конной полубатареей, которая успела развернуться для ведения огня ближней картечью.

На второй день боя под Миром атаман М. И. Платов ввел в дело 11 полков иррегулярной конницы (свыше 4 тысяч всадников) и 12-орудийную роту донской артиллерии. В атаках участвовали Киевский драгунский и Ахтырский гусарский полки (полторы тысячи человек). То есть силы победителей немногим превышали численность легкой кавалерийской (уланской) дивизии генерала Рожнецкого.

В первом крупном бою «грозы 12-го года» особенно отличился полк донцов под командованием полковника В. А. Сысоева 3-го. О роли сысоевского полка в памятном бою у местечка Мир историк В. И. Лесин рассказывает так:

«...Поляки настигли преднамеренно отступающую сотню смельчаков и ворвались в Мир, где ожидал их полк В. А. Сысоева. Казаки с ужасным гиканьем бросились на неприятеля.

Ошеломленные внезапным нападением, уланы оставили местечко, но тут же снова пошли в атаку. Началась жестокая рубка. Ржание лошадей, злобные ругательства людей, звон клинков, треск пик, разлетающихся под ударами сабель, – все слилось в какой-то невообразимый шум.

Противник дрался отчаянно...»

28 июня потери польских улан превысили 600 человек, в том числе 250 пленными. Их полки потеряли много коней. Платов доносил по команде, что его «урон был невелик» и определялся в 50 убитыми и сотню ранеными. Шестая часть из них пришлось на первый день, когда сысоевскими казаками для польских улан исполнялся «вентерь».

Двухдневный кавалерийский бой под местечком Мир 27 и 28 июня обернулся для «южной» группировки Великой армии под командованием брата Наполеона Вестфальского короля Жерома Бонапарта чувствительным поражением от платовских «степных ос». Вестфальцы к таким боям оказались не готовы: их легкая кавалерия во всем уступала казачьей коннице. Прежде всего в самом главном – желании победить.

Польский бригадный генерал Казимеж Турно, командир 29-й бригады легкой (уланской) кавалерии 4-й легкой кавалерийской дивизии потерпел под Миром полное поражение, был ранен и едва не попал в плен. Турно участвовал в Бородинском сражении, после Березины в его уланской бригаде осталось всего около 50 человек. Кавалеру ордена Почетного легиона в 1812 году повезло: он сумел вырваться из России. После себя Турно оставил мемуарные «Воспоминания польского офицера», в которых автор рассказывает и о злосчастном для его подчиненных (и для него самого) бое под Миром.

Популярные в Польше мемуары в начале XXI века были переведены на русский язык историком А. И. Поповым. В них нашлось место для яркого и достаточно достоверного, подробного описания боя под Миром, в котором мемуарист был ранен и едва не попал в плен к платовским казакам. Кавалер ордена Почетного легиона Казимеж Турно, лично хорошо известный Наполеону, свидетельствует в своих «Воспоминаниях»:

«Следуя по дороге на Турце, не видели никого, кроме казаков, башкир, калмыков, которые обычно двигались галопом, проскальзывая от оврага к оврагу, чтобы стрелять с более близкого расстояния...

В мгновение ока равнина у Симаково была затоплена легкими войсками. Я никогда не слышал воя столь ужасного, чем тот, который поднялся в этот момент...

Тогда толпы башкиров, калмыков и казаков обошли кругом эти неподвижные эскадроны, отрезая им отход и связывая их узлом. Три раза они повторяли атаки и три раза разбивались напротив линии, которая их отбрасывала. Более проворные казаки сыпали град пуль, и когда они в течение четырех часов исчерпали свой пыл, бой прекратился и была демаскирована легкая кавалерия.

Подготовившись, завывающая ватага, сделав поворот к лесу, который отделял нас от Гордеи, устремилась на левый фланг нашей развернутой линии; охватив этот фланг, она посеяла ужас и смерть в рядах 11-го и 2-го уланских (полков).

Генерал Турно истощал себя в тщетных усилиях, чтобы удержать регулярную кавалерию и прикрыть отступление; едва мы вышли из деревни, как ужасный беспорядок охватил все войска, эскадроны левого крыла обратились в бегство...»

Кавалерийское дело под Миром стало хорошим предзнаменованием для русского воинства, в составе двух Западных армий (1-й и 2-й), отходивших от государственной границы к Смоленску. Генерал-лейтенант Н. Н. Раевский, чей пехотный корпус входил в состав багратионовских войск, 28 июня писал с бивака близ Несвижа: «...У нас вчерась первая была стычка. Три полка кавалерийских насунулись Платова. Платов их истребил. Начало прекрасное».

После виктории под Миром начальник штаба 2-й Западной армии генерал-адъютант граф Э. Сен-При в письме директору Особенной канцелярии военного министра Барклая де Толли полковнику

А. А. Закревскому сообщал: «Мы идем на Слуцк и успели, однако, дать пощечину полякам: 3-м уланским полкам, которые пожаловали к нам из Новогрудка вслед за нами. Платов их жестоко проучил и разбил их с одними казаками в прах. Начало хорошее, дай Бог и вперед...» Закревский фактически командовал в 1812 году русской военной разведкой.

Двухдневный бой, победный для русского оружия, имел такие последствия. Поражение польской легкой кавалерии под Миром приостановило движение сил Вестфальского короля Жерома Бонапарта на Несвиж, что позволило главнокомандующему 2-й Западной армии генералу от кавалерии князю П. И. Багратиону беспрепятственно продолжить движение на соединение с армией М. Б. Баркляя де Толли.

Платовский летучий корпус продолжал оставаться в арьергарде, обеспечивая и боковое охранение походного движения багратионовской армии. Казачьи партии вели разведку, отслеживая направленность вражеских действий. Происходили «малые дела», брались пленные, предавалось огню все то, что могло послужить неприятелю, прежде всего запасы фуража.

Новая виктория платовцев состоялась 2-го июля при местечке Романово Копыского уезда Могилевской губернии. Летучий казачий корпус атаковал здесь идущий в авангарде кавалерийского корпуса дивизионного генерала М. В. Латур-Мобура из группировки Жерома Бонапарта 1-й польский конно-егерский полк, разбил его и отступил за реку Меречь. Дело обстояло так.

После победного боя у Мира полки Платова 1-го июля отошли к Романово. Там донской атаман получил предписание князя П. И. Багратиона задержать неприятеля до 3-го числа. За это время армейцам предстояло отправить обозы и транспорты с ранеными и больными к городу Мозырю Минской губернии.

В тот же день Жером Бонапарт отдал приказ командиру 4-го корпуса кавалерийского резерва генералу Латур-Мобуру продолжить авангардное движение вперед и прорвать перед собой конную завесу из полков казачьих войск. Она продолжала скрывать для Наполеона и его полководцев расположение и силы 2-й русской Западной армии, не позволяя взять ее в кольцо окружения с последующим истреблением и пленением ее остатков.

Барон империи и будущий маркиз Латур-Мобур действовал достаточно решительно. На рассвете 2-го июля он выслал вперед от села Тимковичи 1-й конно-егерский полк, которым командовал полковник К. Пшебендовский, усиленный эскадрой 12-го уланского полка. Задача корпусного авангарда состояла в преследовании двух арьергардных казачьих полков, находившихся под общим командованием генерал-майора А. А. Карпова 2-го, и захвате в местечке Романово переправы через реку Морочь.

Карпов своевременно доложил корпусному командиру о действиях противной стороны, и Платов направил ему в подкрепление четыре Донских казачьих полка. (Казачий полк численно заметно уступал полку регулярной кавалерии.) Донцы после жаркой перестрелки решительно атаковали польскую кавалерию. В ходе боя конные егеря и уланы отразили несколько атак казаков, но подавленные их численным превосходством, начали в беспорядке отступать. Их бегство обратно до Тимковичей продолжалось 10 верст. Вблизи села преследователей встретил картечный огонь из двух орудий.

Под Романовом Красновский полк в числе других донских полков в числе победителей над польской кавалерией дивизионного генерала Виктора Николая Латур-Мобура оказался полк И. К. Краснова, наиболее отличившийся. 1-й конно-егерский полк полковника Пшепендовского поэскадронно расположился уступами правее дороги Тимковичи – Романово. Получив приказ атаковать русских, поляки не успели двинуться вперед, как на их флангах показались казаки, которых вел Краснов. Конные егеря смогли огнем из карабинов отразить первую их атаку.

Неудачными оказались вторая и третья атаки казаков: их отразили залповой ружейной пальбой. Но это не смутило платовцев. Дальше события в бою у Романова развивались так, как их описал забытый

сегодня военный историк А. А. Харькевич:

«...Они снова устремились вперед и бросились на фланги, в то время как клинообразная масса врезалась в центр.

Противник был встречен с прежним мужеством, но полк наконец был опрокинут и – трудно найти более подходящее выражение – увлечен...

Бегство продолжалось... не менее пяти верст до пехоты и до пушек...»

Донцы, ведя погоню под палящими лучами солнца по дороге и полям колосющейся ржи, «увлекли» в бегство и вставших на их пути польских улан. «Дорога и хлебные поля усеяны были трупами». В плен было взято 360 человек, в том числе 17 офицеров.

Атаман М. И. Платов, командир летучего казачьего корпуса, в своем донесении командующему 2-й русской Западной армии генералу от инфантерии П. И. Багратиону писал в донесении:

«3 июля 1812 года.

...Последнее дело сие после отражения артиллерийского огня неприятеля продолжалось более часу, и неприятель не выдержал нанесенного ему удара и оставил на месте довольно число убитых и отретировался назад к местечку Тимковичи. Затем наступила ночь...

В сем счастливом для нас деле... как при разбитии, так и при наступлении неприятеля, участвовали генерал-майоры Васильчаков, граф Воронцов, бывший безотлучно со мною среди сражения и под выстрелами артиллерии, Краснов 1-й, Иловайский 4-й и Карпов 2-й...

О прочих отличившихся в сем деле храбростью офицерах по собрании надлежащих сведений имею долг донести Вашему Сиятельству особым рапортом, равным образом об убитых и раненых с нашей стороны, которых, благодаря Богу, в рассуждении большого и упорного сражения сего, небольшое число...»

Прекратив погоню, казацки сотни быстро вернулись к местечку Романово, перешли реку Молочь и сожгли за собой мосты. Платов дальше действовал так: конные полки он расположил на флангах занимаемой позиции, то есть по берегу реки справа и слева от Романово. Сам населенный пункт был занят 5-м егерским полком. За ним на высотах встали на позицию 12 орудий донской артиллерии. Три полка регулярной кавалерии генерал-майора И. В. Васильчикова составили платовский резерв.

Неприятель подошел к реке Молочь у Романово в больших силах. Это были: 4-я (Польская) легкая кавалерийская дивизия генерала А. А. Рожнецкого, 24-я бригада легкой кавалерии бригадного генерала вестфальской службы Г. Г. Хаммерштейн-Экурда и 19-я (Польская) бригада легкой кавалерии генерала Т. Тышкевича. На боевую позицию была поставлена артиллерийская батарея.

Завязалась артиллерийская дуэль. Когда легкая конница корпуса Латур-Мобура спустилась с высот к самой реке, то ее встретил ружейный огонь с противоположного берега. Пока шла такая огневая перепалка, полки донских казаков на флангах несколько раз переходили Молочь, устраивали «демонстрации атак» и изо всех сил старались тревожить неприятеля. Дело закончилось тем, что командир 4-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии приказал своим полкам отойти от берега реки на дальность пушечного выстрела. Латур-Мобур понял, что форсировать Молочь у Романово ему не удастся.

Полки атамана М. И. Платова день 3-го июля простояли у Романово совершенно спокойно, но в готовности отразить любую вражескую попытку оказаться на их берегу. Конные дозоры посылались на берег противоположный, но тревог с собой они не приносили. С наступлением ночи Платов, как было ему предписано главнокомандующим 2-й Западной армии, начал походное движение к городу Слуцку, продолжая оставаться арьергардом багратионовских войск.

О точных потерях сторон в деле у Романово сведения не сохранились. Сам Платов свой урон в людях определил как «небольшое число». В действительности это, со всей вероятностью, так и было, если вспоминать урок двухдневного боя у Мира. По русским данным, поляки потеряли только пленными 310 нижних чинов и офицеров. Еще около 70 пленных, оказавшихся тяжелоранеными, казаки при уходе оставили в Романово. Большая часть пленных оказалась из состава 1-го конно-егерского полка, наголову разбитого утром 2-го июля.

Казачьи виктории при Мире и Романово в ходе отступления багратионовской 2-й Западной армии в считанные дни стали известны всему русскому воинству. На фоне безрадостного отхода войск в глубь России, да еще на московском направлении, такие победы не могли не вселять мужество в сердца армейцев, крепили их веру в то, что, будь завтра великая битва с Наполеоном, они «костями лягут на поле брани», но врагу не уступят. Описывая в своих «Записках», мемуарист А. П. Ермолов, подлинный герой «грозы 12-го года», заметил привычно кратко:

«Атаману генералу Платову представился первому случай 27 и 28 июля при местечке Мире и после при местечке Романове доказать польской коннице, что в нас сохранилась прежняя поверхность над поляками, казакам предоставлена честь возобновить в сердцах их сие чувство».

Арьергадные столкновения не утихали, порой грозя перерасти в большие и кровавые дела. 10-го июля полковник В. А. Сысоев, командовавший отрядом из 5 казачьих полков, доложил по команде, что он сбит «превосходными силами неприятеля» у деревни Дашковки Могилевского уезда с позиции. Но перед этим, 9-го июля, Сысоев отличился. Его казаки удачно атаковали 3-й конно-егерский полк, обратили неприятеля в бегство и преследовали бежавшего неприятеля почти до самого города Могилева, занятого французами. Дело обстояло так.

Тактическую грамотность полковник В. А. Сысоев 3-й показал, когда ему с тремя полками донских казаков приказали провести поиск (рейд) к городу Могилеву. Его передовой отряд выполнял приказ главнокомандующего 2-й русской Западной армии. Там состоялся нешуточный бой: французы, вставшие на пути донцов, обладали силами двух конно-егерских полков, двух батальонов линейной пехоты при двух орудиях.

Гарнизон Могилева состоял из внутреннего гарнизонного батальона (три роты инвалидов, 200–300 человек), усиленного рекрутами и выздоравливающими (804 человека), егерями двух запасных егерских батальонов и минерной ротой (396 человек), 24 казаками и 12 драгунами полиции. Французы имели превосходство в силах, и город взяли после ожесточенного боя. Поэтому генерал от инфантерии П. И. Багратион, узнав об этом, отправил к Могилеву передовой казачий отряд.

На второй день после этого боя к городу, к пригородному селению Дашковка и подошел сысоевский казачий отряд (пять полков, около двух тысяч всадников). Полковнику Сысоеву удалось при минимальных потерях в людях и лошадях задержать продвижение авангарда корпуса маршала Франции Л.-Н. Даву. Более того, казаки захватили в деле у Могилева в плен 9 офицеров и 206 рядовых.

Сысоев получил благодарность главнокомандующего 3-й Западной армией. Помимо этого Багратион приказал наградить участников схватки (у Дашковки) за город Могилев (он был оставлен французам): «выдать раненым по рублю, а прочим бывшим в действительном деле по пятидесяти копеек». Суворовский любимец «князь Петр» мог бы испросить для наиболее отличившихся казаков солдатских Георгиевских крестов (Знаков отличия Военного ордена), но в той ситуации такой возможности он не имел. Наградить же от себя решил всех участников победного конного боя.

В бою у Дашковки в плен к донцам попал командир разгромленного 3-го конно-егерского полка полковник Ж. С. Мишо де Сен-Марс. В Могилев ушли только остатки его полка. Появление

деморализованных конных егерей в городе произвело на императора Наполеона и его штаб-квартиру «неприятное положение»: такого от «жалких арабов Севера» Бонапарт никак не ожидал, поскольку его Великая армия все наступала и наступала.

Со своей стороны, князь Багратион оказался немало рад успеху казачьего отряда бесстрашного Сысоева, что и было отмечено в секретной переписке главнокомандующего. Одержанная у Дашковки виктория оказалась значима в тактическом плане и, что особенно было важно, морально.

О действиях казачьего отряда полковника В. А. Сысоева 3-го под городом Могилевом рассказано в мемуарах генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича-Эриванского, в 1812 году командира 26-й пехотной дивизии. То кавалерийское дело описано полководцем императора Николая I и царским наместником на Кавказе и в Польше так:

«...В Старом Быхове узнали, что неприятель занял уже Могилев. Впереди 7-го корпуса шел полковник Сысоев с тремя полками, то есть с 1 тыс. чел. казаков. Корпус подвинулся к Дашковке. Сысоев подходил к самому Могилеву и присоединил к себе полковника Грессера (Грессер А. И., командир саперного батальона. – *А.Ш.*) с командой в 300 чел., которого неприятель вытеснил из города. Грессер с начала кампании был в Борисове (там строилась на случай войны крепость. – *А.Ш.*) и отступил к Могилеву.

Сысоев, отходя, заманил за собою неприятеля. Кавалерия его и здесь сделала ту же ошибку, какую прежде делала против Платова. Лучший полк из авангарда Даву занесся. Сысоев его весь почти истребил, преследуя бегущих до самых ворот города и захватив до 300 пленных с их полковником.

Сысоев говорил, что ему приказано схватить язык. Он схватил их целый полк. У неприятеля в полку было до 800 чел. При нем находилось еще до 200 поляков. Итак, 1 тыс. чел. казаков истребила 1 тыс. чел. лучшей регулярной кавалерии французов.

От пленных узнали, что в Могилеве была дивизия пехоты и дивизия кавалерии и к вечеру ожидали еще часть другой пехотной дивизии...»

Корпусной командир генерал-лейтенант Н. Н. Раевский приказал полковнику Сысоеву отступить от Дашковки. Французы дошли до Новоселок и там остановились. То же самое сделали и казаки, отходившие на виду у неприятеля. Теперь они соединились с четырьмя батальонами пехоты, которые по приказу Раевского перекрыли дорогу у Новоселок.

После дела у Дашковки герцог Ауэрштадтский маршал Луи Никола Даву принял корпус генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского за авангард русской армии и стал ожидать генерального сражения, отойдя к главным силам Великой армии к Могилеву. Даву не понял своей грубой ошибки благодаря энергичным действиям донского атамана Матвея Платова, «появившегося со своими войсками у самых окопов Могилева». Эта ошибка помогла князю Багратиону, по сути дела, беспрепятственно продолжить походное движение к Смоленску.

Отряд полковника В. А. Сысоева 3-го входил в состав 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского. После дела под Могилевом войска багратионовской 2-й Западной армии оказались перед городом, который уже находился в руках французов. После кавалерийского дела, в котором казачья конница разбила авангардный полк регулярной кавалерии неприятеля, можно было ожидать какого-то затишья.

Однако 10 июля «переметчики» донесли князю П. И. Багратиону, что в Могилеве вражеских сил немного, всего тысяч 7—10, что было совсем не так: к городу Наполеон стягивал значительные числом войска. Обнадеженный такой ложной информацией Багратион решил провести усиленную рекогносцировку, атаковать французов и, в случае успеха, занять город. Такая задача была поставлена перед 7-м пехотным корпусом. Наступление началось рано утром 11 июля.

Дело под Салтановкой (первое линейное сражение 2-й Западной армии в Отечественную войну) «открылось» в тот день в девятом часу утра. Раевский приказал командиру 26-й пехотной дивизии генерал-майору И. Ф. Паскевичу, присоединив к себе все три казачьих полка и Ахтырский гусарский полк, идти неприятелю во фланг. Путь к Салтановке лежал через лес, который тянулся на всем пространстве до селения.

Паскевич, исполняя приказ корпусного начальника, взял с собой в качестве надежного проводника командовавшего казаками полковника Сысоева 3-го, который дрался с неприятелем «на тех же местах за три дня» перед этим. Тот повел пехоту по известной ему лесной тропинке (стрелкам пришлось пробираться между деревьев по три человека в ряд) и вывел дивизионный авангард к месту уже начавшегося боя. Сысоев помог командиру дивизии выстроить в линию на лесной опушке два батальона Орловского и Нижегородского полков, которые сразу же пошли в атаку... Маршал империи Даву потом признавался, что никогда не видел пехотного дела столь упорного.

В разыгравшемся бою у Салтановки по условиям местности обе стороны не могли активно использовать многотысячную кавалерию, и казачьим полкам, приданным 7-му пехотному корпусу 2-й Западной армии, пришлось ограничиться охраной флангов и участием в «усиленной рекогносцировке» позиций и сил противной стороны.

Перед началом этих событий князь П. И. Багратион отправил летучий казачий корпус к «его» 1-й Западной армии, поскольку имел свою иррегулярную конницу. К тому же он уступил настойчивым требованиям военного министра. Но когда дело зашло о сражении под Салтановкой, то князь Петр (так звал его А. В. Суворов) на почтовых лошадях догнал казачий корпус и лично уговорил Матвея Ивановича задержаться у него еще на день. Со своенравным атаманом Багратиону и начальнику его штаба Сен-При, французскому графу-эмигранту с чином генерал-лейтенанта русской армии, было трудно, но без платовского корпуса в предстоящем деле им было никак не обойтись.

Историки считают, что на тот день летучий казачий корпус, уходящий в ряды своей 1-й Западной армии, задачу содействия отходу другой русской армии выполнил. Поэтому Н. П. Михневич писал: «Успешные действия Багратиона основывались на превосходной разведывательной службе казаков Платова, которые давали ему всегда самые точные сведения о французах».

Отступление к Смоленску продолжалось. Князь Багратион приказал наводить мосты в Новом Быхове. Чтобы прикрыть движение 2-й Западной армии по этому направлению, командующий приказал атаману М. И. Платову (уже получившему повеление присоединиться к «своей» 1-й Западной армии) ночью перейти вброд Днепр у Верхалабова и с 12 легкоконными полками «показать вид атаки на город Могилев с противной стороны». После этого летучий казачий корпус должен был следовать на соединение с силами Баркляя де Толли в промежутке рек Днепра и Сожи.

Багратион и Платов продолжали сближение с 1-й Западной армией, совершая то маневр, то марш-бросок. Но при этом казаки не забывали о том, что вся тяжесть «скифской войны» лежит на их плечах. И они «трудились», как говорится, не покладая рук. Один из мемуаристов, участник Русского похода Бонапарта, в начале июля писал домой следующее:

«Там, куда мы приходим, все опустошено, как стаями саранчи, казаками, которые побывали здесь перед нами, а делать фуражировки на стороне мы не имеем времени. Мы еще не сражались, так как противник, с которым мы часто сближаемся на несколько сотен шагов, каждый раз отступает».

Нижний чин из полка французской линейной пехоты в письме домой сетовал на то, что противник использует «разрушительный принцип», что недостаточное и зачастую жалкое пропитание приводит к жалкому существованию солдат, и что по пути нас встречают только брошенные селянами деревни.

«Русские действовали против нас, как когда-то парфяне против римлян под командой их полководца Красса».

«Скифской войной» в исполнении казачьих партий еще в Литве обеспокоился сам император Наполеон. Он имел в Вильно встречу с посланцем Александра I министром полиции генерал-лейтенантом А. Д. Балашовым, который передал требование российского государя «вывести свои войска с русской территории». Бонапарт на той встрече сказал Балашову: «Сколько магазинов вы уже сожгли, и для чего? Или их вовсе не нужно было устраивать, или воспользоваться ими согласно с их назначением».

...Платовский летучий корпус действовал в составе сил 2-й Западной армии, неся на себе главную тяжесть арьергардных боев. Тем временем в таких же арьергардных столкновениях не раз отличались и казачьи полки, входившие в состав 1-й Западной армии генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли, который отступал к Смоленску по сходящимся с Багратионом направлениям. Отличились они и в деле под городом Витебском. События 15 июля там развивались так.

С рассветом французские войска тронулись от деревни Какувячино, от которой русские войска отступили 14 июля, к Витебску. Город оказался стратегически значим, стоя в том месте, где в Западную Двину впадали реки Витьба и Лучеса и где скрещиваются несколько важных дорог. Император Наполеон, как великий тактик, понял, что здесь надо сделать все, чтобы лишить армии Барклая де Толли и Багратиона возможности соединиться в скором времени.

В 4-м часу утра противники завязали перестрелку между собой. Скоро окрестности города оказались в огне. В тот день самому Бонапарту, который взял в свои руки ход сражения, пришлось увидеть в деле «степных ос» из донских степей. «Лейб-казаки первые ходили несколько раз в атаку. В одной из них, отборные донцы налетели на батарею, возле которой стоял Наполеон, и в конвое его произвели тревогу, что остановило неприятелей на некоторое время».

Под городом Витебском, на берегах Западной Двины Лейб-казачий полк генерал-адъютанта графа В. В. Орлова-Денисова снова продемонстрировал боевой настрой своих конных бойцов: их в той атаке не остановила даже вражеская батарея, которая вела огонь ближней картечью. Так что конвою императора Наполеона I, состоявшему из эскадронов гвардейской кавалерии (французов и поляков), пришлось поволноваться при виде казачьей лавы, ошестинившейся не одной сотней пик, с гиканьем набегавшей на батарейную позицию.

Когда 1-я Западная армия подходила к Витебску, то Барклай де Толли предписал генерал-адъютанту графу В. В. Орлову-Денисову с Лейб-казачьим полком отправиться за Западную Двину для наблюдения за неприятелем: «ему было приказано сведения о приближении его доставлять прямо в Витебск и отступать по той стороне реки».

Армия генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли беспрепятственно пришла в Витебск. Но одного казачьего полка, при всей его мобильности, для несения дальней дозорной службы оказалось маловато, поскольку французский авангард имел большие силы легкой кавалерии. Бывший тогда начальником штаба 1-й Западной армии А. П. Ермолов писал:

«Армия два уже дня покойно пребывала в Витебске, полагая, что граф Орлов-Денисов (за) благовременно предупредит о приближении неприятеля; но вероятно нехорошо расставлены были передовые посты и нерадиво делались разъезды, так что в трех верстах от нашего лагеря усмотрена неприятельская партия. Это побудило главнокомандующего послать навстречу неприятелю несколько полков конных при одном корпусе пехоты (4-м армейском генерал-лейтенанта А. И. Остермана-Толстого. – А.Ш.)».

Писатель-белоэмигрант П. Н. Краснов, рассказывая об истории Войска Донского, описал и этот эпизод

Отечественной войны 1812 года, связанный с казачьей гвардией. Речь шла о боях вокруг Витебска в начальный период войны:

«...В сражении под Витебском, 15 июля, когда граф Орлов-Денисов с лейб-казаками атаковал французскую конницу и опрокинул ее, четыре лейб-казака так увлеклись преследованием, что незаметно вскочили на французскую батарею, на которой стоял сам Наполеон. Их схватили в плен. Наполеон залюбовался удалцами, призвал их к себе, поговорил с ними и приказал угостить.

После обеда казаки стали говорить, что им очень жарко, и просили пойти прогуляться к реке. Конвойные согласились подойти к берегу. Только казаки подошли к реке, один из них сказал – «ну!»... И все поняли. Разом, как по команде, все четверо с крутого обрыва бросились к реке Двине, в воду, и поплыли. Конвойные открыли по ним огонь. Донцы, знай себе, плывут да ныряют, выплыли на тот берег и ушли к своим, только лошадей своих потеряли».

...Прикрывая дальнейший отход багратионовской армии, деятельный донской атаман и георгиевский кавалер Матвей Иванович Платов «наводнил казаками все окрестности Могилева, отчего Даву не мог получить сведений, куда девалась 2-я армия». Это была словно репетиция действий казачьей конницы по прикрытию Тарутинского флангового марш-маневра Главной русской армии генерал-фельдмаршала князя М. И. Голенищева-Кутузова.

После перехода Днепра летучий казачий корпус отделился от армии Багратиона и пошел на соединение со «своей» 1-й Западной армией. Атаман Платов за прошедший месяц войны получил от генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли несколько предписаний, которые в силу постоянно менявшейся тактической обстановки выполнить не мог. То есть он не мог оставить постоянно находившуюся под вражеским ударом армию князя Багратиона, легкая конница которой оказалась не в состоянии «вести боевую работу арьергарда».

Военный министр России Барклай де Толли слал «издалека» атаману Войска Донского ободряющие повеления, как, к примеру, следующие:

«Ныне предстоит в вас и храбром вашем корпусе еще большая надобность. Государь Император совершенно ведает готовность вашу подъять знаменитые труды для защиты Отечества, и 1-я армия с нетерпением ожидает появления храброго вашего войска».

«От быстроты соединения вашего зависит спокойствие сердца России и наступательные на врага действия».

«Я собрал войска на сегодняшний день в крепкой позиции у Витебска, где я, с помощью Всевышнего, приму неприятельскую атаку и дам генеральное сражение. В армии моей, однако же, недостает храброго вашего войска. Я с нетерпением ожидаю соединение оно со мною, от чего единственно зависит ныне совершенное поражение и истребление неприятеля, который намерен, по направлению из Борисова, Толочина и Орши, частью своих сил ворваться в Смоленск; потому настоятельно просил я князя Багратиона действовать на Оршу, а вас именем армии и Отечества прошу идти как можно скорее на соединение с моими войсками.

Я надеюсь, что вы удовлетворите нетерпению, с коим вас ожидаю, ибо вы и войска ваши никогда, сколько мне известно, не опаздывали случаев к победам и поражениям врагов».

Генералу от кавалерии М. И. Платову писал с той же настоятельной просьбой скорейшего соединения и начальник Главного штаба 1-й Западной армии генерал-майор А. П. Ермолов, с которым Матвей Иванович был давно дружен:

«Мы третьи сутки противостоим (у города Витебска. – А.Ш.) большой неприятельской армии. Сегодня

неизбежно главное сражение. Мы в таком положении, что и отступать невозможно без ужаснейшей опасности. Если вы придете, дела наши не только поправятся, но и примут совершенно выгодный вид. Спешите».

Платов получил это ермоловское письмо уже после того, как его летучий корпус переправился («перебрался») через Днепр. Атаман ответил начальнику Главного штаба своей армии тоже письмом, в котором подробно изложил ситуацию, в силу которой казачьему корпусу пришлось действовать, вернее – прорываться, чтобы соединиться с 1-й Западной армией:

«Я бы три раза мог соединиться с 1-ю армиею, хотя бы боем. Первый раз через Вилейку, другой раз через Минск, и, наконец, от Бобруйска мог пройти через Могилев, Шклов и Оршу, когда еще неприятель не занимал сих мест, но мне в начале, от Гродно еще, велено действовать на неприятеля во фланг, что я исполнял от 16-го июня по 23-е число; не довольно во фланг, другие части мои были и в тылу, когда маршал Даву находился при Вишневе, а потом я получил повеление непосредственно состоять под командою князя Багратиона.

Тогда, по повелению его прикрывал я 2-ю армию от Николаева, через Мир, Несвиж, Слуцк и Глуск до Бобруйска; ежедневно, если не формальною битвою, то перепалкою сохранял все обозы, а армия спокойно делала одни форсированные переходы до Бобруйска. Тут получил я повеление от Барклая де Толли следовать непременно к 1-й армии, о чем было предписано и князю Багратиону. Он меня отпустил весьма неохотно, оставив у себя 9 полков Донских и один Бугский.

Я пошел поспешно к Старому Быхову, минуя в ночь армию, шедшую к Могилеву, ибо я с войском, не доходя до Бобруйска за 20 верст, находился в арьергарде. Князь Багратион, нагнав меня почтою у самого Старого Быхова, 10-го числа, объявил, что будет иметь генеральное сражение с армиею Даву при Могилеве, и что я должен остаться на два дня, ибо-де сих резонов, за отдаленностью, Барклаю де Толли неизвестно было, что он меня оправдает перед начальством и даст на то мне повеление.

Тогда и я, сам посудя, принял в резон и остался. Вместо того, генерального дела не было, а была 11-го числа битва и довольно порядочная: и так я переправился через Днепр у монастыря Ворколабова 12-го числа».

Действия платовского летучего казачьего корпуса и самого атамана Войска Донского в начальный период Отечественной войны, то есть до соединения двух русских Западных армий у Смоленска, заслуживают самой высокой похвалы. Не случайно официальный по императорскому повелению историк «грозы 12-го года» генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский, сам участник той войны, отмечал в своем фундаментальном труде:

«Переписка Платова с Главнокомандующим и Начальником Главного штаба 1-й армии служит самым верным свидетельством, какое почетное, высокое место занимали Донцы в Отечественной войне.

Переправясь после окончания Могилевского дела через Днепр, Платов хотел идти на Бабиновичи, ибо не знал еще об отступлении 1-й армии от Витебска. Он направился на Чаусы и Горки, рассылая в разные стороны разъезды, которые, как рои пчел, кружась на всех тропинках, охватили все пространство между Могилевом и Оршою. В сих поисках истребили казаки много французских бродяг и команд. «Мои молодцы всюду их поражали», – писал Платов.

Из Горок пошел он на Дубровну, переправился там опять через Днепр, открыл сообщение с 1-ю армиею, и положением своим составил авангард всех соединившихся у Смоленска корпусов».

Действия платовского летучего корпуса, равно как и других казачьих отрядов 1-й и 2-й Западных армий, а также 3-й Обсервационной армии в западных губерниях Российской империи, имели одну особенность, о которой известно совсем мало, и еще меньше пишется о том. Дело в том, что там

проживало значительное число поляков, которые симпатий к России исторически не испытывали. Это, в первую очередь, относится к польской шляхте (помещикам) и «золотой молодежи», которая находилась в нескрываемом восторге от обещаний императора французов Наполеона I вернуть на политическую карту Европы Великую Польшу. Первым шагом к этому, как рассуждал «на публику» Бонапарт, стало создание Варшавского герцогства.

Однако венценосному стратегу Наполеону нужна была не огромная территориями Польская государственность, а иностранные контингенты из поляков, которые стали бы частью военной силы Французской империи. Как известно, завоевательные планы императора поражали воображение современников, и для реализации которых он сделал действительно многое. Поэтому польское население западных губерний России открыто приветствовало своих «освободителей» в лице наполеоновских войск. Так что казачьим отрядам, особенно при несении арьергардной службы, приходилось часто сталкиваться с враждебностью местных жителей из числа поляков. Инициаторами такой враждебности чаще всего являлись шляхтичи-помещики.

Примеров тому, пусть и мало значимых, история Отечественной войны знает немало. Случались они, естественно, чаще в начальный период Отечественной войны 1812 года, когда русская армия отступала к Москве, а внешние и внутренние враги России торжествовали от каждого шага вперед Великой армии императора Наполеона. В числе таких примеров значатся:

26 июня в местечке Кровы Виленской губернии «польские мятежники», напав внезапно, то есть предательски, убили двух казаков из полка Селиванова 2-го и одного ранили.

В той же губернии жители местечка Кайданово помешали казакам поджечь магазин овса и сена, а управляющий одного из имений пан Билинский, вооружив своих людей, захватил 55 русских солдат, которых отвел в Вильно. С началом войны польский помещик Кевнарский «с товарищами» создал отряд и захватил часть казачьего обоза.

В Гродненской губернии маршал Новогрудского повета Рдултовский сообщил Жерому Бонапарту о маршрутах движения 2-й русской Западной армии. Такие же сведения представили шляхтичи Дзеконьский и Юндзил. «Помещик Рефинович отбил у русских под Зельвой, в селе Вишневки 300 ружей, которые затем доставил в Гродно». «В районе Белицы русский офицер взят в плен по предательству жителей».

В Минской губернии 6 июля польские помещики Пузына и Сераковский приподнесли наполеоновскому маршалу Даву хлеб-соль. Под Пинском отряд шляхтича Твардовского захватил русский обоз, пленив двух офицеров и 80 нижних чинов. Польское население Борисова встретило французов как освободителей и для управления городом составило «временную комиссию» из пяти местных помещиков.

В Белостокском округе «шайки недоброжелательствующих нам поляков гнездились в Бельске и Ботках». «Для истребления сих скопищ разбойников по дистанции от Брест-Литовска до Белостока» армейское командование высылало несколько воинских, в том числе казачьих отрядов.

В Волынской губернии местные молодые люди из числа польской шляхты вели «непозволительные разговоры к вреду нашему и нам в брань». Здесь известны случаи, когда польские помещики захватывали православных священников, которые увозились в Польшу. Генерал Эртель был вынужден послать из Мозыря «для усмирения возникших недовольств и мятежа между жителями» воинский отряд, в состав которого вошли две гренадерские роты и 130 казаков из 3-го Бугского казачьего полка.

Этот отряд под командованием подполковника Кленовского вступил в Овруч «к устрашению самих местечных жителей, поступки коих казались весьма сомнительными в рассуждении приверженности их к России». Был взят под арест местный польский помещик Прушинский, «подвигавший на своеволие умы шляхты».

В городе Витебске отмечалось, что «во многих жителях видно много патриотизму польского». Это было лишь одно из донесений армейской разведки в начале июля 1812 года.

В Могилеве местный городской голова Груша и бургомистр Пушкаревич поднесли маршалу Даву на белом хлебе символические золотой и серебряный ключи от Могилева, после чего маршал произнес перед собравшимися речь, которая переводилась на польский язык. 15 августа, в день рождения императора Наполеона, было устроено большое торжество в кафедральной католической церкви. В Чаусах платовские казаки арестовали двух польских помещиков братьев Бугинских за то, что они «выставили в (местном) костеле польского орла». В Могилевской губернии «шайки изменников» заготавливали в большом количестве провиант для французской армии.

В Литве местное польское население участвовало в формировании так называемой армии княжества Литовского, хотя многие воинские части (полки) так и остались на бумаге. Так, в Купишках полковником графом Михаилом Тышкевичем формировался уланский полк, который насчитывал в своих рядах 1109 человек и 569 коней. В Вильно на собственные деньги Рудольф Тизенхауз сформировал конно-артиллерийскую роту в составе двух офицеров и 79 нижних чинов.

...В первые два месяца кампании 1812 года, как пишут многие мемуаристы, воевавшие в рядах Великой армии, французы встречали только безлюдные деревни и опустошенные поля. Один из таких мемуаристов, Лабом, штабной офицер корпуса итальянского вице-короля Эжена Богарне, с суровой обличительностью наполеоновского Русского похода пишет о том, «что все население бежало при нашем приближении, предоставляя свои жилища казакам, уничтожавшим все, чего они не могли унести с собой».

Лабом удивляется тому, насколько «превосходным порядком» отступала все дальше и дальше к Смоленску русская 1-я Западная армия генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли, мало что оставляя из провианта и фуража преследователям для их жизнеобеспечения. И что главной виной тому являются казаки, эти «степные осы» России, за которыми не могла угнаться даже испытанная легкая кавалерия императорской гвардии во главе с такими командирами, как дивизионные генералы Ф. А. Вальтер и Ш. Лефевр-Денуэтт.

К этому можно добавить, что для истории войн кавалеристы наполеоновской гвардии носили красивые названия: польские шеволежеры-улань – «поляки императора», голландские шеволежеры-улань – «красные уланы», конные гренадеры, конные егеря, мамелюки, элитные жандармы... Казаки же делились на донцов, уральцев, бугцев, орнбуржцев, черноморцев... Элитой казачества в «грозу 12-го» были лейб-казаки и атаманцы.

Действительно, было чему в первые два месяца войны удивляться не только корпусному штабному офицеру и его коллегам, но и самому Бонапарту и его блистательным маршалам Французской империи. Тактическая игра в «догоняйку» оказалась казакам и их полковникам в немалое удовольствие. Неприхотливые к походной жизни лошади из Задонских степей легко уходили от тяжеловесных коней вражеской кавалерии, взращенных на конезаводах Франции и Саксонии, Баварии и Пруссии, Гессена и Голландии...

...Отходя от Витебска, военный министр Барклай де Толли приказал атаману М. И. Платову «заслонить» движение 5-го и 6-го армейских корпусов, которым предписывалось идти «поспешнее», не ввязываясь в столкновения с преследователями. Платовские полки в который уже раз появились перед походными колоннами Великой армии в качестве подвижного «заслона» отступающих русских войск.

Перед этим начальник штаба 1-й Западной армии А. П. Ермолов отправил к Платову письмо с офицером и урядником 2-го Бугского казачьего полка. Они вовремя вернулись с ответом от донского атамана, сумев незаметно проскользнуть мимо французских аванпостов. Генерал от инфантерии

М. Б. Барклай де Толли награждал храбрецов повышением в чине.

Когда атаман М. И. Платов, находясь по дороге из Рудни в Смоленск, наконец-то установил непосредственную связь с 1-й Западной армией, то ее главнокомандующий Барклай де Толли, немало обрадованный возвращению летучего корпуса в ряды армейских сил, сразу поставил перед ним четыре боевые задачи:

Во-первых, немедленно войти «в сношение» с армейскими авангардами и действовать с ними совместно.

Во-вторых, сильным отрядом прикрыть левый фланг армии, взаимодействовать с отрядом генерал-майора Оленина и прикрывать дорогу Рудня – Смоленск – Холм.

В-третьих, прикрыть Холм сильным аванпостом. Там же должен находиться сам атаман с корпусным резервом.

И, в-четвертых, отрядить 4 казачьих полка с «отличным начальником» на дорогу из Поречья к Духовщине, по которой были отправлены армейские тяжести. Этому отряду (получившему на усиление Казанский драгунский полк) предписывалось вести активную разведку казачьими партиями действий неприятеля.

Военный министр России М. Б. Барклай де Толли 20 июля прозорливо отписал донскому атаману повеление о том, что война с Наполеоном принимает характер войны народной. И что такую войну обывателей с иноземным вторжением надо не только приветствовать, но и инициировать собственными силами:

«Как мы теперь находимся в местах отечественной России, то должно внушить обывателям, чтобы они старались хватать патрули и шатающихся по разным дорогам, где можно, чтобы их истребляли, и также ловили мародеров. Внушите жителям, что теперь дело идет об Отечестве, о Божьем Законе, о собственном имени, о спасении жен и детей».

17 июля летучий казачий корпус атамана Войска Донского М. И. Платова у Любавичей соединился с 1-й Западной армией Баркляя де Толли. Корпусному командиру было о чем доложить главнокомандующему, рассказать о прошедших боях, о состоянии и силах неприятеля, испросить награждения орденами, Георгиевскими крестами и чинами на отличившихся подчиненных. Речь не шла разве что о тяготах походной жизни на войне.

...Пока Западные армии генералов от инфантерии М. Б. Баркляя де Толли и П. И. Багратиона, отступая от самой границы, торили себе путь к Смоленску, 3-я русская армия – Обсервационная (Наблюдательная) под командованием генерала от кавалерии А. П. Торماسова прикрывала от неприятеля южное направление. Действовать ей довелось, в основном, против австрийских и саксонских войск, союзников французов.

Именно тормасовская армия одержала в Отечественной войне первую крупную победу русского оружия: была окружена и пленена саксонская бригада генерала Г. Х. Кленгеля в уездном городе Кобрине Гродненской губернии на реке Мухавец. За эту викторию главнокомандующий 3-й Обсервационной армией был пожалован полководческой наградой – орденом Святого Георгия 2-й степени и единовременно 50 тысячами рублей. В Санкт-Петербурге в честь этой победы прозвучал артиллерийский салют. Кобринское дело обстояло так.

Кобрин в самом начале войны был занят саксонской бригадой в составе 2 пехотных и одного уланского полков (свыше 2400 человек, 8 орудий). Тормасов, начав наступление от города Луцка, направил для очищения Кобрин от неприятеля два отряда – генералов К. О. Ламберта и А. Г. Щербатова. В состав

первого отряда входило 5 казачьих полков, в состав второго – один казачий полк.

Саксонцы, узнав о приближении русских, забаррикадировали въезды в город, приспособив к обороне каменные строения, монастырь и полуразрушенные Кобринские укрепления начала XVIII века. После начала атаки Кобрин егерским полком, реку Муховец перешел сводный конный отряд подполковника В. Д. Мадатова в составе эскадрона гусар, Башкирского полка и Донского казачьего полка Власова 2-го, занявший дорогу на Муховец. Отряд оттеснил заслон из саксонских улан, но в городском предместье был встречен сильным ружейным огнем пехоты, засевавшей в домах и городском рву. Тем временем к Кобрину подтянулись другие русские войска.

Саксонцы капитулировали после того, как расстреляли почти весь свой боезапас. Бригадный генерал Кленгель приказал прекратить сопротивление при виде того, как 13-й егерский полк русских пошел в штыковую атаку. В плен сдались почти две тысячи саксонцев. Казаки оказались среди героев Кобринского штурма, состоявшегося в день 15 июля.

...27-го июля атаман Платов имел новое удачное дело с неприятелем. В тот день поутру он не знал еще о перемене диспозиции: военный министр М. Б. Барклай де Толли отменил движение на Рудню и отдал приказ, который запоздал в летучий казачий корпус, о новом направлении движения 1-й Западной армии с выходом на пореченскую дорогу. Не уведомленный о том Платов, продолжил движение к Рудне. Когда казаки разъезды «открыли» при Молевом Болоте два французских гусарских полка, атаман в 5 часу утра неожиданно ударил им во фланг. Бой этот случился в Пореченском уезде Смоленской губернии на левом берегу реки Ольшанка у деревни Иньково (Инково).

Гусары обратились назад, но были подкреплены конницею и пехотным полком, наскоро высланными к ним из Рудни, где стояла 2-я легкая кавалерийская дивизия генерала О. Себастьяни, вовсе не помышлявшего о близости русских. Авангард летучего корпуса под начальством генерал-майора В. Т. Денисова (два полка) должен был отступить, но Платов (шесть полков, 12 орудий), подоспев к нему, восстановил бой.

Французы дрались упорно, подошли к самым орудиям донской батареи и ранили многих канониров пулями. Распорядительный Платов, имевший в своем распоряжении 7 полков, охватил ими неприятеля со всех сторон. Казаки смяли французов и гнали их две версты. Со стороны неприятеля боем руководил командир 2-го корпуса кавалерийского резерва генерал Л. П. Монбрен, который, посчитав силы русских значительными (что не соответствовало действительности), приказал отступать.

У победителей отличился Донской казачий полк подполковника К. И. Харитонова, который ударил в дротики по французам, атаковавшим русскую батарею, во фланг и спас шесть орудий. Рота вольтижеров из 24-го легкого линейного полка оказалась взятой в плен. После этого казаки Харитонова повели преследование 3-го Вюртембергского конно-егерского полка, пленив его командира полковника Вальдбург-Вюрцаха. В ходе боя отличился отряд из 200 башкирских всадников, которым командовал поручик Жилин.

Французскую кавалерию не спасла от разгрома и подоспевшая к Иньково 16-я пехотная бригада генерала Ж. Сюберви. Ее прусский полк не позволил казакам захватить дефиле на левом фланге. Однако на другом фланге атакующая казачья бригада (три полка) генерал-майора Д. Е. Кутейникова «опрокинула неприятеля и прогнала до пехоты, подкреплявшей кавалерию».

Между тем к месту боя к 12 часам дня подоспел с отрядом из трех гусарских полков при 6 орудиях генерал-майор граф Петр Пален, которому Платов поручил дальнейшее преследование; французы обратились к Рудне, где была их пехота. Граф Пален шел за бежавшим неприятелем 8 верст и остановился, когда французская артиллерия у деревни Залозье в 5 верстах от Рудни открыла по нему огонь. Бой

закончился тем, что в 16 часов неприятель отошел за реку Малая Березина. Поздно вечером гусарские полки Палена отошли назад.

В плен у французов было взято 10 офицеров и более 300 нижних чинов. Общие потери дивизии генерала Себастьяни исчислялись в 600 человек. У победителей погиб подполковник Мельников, командир казачьего полка. «Неприятель пардона не просил», писал М. И. Платов, «а российские войска были разъярены, кололи и били его». Атаман Войска Донского заключил свое донесение главнокомандующему 1-й Западной армией следующими словами:

«Необыкновенный образ войны, употребляемый французами, приличен одним только варварам. Мало того, что они грабят селения, помещичьи дома, бьют жителей, насильничают жен их и дочерей, со священническим саном поступают немилосердно, истязают и выпытывают от них денег, но и самые святые православные церкви не избегают неистовства французов; святые сосуды и утварь разграбляются.

В селе Инкове, в церкви, на вынесенных святых образах французские солдаты мыли и развешивали нижнее исподнее платье. Не благоугодно ли будет сей истинно описанный образ войны неприятеля нашего поставить на вид и в известие всему Отечеству? Подобное извещение воздвигнет в сердце каждого праведное рвение к мщению и ревность к учинению всяких жертвований, дабы изгнать из пределов Отечества жестокосердного и несправедливого неприятеля».

Взятые платовскими казаками пленные показали, что император Наполеон с главными силами Великой армии находится на Пореченской дороге. В селении Молево Болото, в доме, где стоял генерал Себастьяни, нашлись штабные бумаги, которые он в суматохе бегства забыл и не успел увезти. Из них стало ясно, что французы, узнав о движении больших сил русских на Рудню, «потянули» большую часть своих войск к Поречью. Для генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли это стало ценнейшей информацией, менявшей оперативную ситуацию.

В память о славном деле платовского летучего казачьего корпуса и русских гусар близ Иньково в 1912 году, когда по всей России праздновалось 100-летие Отечественной войны 1812 года, был установлен гранитный обелиск. В историю «грозы 12-го года» Иньковский бой вошел еще и как дело при Молевом Болоте.

Атаман Платов, чей летучий корпус на время был подкреплён авангардом войск генерала графа П. П. Палена, встретил при селении Лешне сильный отряд французской конницы (из 2-й дивизии легкой кавалерии генерала Себастьяни), разбил его в скоротечном бою и преследовал до самой Рудни, которую неприятель заблаговременно оставил.

В том бою в плен к казакам попали один израненный полковник, несколько офицеров и до 500 нижних чинов. При полковнике оказались ценные документы, а сам он сообщил, что французы о приближении русской конницы не имели известий, и потому генерал Себастьяни не сделал никаких боевых распоряжений. Это было лишь подтверждением того, насколько «непрозрачной» смотрелась неприятелем арьергардная казачья завеса над походными маршрутами 1-й и 2-й Западных армий.

Пленный под казачьим конвоем был доставлен к великому князю Константину Павловичу, младшему брату императора Александра I, находившемуся при действующей армии. Тот принял француза, которого в Россию никто не звал, с «чрезвычайной деликатностью и сделал ему вспомоществование», то есть одарил энной суммой карманных денег для безбедного пребывания в русском плену. Шансы выжить в нем у кавалериста с полковничьими эполетами были реальные, поскольку в плен его брали не в стужу на заснеженной столбовой Смоленской дороге.

Новым делом донских казаков стал бой 2-го августа у города Красный перед Смоленском, стоявшим на дороге в Оршу. Красный оказался причастен к событиям известного Смоленского маневра Великой

армии, предпринятого императором Наполеоном с целью захвата древнего русского города-крепости на Днепре. Во второй период Отечественной войны Красный станет одним из символов гибели Великой войны.

27-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Д. П. Неверовского получила задачу «наблюдать» (прикрывать) Оршанскую и Мстиславльскую дорогу, «держась в Красном сколько можно долее». Пехотную дивизию подкрепили Харьковским драгунским и тремя казачьими полками – Быхалова 1-го, Комиссарова 1-го и Грекова 21-го, двумя орудиями донской артиллерии. Такое воинское соединение получило название «левого бокового обсервационного корпуса».

Неверовский выслал навстречу неприятелю казачьи разъезды. 2 августа они донесли, что к Лядам по столбовой Оршанской дороге приближаются значительные колонны французских войск, в голове которых шла конница. Вскоре в Красный прискакали новые казачьи вестники с донесением, что враг «валом валит». Это был авангард (3-й корпус кавалерийского резерва генерала Э. Груши) маршала Иоахима Мюрата, который, завидя противника в Красном, приказал взять городок на столбовой дороге в кольцо и захватить там «верную добычу».

Получилось так, что 27-я пехотная дивизия генерала Неверовского столкнулась с французами на марше у Красного. Тогда Неверовский прикрывался со стороны города егерской бригадой, а сам с остальными полками занял позицию в трех верстах за городом. Уже зная точно, что в авангарде неприятеля идет многочисленная кавалерия (примерно 15 тысяч человек), командир дивизии прикрывал артиллерию Харьковским драгунским полком, а на правом фланге поставил Донской казачий полк (или два?), который имел немногим более половины своего 5-сотенного штатного состава. Для Неверовского в той ситуации бой оказался вынужденным. Полковник Греков был отправлен с полком назад для «очищения дороги».

Перестрелка с подошедшей кавалерией Груши началась в два часа дня. Завязался упорный бой. Французы стали одерживать верх после того, как нашли броды севернее и южнее города на реке Свиная, и вскоре перед позицией Неверовского оказались значительные силы неприятеля. Бой у Красного с самого начала стал складываться не в пользу русской стороны. Она уступала неприятелю буквально во всем: в числе сражающихся, в числе орудийных стволов, в числе кавалерии.

Наполеоновцы «превосходными силами» атаковали батарейное прикрытие и сбили с позиции харьковских драгун. Французы захватили пять орудий, но семи остальным орудийным расчетам удалось уйти по Смоленской дороге. Затем массированный удар вражеской кавалерии пришелся по казакам. В итоге конной схватки («сшибки») малочисленные донцы, не выдержав накала натиска, тоже отошли назад, не покидая, однако, поля боя. После этого последовала сильная атака с фронта на пехоту Неверовского. Полтавский пехотный полк первую атаку отразил, в чем ему помогли деревья и рвы у дороги...

Дивизия Неверовского с боем отступила по дороге в сторону Смоленска, оставив перед собой в селе Корытня казачий заслон. Маршал империи Иоахим Мюрат, он же Неаполитанский король, после боя у Красного признал, что «никогда не видел большей неустрашимости со стороны неприятеля». Считается, что Красненское дело 2 августа задержало на сутки продвижение авангарда Великой армии к Смоленску.

Русские 1-я и 2-я Западные армии продолжали отходить к Смоленску, чтобы там соединиться. Наполеон предпринимал все, чтобы помешать этому. Императору французов в том замысле мешали «жаркие арабы севера». Они отслеживали движения корпусов Великой армии и не давали незванным гостям «расползаться» малыми командами от походных маршрутов. «Малая война» же только начиналась.

В ходе отступления 1-я Западная армия вступила в Поречье. Здесь военный министр России

М. Б. Барклай де Толли приказал «составить ополчение». Оно, «худо вооруженное», вместе с несколькими резервными эскадронами и запасной артиллерией составило отряд под командованием генерал-майора Оленина, недавно возвращенного из отставки «в службу». Отряд, получив на усиление из состава летучего казачьего корпуса один полк, занял позицию за городом Красным у селения Ляд. Отсюда в западном направлении казахи разъезды денно и ночью стерегли приближающегося врага.

Отступающая 1-я Западная армия вышла к селению Мощинки, находившемуся в 18 верстах от Смоленска. Летучий казачий корпус своим левым крылом занял селение Иньково и «протянулся» до селения Вороны.

Отсюда атаман Платов начал «прощупывать» расположение вражеских авангардных сил. Одна из посланных им казачьих партий лихо ворвалась в Поречье, но опомнившиеся от такой дерзости русских, французы выбили их из городка. Впрочем, те и не упорствовали в бою на городских улочках, поскольку разведывательная информация о расположении больших сил неприятеля ими была уже добыта. Причем самая достоверная, да еще подтвержденная взятыми «языками» из разнородных вражеских полков.

Армия Барклая де Толли в главных силах отошла от Смоленска, придя в селение Гаврики. Там находился армейский авангард, которым командовал генерал-лейтенант Васильчиков. Войска 2-й Западной армии находились уже на втором переходе от Смоленска. Главнокомандующие армий решили не оборонять город, а продолжить отход на восход солнца, то есть к Москве, продолжая воплощать в жизнь «скифский план».

В день прибытия главных сил 1-й Западной армии в Гаврики летучий казачий корпус сделал усиленный переход от села Холма до села Инькова. Не останавливаясь в его округе, полки Платова вышли вперед авангарда Васильчикова и «открыли» Рудню, то есть заняли ее. Неприятеля там не оказалось: по показаниям местных жителей, французы уже как полтора дня назад оставили городок и у села Расасни переправились на противоположный берег Днепра. Передовые посты армейского авангарда об этом не знали, что вызывало осознанную тревогу.

Донской атаман обеспокоился такой ситуацией: следовало знать, где находятся передовые войска неприятеля. В разные стороны были высланы сильные казачьи разъезды. Один из них достиг хвост большой вражеской колонны, идущей к Расасне. Другая разведывательная партия платовцев спустилась по правому берегу речки (еще не реки) Березины к Днепру, но французы уже ушли из этих мест.

Собрав такие сведения, атаман Платов послал с надежным вестником донесение военному министру Барклаю де Толли. Разведывательная информация встревожила главнокомандующего и начальника армейского штаба А. П. Ермолова. Сам же Платов с полками расположился в Рудне, ожидая дальнейших приказаний. Стало ясно, что наполеоновские маршалы пошли на Смоленск, в котором еще находилась часть русских войск. Незамедлительно сперва 2-я Западная армия, а затем и 1-я Западная армия повернули к Смоленску. Теперь сражение за древний русский город-крепость на Днестре стало неизбежным.

Одновременно Барклаю де Толли пришло донесение от генерал-майора Д. П. Неверовского, арьергардные войска которого у Красного император Наполеон атаковал большими силами, и тот теперь отходил к Смоленску. Было ясно, что под крепостными стенами Смоленска предстоит большое сражение главных сил обеих сторон.

Атаман Платов, стянув к корпусной штаб-квартире ранее высланные партии, расположился на дороге к Смоленску, прикрывшись сторожевыми дозорами со стороны неприятеля. Полки летучего корпуса стояли в готовности немедленно выступить по первому атаманскому слову. Но было ясно, что казахи полки в город вводиться не будут, задача им могла быть только иной.

Начальник армейского штаба генерал-майор А. П. Ермолов приказал ротмистру Чеченскому,

известному своей храбростью, выбрать «охотников» из конвойной команды армейского штаба от 2-го Бугского казачьего полка и отправиться на левый берег Днепра, чтобы «осмотреть на марше силы неприятельские».

В ходе Смоленского сражения казачьи полки русских Западных армий большей частью находились на днепровском левобережье, «не выпуская из глаз неприятеля». Наполеон, обладая превосходством в силах и многотысячной кавалерией, мог в те дни совершить обходной маневр и, нащупав броды через Днепр севернее и южнее города, попытаться взять противника в клещи. Поэтому так важно было уследить за возможными действиями отдельных корпусов Великой армии, уловить начальный момент их маневров отследить последующее движение.

...Когда главные силы Великой армии подходили к предместьям города-крепости Смоленска, передовой отряд 3-го корпуса маршала Мишеля Нея всего в полуверсте от желанной цели подвергся внезапному нападению засадного отряда казаков в 700–800 всадников. Свидетелем этого боя оказался мемуарист барон Деннье. Он пишет, что казаки находились «под прикрытием земли и хвороста» и что они атаковали с криками «ура!» цепь французских стрелков, в рядах которых находился сам бесстрашный маршал (он же герцог Эльхингенский) и генерал Коленкур.

Атакующие из засады казаки смяли и обратили в бегство неприятельскую кавалерию, сумев на какое-то время окружить Нея и Коленкура с каким-то числом стрелков. Барон Деннье пишет, что казачья пуля, пущенная на скаку прямо в упор в герцога с маршалскими эполетами, пробила ему воротник мундира.

Трудно сказать, чем бы закончилась эта схватка на виду у Смоленска. Но на выручку корпусному командиру вовремя подоспела легкая кавалерийская бригада генерала Домандже (Ж. С. Домона. – А.Ш.), оказавшаяся поблизости. Нападавшим казакам пришлось уходить из-под удара к Смоленску, погоня за ними успеха не имела. Мемуарист делает вывод, что именно тогда маршал Мишель Ней убедился, что русские твердо намерены защищать свой древний город на Днестре.

Во время расположения 1-й Западной армии в Смоленске (после соединения с багратионовской армией) казачьи войска атамана Матвея Платова, подкрепленные одним гусарским и двумя егерскими полками, находились в 15 верстах от города по дороге на Рудню. То есть стерегли город с северо-западной стороны Смоленщины. Платов приказал выдвинуть далеко вперед казачьи партии, прикрыв ими и проселочные дороги, выходявшие на дорогу Рудня – Смоленск. Участвовать в боях за сам город казакам не довелось.

Смоленск был оставлен. Бонапарт дорого заплатил за обладание городом, который выгорел у него на глазах, будучи оставлен жителями. Армии Барклая де Толли и Багратиона начали отход на московском направлении. Последними от Смоленска отходили три донских казачьих полка генерал-майора А. А. Карпова 2-го. Составив армейский арьергард, донцы повели «слабую перестрелку» с неприятелем, который вперед пока не подавался, действуя только авангардной кавалерией.

Когда император французов приказал Великой армии главными силами перейти Днепр, казачьи разъезды Карпова сразу же дали знать тревожную весть: «неприятель употребил все усилия по большой почтовой дороге», то есть по Старой Смоленской дороге, ставшей «главной» в истории Отечественной войны 1812 года. По ней война прокатилась туда и обратно. И полита она казачьей кровью была обильно.

...Соединение двух, 1-й и 2-й, Западных армий у Смоленска, бесспорно, являлось крупной стратегической удачей русского командования, равно как и серьезной стратегической неудачей венценосного полководца Наполеона. Ему пришлось окончательно расстаться с планами истребления сил разобщенного противника по одиночке. В том, что соединению армий генералов от инфантерии военного министра М. Б. Барклая де Толли и князя П. И. Багратиона во многом способствовали неординарные

действия платовского летучего корпуса, у серьезных исследователей военных событий 1812 года сомнений и разногласий нет.

Более того, так же думали и современники. Известно, что при дворе и в окружении императора Александра I именно генералу от кавалерии М. И. Платову приписывали исключительную роль в соединении военной силы России под городом Смоленском. Но здесь надо заметить, что на это соединение даровито поработали и именитые полководцы Михаил Богданович Барклай де Толли и Петр Иванович Багратион. То есть умалять в той странице войны значимые заслуги этих двух личностей было бы большой несправедливостью, равно как умалять и действительные заслуги донского атамана.

О роли его под Смоленском писали и докладывали в свои столицы и иностранные дипломаты, аккредитованные в российской столице. Можно сказать, что они тиражировали мнение императорского двора, мнение и военной части окружения монарха. Иначе говоря, имя атамана-«вихря» Матвея Платова в тот год было действительно у всех, как говорится, на слуху.

Французы были наслышаны о нем, уже многими из них виденном на поле боя, не меньше, чем русские (в том числе и, разумеется, казаки) о маршале империи Иохиме Мюрате, кавалерийском полководце императора Наполеона, сыне трактирщика, одаренного Бонапартом титулом Неаполитанского короля. Когда создатель Французской империи говорил не без презрения о «жалких арабах Севера», то слушавшие его адъютанты, маршалы и штабисты понимали под этими словами именно атамана Платова, неутомимо истреблявшего по кусочкам Великую армию до тех пор, пока она не стала называться таковой.

Так, посол Сардинского королевства граф Жозеф де Местр, бывший тогда к российскому императору близким человеком из когорты иностранных посланников и потому хорошо информированным дипломатом, писал в августе 1812 года об успешном для русских деле под Смоленском следующее:

«...Главная честь сего принадлежит (гетману казаков) генералу Платову, который успел уже оказать выдающиеся заслуги в сей войне».

Знал ли донского атамана лично Бонапарт? Лично знал и зрил император французов Матвея Ивановича с 1807 года, познакомившись с ним по своей монаршей просьбе к Александру I в Тильзите. Наполеону очень хотелось увидеть воочию предводителя «степных ос», воевавшего не по-европейски, доставившего ему и маршалам Франции столько тревог и боевых утрат.

То тильзитское дело обстояло так. По случаю мирного окончания Русско-пруско-французской войны 1806–1807 годов стороны в лице двух державных монархов устраивали встречи, торжественные застолья, взаимные награждения, смотр войск, представления друг другу своих военачальников, которыми каждый из них был вправе гордиться.

На одном из таких воинских праздников Наполеон заговорил с представленным ему донским атаманом. Император сказал тогда Платову, более чем внимательно приглядываясь к нему, что много наслышан о том, как русский кавалерийский генерал великолепно стреляет из лука, о котором в армиях Европы давно забыли, а вот в России казаки, башкиры и калмыки считают лук со стрелами «не уходящим» в историю оружием. Император французов попросил казачьего военного вождя продемонстрировать ему и свите свое боевое искусство.

Платов удовлетворил желание венценосного полководца из разряда врагов России. Ему быстро доставили его родовой богато украшенный лук, которым Матвей Иванович очень дорожил. В присутствии Наполеона и Александра I он пустил несколько стрел в специально устроенную по такому случаю мишень. Бонапарт был очень удивлен меткостью лучника и силой ударов оперенных стрел с калеными наконечниками. Он лично убедился, что стрела может поражать людей не менее опасно, чем свинцовая шаровидная пуля.

Бонапарт подарил Платову дорогую табакерку, что тогда было высокой наградой и заносилось в личный формуляр военного человека наравне с орденскими, денежными награждениями и пожалованием наградным оружием, пенсиона или имения. Матвей Иванович сдержанно поблагодарил монарха Франции и сделал ответное дарение: он отдал Бонапарту приглянувшийся тому свой боевой лук. Тот эпизод из праздников на берегах Немана в Тильзите стал достоянием истории отношений России с Францией.

Великая армия, оставив Смоленск, двигалась по столбовой Смоленской дороге к Москве. Это время Русского похода французские мемуаристы все чаще связывают со все возрастающим чувством голода в рядах наполеоновских войск: «редкость» нахождения съестных припасов близ дороги стала для них привычной картиной. Они, словно сговорившись, винят во всем казаков, которые вели «скифскую войну».

Ее иррегулярная конница вела не в одиночестве. К слову говоря, в ходе Отечественной войны М. И. Платову, как военному вождю русского казачества, приходилось едва ли не постоянно командовать легкой егерской пехотой, полки которой не раз усиливали боевую силу летучего корпуса и в его арьергардной службе, и в авангардной. Егеря тоже стали участниками «скифской войны» против французов.

Поэтому у Матвея Ивановича сложились самые добрые отношения и полное взаимопонимание с командирами егерей. В ту войну егерские роты и батальоны часто являли собой образ «ездящей пехоты», поскольку часто, при марш-бросках, донской атаман приказывал казакам брать на своих коней второго всадника, то есть пешего стрелка.

Батальонный командир 1-го егерского полка Михаил Петров, вспоминая в своих мемуарах о пути, проделанном его егерской бригадой в рядах багратионовской 2-й Западной армии от черты государственной границы до подступов к Смоленску, высказал искреннюю благодарность однополчан атаману Платову и его казакам:

«Присоединяясь у Столбцов к армии князя Багратиона и перейдя чрез Бобруйск к Старому Быхову на Днепр, мы маневрировали одним нашим Егерским полком с атаманом Платовым при его 20 казачьих – Донских, Уральских, Татарских, Калмыцких и Башкирских – полках, у 16 орудий Донской артиллерии его около Могилева, Копыса, Орши, Любавичей и Рудни до Бабинович и Поречья. По этим местам мы пропасть полей и перелогов исплутали, не имея нигде и в намеке военных дел, oprичь кое-где пошлых казачьих «чу и гиков».

Спасибо еще нашему атаманушке батюшке Матвею Ивановичу, что он в чрезвычайных движениях этих давал нашему полку два Башкирских полка возить: ранцы, шанцевые инструменты и заслabeledых егерей; а без того все они, не рожденные быть конями, сгнули бы в отделку от беготни по извилистым тропам героев донских».

Егерский офицер М. М. Петров вспоминал и о том, как на дороге от Рудни к Смоленску его полку был устроен смотр, который проводил полковой шеф наследный принц герцог Август Голштейн-Ольденбургский. Он остался доволен состоянием и бравым видом полка, который носил его шефское имя, «выдержавшего все перетурки казачьей войны без повреждений порядка регулярной службы воинов».

После оставления Смоленска атаман М. И. Платов получил приказ Баркляя де Толли «составить цепь отрядов» от Смоленска к Поречью и Духовщине, а у переправы через Днепр у Соловьевой «все казачьи отряды совокупить вместе и составить массу, которую можно было бы употреблять во все стороны». То есть вновь собрать воедино летучий казачий корпус. Часть его полков передавалась в арьергардные колонны.

Высланные в сторону Смоленска разъезды казаков генерал-майора А. А. Карпова 2-го донесли, что французы продолжают строить мост через Днепр у Прудичева. Это донесение подтвердил и приведенный

«французский переметчик», который дополнил донесение словами, что мост строят пионеры (саперы) 8-го армейского корпуса генерал-полковника гусар Ж. А. Жюно. Тогда к Днепру была послана казачья партия «открывать движение Жюно», то есть отслеживать его действия после перехода через Днепр.

...Казачья конница участвовала в деле у Лубино, где русскими войсками командовал граф В. В. Орлов-Денисов. Он прикрыл свою позицию на правом фланге пятью казачьими полками и двумя эскадронами Изюмского гусарского полка. Когда французские линии перешли в наступательное движение, Орлов-Денисов послал в бой Мариупольский гусарский полк и казаков. Их атака привела к полному успеху, «пехоту французскую изрубили на месте».

Но маршал империи Иоахим Мюрат в бою у Лубино продолжал упорствовать, добывая себе и императору новую викторию в Русском походе Бонапарта. Его не остановило даже то, что Орлов-Денисов своими искусными действиями отразил все попытки французов «дебушировать» из леса в обход левого фланга русских войск...

Схватка у Лубино стала финальной частью боя 7 августа, который вошел в историю Отечественной войны под названием боя в шести верстах к востоку от Смоленска у Валутиной Горы (или при Лубино, при Гедеонове, при Заболотье, как писано в ряде исторических трудов). Потери французов оказались в тот жаркий августовский день в полтора раза больше, чем у его противника.

В бою у Валутиной Горы отличились и три казачьих полка генерал-майора А. А. Карпова 2-го, которые входили в состав сводного авангардного отряда генерал-майора А. А. Тучкова 4-го и занимали место на правом крыле. Казаки «сторожили» брод через Днепр у местечка Прудышево, «наблюдали» движение 8-го армейского корпуса дивизионного генерала герцога Ж. А. Жюно. Они же участвовали в частых перестрелках с авангардной кавалерией неприятеля.

Сложностей в последнем деле у казачьих разъездов особо не было: корпус Жюно, выходя к Смоленску, заблудился в лесу и при Валутиной Горе активности не проявлял. Последнее историками объясняется тем, герцог д'Абрантес после тяжелого пулевого ранения в голову вел себя в Русском походе странно и в следующем году окончательно потерял рассудок.

После дела у Валутиной Горы 1-я Западная армия Баркляя де Толли вышла на Московскую дорогу, пока еще не соединяясь с главными силами багратионовской 2-й Западной армией. Но это было дело всего нескольких дней. Для императора Наполеона стало окончательно ясно, что его военная кампания 1812 года приобрела затяжной характер без видимости ясной перспективы дальнейшего хода событий.

8 августа полкам летучего корпуса и особенно донской артиллерии пришлось вести упорный бой с неприятелем у Соловьевой переправы через Днепр, по которой на противоположный берег реки переходили войска Баркляя де Толли. Прикрытие для них оказалось надежным и эффективным, благодаря полкам казачьих генералов А. А. Карпова 2-го и Д. Е. Кутейникова 2-го. Передовые бригады и дивизии Великой армии вышли к важной для себя переправе сразу в больших силах, но захватить ее не успели.

«...Авангард его (Наполеона), два дня не тревоживший русской армии, подошел к Соловьеву, когда мосты были сняты и последние казаки переходили вброд через Днепр.

Французы бросились преследовать донцов, но Платов удержал неприятеля батареями с левого берега Днепра. Французы приблизились в силах к реке, выдвинули батареи и под их прикрытием начали строить мосты.

Платов отступил к Михалевке, где после полудня 10-го августа завязалось жаркое арьергардное дело, продолжавшееся до вечера. Неприятель был удержан. Следующий день прошел без кровопролития...»

Платов удерживал Соловьеву переправу до последней возможности и отошел только с получением

на то распоряжения. Вдоль берега были рассыпаны стрелки четырех егерских полков. Атаману пришлось разбить донскую артиллерию на отдельные батареи, которыми командовали есаулы Андреев и И. И. Кирпичев, сотники И. Я. Богаевский и Кульгачев, хорунжие Андреев и Ребриков.

Последними через Соловьеву переправу, через которую мосты были уже уничтожены, перешли казаки. Когда преследовавшая их по пятам вражеская кавалерия устремилась на противоположный берег, то была встречена у уреза воды пушечной картечью и ружейными пулями егерей. Казачьи батареи «защищали переправу искусными выстрелами и, смешав огнем своих орудий неприятельские колонны, принудили их удалиться от берега».

Арьергард атамана М. И. Платова у Михалевки вел бой с авангардом кавалерии маршала И. Мюрата. Вражеская легкая кавалерия, обеспеченная артиллерийской поддержкой, несколько раз ходила в атаки, чтобы сбить казачьи полки с позиции. Угрозы обойти ее с флангов успешного продолжения не имели. Так прошла большая часть дня 10-го августа.

На рассвете следующего дня неприятель, прикрывшись батареями, стал наводить через Днепр понтонный мост. В 6 часов утра спешенные казаки полков Иловайского 5-го завязали жаркую перестрелку с французской кавалерией и пехотой. 1-й Башкирский полк был употреблен для перевозки на своих лошадях, отставших от армейских колонн пехотных солдат.

После этого дела платовский арьергард отступил к деревне Михайловке. Здесь под вечер разыгрался поучительный бой: «казачьи стрелки», отходившие последними, заманили преследователей к опушке леса, где французов встретили ближним картечным огнем (то есть выстрелами в упор) два скрытых донских орудия, поставленных у разрушенного моста. Бой у Михайловки получил «сильное» продолжение после того, как стороны ввели в дело значительные силы пехоты.

Донской атаман М. И. Платов в своем донесении генерал-майору А. П. Ермолову, начальнику штаба 1-й Западной армии, о закончившемся бое написал: «С самого утра не было и часу свободного весь день, чтобы неприятель не наступал на арьергард самым наглым образом».

Платовские казаки, отступая дальше весь путь от Михайловки до села Усвятья, вели жаркие перестрелки с преследователями. Отличились стрелки Донского казачьего полка М. Г. Власова 3-го и Симферопольский конно-татарский Харитонов 7-го. В тех арьергардных схватках был эпизод, когда французская батарея, окруженная русской конницей, была спасена прусским гусарским полком. Тем временем войска Баркляя де Толли располагались на правом берегу реки Ужи возле Усвятья.

13 августа русский арьергард у смоленского города Дорогобужа, стоящего на берегу Днепра, имел бой с авангардом Великой армии. Бой закончился безуспешно для преследователей, больших потерь стороны не понесли. Обойти русских с флангов французы не смогли.

15 августа 1-я и 2-я Западные армии соединились воедино в походную колонну у Вязьмы. Общий арьергард перешел через реку Осму и на ее левом берегу у села Беломирское «имел кровопролитное дело» с французским авангардом, которым командовал маршал империи Иоахим Мюрат. В бою на этот раз участвовали все силы арьергарда (конница, егерская пехота), которые получили огневую поддержку 32 орудий, то есть нескольких артиллерийских батарей. Неприятель, несколько раз в решительных намерениях переходивший Осму вброд и атаковавший противника, каждый раз выбивался на исходные позиции, то есть на противоположный речной берег.

Атаман М. И. Платов держался стойко. Но когда к французам начали подходить значительные подкрепления и их артиллерийский огонь заметно усилился, генерал от кавалерии приказал батареям сняться с позиций и полкам отступить дальше на восток по столбовой Смоленской дороге. Держать переправу через реку Осму уже не было никакого смысла: армейские войска ушли далеко вперед.

Арьергард, прикрывшись казачьими дозорами, отступал на Москву по дороге, которая пролегла теперь на Смоленщине по свежим пожарищам, что виделось предвестником народной войны против иноземного нашествия. Местные жители «без всякого стороннего внушения, сделали все то, что могла произвести самая большая любовь к Отечеству. Исполнение сей мысли было различно, но мысль у всех была одна: ничто не доставайся неприятелю и не иметь ему ни приюта, ни покоя!»

Жители сел и деревушек, взяв с собой то, что можно было увезти или унести, уходили от столбовой Смоленской дороги в леса или еще дальше, в соседние губернии. Все остальное – дома, запасы продовольствия и фуража – истреблялось: предавалось огню или, по возможности, зарывалось в землю. Крестьяне раздавали проходившим войскам продукты питания. По дороге горели все окрестные волости, и платовские казаки могли воочию убедиться в силе народного гнева на вражеское нашествие.

«Скифская война», которая шла впереди Великой армии, давала о себе знать каждый день. Для императора французов и его войск Россия стала хуже Испании, где наступающие завоеватели тоже столкнулись с тактикой «выжженной земли». Но за Пиренеями не было «степных ос» в лице казаков. Наполеоновский капитан В. Дююи писал в своих мемуарах:

«После боя у Валутиной противник продолжил свое опустошительное отступление, а мы наше преследование. Каждый день с пяти часов утра мы вели перестрелку с казаками, и каждый раз это длилось до десяти или одиннадцати часов вечера. Они увозили все, что имелось, из деревень, угоняя жителей, которые укрывались в лесах; затем они их поджигали...

Такая манера вести войну была для нас очень вредной...»

К середине августа казаки стали «ходить в партизанах» по вражеским тылам и коммуникациям Великой армии. 16 августа казачья партия из отряда генерал-адъютанта Ф. Ф. Винценгероде у Поречья совершила нападение на авангард 15-й пехотной дивизии генерала Доменико Пино из 4-го корпуса Великой армии, двигавшейся к городу Витебску. В плен было взято 115 человек. Перед этим Пино целую неделю безуспешно действовал против отряда Винценгероде.

16 августа на место атамана Платова начальствовать арьергардом был назначен генерал-лейтенант П. П. Коновницын, раненный в Смоленске в правую руку. Сильно «напиравший» маршал Иоахим Мюрат был вынужден вести бой перед Вязьмой до ночи, после чего русские вновь отступили, теперь уже к Цареву-Займищу, не давая себя по дороге ни обойти, ни взять в кольцо. Опустевший город Вязьма горел так, что наполеоновцы даже не пытались проехать по его улицам среди пылающих домов. Ветер срывал с пожарища облака пламенеющих искр, а улицы были усыпаны горящими головешками.

Мюрат приказал своим войскам, кавалерии и пехоте, идти в обход Вязьмы с известной осторожностью: он всерьез опасался налетов казачьей конницы на те части авангарда, которые в поисках крова и провианта с фуражом удалялись от Смоленской дороги. Маршал империи теперь каждодневно получал известия о нападениях на отряды фуражиров и безжалостном истреблении «французских бродяг», то есть мародеров Великой армии.

Наполеоновские войска стали «теряться» на Смоленской дороге в силу самого непредвиденного обстоятельства. Противник в лице казачьих партий и местных крестьян стал спиливать верстовые столбы вдоль дороги, таким необычным образом вредя подходившему врагу. Спленные или срубленные столбы, разумеется, на месте не оставлялись.

Теперь командирам походных колонн корпусов Великой армии приходилось выставлять на дороге конные ведеты (посты) вместо верстовых столбов. В противном случае колонны, чаще всего не имевшие проводников или имевшие не слишком надежных, могли просто-напросто заблудиться в темное время суток, что и не раз случалось. Как, к примеру, заблудился близ Смоленска целый армейский корпус

генерала гусар Жюно.

Была и другая «напасть» на французов по пути к Москве, начиная от Смоленска. Казачьи партии арьергарда старательно истребляли (сжигали) любые мосты и мостики через водные преграды. Неприятелю приходилось в летний зной заниматься построением «разоренных» мостов, что изнуряло его. Движение походных колонн Великой армии возобновлялось только после того, как переправа через водную преграду восстанавливалась и обеспечивалась ее достаточная защита.

Французский мемуарист Комб, описывая перипетии неудачного преследования Великой армией противника, отходившего все дальше и дальше в глубь России, сделал интересную запись, датированную 5–6 сентября:

«Русская армия... прикрывала свое отступление частой цепью стрелков, составленной из казаков, калмыков и башкир. Последние были вооружены луками и стрелами, свист которых был для нас нов, и ранили нескольких из наших стрелков. Шея лошади капитана Депену, из моего полка, была пронзена под гривой одной из этих стрел, имевших приблизительно четыре фута в длину. Мы убили нескольких башкир, и я никогда не видал более безобразной расы людей».

Начальный период наполеоновского Русского похода не сразу убедил императора французов, плеяду его блистательных маршалов и в первую очередь маршала Иоахима Мюрата в том, что их тактика ведения войны против казачьей конницы успеха не имела. Если посмотреть на события июня, июля и августа 1812 года, то вырисовывается, с одной стороны, любопытная, с другой стороны – правдивая картина. Великая армия почти всегда выставляла против иррегулярной конницы армии России свою легкую кавалерию в лице улан, гусар, конных егерей, шеволежеров (легких конников) и шеволежеров-пикинеров. Так маршалы империи желали уравнивать шансы своих легкоконных дивизий и бригад с отрядами казачьей конницы и, прежде всего, с платовским летучим корпусом.

В Великой армии легкая кавалерия составляла значительную силу, хотя численно и уступала тяжелой кавалерии (карабинеры, кирасиры, драгуны). Ее основой являлись французские полки: 6 гусарских, 17 конно-егерских и 9 шеволежерских-пикинерных. К ним следует добавить три полка гвардейской кавалерии: один конно-егерский и два шеволежер-пикинеров.

Не менее многочисленной была легкая кавалерия иностранных контингентов наполеоновской армии. Она состояла из 14 гусарских полков (2 польских, 2 вестфальских, один саксонский, один баденский, 4 прусских и 4 австрийских), 14 шеволежерских (6 баварских, 3 саксонских, 2 вюртембергских, 2 австрийских и один гессенский), 12 уланских полков (10 польских, один прусский и один бергский), 7 конно-егерских полков (3 польских, 2 итальянских и 2 вюртембергских) и 2 шеволежерских пикинерных полков (саксонский и вестфальский).

В ходе Отечественной войны наполеоновское командование начало на территории России формирование еще двух полков легкой кавалерии – литовского шеволежерского пикинерного (преимущественно из поляков, проживавших в Литве) и из литовских татар. Но закончить их полное формирование французской администрации не удалось. Эти два полка должны были войти в состав Императорской гвардии.

В русской армии на начало Отечественной войны русская легкая регулярная кавалерия состояла из 11 гусарских и 5 уланских полков (они состояли из двух батальонов по пять эскадронов в каждом). Основу же легкой конницы России составляли иррегулярные полки: казачьи и национальных формирований, а также конные полки ополчения, носившие названия казачьих.

Наполеоновские маршалы и генералитет Великой армии довольно быстро привыкли к прозе Русского похода императора Наполеона Бонапарта. Куда бы ни шли французские войска в преобладающих силах,

впереди них всегда маячили казаки – одиночными дозорными, легкоконными разъездами силой до сотни всадников, а то и целыми полками. Один из участников вторжения вспоминал: «С самого начала кампании солдаты дивизии Клаперада еще не видели никакого врага, кроме нескольких казачьих отрядов, показывавшихся на горизонте».

Для наступавшей в глубь России наполеоновской Великой армии сложилась парадоксальная ситуация в отличие от войн в Европе, будь то в Испании или Австрии, в германских государствах или Голландии. Ни один французский квалерийский разъезд не мог безнаказанно осмотреть попавшуюся по пути и оставленную жителями деревню у Смоленской дороги. Не мог приблизиться вплотную к походному стану русской армии. Французам постоянно приходилось быть начеку, чтобы не стать добычей казаков или, как их продолжал насмешливо называть Наполеон, «степных ос».

Отступление для казачьей конницы, привычной к походным тяготам, выдалось по родной земле тягостным и тяжелым. Если походные невзгоды были привычны людям степных краев, то бедствия войны на Смоленщине и в других губерниях России виделось платовскому поколению впервые.

Страдали не только люди, но и лошади, которые, будучи полуголодными, вынуждены были совершать длительные, утомительные переходы без положенного на то в мирное время «роздыха». Лето 1812 года в западных губерниях России выдалось жаркое и сухое. Казаки-донцы шли арьергардом за отступавшей армией, шли по обобранному пехотными солдатами пути. Крестьяне, выполняя указания местной администрации и не желая, чтобы их достояние досталось недругам, жгли свои избы, уничтожали запасы хлеба и фуража (или прятали их в лесах и в земле). Целые деревни и села со скарбом и скотом уходили от войны подальше в леса.

Наполеоновские войска с самого начала Русского похода привыкли ночевать в брошенных жителями селениях или на их пожарищах и не могли найти там продовольствия. По крайней мере, в достаточном количестве. Но вместе с французами, немного впереди их, на тех же пожарищах и в брошенных деревнях ночевали и казаки армейских арьергардов. И они испытывали те же походные невзгоды, что и их преследователи: страдали и люди, и их кони. Особенно тяжелыми оказывались ночные переходы. Преследуемые спешили оторваться от преследователей, а те спешили догнать тех, кто от них уходил все дальше и дальше на московском направлении.

Пожалуй, армии императора Франции впервые за все минувшие военные кампании пришлось постепенно свыкаться с мыслью, что кормиться за счет населения чужой страны невозможно. Наполеону пришлось воочию убедиться в эффективности так называемой скифской войны, которую вела противная сторона. В ходе ее перед наступающим врагом уничтожалось все (или очень многое) из того, что могло служить пропитанием для сотен тысяч людей и многих десятков тысяч их коней.

Некоторые историки считают, что автором «скифского плана» ведения войны против Великой армии на российской территории являлся не кто иной, как генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли. Но прямых подтверждений тому нет, хотя военный министр России свой операционный план войны базировал на использовании давно известной тактики «выжженной земли» с использованием иррегулярной конницы.

При этом Барклай де Толли опирался не столько на примеры из древней истории (войны скифских племен с Персией), сколько на успешные действия испанцев и англичан против императора французов на Иберийском полуострове. Такие рекомендации давала военному министру российская внешняя разведка. Рекомендации давались и по использованию легкой армейской конницы.

Мемуарист Ложье, рассказывая о том, как «столкнулись» две дивизии корпуса вице-короля Эжена (Евгения) Богарне – французская и итальянская при дележе чудом уцелевшего на их пути провиантского

магазина противника (вспоминал уже после войны), с нескрываемой иронией заметил: «Тут был запас сухарей, не попавших в мешки казаков».

Каречи, Мир, Романово, Лубино... Там, на взлете Отечественной войны 1812 года, под ударами лихих лав казачьих таяла и гибла кавалерия лучшей армии Европы рубежа двух столетий. И ее венценосный вождь-корсиканец, бесспорно великий полководец из когорты завоевателей, ничего не мог противопоставить «степным осам» Дона и Урала, Приволжья.

Начало войны демонстрировало врагу следующее. С началом наполеоновского вторжения казачьи полки стали исполнителями «скифской тактики» русского командования. Получив известие о переходе неприятеля через Неман, военный министр России М. Б. Барклай де Толли отдал приказ командующим армиями и отдельным корпусам истреблять по пути следования войск Бонапарта запасы продовольствия и перевязочных средств. Так для завоевателей, прежде всего нижних чинов Великой армии, в России начались лишения и тяготы, которые усугублялись по мере продвижения от линии государственной границы на восток. Одновременно при отступлении 1-й и 2-й Западных армий истреблялись мосты и переправы через любые водные преграды.

Атаман М. И. Платов, штаб которого находился в Гродно, с немалыми трудами «выслал» из города разные запасы, снял мосты на реке Лососне, испортил мост через Неман и увез с собой чиновников, которые могли бы помочь французам проводить фуражировки в Белостокской области.

Провиант, в случае невозможности его увезти, подлежал уничтожению (сожжению). На реке Неман казаками уничтожались барки с армейским продовольствием. В городе Лиде атаман Платов приказал раздать по полкам местные казенные запасы «товара сапожного, сукна, сухарей и овса». Оставшиеся в городе «магазинны с мукой и сеном» предали огню.

Уже в первые дни войны французам пришлось защищать от казачьих партий те военные магазины (склады) противника, которые им удалось захватить. Так, казаки перед носом у неприятеля сожгли большие магазины в местечке Вольма. Платовские донцы разрушили мост через Березину, сожгли у местечка Николаев два речных парома, истребили все лодки, имевшиеся в округе.

Французы, отправляемые в приграничье России на фуражировку, многократно сталкивались с тем, что в местных магазинах уже побывали казаки. Увозились (или истреблялись) не без помощи местных крестьян продукты питания в крупных помещичьих имениях. Французская сторона называла такие действия казачьих партий «грабежом», хотя это было далеко от истины.

...Император Александр I, еще находившийся при действующей армии, стремясь реализовать российский план на ведение войны с Наполеоном, уже в первые ее дни повелел действовать «во фланг неприятелю». Речь шла об армейской разведке и ведении «диверсий» во вражеском тылу в приграничье. Генерал от кавалерии А. П. Тормасов, главнокомандующий 3-й Обсервационной (Наблюдательной) армией во исполнение указа государя решил «развлечь неприятеля» отрядом полковника К. Б. Кнорринга, составленным из улан и казаков.

Действия этого отряда превзошли все ожидания: Кнорринг на время захватил город Белосток (его гарнизон и администрация бежали) и разгромил несколько небольших отрядов саксонских войск. В бою за город саксонцы потеряли 26 человек и 29 лошадей. Отступление войск Обсервационной армии от границы заставило Тормасова на время забыть о партизанстве.

Удачнее оказался более поздний опыт с крупным армейским партизанским отрядом генерал-майора Ф. Ф. Винценгероде, созданным по приказу Барклая де Толли в конце июня в Духовщине. Сила «легкого отряда войск» состояла из 1300 человек, прежде всего казаков. После нападения конных партизан на Велиж, Наполеон потребовал очистить армейские тылы от «пробравшихся туда казаков».

Французский мемуарист Арман де Коленкур писал: «Через десять дней после нашего прибытия в Витебск, чтобы раздобыть продовольствие, приходилось уже посылать лошадей на 10–12 лье от города. Оставшиеся жители все вооружились; нельзя было найти никаких транспортных средств. На поездки за продовольствием изводили лошадей, нуждавшихся в отдыхе; при этом и люди и лошади подвергались риску; ибо они могли быть захвачены казаками или перерезаны крестьянами, что частенько и случалось».

...«Скифская тактика», исполненная усилиями быстроходных казаков, вызвала тревогу у наполеоновского генералитета, чьи войска стали терпеть большую нужду в провианте и фураже. Дивизионный генерал граф империи Этьен Нансути, командир 1-го корпуса кавалерийского резерва, доносил по команде, что не находит на своем пути никаких запасов русских – ни зерна, ни муки, ни овса для лошадей, которые стали гибнуть прямо на марше.

Наполеон писал по поводу «скифской тактики» противника: «Русские действовали против нас, как когда-то парфяне против римлян под командой их полководца Красса».

При вступлении французов в город Вязьму установили, что казачьи отряды русского арьергарда предали огню не только провиантские магазины, но и казенные дома. Французский мемуарист писал: «казаки зажигают горючие материалы... в различных местах, пожар начался до того, как из города ушли последние казаки».

...Дела летучего казачьего корпуса в начальный период войны были громкими, угрожающими для врага и ободряющими защитников российского Отечества. В силу этого число конных бойцов атамана Войска Донского в слухах еще до дня Бородина постоянно «росло», все далее удаляясь от их истинного числа: «...Под начальством Платова – отдельный корпус более 50 тысяч наездников».

Изобретательность казаков в придумывании способов для поражения врага, нанесения ему любого урона (в том числе морального), казалось, не имела пределов. При этом на вооружение брался богатый подобный опыт из прошлого, вчерашнего и далекого.

Такой пример. В истории Лейб-гвардии Казачьего полка, в 1812 году называвшегося Казачьим Лейб-гвардии полком, с Черноморской казачьей сотней вписана такая история, случившаяся в самом начале войны, когда 1-я Западная армия генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли отступила к реке Западная Двина:

«Лейб-казаки стояли постами по реке Западной Двине. Против них были посты французской кавалерии. Командир Лейб-гвардии Казачьего полка граф Орлов-Денисов заметил, что один французский пикет слишком выдвинулся вперед и стоит в удалении от прочих войск. Он вызвал охотников снять этот пикет. Вызвалось двадцать пять удальцов, с поручиком Венедиктом Коньковым во главе.

Казаки разделись донага, забрали с собой только пики, потихоньку прошли к реке, переплыли ее, поднялись на кручу левого берега и стремительно бросились на пикет. Французы не успели даже дать выстрела, как были частью поколоты, частью забраны в плен. Отправив пленных на свой берег, Коньков выстраивает голых казаков и кидается с ними на самый лагерь. Там он колет все, что попадает под руку. Во всем кавалерийском стане поднимается тревога. Целый полк вылетает, чтобы покончить с отчаянными лейб-казаками.

Коньков несется к берегу. Перед ним крутой обрыв. Плотно обхватили голыми ногами бока своих умных коней казаки, отдали повод – и смелые степные лошади сползли по круче в воду и уже плывут стаей, и только верхи их морд видны над водой, раздуваются храпки, блестят черные глаза, да подле машут белые руки саженками загребающих казаков».

Казачий историк и писатель В. Н. Краснов в «Истории войска Донского. Картины былого Тихого Дона» так рассказывает об одном из казачьих набегов в расположение наполеоновских войск в самом начале

Отечественной войны 1812 года «12 июля атаману Платову было поручено произвести набег в тыл неприятелю. Разделив свой отряд на небольшие партии, – бесконечно гибкой линией лав казачьих – Платов прошмыгнул в тыл неприятелю и явился одновременно повсюду. В занятых французами Могилеве и Орше, в Шклове и Копысе – везде хозяйничали донские казаки. Пленных не брали. Некуда было их девать, да они и не успели бы за казаками. Как рой мошек налетели казаки на тыл французской армии.

Под их ударами гибло все: отдельные партии, посланные за фуражом, были рассеиваемы, горели продовольственные магазины и запасы фуража. Вдруг, сразу, за спиной у французов поднялись зарева пожаров, черный дым потянулся к небу, отовсюду шли донесения с просьбой о помощи, и, когда утомленная французская конница примчалась, – никого уже не было в тылу.

О! казаки знали, как делать набег! Их учили этому черкесы и татары, и набег казачий был быстр и внезапен. 15 июля рассеявшиеся по всему тылу французов казаки стали собираться в Дубровну, где перешли Днепр и соединились с 1-ю армией. За этот набег казаки истребили более 2000 неприятелей, взяли в плен 13 офицеров и 630 человек...»

Военачальники наполеоновской кавалерии писали о тактических приемах казаков, которые в бою постоянно озадачивали их: «Не знаешь как против них действовать; развернешь линию – они мгновенно соберутся в колонну и прорвут линию; хочешь атаковать их колонною – они быстро развертываются и охватывают ее со всех сторон...»

В бою казаки, будь числом в отдельную сотню или целый полк, или в отряд из несколько полков, действовали, как прирожденная иррегулярная конница, лавой. Это не кавалерийский строй, а «самобытный казачий способ воевать», отточенный в деталях веками и поколениями степных конных воинов.

Лавы были живым, не имеющим шаблона, тактическим приемом казачьей конницы. Она в бою строилась в зависимости от обстановки на поле боя, черт неприятеля, собственных возможностей и числа бойцов, «географии» местности, по которой предстояло атаковать. Целями построения лавы были две – или атаковать врага, или заманивать его в засаду. То есть в зависимости от желания сотенного командира или полкового начальника. Команды для действий в лаве не устанавливались – их заменяли свист, «лай» или особые крики, понимаемые только среди своих, среди самих казаков.

Регулярная кавалерия могла наступать развернутым строем на поле брани, в походных, сомкнутых или разомкнутых (на флангах) колоннах. То есть кирасиры и драгуны, гусары и уланы, карабинеры и конные егеря, конные гренадеры и пикинеры всегда в бою, на учениях, в походной жизни старательно держали строй. Таких строев «регулярства» казаки на войне никогда не знали.

В эпоху Наполеоновских войн (и до того) перед атакующим движением вперед казачий полк выходил на начальную позицию посотенно или «общей кучей». Какое-то равнение не соблюдалось или соблюдалось довольно относительно. Если места по фронту было достаточно, то тогда расположение полка напоминало развернутый строй. Если места было мало, то полк со стороны больше всего напоминал походную колонну.

В этой «куче» казаки строились по давно усвоенному правилу: каждый рядовой искал глазами своего урядника-одностаничника и пристраивался к нему сбоку или за ним. Урядник, соответственно, имел в виду своего хорунжего (младшего сотенного офицера) или сотника. Все одновременно следили глазами за полковым командиром, за полковым (станичным) знаменем.

Если неприятель был еще не на виду, то вперед от полка или сотни высылался быстроходный разъезд. Он и приносил первые вести о приближении врага, его силах, направлении движения, каких-то видимых особенностях. Получив такую весть, командир полка сразу же собирал к себе сотников. Он

говорил им о том, как собирается атаковать или заманивать в засаду, под огонь сзади находящихся пушек или пехоты. При этом обязательно говорилось, с чего начнется атака, кому и как вести огневой бой (стрелять) – с коней или спешившись. Объявлялось об условных знаках, которые будут подаваться в предстоящем бою.

Сотенные командиры, в свою очередь, передавали весь этот разговор в деталях младшим офицерам, те – урядникам и всем казакам. То есть каждый боец знал о замысле боя и свое место в нем, «свой маневр» в предстоящем смертном деле. Именно этого требовал в знаменитой «Науке побеждать» генералиссимус А. В. Суворов-Рымникский, князь Италийский.

Часто на поле боя, когда неприятель был уже на виду, в казачьем полку наблюдалась такая картинка. Полковой командир обращался к подчиненным при распущенном знамени со «словом» (то есть держал короткую, но выразительную в словах речь) и просил их убедительно, чтобы они шли вперед храбро и тем самым не устыдили своего начальника. Казаки в таких случаях в один голос громко отвечали, что или погибнут, или составят славу родному полку и всему Войску. Иначе говоря, воодушевление перед боем было общее.

Полк для устройства лавы обычно разъезжался по полю версты на две. Естественно, что казаки могли только видеть, но не слышать подаваемые командиром полка команды. Да и сотники во многих случаях находились далековато. В таких случаях «управление было немое». Казаки неустанно следили за своими сотенными офицерам, «как рой за маткой», и все повороты (маневры), перемена аллюра, сама атака (от ее начала и до самого конца) происходили по «немому знаку» шашкой, рукой или движением (поворотом) коня.

Знатоки действий казачьей конницы, к примеру, описывают конный бой с применением лавы так. Пускай она, к примеру, заняла две версты, тут есть и небольшой ручей и маленький овраг. Казаки хотят «заманить» неприятеля (иррегулярную его конницу) на стоящую в четырех верстах и прикрытую скатом возвышенности, поросшим мелким кустарником, артиллерийскую или пехотную позицию, то есть под картечные или ружейные залпы в упор.

Лава начинает наступление шагом. Дойдя до ручейка, все всадники, которым приходится через него переходить, по знаку старшего, «падают» с коней, которые отдаются казакам, остановившимся скрыто сзади. Спешившиеся «примащиваются» на своем берегу ручья, держа ружья наизготовку для стрельбы.

Те же всадники, которые перешли ручей, сейчас же «затягивают» место образовавшегося в лаве разрыва. Лава продолжает прежнее неспешное движение вперед, на неприятеля. Дойдя до овражка, шагов за триста до него, часть конников останавливается и «смыкается в кучу, наподобие развернутого строя». После того, как лава во второй раз уменьшилась числом людей, она становится «жиже», но протяжение ее линии на поле боя остается прежним.

Только теперь по знаку полкового командира начинается решительное, бесстрашное и «задорное» наступление: неприятель уже близок, просматривается достаточно хорошо. Если вражеская кавалерия «не обращает внимания на казаков» (бывало и такое), то подскочившие к ней казаки стреляют в нее с коней чуть ли не в упор, насккивают на расстояние пистолетного выстрела.

Но лишь только разъяренный такой дерзостью неприятель высылает против атакующих казаков взвод, эскадрон или более кавалерии, лава без всякой на то команды (или же по «немому знаку») достаточно дружно подается назад. Одновременно ее фланги «сгущаются» и с криком, присвистом с боков несутся на ту часть вражеской кавалерии, которая пошла в атаку, заходя ей в тыл.

Так может повторяться не раз. В конце концов такое «дерганье за усы» или «наездничество» лавой надоедает неприятелю и озлобляет его. Вражеские начальники теряют осторожность в бою и попадают

на казачью военную хитрость. Они высылают вперед большую часть своих сил – эскадронов, полк или несколько полков для «наказания казаков». А тем того только и надо!

Казачья лава, как бы «устрасась» более сильного числом врага, начинает уходить, на ходу собираясь в две «кучи», из которых одна несется во весь конский мах к овражку, а другая – к ручью. Неприятелю кажется, что такое «хаотическое» бегство равно паническому страху, которое еще больше «задирает» его в бою.

Шагах в двадцати – тридцати от естественного препятствия (для конницы им может быть самый малый овраг или ручей) казаки в каждой «куче» быстро поворачивают своих коней вправо и влево и на полном скаку обходят хорошо видимое им препятствие. Увлеченные преследователи, идущие в сомкнутых строях эскадронов, не могут столь резко изменить направление своего движения. Одни вязнут или тонут в ручье под ружейными выстрелами спешенных казаков с противоположного берега, другие, при переходе через овражек, расстраивают свой строй и попадают под пушечный, ружейный огонь открывшейся засады.

В эти минуты лава уже успевает развернуться назад и атакует на полном скаку с флангов, а при полной удаче – то и с тыла. Неприятель в таких случаях обычно не принимает в невыгодных для себя условиях ближний, рукопашный бой и, отбиваясь, начинает отход назад, к своим, которые уже спешат на выручку (будь то кавалерия или пехота).

Для такого финала атаки лавой казакам не требуется никаких команд или сигналов. Каждый из них должен понимать (и понимает), что ему нужно делать в быстроменяющейся ситуации. Иначе говоря, он прекрасно, интуитивно знает «свой маневр», свое место в общем движении сотни, полка. Бывало, что полковые и сотенные командиры в таких случаях кричали: «Братцы – вперед!» или: «Станичники – увиливай!» Но такие громогласные слова в вихре скоротечного боя были слышны далеко не всем в широко развернутой лаве.

Лава может быть силой и в несколько полков, как то было на Бородинском поле. Если требовалось устроить такую впечатляющую числом всадников атаку, а места для ее разворачивания не хватало по фронту, то часть казачьих сил выстраивалась во втором эшелоне или укрывалась в засаде. Но для заманивания на нее неприятеля предстояло еще «заманчиво поработать».

Наиболее удачно казачья тактика выражалась в лаве, действие которой не один век называлось знаменитым «вентером», блестящим мастером исполнения которого был атаман М. И. Платов. «Вентером» на Дону называется рыболовная сеть, натянутая на ряд уменьшающихся обручей, и оканчивающаяся мешком. Рыба, обманутая первоначальным простором, в конце концов оказывается замкнутой в узком пространстве, где не имеет возможности развернуться, чтобы «бежать» из «вентера».

Именно такая рыболовная снасть дала идею для действий степной казачьей конницы в стародавние времена. Казаки этот тактический прием отработали столетиями на обязательно пересеченной, не открытой для глаз, местности, с несколькими тесными проходами для конницы, заманивая врага в засаду. Если такой «вентер» удавался, то врага ожидало или истребление, или плен. Вырваться из «вентера» в таких случаях удавалась не всем.

Войны прошлого показали, что других построений на поле битвы с любым врагом казаки не знали. «Регулярство» было не для них. Там, где нельзя было биться шашкой или пикой на коне, казаки обычно спешивались и начинали вести огневой бой. В таких случаях сбатованных (сбитых в табун) лошадей оставляли за позицией сотни или полка под надежным присмотром.

Казачьи войска имели свою конную артиллерию. Сначала это были одиночные, разнокалиберные пушки. Затем на Дону появились первые конно-артиллерийские роты, на смену которым пришли казачьи батареи. Казачьи орудия хорошо прикрывали действия конницы, и не было случая в Отечественную войну

1812 года (и в других войнах), чтобы хоть одно донское орудие оказалось во вражеских руках.

Во время походных движений русской армии, во время расположения ее на поле битвы или в полевом лагере, из легкоконных казаков выставлялись дальние сторожевые цепи. Порядок службы в них (днем и ночью) был основан на секретях (высланных вперед скрытых на местности боевых дозоров), на «подслушивании и выглядывании» одиночных всадников, которые, будучи захваченными, становились «языками».

Обычно высланная вперед застава время проводила так. Расседлав коней, большая часть казаков укладывалась спать. На «курганчике» устраивался бдительный, недремлющий часовой (и не один, а с напарником). Они зорко всматривались на все стороны. Впереди заставы, порой версты за две, находился казак-«охотник» (доброволец), притаившийся в укромном местечке. Вместо него могла быть и небольшая партия конников во главе с офицером или урядником.

Если появлялся неприятель, то казак-«охотник» (или партия) делал «выпал» (выстрел из ружья или пистолета). Часовой на «курганчике» немедленно поднимал заставу по тревоге. Казаки, «подкрепленные сном», садились на коней и уже через несколько минут мчались к тому месту, где появился враг.

Особенность действий выдвинутых вперед от главных сил казачьих партий состояла в том, что им приходилось перемещаться без каких-либо карт, а время определять «по солнышку». Часы, по бедности, в начале XIX века имели немногие офицеры даже из числа старших.

Успех казачьей службы, победные дела, высокие моральные и боевые качества конных бойцов иррегулярных войск русской армии заключались в том, что на военную службу казака снаряжали отец и мать, дед, вся семья. Они доступным языком говорили ему о чести быть воином-казаком, внушали быть храбрым, напоминали о чести их фамилии. Поэтому казак на войне, будь он в бою или на чужбине, всегда помнил родные места, станицу или хутор, как семья провожала его на службу и на брань. Помнил наказ отца и матери.

Провожали казаков на службу, в поход и на войну всем станичным или хуторским миром. При этом в земляках равнодушных к нему людей служивый казак никогда не видел. Так было столетиями на Тихом Дону и Урале (Яике), Кубани и Тереке, Енисее и Амуре...

Провожали казака-донца, уральца, оренбуржца и черноморца в 1812 году на службу и в ополчение так, как поется в песне, сложенной на слова донского казака-поэта А. Туроверова:

Конь боевой с походным вьюком
У церкви ржет: – кого-то ждет.
В ограде бабка плачет с внуком,
Молодка возле слезы льет.

А из дверей святого храма
Казак в доспехах боевых
Идет к коню, из церкви прямо
С отцом, в кругу своих родных.

Жена коня подводит мужу,
Племянник пику подает.
«Вот, – говорит отец, – послушай
Моих речей ты наперед.

Мы послужили Государю,
Теперь тебе черед служить.

Ну, поцелуй же женку Варю,
И Бог тебя благословит!

И да пошлет тебе Он силы
Долг службы свято соблюдать,
Служить, как мы Царю служили,
И славу рода продолжать.

Иди туда, куда укажут
Господь, начальство и черед,
Когда же в бой лететь прикажут,
Благословясь, ступай вперед!

Но ни в бою, ни перед боем
Ты не бранися, не ругай;
Будь христианин и перед боем
Крестом себя ты осеняй...

Коня даю тебе лихого,
Он добровит был у меня,
Он твоего отца седого
Носил в огонь и из огня.

А добрый конь – все наше счастье,
И честь, и слава казака,
Он нужен в счастье и в напасти,
И за врагом, и на врага.

Конь боевой всего дороже,
И ты, мой сын, им дорожи;
И лучше сам ты ешь поплоче,
А лошадь в холе содержи!

Тот колет пикою ловчее,
И в деле тот и молодец,
Кому коня добыл добрее
Дед, прадед, дядя иль отец...

А вот и пика родовая,
Подруга славы и побед,
И наша шашка боевая —
С ней бился я и бился дед!

Исправен будь! И старших слушай,
Найди товарища себе.
Живите с ним душа вы в душу,
Клянись выручить в беде!..

Куда придешь – ты, первым делом,
Разведай все, – до пустяка.
Где тракт какой, кто есть, примером,

Где лес, где села, где река.

Тогда ты свой в чужой сторонке,
И командирам ты рука!
Ведь ловкость, сметка да сноровка —
Весь капитал у казака!..»

Современников из числа недругов России в «грозу 12-го года» поражало казачье войсковое товарищество, взаимовыручка и взаимопонимание. Они основывались на вековых традициях казачества. Можно взять тому в пример такие слова. Вызывая донского генерал-майора И. К. Краснова в действующую армию, атаман Матвей Платов писал ему: «Вы мой соотечественник; надеюсь иметь в Вас и доброго помощника».

Объединившиеся воедино две русские Западные армии, прикрывшись сильным арьергардом под начальством атамана Платова, отступали все дальше и дальше от Смоленска к Москве. А. П. Ермолов писал в «Записках»:

«9-го числа вся 1-я армия, соединясь за Днепром, пришла к селению Усвяты. Днем прежде 2-я армия расположилась недалеко от Дорогобужа. В состав арьергарда поступили многие егерские полки и кавалерия. Им командовал генерал-майор барон Розен, состоя в полном распоряжении генерала от кавалерии Платова, которому приказано оставаться у самой переправы долее, дабы собрались люди усталые. Сильные партии должны отправиться вверх по Днепру, наблюдая, чтобы не беспокоил неприятель отправленные из Смоленска обозы и транспорты чрез Духовщину на Дорогобуж. Все прочие тяжести и все раненые отправлены из Духовщины в Вязьму и были вне опасности».

...Русские 1-я и 2-я Западные армии продолжали отход к Москве. Все это вызывало глухой ропот в войсках, от нижних чинов до генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона. Но Барклай де Толли, военный министр России, был неумолим в своем решении как можно глубже заманить врага на территорию России, растянуть до невозможности его коммуникации, а потом нанести ему поражение в полевой битве. Собственно говоря, назначенный главнокомандующим М. И. Голенищев-Кутузов одобрит такой план ведения войны против императора Наполеона и его действительно Великой армии.

Роптали против отступления и в казачьих полках. Там тоже видели вину за отступление в «немце» Барклае де Толли, и в тех «немцах», которых было немало в его окружении. Начальник барклаевского армейского штаба А. П. Ермолов в своих мемуарах рассказал о том, как относился к ним атаман Матвей Платов, который уже не единожды с началом войны брал со своими «степными осами» «поверхность» над вражеской кавалерией, то есть громил ее, начиная от славного боя под Миром:

«Атаман Платов сказывал мне о показании взятого в плен унтер-офицера польских войск, что будучи у своего полковника на ординарцах, видел он два дни сряду приехавшего в лагерь польский под Смоленском нашего офицера в больших серебряных эполетах, который говорил о числе наших войск и весьма невыгодно о наших генералах.

Разговорились мы с генералом Платовым о других, не совсем благонадежных и совершенно бесполезных людях, осаждавших главную квартиру и, между прочим, о флигель-адъютанте полковнике Вольцогене, к которому замечена была особенная привязанность главнокомандующего. Атаман Платов в веселом расположении ума, довольно смешными в своем роде шутками говорил мне:

— Вот, брат, как надобно поступать. Дай мысль поручить мне обозрение французской армии и направь его на меня, а там уже мое дело, как разлучить немцев. Я дам ему провожатых, которые так покажут ему

французов, что в другой раз он их не увидит.

Атаман Платов утверждал, что знает других, достойных равной почести...»

...Участники Русского похода в своих воспоминаниях о том, как Наполеон преследовал армию противника, писать о казаках не забывали. Правда, при этом порой приводились весьма курьезные случаи, реальность которых вызывает сомнения. К числу таковых, к примеру, относится такой «дорожный случай». Главный квартирмейстер Главной квартиры императора Наполеона бригадный генерал Филипп-Поль де Сегюр в своих мемуарных воспоминаниях «Поход в Россию. Записки адъютанта Наполеона I» рассказал эпизод, вполне достоверный, из преследования русской армии после Царева-Займище:

«Со времени прибытия Кутузова передовые части наших колонн постоянно объезжали казачьи отряды. Мюрат раздражался тем, что его кавалерия вынуждена была развертываться перед таким ничтожным препятствием. Уверяют, что в тот день, повинувшись своему первому импульсу, достойному времен рыцарства, он бросился один вперед и, подъехав к казачьей линии, вдруг остановился в нескольких шагах от нее. И вот, с саблей в руках, он с таким повелительным видом и жестом сделал казакам знак удалиться, что эти варвары повиновались и в изумлении отступили».

...Еще на дальних подступах к Бородинскому полю наполеоновские войска стали нести заметные потери от действий армейских партизанских отрядов, которые рассылали казачьи партии и, при поддержке местных жителей, «теснили неприятеля». «Запаленная» казаками «малая война», с которой столкнулись французы в России, грозила им большими бедами, чем такая же «малая война» в Испании.

Показательны здесь действия отдельного летучего (армейского партизанского) отряда генерал-майора Ф. Ф. Винценгероде, действовавшего севернее Смоленской дороги. Командир отряда 19 августа доносил из местечка Белый в Санкт-Петербург императору Александру I следующее:

«...Положение неприятельской армии, на левом фланге и в тылу коей находится уже несколько недель мой малый корпус и которую храбрые казаки мои беспокоивают и день и ночь, конечно, не очень блистательно...

16-го числа сего месяца послал я слабый отряд, состоящий из 15-ти казаков, под командою офицера Перикова для наблюдения за корпусом генерала Пино, которой отряжен был с пехотною дивизиею и 3-мя конными полками из Смоленска к Витебску и которой, следуя за мною, взял свое направление на Поречье. Храбрый сей казацкий офицер начал тем, что сорвал неприятельский пикет, состоящий из 10-ти рядовых, и присоединился к жителям города Поречья, которые по приближению неприятеля оставили город и бросились в близлежащие леса; потом, когда неприятельские колонны проходили через город, то казаки вместе с жителями напали на арьергард и взяли 105 человек в плен, которых они привели ко мне; с нашей стороны при сем случае ранили только двух мужиков и убили лошадь у казака...»

Командир армейского партизанского отряда «испрашивал Высокомонаршего воззрения» на награждение Георгиевским крестом (орденом Святого Георгия) командира казачьей партии офицера Перикова. Он также доносил, что партизанами был перехвачен адъютант генерала Пино с бумагами, из которых стало ясно, что неприятель определяет численность летучего отряда генерал-майора Ф. Ф. Винценгероде в 6 тысяч человек (половина из них – казаки), тогда как он состоял всего из 1300 человек.

Молодой французский офицер Мишель Комб пишет о печальной участи полков саксонской и баварской легкой кавалерии, входивших в состав его дивизии. Он сообщает, что у командиров полков союзников уже не было возможности посылать далеко от дороги на фуражировку сильные отряды. Комб свидетельствует, что когда саксонцы и баварцы приходили в деревню и хутор, то находили их уже в огне. Казаки покидали опустошенные и подожженные селения на глазах у неприятельских кавалеристов.

Мемуарист сетует, что при этом они разбивали бочки с пивом и овсяной водкой, «которая в большом количестве употребляется в этой стране».

...Арьергардные бои не утихали на столбовой Смоленской дороге до самого дня Бородина. Подобные дела начинались и заканчивались, как правило, казачьими партиями, которые бдительно стерегли зыбкое спокойствие походного марша. По свидетельству многих очевидцев, прежде всего чинов Великой армии, «степные осы» своими действиями превзошли все ожидания своего и чужого командования.

На подходе к Бородинскому полю итальянский вице-король Эжен Богарне, его генералы и офицеры корпусного штаба стали свидетелями тревожной картины. Стоило только вице-королю со своей пышной свитой и конвоем драгун отъехать на версту от походного лагеря, как он увидел, что «впереди вся долина полна казаков». Полководцу Великой армии пришлось прервать свое знакомство с местностью. При этом он лично убедился в том, что окрестные леса «запружены казаками», устроить которых на самое малое время итальянским войскам корпуса Богарне становилось с каждым днем все труднее.

То же самое констатировали мемуаристы из других корпусов главной группировки Великой армии, которая наступала на московском направлении. Французская кавалерия подустала, особенно кони. Степные же казачьи лошадки, как казалось со стороны, устали не знали, а их наездники не уставали «казаковать» ни днем ни ночью.

Все же главным в августовские дни для казачьих полков арьергарда было не «теснение» неприятеля на флангах, а бережение маршевого движения отступающих русских войск. Наполеон, Мюрат, другие маршалы империи не уставали в своих попытках отрезать хотя бы малую часть сил противника, добыть викторию. В этом им препятствовали платовские казаки. О том, какой накал боевых столкновений «стоял» на Смоленской дороге, могут свидетельствовать донесения и переписка тех дней.

Генерал от инфантерии князь П. И. Багратион в письме московскому главнокомандующему Ф. В. Ростопчину писал 13 августа: «Неприятель наш неотвязчив: он идет по следам нашим».

Начальник арьергарда 2-й Западной армии генерал-майор граф К. К. Сиверс доносил 17 августа главнокомандующему князю Багратиону: «Неприятель довольствовался тем, что казачьи аванпосты 1-й армии отступили из селения Митино, и против командуемого мною арьергарда занял село Телепнева, угрожая (казачьему) генерал-майору Карпову его в том месте обходить».

Главнокомандующий М. И. Голенищев-Кутузов в донесении императору Александру I от 19 августа, то есть на третий день своего прибытия к армии, сообщал: «Только вчерашний день один прошел без военных действий».

22 августа генерал-майор Сиверс докладывал князю Багратиону: «Находящийся на левом фланге с полком войсковой старшина Комиссаров... посылал партию в леса для истребления (неприятельских войск) фуражиров, которою партией отыскан отряд фуражиров при офицере; разбили оную: ызят в плен офицер и девять рядовых, которые отправлены генерал-лейтенанту Коновницину...»

23 августа главнокомандующий М. И. Голенищев-Кутузов доносил императору Александру I о том, что им в 12-ти верстах впереди Можайска при деревне Бородино выбрана позиция для сражения. В том же донесении полководец писал государю и о действиях казаков против войск Наполеона на Смоленской дороге:

«Касательно неприятеля, приметно уже несколько дней, что он стал чрезвычайно осторожен, и когда трогается вперед, то сие, так сказать, ощупью. Вчерашнего дня посланный от меня полковник князь Кудашев заставил с 200 казаками всю конницу Давустова корпуса и короля неаполитанского несколько часов сидеть на лошадях неподвижно. Вчера неприятель ни шагу вперед движения не сделал. Сегодня казачьи наши форпосты от меня в 30-верстах, и боковые дороги наблюдаются весьма рачительно».

Среди тех, кто отличился в арьергардных боях перед днем Бородина, оказались офицеры и нижние чины Атаманского казачьего полка. Интересен список его обер-офицеров, представленных полковым командиром С. Ф. Балабиным 2-м к награждению за отличия в боях с 17 по 25 августа. Это были есаул Зазерсков, сотники Хоперсков 6-й, Галдин и Свиридов, хорунжие Гульцов и Макаров 2-й. Об отличии сотника Хоперскова, уже имевшего орден Святой Анны 3-й степени на сабле (Анненское оружие) было сказано следующее:

«...Находился со ста казаками в стрелках у прикрытия ретирады арьергарда нашего, всякой день вел с неприятельскими стрелками, конницею и пехотою перестрелку и с мужественною храбростию делал многие удары (атаки), прогонял с большим поражением и при всяком удобном случае сильно удерживал неприятеля и принуждал оного дожидаться превосходных своих сил к выступлению».

Хорунжий Гульцов, «будучи со стрелками в перестрелке, поступал весьма храбро, распорядился казаками о вреждении неприятеля и во время ударов сбивал многих собственноручно». Это говорило о том, что младший сотенный офицер при атаках находился впереди подчиненных и, умело владея пикой, не раз отличался в рукопашных схватках.

Все шесть представленных к награждению за арьергардные отличия офицеров-атаманцев уже имели награды. Причем сотник Свиридов, хорунжие Гольцов и Макаров 2-й имели Знак отличия Военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия, то есть Георгиевский крест для нижних чинов. Это свидетельствовало о том, что они вышли в казачьи офицеры за доблесть, будучи ранее урядниками.

Был представлен к награждению за арьергардные бои и сам полковой командир атаманцев. О подвиге Войска Донского полковника Балабина было сказано так: «Командуемый им полк под начальством его ежедневно отличался, выдерживая все стремление неприятеля и нанося ему сильный вред в разных атаках». В графе «Предполагаемые награды» командир армейского арьергарда генерал-адъютант П. П. Коновницын записал: «Представлено на благоусмотрение начальства».

...Наполеон стремился настигнуть соединившиеся воедино две русские Западные армии, что говорится, «на бегу», чтобы навязать им в невыгодных условиях генеральную баталию. Но каждый такой рывок авангарда Великой армии наткнулся на ожесточенную стойкость платовского арьергарда. Донской атаман не заставлял себя ждать ответный удар, заслонами надежно перекрывая дорогу, не давая себя ни обойти, ни «побить пушечным огнем».

Однако военный министр М. Б. Барклай де Толли, старший среди двух главнокомандующих (до прибытия М. И. Голенищева-Кутузова к армии), оставался недоволен казачьим атаманом, думая, рассчитывая на что-то большое в действиях арьергарда. Многие современники и исследователи видят в этом такую подоплеку: отношения между двумя большими генералами не сложились даже на войне.

...Перед Бородино в высшем командном составе русской полевой армии произошли «кадровые изменения». Неуживчивость Платова с военным министром М. Б. Барклаем де Толли стала одной из причин, что войскового атамана в ходе войны отправили («откомандировали») на Дон. Инициатор такой отсылки, глава российского Военного ведомства 22 июня написал императору Александру I письмо следующего содержания:

«Генерал Платов в качестве командующего иррегулярными войсками облечен слишком высоким званием, которому не соответствует по недостатку благородства характера. Он эгоист и сделался крайним сибаритом. Его казаки, будучи действительно храбрецами, под его начальством не отвечают тому, чем они должны были бы быть. Доказательством служит его движение на присоединение к 1-й армии. Были переходы, когда он, не имея против себя неприятеля, делал только от 10 до 15 верст.

При этих обстоятельствах было бы счастьем для армии, если бы Ваше Императорское Величество

соблаговолили найти благовидный предлог, чтобы удалить его из нее. Таковым могло бы быть формирование новых войск на Дону или набор полков на Кавказе с пожалованием ему титула графа, к чему он стремится более всего на свете. Его бездеятельность такова, что мне приходится постоянно держать одного из моих адъютантов при нем или на его аванпостах, чтобы добиться исполнения предписанного.

Государь, я осмеливаюсь просить Вас о принятии этой меры, потому что она сделалась безусловно необходимой для блага службы. В то же время я считаю долгом донести Вам, государь, что отношения мои с князем Багратионом наилучшие».

В основе таких недружественных отношений военного министра и донского атамана лежало их отношение к тактике действий в начавшейся войне. Если «немец» Барклай де Толли, несмотря на ропот в рядах русской армии, продолжал отступление на московском направлении, то М. И. Платов хотел воевать с «супостатом», вторгнувшимся в Россию. К тому же он был против того, чтобы его летучий корпус раз за разом отдавал свои полки по армейским корпусам.

Император Александр I в том личностном конфликте военного министра и донского атамана встал на сторону военного министра, послушавшись его просьб. Государь в рескрипте от 28 июня согласился вызвать донского атамана в Москву для обсуждения вопросов, связанных с формированием на Дону новых полков казачьей конницы, то есть речь шла о создании Донского ополчения.

Барклай де Толли получил этот высочайший указ в начале августа, но продержал его у себя две недели, доверив в это время на десять дней Платову командование арьергардом. Тот, умело командовавший иррегулярной конницей, начальствовал и над регулярной пехотой, прежде всего егерской. Но пехотной тактике, естественно, казачий атаман учен не был. И потому его отлучили от командования сводными арьергардными войсками.

Но перед этим у прямого и резкого в суждениях Матвея Ивановича произошла одна известная стычка с Барклаем де Толли. Платов оказался в числе того генералитета, которые страстно желали дать неприятелю сражение под Смоленском, у которого соединились воедино две Западные армии. Сражение состоялось, оно длилось два дня, после чего военный министр снова приказал отступать, но теперь уже прямым путем на Москву.

При оставлении Смоленска, этого древнего русского города на Днепре, под стенами которого донские казаки не раз проливали свою кровь, атаман в гневе сказал Барклаю де Толли, старшему по отношению к нему начальнику: «Я не надену больше русского мундира, ибо носить его теперь позорно».

Отстранение Платова от командования арьергардом состоялось следующим образом. Барклай де Толли решил дать утомленным войскам после переходов от деревни Семлево к Вязьме дневной отдых. Платов получил донесение о дневке главных армейских сил только в три часа, когда арьергард к вечеру 14 августа неожиданно для самого себя подошел к армейскому расположению. При этом Платов, рассчитывавший на дальнейшее отступление, приказал прикрывать свой отход есаулу М. И. Пантелееву из Атаманского полка, вверив в его командование всего две казачьи сотни.

По ходу преследования авангардом Великой русской армии М. И. Платов не раз попадал в затруднительное положение в силу малочисленности своего арьергардного отряда. На 15 августа он состоял из 8 казачьих, одного гусарского и 4 егерских полков с ротой донской артиллерии и батареей полуроты. У настойчивого преследователя в лице маршала Иоахима Мюрата сил имелось несравненно больше.

В тот же день генерал от кавалерии Матвей Платов был отстранен от командования армейским арьергардом, получив императорское предписание отправиться через Санкт-Петербург на Дон собирать

ополченческие полки. Барклай де Толли, надо отдать ему должное, счел такое назначение для атамана почетным (что показал дальнейший ход Отечественной войны). Поэтому в своем рапорте императору он самым добрым словом отозвался о донском атамане:

«Расставаясь с ним как с одним из благонадежнейших помощников моих, я не могу умолчать пред Вами, Всемилостивейший государь, о тех новых к пользе и славе Отечества подвигах, кои во все продолжение настоящей кампании являл он на каждом шагу. Его примерная храбрость, благоразумные распоряжения и отличное в делах военное искусство обеспечили все движения наши, удерживали превосходнейшего сила неприятеля и тем успокаивали целые армии. Я не могу определить цены заслугам его...»

Вопрос об отправке М. И. Платова из действующей армии решился только утром 17 августа. Свой арьергардный отряд он сдал генерал-лейтенанту П. П. Коновницыну, который получил усиление. В тот же день, в три часа дня в Царево-Займище к войскам Главной действующей армии прибыл новый главнокомандующий генерал от инфантерии князь М. И. Голенищев-Кутузов. С ним атаман был знаком со времени Очакова и покорения Крыма. Последний раз они вместе сражались в 1809 году в ходе Турецкой войны на берегах Дуная.

В столичный град на берегах Невы Матвею Ивановичу ехать не пришлось: император Александр I находился в Москве, но в первопрестольной столице монарх не задержался. Донской атаман встретился там с московским главнокомандующим и генерал-губернатором графом Ф. В. Ростопчиным. Тот в письме государю, среди прочего, писал:

«Платов приехал вчера утром, предполагая встретить вас здесь. Сегодня вечером он уехал обратно к войскам. Народ, узнав, что он остановился у меня, собрался в большом количестве, желая его видеть. Он сообщил известие о состоянии войск, и толпа разошлась, чрезвычайно довольная Платовым».

Поездка Платова в Москву оказалась краткой, поскольку императора там уже не было. Уже вечером 25 августа, после Шевардинского боя, Матвей Иванович возвратился в армию, чтобы в ее рядах на следующий день принять участие в битве гигантов на Бородинском поле. Казачьи полки приветствовали возвращение своего военного вождя.

Здесь следует заметить следующее. Военный министр генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли отстранил «вихорь»-атамана Платова под городом Вязьмой от командования арьергардом под благовидным предлогом. Об этом в то время много судили-рядили: Матвей Иванович своей боевитостью был у всей армии «на слуху», тогда как та же армия открыто роптала на военного министра из «немцев», который отступал все дальше и дальше в глубь России, ведя неприятеля к Москве.

Однако смена командира арьергарда отступавшей русской армии имела свои объяснения и для современников, и для последующих поколений россиян. Так, один из героев Отечественной войны 1812 года генерал А. П. Ермолов, человек твердый и объективный в суждениях, в своих «Записках» замечал следующее.

«Главномкомандующий, справедливо недовольный беспорядочным командованием атамана Платова арьергардом, уволил его от оногo, позволил отправиться из армии, и он находился в Москве, когда князь Кутузов дал ему повеление возвратиться к донским казакам в армии. Арьергард поручен генерал-лейтенанту Коновницыну, и он, отступая от Вязьмы, упорно защищался на каждом шагу...

От Гжатска в арьергарде было несколько горячих сшибок с чувствительною с обеих сторон потерей, но генерал-лейтенант Коновницын доставлял армии несравненно более спокойствия, нежели прежде атаман Платов...»

Тот же А. П. Ермолов, который с большой взаимной личной симпатией относился к донскому атаману,

в «Записках» дал объяснение тому, что мешало деятельному Платову командовать армейским арьергардом без имевших место нареканий:

«Мне причиною недейтельности его (Платова. – А.Ш.) казалось простое незнание распоряжаться разного рода регулярным войском, особенно в действиях продолжительного времени. Быть начальником казаков решительным и смелым не то, что быть генералом, от которого требуется другой род распорядительности в связи с искусством непременно».

В этом ермоловском понимании «недейтельности» атамана кроется простая истина. М. И. Платов был большим мастером устройства засад на открытых пространствах и лесистых местах, лихих атак во фронт и фланг, перекрытия дорог и переправ через реки, нарушения вражеских коммуникаций. Но в исполнении обязанностей старшего над арьергардом, которые не соответствовали ни его духу, ни его выучке и даже ни его настроению на войне, оказался «недейтельным».

Ему не составляло большой сложности заманить неприятеля в казачью засаду большими силами. Но устройство такой засады силами легкой егерской пехоты, армейской артиллерии и регулярной кавалерии, не воевавшей по-казачьи, оказалось для Платова делом многосложным. Ему пришлось столкнуться с тем, что одного атаманского порыва было мало, требовалось знание иной тактики, суть которой лежала в познании иного воинского искусства. Воевать так, как это делали кавалерийские военачальники и русской, и французской армий, атаман Войска Донского не умел и не хотел: «степные осы» имели на войне иное предназначение.

Генерал от инфантерии князь П. И. Багратион с Платовым был ровней и по духу, и по желанию сражаться с французами и тоже не желавший уходить к Москве (один понимал состояние солдата, другой казака, такого же простого бойца отступавшей по своей земле армии), оставил для истории такое замечание в адрес атамана:

«...Вдруг шельма Платов даст знать, что сила валит, а мы снимайся с позиции и беги по ночам, в жар, в зной, назад, морим людей и на пагубу несем неприятеля за собой».

Эти слова взяты из багратионовского письма Ф. В. Ростопчину, написанные до того, как Голенищев-Кутузов прибыл к армии в Царево-Займище. В те дни главная группировка Великой армии еще не оставила заметную часть своих сил на растянувшейся коммуникационной линии: она двигалась достаточно компактно и потому могла каждодневно давить на арьергард противника с большой долей опасности для него.

Заградительный бой, который атаман Платов начинал, скажем, утром, под вечер грозил для него перерасти в немалую баталию. Преждевременный в таких случаях отход арьергарда влек за собой спешное снятие с бивака на походе всей армии. Так что командующему 2-й Западной армией князю П. И. Багратиону было чему возмущаться в действиях тех, кто прикрывал общее отступление двух русских армий.

Когда дискусируется вопрос о причинах снятия атамана М. И. Платова с поста командира арьергарда и замены его генералом П. П. Коновницыным, то при этом как-то забывается одно немаловажное обстоятельство. Летучий казачий корпус входил в состав 1-й Западной армии, и арьергардные войска были из ее состава. Голенищев-Кутузов решил арьергард усилить войсками багратионовской 2-й Западной армии. То есть составлялся общий арьергард русской Главной полевой действующей армии.

В письмах, отправленных М. И. Голенищевым-Кутузовым 19 августа из главной квартиры, находившейся в тот день в Старой Деревне, генералу от инфантерии П. И. Багратиону (такие же письма были посланы М. Б. Барклаю де Толли и П. П. Коновницыну) говорилось следующее:

«Милостивый государь мой князь Петр Иванович!

При настоящем соединении 1-й и 2-й армий я предположил составить общий арьергард армий под командою, впредь до повеления, генерал-лейтенанта Коновницына. Войски, в состав одного входящие, суть следующие:

От 1-й армии: Изюмский гусарской и Польский уланской, егерские полки 1, 18, 19, 33, 34, 40, 3-я пехотная дивизия, 1 батарейная и 1 конная (артиллерийская) роты.

От 2-й армии: егерских 3 полка по усмотрению Вашего сиятельства, Ахтырский гусарской, Литовский уланской, 1 конная артиллерийская рота, полки Войска Донского 2-й армии.

Вследствие чего войски, назначаемые от 2-й армии, завтра, с выступлением оной, высланы быть должны на большую дорогу, на позицию, занимаемую ныне 1-ю армиею, и при приближении арьергарда к нему примкнут, вступив в оной по назначению генерал-лейтенанта Коновницына...

князь Г(оленищев) – Кутузов».

...Военными событиями полнился не только походный маршрут русских 1-й и 2-й Западных армий и Великой армии императора французов от Смоленска до московских пределов. Казачья доблесть была отмечена и на флангах главного театра войны. Так, в 1-м отдельном пехотном корпусе генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна в самом начале войны сражалось два казачьих полка. В августе в корпус влилось еще несколько казачьих полков из состава 1-й Западной армии.

В сражении при Клястицах, в котором смертью героя погиб генерал Я. П. Кульнев, был такой эпизод, о котором рассказывает французский мемуарист граф Марбо, командир 23-го конно-егерского полка из бригады генерала Костекса. Он, разумеется, описывает дело 19 июля под Клястицами, в котором сразились два авангарда – корпуса герцога Реджио маршала Удино и 1-го отдельного армейского корпуса генерала от инфантерии П. Х. Витгенштейна, как убедительно победное для французского оружия. Что на самом деле совсем не соответствует действительности.

В начале тех событий маршал Удино решил нанести внезапный удар по походному лагерю генерал-майора Я. П. Кульнева, в котором находилось 8 батальонов пехоты и 14 артиллерийских орудий, расположенному на берегах реки Дриссы. В атаке, кроме кавалерии, участвовало два полка пехоты генерала Альбера.

Такое количество войск в русском лагере определил сам граф Марбо. В действительности пехоты там оказалось ровно вдвое меньше – всего два егерских полка, то есть четыре батальона. Из кавалерии – кульневский Гродненский гусарский полк и один казачий. Пушек числилось не 14, а 12. Бой у деревни Якубово шел до 23 часов, то есть до наступления полной темноты, и длился намного дольше, чем о том говорит французский мемуарист.

К слову говоря, он «забывчиво» не упоминает о схватках с казаками, а их в том деле был целый полк, пять сотен лихих конных бойцов с Дона. Не стояли же они в тот июльский день у Клястиц в стороне от общей рукопашной свалки безучастными зрителями.

Генерал-майор Я. П. Кульнев в действительно тяжелом для сводного авангарда бою имел под своим командованием всего 3730 человек (4 полка и одна батарея). Граф Марбо пишет о том, что противник потерял убитыми и ранеными, по крайней мере, 2 тысячи человек, а еще около 4 тысяч человек, так и не схватившихся в своем большинстве за оружие, попало в плен к французам. А остальные («несколько самых ловких») счастливо для себя бежали за реку Дриссу. То есть если верить автору популярных не в России мемуаров, потери русского авангардного отряда корпуса Витгенштейна почти в два раза превысили его истинную численность. Бывает же такое на войне!

Командир 23-го конно-егерского полка пишет о том, что он был в нескольких шагах от унтер-офицера

Лежандра, когда тот «воткнул свою саблю в горло Кульневу» и что он, Марбо, может удостоверить, что русский генерал распростерся у ног Лежандра, не произнеся ни одного слова. В действительности тот погиб на следующий день в бою близ деревни Сивошино: вражеское ядро оторвало идущему около своего коня генералу обе ноги выше колен, и он умер на этом месте от большой потери крови. Когда французские кирасиры (не конные егеря) бросились к упавшему на дороге Кульневу (хороша была добыча, стоившая не одного ордена Почетного легиона), гродненские гусары отбили их, похоронив своего полкового командира на месте гибели.

Марбо описывает, как его конные егеря, бесшумно, шагом спокойно продвигались вперед, надеясь захватить русских врасплох. Их позицию охраняли, как хорошо видели французы, только редкие пешие часовые, стоявшие совсем близко к походному лагерю. Казалось, что нападение будет совершенно внезапным и противник не успеет схватиться за оружие и в его стане начнется такая паника, что кавалеристам не составит большого труда устроить в толпе мечущихся русских пехотинцев «страшную бойню».

Конным егерям, закаленным в наполеоновских походах, казалось, что блестящая виктория у них уже «в руках». Но «вдруг два противных казака, эти пронырливые, подозрительные ищейки, появились внезапно шагах в 30 от моей линии, – с нескрываемым огорчением пишет граф Марбо, – посмотрели на нас с минуту и затем бросились к лагерю, предупреждая его о нашем приходе».

Конные егеря обманчиво приняли редкую линию пеших часовых у самого русского лагеря за его боевое охранение. Генерал Кульнев же предусмотрительно выслал далеко вперед в сторону подходившего неприятеля небольшие числом конные казачьи дозоры, на бдительность которых можно было вполне положиться, особенно при неопределенности ситуации. О том, как состоялась встреча с одним из дозоров силой всего в два всадника, и пишет известный своими бравурными мемуарами полковой командир кавалерии корпуса маршала Удино.

Граф Марбо очень сожалеет о том, что «два противных казака» помешали его 23-му конно-егерскому полку внезапно, «подобно удару молнии», обрушиться на стан русской пехоты и стоявшую там батарею в 14 орудий. Казаки вовремя подняли тревогу, и батарея встретила атакующий полк вражеской кавалерии картечным залпом в упор. 37 конных егерей, включая двух офицеров – капитана и лейтенанта, были сражены наповал. Полк убитыми сразу лишился 40 верховых лошадей. В рядах французов после того залпа насчиталось много раненых: почти все раны, нанесенные картечинами, оказались смертельны. Картечь искалечила и коня командира полка, не зацепив его самого.

В рядах 6-го (Баварского) пехотного корпуса Великой армии, действовавшего на Санкт-Петербургском направлении, находился другой известный мемуарист из уцелевших в 1812 году наполеоновцев – Гаспар Шумахер. Офицер 4-го швейцарского полка описал для истории дело у Боярщины, под городом Полоцком. Жалуясь на походные невзгоды в России, он пишет о том, что скот, обозы со съестными и боевыми припасами по большей части не доходили до баварцев и его швейцарцев. Они захватывались и уничтожались казаками, «которые проскальзывали мимо наших флангов».

Славный день Бородина для двух противоборствующих армий приближался неумолимо. Военные вожди подсчитывали силы, которые реально имелись под рукой. В рапорте главнокомандующему князю М. И. Голенищеву-Кутузову о численности войск 1-й Западной армии генерала от инфантерии М. Б. Баркляя де Толли на 17 августа 1812 года в летучем казачьем корпусе генерала от кавалерии Платова «состояло на лицо могущих быть в строю и действии»:

Число эскадронов (казачьих сотен) – 46.

Штаб-офицеров – 15.

Обер-офицеров – 117.

Унтер-офицеров – 141.

Рядовых – 3123.

Получало провизию людей – 4694.

Получало фураж лошадей:

Строевых – 3264, артиллерийских – 164, подъемных (обозных) – 556.

23 августа главнокомандующий М. И. Голенищев-Кутузов отправил императору Александру I донесение о состоянии армии и о выборе позиции при Бородино:

«Всемиловейший государь!

...Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12-ти верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе. Но ежели он, найдя мою позицию крепкою, маневрировать станет по другим дорогам, ведущим к Москве, тогда не ручаюсь, что может быть должен идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся, и как бы то ни было, Москву защищать должно.

Касательно неприятеля, приметно уже несколько дней, что он стал чрезвычайно осторожен, и когда трогается вперед, то сие, так сказать, ощупью. Вчерашнего дня посланный от меня полковник князь Кудашев заставил с 200 казаков всю конницу Давустова корпуса (маршала Даву. – А.Ш.) и короля неаполитанского (маршала Мюрата. – А.Ш.) несколько часов сидеть на лошадях неподвижно. Вчера неприятель ни шагу вперед движения не сделал.

Сегодня казачьи наши форпосты от меня в 30-ти верстах, и боковые дороги наблюдаются весьма рачительно...

Всемиловейший государь, Вашего императорского величества всеподданнейший князь Михаил Г(оленищев) – Кутузов».

...Русская армия выходила на Бородинскую позицию походными колоннами. Вечером 22 августа подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов получил от генерала от инфантерии князя П. И. Багратиона повеление главнокомандующего создать первый армейский партизанский отряд из числа 50 гусар-ахтырцев и 150 казаков для действий во вражеском тылу. Так армейское партизанство от Главной армии в «грозу 12-го года» повело свою летопись от Бородино, которое, к слову говоря, являлось родовым дворянским гнездом Д. В. Давыдова, хорошо знавшего Подмосковье.

В тот день 23 августа, когда Главная русская армия вышла на Бородинское поле, сильные столкновения арьергарда с неприятельскими авангардными силами произошли у деревень Твердики, Гриднево, Поповка, Мышкино и Ерохово. Казачьим полкам пришлось вновь показать свою доблесть. Ружейные перестрелки, в которые «вмешивались» пушечные картечные залпы, начинались с восходом солнца и заканчивались тогда, когда ночная темень ложилась на землю.

Летучий казачий корпус генерала от кавалерии М. И. Платова к Бородинскому дню 26 августа на полях и дорогах России набрался такого боевого опыта, какого не имели в 12-м году кавалерийские корпуса и армии русской, и армии французской. Легкая конница стала в тот год незаменимой в противостоянии двух армий-гигантов. Придавал ли ей особое значение венценосный полководец Наполеон? Здесь можно ответить только однозначно: «Придавал».

...Наполеон из своего богатого военно-теоретического и мемуарного наследия оставил после себя такой известный труд, как «Семнадцать замечаний на работу под названием «Рассуждения о военном искусстве», изданную в Париже в 1816 году». В нем он рассуждал и о достоинствах легкой кавалерии, отметив и казачьи войска России:

«...Замечание 3-е

Кавалерия

- 1) Нужно ли управление легкой кавалерией подчинять управлению пехотой?
- 2) Нужно ли обучать легкую кавалерию той же тактике, что и линейную, или употреблять ее только для фуражировки и так, как действует венгерская иррегулярная конница, мамлюки и казаки?
- 3) Можно ли ее использовать в авангарде, в арьергарде, на флангах армии – без поддержки линейной кавалерией?..

Легкая кавалерия посылается далеко от армии для разведки и, значит, не относится к пехоте; необходимо специально поддерживать ее линейной кавалерией. Во все времена существовало соперничество между пехотой и кавалерией.

Легкая кавалерия необходима в авангарде, арьергарде и на флангах; следовательно, она не может быть придана определенному пехотному соединению и следовать за ним. Естественнее поставить ее в зависимость от командования линейной кавалерией, чем от командования пехотой, с которой у нее нет никакой связи; она должна иметь и собственное управление.

Кавалерии нужно большее число офицеров, чем пехоте; и следует обучать ее с большей тщательностью. Успех ее приобретается не одной быстротой, но и порядком, стройностью в движениях, построениях и правильным употреблением резервов.

Если легкая кавалерия назначается в авангард, то необходимо разделять ее на эскадроны, бригады, дивизии, чтобы она могла маневрировать. Ибо авангарды и арьергарды ничего другого не делают: они то преследуют, то отступают в шахматном порядке, то перестраиваются в несколько линий или в колонны, то быстро переменяют фронт, чтобы охватить фланг неприятеля.

Применяя все эти эволюции, авангард или арьергард в состоянии уклониться от боя с превосходящими силами неприятеля и от слишком ожесточенных схваток с ним, а, между тем, сдерживая их, дает время подоспеть – всей армии, развернуться – пехоте, принять решение – главнокомандующему, прибыть на место – паркам и обозам.

Все искусство авангардного и арьергардного начальника состоит в том, чтобы сдерживать неприятеля, не подставляя себя под удар, и заставить его потратить четыре часа, чтобы продвинуться на одно лье. Только практическим обучением достигаются такие результаты, и оно при всех обстоятельствах нужнее кавалерии, чем пехоте; нужнее авангарду и арьергарду, чем любым другим частям.

Венгерская иррегулярная конница, которую мы встречали в 1797, 1805 и 1809 годах, находилась в самом жалком состоянии. Если легкая кавалерия времен Марии-Терезии была грозной, то только благодаря хорошей организации и особенно в силу своей многочисленности. Полагать, что она превосходит гусар Вурмзера, драгун Латура и эрцгерцога Иоанна, значит составить себе ложное представление об этом деле; но никогда венгерская иррегулярная конница и казаки не составляли авангарда и арьергарда в австрийских и русских войсках, потому что, кто говорит «авангард» или «аррьергард», имеет в виду маневренные части.

Русские ценят обученный полк казаков наравне с тремя необученными. В этих полках ничто не стоит внимания, кроме самого казака: он хорошо сложен, силен, ловок, сметлив, хороший кавалерист и

неутомим. Он рожден на коне, вырос среди гражданских войн и на равнине представляет собой то же самое, что бедуин в пустыне, что горный житель в Альпах. Он никогда не живет в доме, не спит в постели и на заходе солнца меняет место ночлега, чтобы не проводить ночь в месте, где он мог быть замечен неприятелем...

Два мамлюка справлялись с тремя французами, потому что у них были лучшие лошади и сами они лучше ездят и лучше вооружены. У мамлюка пара пистолетов, мушкетон, карабин, шашка с забралом, кольчуга, несколько лошадей и несколько человек пешей прислуги. Но сотня французских кавалеристов не боялась сотни мамлюков; триста французов брали верх над таким же числом мамлюков, а тысяча разбивала 1500. Так сильно влияние тактики, порядка и эволюций!..

Особенность авангарда или арьергарда состоит не в наступлении и отступлении, а в маневрировании. Они должны состоять из хорошей легкой кавалерии, поддерживаемой резервом хорошей линейной кавалерии, прекрасных батальонов пехоты и хороших артиллерийских батарей. Войска эти должны быть хорошо обучены, генералы, офицеры и солдаты – одинаково хорошо знать тактику – каждый соответственно своему чину. Необученное войско производит в авангарде только беспорядок.

Признано, что в целях облегчения маневра эскадрон должен насчитывать 100 человек; три или четыре эскадрона должны состоять под начальством штаб-офицера.

...Вся кавалерия должна быть снабжена огнестрельным оружием и быть в состоянии действовать спешившись. Три тысячи человек легкой кавалерии или столько же кирасир не должны останавливаться перед 1000 человек пехоты, занимающей лес или местность, неудобную для действий кавалерии...»

Это были рассуждения великого полководца, которым гордилась, гордится и будет всегда гордиться Франция. Наполеона можно вполне считать и великим военным реформатором, поскольку именно при нем французская военная сила достигла не только удивительного совершенства, но и пика побед на полях брани. Император мог положиться на свою кавалерию, самую мощную в Европе на начало 1812 года, а вернее – до 26 августа, когда более половины ее пало на Бородинском поле.

Россия тоже обладала сильной регулярной кавалерией, но в ней преобладала легкая конница, стержнем которой являлось казачество, на обучение и снаряжение которого на войну государство почти не тратилось. Иначе говоря, такого количества подготовленной дома иррегулярной конницы в эпоху Наполеоновских войн и после них, до самого конца Первой мировой войны 1914–1918 годов, не знало ни одно государство мира.

Уже в самом начале вторжения Великой армии пришлось столкнуться с казачьей конницей, высоко боеспособной, на редкость мобильной, хорошо приспособленной к походной жизни, с осознанной бодростью духа. «Степные осы» стали безжалостным конвоем сопровождения воинства Наполеона по дорогам России от границы до Москвы и обратно. В Европу из России вышел разве что каждый седьмой из тех, кто участвовал в Русском походе Бонапарта.

Глава вторая. От Бородина до Тарутино.

Арьергардные бои. Ярость маршала Мюрата.

Сражение на реке Чернишне. Армейские партизанские отряды. Донское казачье ополчение.

Перед днем Бородина – днем 26 августа – русская армия в главных силах своих вышла на поле генеральной баталии Отечественной войны 1812 года и стала располагаться на позициях, назначенных 1-й и 2-й Западным армиям. Назначенные места занимали корпуса и дивизии, полки и батареи. В том, что давно ожидаемое сражение наконец-то состоится, уже никто не сомневался.

Русские арьергарды с их казачьими полками вышли на Бородинское поле последними. В день 23 августа отряд генерала К. К. Сиверса 1-го отошел к деревне Гриднево, отряд генерала П. П. Коновницына – к Колоцкому монастырю, а отряд генерала К. А. Крейца – к деревне Поповке. Они упорно сдерживали французский авангард, стремясь выиграть время для русской армии, устроившейся на позициях для предстоящей битвы.

В ее преддверии сильные арьергардные бои произошли у деревень Твердики, Гриднево, Поповка, Мышкино и Ерохово. Казачьим сотням не раз приходилось спешиваться и превращаться в пеших стрелков. Отходили они только по приказу свыше: французам при их большом старании никак не удавалась «сбить» казачьи заслоны с занимаемых позиций.

В тот день отличился бесстрашием и мужеством генерал-майор Иван Козьмич Краснов 1-й, которому не довелось стать участником исторической битвы на поле Бородинском. Но доля его в той славе русского оружия огромна. Накануне Бородинской генеральной баталии у Колоцкого монастыря (у деревни Гриднево) произошел арьергардный бой русской стороны, которой командовал генерал-лейтенант П. П. Коновницын.

События того дня 23 августа развивались так. В 9 часов утра авангард французской армии (40 эскадронов кавалерии, две колонны пехоты и 18 орудий) обрушил свой удар на казачий отряд генерала Н. В. Иловайского, прикрывавшего отход русской армии к Бородино. Однако тот не «выказал страха» перед превосходящими силами атакующих четырех десятков кавалерии маршала Иохима Мюрата, которого казаки называли «Муратом».

Казаки, отбиваясь, отошли к деревне Гриднево, где находились главные силы армейского арьергарда. Здесь наполеоновцы, стремившиеся на всем протяжении пути от города-крепости Смоленска к Москве связать боем и отрезать от своих хотя бы часть кутузовских войск, встретили самый стойкий отпор.

Генерал-лейтенант П. П. Коновницын, доносил в тот день князю Багратиону: «В продолжение десяти часов сражения мы уступили неприятелю не более девяти верст, останавливаясь в пяти позициях».

Казакам под Колоцким монастырем приходилось раз за разом отбивать атаки вражеской кавалерии, находясь под артиллерийским обстрелом неприятеля. Когда 60-летний генерал-майор Краснов 1-й скакал впереди своих полков, французское ядро раздробило ему опять ту же «злочастную правую ногу», уже дважды «жестоко» израненную пулями.

Врачи вынуждены были срочно сделать раненому ампутацию ноги. Операция ему была проведена в походной палатке атамана Матвея Платова и в присутствии его старого боевого товарища. Рана оказалась

смертельной, и после 14 часов мучений, на следующий день 25 августа, Иван Козьмич Краснов скончался.

...Мемуарист С. Н. Глинка, автор «Из записок о 12-м годе» рассказал о гибели прославленного донского военачальника И. К. Краснова, которому прочили блестящее будущее на полях брани, в еще не достигшей своего апогея Отечественной войне 1812 года:

«За несколько дней до битвы Бородинской убит был под Колоцким монастырем донских войск генерал-майор Иван Кузьмич Краснов первый, который, за отъездом М. И. Платова в Москву, занял место его...

За отсутствием Платова Краснов начальствовал в авангарде донскими полками на высотах Колоцкого монастыря. Жестоким огнем действовали неприятельские и русские батареи; Краснов молнией перелетал с одного крыла на другое пуд тучею пуль, картечи и ядер. Его приметили с французской батареи и направили роковой удар.

Умиравший герой, увидя внука своего, есаула Гладкова, недавно прибывшего с Дона, с лаской сказал: «И ты здесь, очень рад, ты будешь мне нужен». В стенах монастыря тотчас отыскивали лекаря. Но раненая нога так была раздроблена и измята, что невозможно было перевязать.

Между тем конница неприятельская усилилась с левого крыла, по малолюдству полки наши отдалялись. В то же время с ближайших батарей густо летели ядра. Надлежало спасти раненого не от смерти, а от плена. По дороге к Бородину дали отдохнуть Краснову, где, встретясь с генералом Иловайским пятым, (он) сдал ему начальство и сказал: «Отражай! Гони неприятеля, и я радостно умру!»

Немедленно препоручено было есаулу Гладкому препроводить Краснова в главную квартиру и отыскать знаменитого врача Виллие. Отнятие ноги сделано под открытым небом в присутствии Баркляя де Толли и Платова, возвратившегося из Москвы. Война двигалась к Бородинским батареям. Раненый Краснов страдал и терпел. Один только раз, несколько поморщившись, сказал Гладкову, который поддерживал ему голову: «Скоро ли это кончится?» – «Скоро!» – отвечал Гладков. – «А нога где?» Внук замолчал. На окровавленном ковре перенесли Краснова в квартиру Баркляя де Толли.

Между тем пушки гремели беспрестанно. Как будто бы пробуждаясь от тяжелого сна, умирающий герой спрашивал: «Что делают наши?» Гладков отвечал: «Дерутся». – «Кто кого бьет?» – «Наши!» – «Хорошо ли?» – «Как русские!» Вдруг гусарский офицер, вбежал в комнату с ложной вестью и сказал: «Даву убит!» – «Слава богу!» – воскликнул Краснов, – он был злой человек! Приподнимите меня, – продолжал он, – я сам хочу посмотреть, что делают наши». Ему отвечали: «Наши бьют французов». – «Слава богу! Дай бог!» Тут хотел он перекреститься, но правая рука уже была неподвижна. Краснов скончался через четырнадцать часов после раны...»

...Казачьего генерала похоронили 27 августа при скоплении многотысячной толпы москвичей, провожавшей его в последний путь, на кладбище Московского Донского монастыря рядом с могилой атамана Иловайского, давнего его боевого соратника. Для современников это было запоминающимся событием начала той большой войны, какой стал для россиян Русский поход императора французов.

Краснов 1-й в Отечественной войне 1812 года оказался единственным казачьим генералом, павшим на поле брани. Хотя раненых и перераненных набиралось много. После гибели в «Русском вестнике» о нем была напечатана большая статья с портретом. Такой чести тогда удостаивались немногие.

В российском обществе, в русской армии говорилось, что на войне за Отечество пал воин, который в молодые годы был «отмечен вниманием самого генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, графа Рымникского, князя Италийского». Почести павшему военачальнику отдавались во всех слоях российского общества, что говорило о его популярности.

Это была оценка личности атамана Бугского казачьего войска и его деяний не только в отражении нашествия полчищ Наполеона Бонапарта на Россию, но и доблести в других военных кампаниях. Ими послужной список Краснова 1-го, как, впрочем, и почти всего донского генералитета 1812 года, был действительно богат.

Память о Иване Козьмиче Краснове в русской армии и казачестве хранилась свято. 26 августа 1904 года «в вечное сохранение и напоминание о командирах, водивших казачьи полки к победам, 15-му Донскому казачьему полку было присвоено имя генерал-майора Краснова 1-го.

Полк комплектовался призывниками с Верхнего Дона – Усть-Медведицкого округа. «Красновцы» гордились полковым Георгиевским знаменем. Эту святыню они получили как правопреемники Донского казачьего Карпова полка. Казаки носили на головных уборах знаки отличия за Русско-турецкую войну 1877–1878 годов, отличившись при освобождении славянской единой Болгарии от османского ига.

...В день боя у деревни Гриднево близ Колоцкого монастыря главнокомандующий Главной русской армии, находясь «при селе Бородине», отправил императору Александру I очередное донесение о состоянии войск и выборе позиции для долгожданного сражения. М. И. Голенищев-Кутузов в том донесении вновь с похвалой отозвался о действиях казаков в арьергардных столкновениях с французами:

«Касательно неприятеля, приметно уже несколько дней, что он стал чрезвычайно осторожен, и когда трогается вперед, то сие, так сказать, ощупью. Вчерашнего дня посланный от меня полковник князь Кудашев заставил с 200 казаками всю конницу Давустова корпуса и короля неаполитанского несколько часов сидеть на лошадях неподвижно. Вчера неприятель ни шагу вперед движения не сделал. Сегодня казачьи наши форпосты от меня в 30-ти верстах, и боковые дороги наблюдаются весьма рачительно».

В другом донесении (не датированном) на имя императора Александра I главнокомандующий сообщал о деле под Колоцким монастырем:

«Августа 24-го числа пополудни в 4 часа арьергард наш был атакован при Колоцком монастыре французами. Превосходные силы неприятеля принудили отступить оной к позиции, близ Бородина находящейся, где войска были уже устроены в боевой порядок.

В сей день арьергард наш имел дело с неприятельскою кавалериею и одержал поверхность (победу). Изюмский гусарский полк с некоторым числом казаков атаковал сильно французскую кавалерию, где три эскадрона оной были истреблены...»

Прологом к генеральной баталии Отечественной войны 1812 года стала кровопролитная схватка за редут на высоте у села Шевардино. Она с самой завязки отличалась редкой жесточенностью и упорством сражающихся. Шевардинский бой 24 августа близился к завершению. Начинало темнеть, хотя стороны продолжали ходить в атаки. Историки, ссылаясь на мемуаристов, и сегодня спорят о том, что заставило полководца М. И. Голенищева-Кутузова отдать приказ войскам отойти от Шевардино на Бородинскую позицию и перестать вести борьбу за передовой редут. Думается, одной из причин такого решения стало следующее донесение от легкоконного арьергардного отряда:

«...Полученный к вечеру рапорт от генерал-майора Карпова, отступавшего по (Старой Смоленской) дороге с 4-мя казачьими полками подтвердил, что (Польский) корпус князя Понятовского приближался по сей дороге. Вследствие сего (и других подобных донесений. – А.Ш.) главнокомандующий приказал генерал-лейтенанту Горчакову 2-му, оставя редут в ночи, отступить со всеми войсками в главную армию и занять свое место в линии».

...Утром 26 августа 1812 года первые солнечные лучи, павшие на Бородинское поле, высветили две армии, готовые сразиться друг с другом. Русская армия – за свое Отечество, Великая армия Французской империи – за то, чтобы покорить Россию, поставив ее силой на колени, и продиктовать ей свои условия

мира.

Два великих полководца – генерал от инфантерии Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов и император французов Наполеон I Бонапарт – хорошо знали соперника. Для того и другого это была генеральная баталия. Для первого – в священной Отечественной войне, для второго – в завоевательном Русском походе.

Французский генерал Ж. Ж. Пеле-Клозо в своих мемуарах под названием «Бородинское сражение» так описывает состояние императора Наполеона, обзревшего под солнечными лучами огромное поле битвы:

«Он (Наполеон. – А.Ш.) полагал, что дает почти фронтальное сражение. Превосходя числом французскую армию, они (русские. – А.Ш.) ежеминутно могли перейти в наступление, обрушиться на какую-либо часть нашего фронта, направить... превосходную кавалерию или тучу казаков на нашу линию отступления. Многочисленные предосторожности были необходимы».

Главная русская армия состояла из двух армий – 1-й Западной генерала от инфантерии Михаила Богдановича Барклая де Толли и 2-й Западной генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона. Через самое короткое время после Бородинской битвы эти армии перестанут существовать как таковые. Немалую часть их кавалерии составляли казачьи и иные иррегулярные полки.

Основу иррегулярной конницы 1-й Западной армии составлял летучий казачий корпус силой в 10 полков. Командовал им кавалер ордена Святого Георгия 2-й степени (класса), атаман Войска Донского, генерал от кавалерии Матвей Иванович Платов.

Атаман имел в день Бородина небольшой по составу корпусной штаб, который состоял из: оберквартирмейстера – капитана Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части А. И. Тарасова, дежурного штаб-офицера – полковника Лейб-гвардии Конного полка И. Я. Шперберга и старшего адъютанта – войскового старшину Атаманского полка С. Д. Лазарева 3-го. При платовском штабе состоял полковник принц Эрнст-Константин Гессен-Филиппстальский, связанный родственными узами с домом Романовых.

Летучий казачий корпус, из которого в который уже раз изъяли ряд полков (носивших фамилии своих командиров), в день 26 августа имел в своем составе следующие бригады:

Бригада подполковника М. Г. Власова 3-го в составе:

Донской казачий подполковника И. И. Андрианова 2-го полк.

Донской казачий войскового старшины М. Г. Чернозубова 8-го полк.

Донской казачий есаула С. В. Андропова 3-го полк.

Перекопский крымско-татарский полк подполковника князя А. Хункалова 1-го полк.

Бригада генерал-майора Н. В. Иловайского 5-го в составе:

Донской казачий Н. В. Иловайского 5-го полк (командир – войсковой старшина И. Г. Давыдов 3-й).

Донской казачий Грекова 18-го полк (командир – войсковой старшина А. С. Греков 26-й).

Бригада генерал-майора В. Т. Денисова 7-го в составе:

Донской казачий Денисова 7-го полк (командир – войсковой старшина Г. П. Победнов 1-й).

Донской казачий войскового старшины И. И. Жирова полк.

Бригада генерал-майора Д. Е. Кутейникова 2-го в составе:

Донской казачий подполковника К. И. Харитонова 7-го полк.

Симферопольский конно-татарский полк подполковника князя К. Балатукова 1-го.

Помимо разночисленных бригад платовского летучего казачьего корпуса в состав сил 1-й Западной армии входили следующие отдельные полки иррегулярной конницы:

Атаманский казачий полк Донского войска полковника С. Ф. Балабина 2-го.

1-й Бугский казачий полк есаула С. Ф. Жекула.

1-й Башкирский конно-казачий полк майора М. М. Лачина.

1-й Тептярский полк майора Н. А. Тимирова 1-го.

Донская конно-артиллерийская 12-орудийная рота № 2 (командир – войсковой старшина П. В. Суворов 2-й).

Всего в составе иррегулярных войск 1-й Западной армии числилось (на 24 августа): 72 конные сотни и 12 орудий; около 5600 человек. Все полки состояли из 5 сотен, кроме Атаманского полка, имевшего 7 казачьих сотен. Полного, то есть штатного, состава даже близко не имела ни одна из казачьих сотен, ни один полк.

Помимо этих сил, в состав 1-го резервного кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта, генерал-адъютанта Ф. П. Уварова входили казачьи гвардейские части – Лейб-гвардии Казачий полк (3 эскадрона) и гвардейская Черноморская сотня, состоявшая при этом полку. Они входили в состав 2-й бригады корпуса вместе с таким же легкоконным Лейб-гвардии Гусарским полком.

Лейб-гвардии Казачьим полком командовал генерал-майор, генерал-адъютант граф В. В. Орлов-Денисов. Он же стоял во главе бригады. Гвардейской Черноморской сотней командовал войсковой старшина А. Ф. Бурсак 2-й.

Иррегулярными войсками 2-й Западной армии командовал генерал-майор А. А. Карпов 2-й. Его штаб состоял из: обер-квартирмейстера – капитана Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части И. И. Шица и дежурного штаб-офицера есаула Н. Л. Денисова. В состав казачьей конницы (она делилась не на бригады, а на отдельные отряды) багратионовской армии входили:

Донской казачий полковника А. И. Быхалова 1-го полк.

Донской казачий войскового старшины И. В. Грекова 21-го полк.

Донской казачий полковника О. В. Иловайского 10-го полк.

Донской казачий полковника Т. Д. Иловайского 11-го полк.

Донской казачий войскового Карпова 2-го полк (командир – войсковой старшина П. А. Калинин).

Донской казачий войскового старшины Д. Д. Комиссарова 1-го полк.

Донской казачий подполковника Г. Г. Мельникова 4-го полк.

Донской казачий Сысоева 3-го полк (командир – есаул Т. Т. Рыковсков).

Донская 12-орудийная конно-артиллерийская рота № 2.

Всего в составе казачьих войск 2-й Западной армии (на день 17 августа) числилось 40 сотен (3016 человек) и 12 конных орудий. Все полки были 5-сотенного состава. В них на день 26 августа тоже отмечается большая убыль личного состава.

Таким образом, в Бородинском сражении участвовало около 9,5 тысячи человек иррегулярной (казачьей) конницы при 24 орудиях Донской артиллерии. В это число не входят казачья гвардия, 2-й

Бугский казачий полк (5 сотен) подполковника М. А. Немцо-Петровского, состоявший, как конвой, при главной квартире 1-й Западной армии, и 3-й Бугский казачий полк (5 сотен) майора К. И. Селистратова, состоявший в конвое главной квартиры 2-й Западной армии.

...Участие казачьих войск в «битве гигантов», как порой называют генеральное сражение «грозы 12-го года», выразилось, прежде всего, в рейде на левый фланг позиции Великой армии платовского летучего казачьего корпуса и кавалерийского корпуса генерала Уварова. Сам рейд, его организация и результаты вызывают много споров среди исследователей в силу многих обстоятельств, что подтверждается мемуаристами и умозаключениями отечественных и зарубежных историков на протяжении последних двух столетий.

«Предистория» рейда корпусов атамана Платова и генерала Увалова на Бородинском поле описана мемуаристами не раз. Не оказался в стороне и Карл фон Клаузевиц, известный военный теоретик и историк, одно время служивший в русской армии в чине подполковника Свиты Его Величества по квартирмейстерской части. В своем известном военно-историческом труде «1812 год» Клаузевиц описал то, как в кутузовской ставке в Горках принималось решение о проведении на поле Бородина кавалерийского рейда:

«Около 8 часов утра, находившаяся по ту сторону Колочи деревня Бородино, которую защищал один егерский полк, была уже потеряна, и бой продолжался за обладание расположенными в центре укреплениями. Со стороны русских было принято решение организовать наступательный маневр против левого фланга французов.

Дело в том, что на правом фланге русских генерал Платов с двумя тысячами казаков занялся розыском брода через Колочу, переправился через нее и был крайне изумлен, не найдя почти вовсе неприятеля там, где предполагалось все его левое крыло....

Короче говоря, Платов отправил к Кутузову принца Гессен-Филиппстальского, сопровождавшего его в качестве добровольца, чтобы сообщить главнокомандующему о сделанном им открытии и предложить двинуть значительную кавалерийскую массу через брод, чтобы ударить в слабый пункт противника.

Принц Гессенский – молодой неопытный офицер, который, пожалуй, больше самого Платова был увлечен этой идеей, обратился к полковнику Толю и так живо изобразил ему это дело, что оно в первую минуту действительно представилось чем-то значительным. Толя удалось привлечь на сторону этой идеи; он тотчас поехал к князю Кутузову, который расположился у небольшой деревни Горки.

Автор, состоявший тогда в должности обер-квартирмейстера при первом кавалерийском корпусе (Уварова), находился в свите своего генерала как раз у Кутузова, когда подъехал полковник Толь. Последний только что вернулся с левого фланга и сделал доклад Кутузову, что все обстоит превосходно и что князь Багратион отбил все атаки. (В первые два часа боя иначе и быть не могло.)

В этот же момент пришло ошибочное донесение, что Мюрат взят в плен в центральном укреплении, временно очищенном русскими и затем снова занятом ими. Это вызвало взрыв энтузиазма, многие высказывались за то, чтобы немедленно сообщить это известие войскам; некоторые более хладнокровные генералы полагали, что ввиду полной невероятности такого известия следовало бы подождать подтверждения; впрочем, этому рассказу верили в течение целого получаса, хотя Мюрат так и не прибыл, что объяснили тяжелой раной, полученной им. Теперь нам стало известно, что то был не король Неаполитанский, а генерал Бонами, получивший тяжелую рану и оставленный французами при отступлении.

Среди общего энтузиазма и под радостным впечатлением благоприятного оборота, который принимало сражение, полковник Толь доложил Кутузову предложение принца Гессенского; сразу было

видно, что Толь, чересчур увлеченный общим настроением, поверил, что сильная диверсия кавалерийского корпуса на левом фланге противника даст новый могучий импульс всему делу и, пожалуй, приведет к успешному решению сражения.

Итак, он предложил воспользоваться для этого силою в 2500 коней легкой гвардейской кавалерии, остававшейся пока совершенно праздно позади правого крыла. Кутузов, выслушивавший все донесения и речи совершенно с рассеянным видом, и лишь время от времени отвечавший: «Хорошо, сделайте так», и на это предложение сказал: «Ну, что же, возьмите его!»

На кавалерийский рейд в левый фланг позиции Великой армии главнокомандующий М. И. Голенищев-Кутузов возлагал большие надежды (документально не подтвержденные), о которых историки ведут полемику по сей день. Он был недоволен действиями прежде всего атамана Платова, а не генерал-адъютанта Ф. П. Уварова. Только этим можно объяснить так трудно воспринимаемый факт, что Кутузов при всем своем отеческом отношении к русскому воинству не дал хода платовскому рапорту о представлении к награждению отличившихся на Бородинском поле из его летучего корпуса.

Более того, сам Матвей Иванович, имевший впечатляющее созвездие орденских пожалований от своих и европейских монархов, за генеральную баталию Отечественной войны 1812 года не был награжден никак. На него, пусть и не на самое долгое время, легла опала главнокомандующего.

Ожидания от кавалерийского рейда корпусов Платова и Уварова в оценках мемуаристов из числа высшего командного состава разнятся. Так, генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли в «Изображениях военных действий 1-й Западной армии в 1812 году» отмечал:

«Князь Кутузов отрядил 1-й кавалерийский корпус к Москве реке для нападения на левый фланг неприятеля с помощью казаков генерала Платова, если бы сие нападение исполнилось с большой твердостью... то последствия оно бы блистательны».

Однако здесь с Барклаем де Толли, полководцем и военным министром России, можно не согласиться. Бородинское сражение трактуется в истории как «битва гигантов», в которой в смертельной схватке сошлись около 285 тысяч войск при более чем 1200 орудиях полевой артиллерии. Все эти войска и огромные по числу стволов батареи занимали не столь уж огромное, открытое пространство.

Разве мог решить исход такого сражения удар легкой кавалерии силой в 2500 сабель на устроенное расположение пехотных дивизий и корпусов? Что могла сделать, если заглянуть в историю той эпохи, иррегулярная конница против пехотных каре, готовых дать залп за залпом из многих сотен ружейных стволов, подкрепленных пушечной ближней картечью?

Или, скажем, переломить ход битвы, в которой, к примеру, на Семеновские флеши в атакующем порыве ходили десятки тысяч пехоты, а Курганную высоту накрывал шквал огня из сотни и больше орудий? Сопоставим ли с этим был удар «в шашки», «в пики», «в дротики» казачьей лавы, предназначенной совсем для иного рода атакующих действий.

При этом историки как-то забывают про географию Бородинского поля. Оно было далеко от идеального пространства для набеговых действий, для рейдов легкой конницы. Одна река Колочь с ее заболоченными, крутыми для конников берегами, имевшая у Бородино совсем немного удобных бродов, на большей части своего течения видится неодолимым препятствием для кавалерии. Как здесь не вспомнить, к примеру, историческое «стояние на реке Угре», которая по своей глубине и широте тоже не смотрится впечатляющей водной преградой. А вот берега реки Угры для многих десятков тысяч степных коней стали почти всюду действительно «крепостной стеной, созданной самой природой».

Но уже одно то, что венценосный полководец Наполеон на два часа прекратил атаки и «багратионовской» 2-й Западной армии «сделалось легче дышать», свидетельствует о «цене»

кавалерийского рейда корпусов Платова и Уварова. Собственно говоря, как говорят документы и мемуаристы, главнокомандующий никакой сверхзадачи перед ними и не ставил. Но, думается, он верил в то, что в ходе сражения обязательно произойдет доброе дело для успеха русского оружия и что инициативность этих двух генералов будет значимой для хода и исхода битвы. Так оно и случилось на самом деле.

Мемуарист полковник Б. Н. Болговский, участник сражения, писал: «Платов... исполнил это движение с такою точностью и спокойствием, что был замечен неприятелем только при выходе из дефиле в удалении приблизительно версты от его крайнего левого фланга. Неприятель, уstraшенный внезапным появлением леса пик и заметив там даже пехоту, счел левый фланг армии в весьма опасном положении... блестящие атаки генерала Уварова не позволили ему сомневаться, что они производились, опираясь на решительное движение Платова... Этот маневр Платова решил участь русской армии».

Рейд конницы кутузовской армии на правом крыле русской позиции многоспорен уже двести лет! Если бы он действительно ничего не дал, то и «копья ломать» в рассуждениях о нем историки не стали бы. Но чтобы как-то определиться в этом немаловажном эпизоде Бородинской битвы, думается, стоит чаще обращаться к современникам «грозы 12-го года», очевидцам рейда, прямым участникам генеральной баталии Отечественной войны.

Среди этих людей, оставивших после себя мемуарное наследие, на особом месте стоит А. И. Михайловский-Данилевский, который в отличие от прочих «самовидцев» является, что ни говори, официальным летописцем Отечественной войны 1812 года. И пользовался он любыми документами тех далеких военных событий, которые, к великому сожалению, сохранились в силу самых разных причин до наших дней не в полном объеме. Иначе говоря, документальная достоверность «Описания Отечественной войны 1812 года», написанного Михайловским-Данилевским по высочайшему повелению, предельно высокая.

Военный историк А. И. Михайловский-Данилевский, выпускник Геттингенского университета, всю кампанию 1812 года занимался составлением журналов военных действий, «Известий о наших военных действиях», иностранной перепиской штаба главнокомандующего М. И. Голенищева-Кутузова, при котором служащий-ополченец Министерства финансов состоял адъютантом. Он вел обстоятельный дневник и был участником Бородинского сражения, вскоре после войны став собирателем воспоминаний ее участников.

В главе 10-й части второй «Описания» его автор-«самовидец» так рассказывает о том, что было связано с рейдом летучего казачьего корпуса генерала от кавалерии М. И. Платова и 1-го резервного кавалерийского корпуса генерал-адъютанта Ф. П. Уварова в день 26 августа:

«Незадолго до начала атаки, в которой ранен князь Багратион, и до нападения на батарею Раевского, князь Кутузов беспрестанно получал донесения, что неприятель все более и более стягивает силы против нашего левого крыла. Он был подле батареи на Горках, немного левее столбовой дороги.

Желая лично удостовериться в справедливости донесений, князь Кутузов взъехал на пригорок, осыпаемый гранатами и обломками их, летевшими во все направления. На волоске была жизнь того, на ком лежала надежда России. Тщетно уговаривали его спуститься с пригорка, и когда никакие убеждения не действовали на него, адъютанты взяли его лошадь за узцы и вывели его из-под выстрелов. Следствием сего личного обозрения были два приказания, сделанные Кутузовым:

1) Милорадовичу, со стоявшим на правом крыле 4-м пехотным корпусом графа Остермана (Остермана-Толстого) и 2-м кавалерийским Корфа, сблизиться к центру;

2) Платову с казаками и Уварову с 1-м кавалерийским корпусом переправиться вброд через Колочу,

выше Бородина, и атаковать левое крыло неприятеля.

Сим движением князь Кутузов надеялся развлечь внимание Наполеона и оттянуть часть сил его от нашего левого крыла.

Местоположение для действия 1-го кавалерийского корпуса Уварова было невыгодно. Надлежало переходить через овраг и речку и потом подниматься на крутой берег. Деревня на левой стороне и лес на правой были заняты неприятельскою пехотою. Переправившись через Колочу, Уваров возложил первую атаку на графа Орлова-Денисова с полками Лейб-гусарским, Лейб-казачьим и Елисаветградским гусарским.

Граф Орлов-Денисов должен был спуститься в ров и построить полки на противоположном высоком берегу, под огнем неприятельской артиллерии. Все препятствия были преодолены; наши пустились в атаку на стоявшую вблизи пехоту. Отстреливаясь, пехота поспешно отошла назад. Находившаяся при ней батарея едва успела отступить. Елисаветградский гусарский полк отбил два орудия, но не мог увезть их.

Уваров предпринял вторичную атаку, но она не удалась, потому что неприятель успел усилить пехоту и сформировать ее в каре. В одном из них принужден был искать спасения сам вице-король (Эжен Богарне), прискакавший из центра, где он велел прекратить нападения, и оттуда велено части войск идти на левый берег Колочи.

Князь Кутузов смотрел на действия Уварова с Горской батареи и приказал ему отступить, заметив, что цель, для которой послана кавалерия, была достигнута, то есть что войска неприятельские стали подаваться на левое крыло их. Невзирая на повеление, Уваров не отходил еще несколько времени и разными движениями делал вид, будто намерен возобновить атаку. Он отошел обратно на позицию, когда получил вторичное приказание.

Платов находился правее Уварова. Казаки перешли вброд через Войну, рассыпались в тылу неприятельском и произвели такую тревогу, что бывшие там обозы в величайшем беспорядке обратились в бегство. По отступлении Уварова отошел назад и Платов.

Действия Платова и Уварова имели на участь сражения влияние чрезвычайно важное, вполне оправдавшее ожидания князя Кутузова. Левый фланг наш был оттеснен, укрепления впереди Семеновского взяты, Наполеон уже отдал повеление молодой гвардии двигаться для подкрепления кавалерийских корпусов, возобновивших с бешенством одну атаку за другою; наконец, он в то же время приказал вице-королю атаковать курганную батарею, и вдруг изменился вид дела.

Гвардии велено остановиться и вице-королю не идти в атаку на батарею Раевского. Этого мало, вице-король и сам Наполеон, завидя кавалерию Платова и Уварова, и произведенную ими тревогу на левом крыле и в тылу, понеслись к берегам Войны, желая удостовериться в силах, какие князь Кутузов отрядил для обхода их и нападения.

Тем, кто находился в Бородинском сражении, конечно, памятна та минута, когда по всей линии неприятеля уменьшилось упорство атак, огонь видимо стал слабее и нам, как тогда кто-то справедливо заметил, «можно было свободно вздохнуть».

Вот одна из главных причин, лишивших Наполеона возможности воспользоваться победою, уже склонившеюся на его сторону. Столь счастливый оборот был непосредственным следствием превосходного маневра князя Кутузова – маневра, до сих пор не оцененного достойным образом».

К сказанному выше Михайловским-Данилевским следует добавить следующее: для участия в рейде атаман Платов постарался собрать максимум своих сил, в том числе и бригаду подполковника Максима Власова 3-го. Он командовал отдельным казачьим отрядом, состоявшим из четырех (трех) полков «для наблюдения за противником и прикрытием правого фланга» 1-й русской Западной армии генерала от

инфантерии М. Б. Баркляя де Толли на берегах реки Колочи. То есть по нижнему течению Колочи до впадения ее в реку Москву.

Уже одно такое командование послужило М. Г. Власову лучшей характеристикой: чина полковника он еще не носил, и отрядное начальство было дано ему «за прежние заслуги». Сторожить фланг армии в большом сражении виделось делом значимым и опасным.

Рейд корпусов Платова и Уварова в Бородинском сражении уже два столетия продолжает оставаться предметом споров исследователей той войны. Однако при его оценке стоит, в первую очередь, обращаться к оценкам современников, участников той битвы гигантов – Главной русской армии и Великой армии Бонапарта. Они имели возможность видеть и оценить кавалерийское дело 26 августа самолично, без ненужных эмоций.

Один из самых авторитетных мемуаристов «грозы 12-го года» – будущий «проконсул Кавказа», генерал от инфантерии и генерал от артиллерии Алексей Петрович Ермолов, подлинный герой славного для русского оружия дня Бородина. Он писал в своих «Записках» следующее:

«Облегчая действия 2-й армии, несколько прежде приказал князь Кутузов генерал-адъютанту Уварову с гвардейским резервным кавалерийским корпусом и атаману Платову со всеми казаками и их артиллерию действовать на левый фланг неприятеля. Внезапное появление произвело общее в (неприятельском) лагере движение: стремительно собиралась пехота, выдвигалась артиллерия, со многих позиций направлены в помощь отряды. По всей линии действия неприятеля были менее настойчивы, и многим казалось это время отдохновением.

Командующий гвардейскою легкою кавалерийскою дивизиею генерал-адъютант граф Орлов-Денисов, следуя собственному соображению обстоятельств, не мог извлечь из них никакой пользы; остановил полки, открыл батареи далекие и слабые, потерял время и потом, хотя под сильным огнем, отважно пошли полки в речку Колочу. Италианская армия была вся под ружьем, некоторые части ее устроены в каре, и в одном из них находился вице-король италианский.

Атамана Платова совершенно одинаковы были соображения и более распорядительности. Войска наши не приобрели успеха, мало нанесли вреда и подверглись урону. Генералу Уварову приказано (было) возвратиться. Атаман Платов за ним последовал.

Временно смягчившийся бой возгорелся с обеих сторон; гром более тысячи орудий артиллерии производил непрерывный рев; не слышны были ружейные выстрелы; повсюду, где возможно было, кавалерия занимала пехоту...».

Ермолов, описывая в таких словах рейд русской конницы, делает свой немаловажный для последующих исследователей вывод о том, чего могли бы добиться платовские казаки в том деле в день 26 августа:

«В тылу (Великой) армии соединены были экипажи главной квартиры Наполеона, знатнейших особ, канцелярия министров, письменные дела штабов главных частных начальников, подвижные госпитали, артиллерийские парки, пекарни, огромные обозы с запасами разного рода. Заметно было смятение между ними. Платов, угрожая им, понудил бы (Наполеона), для охранения их, употребить значительное количество кавалерии».

Таково ермоловское мнение об ожидавшихся результатах конного рейда во фланг и тыл наполеоновской армии. Голенищев-Кутузов, как главнокомандующий, прозванный Наполеоном «старым лисом», хранил молчание, отправляя в массированную кавалерийскую атаку корпуса Платова и Уварова. Но неоспоримо одно, полководец Кутузов прекрасно понимал, что надо на час или два заставить соперника прекратить атаковать позицию багратионовской армии, чтобы сильно подкрепить ее,

одновременно усилив и центр русской позиции. Вот эту-то передышку в ходе сражения рейд конницы и дал.

В кутузовском же окружении от рейда достаточно единодушно ожидалось большее, чуть ли не разгром вражеских ближних тылов. Но в войнах реальность исполнения задуманного очень часто расходится с фактическими результатами. Такое и случилось на поле Бородина. Можно еще добавить, что на войне заниматься даже мало-мальским оглушением противника не стоит, поскольку это дело опасное для самого себя. Равно как и строить прожекты на собственный успех, при этом списывая неудачу не на себя.

Когда на Бородинское поле опустилась ночная темень, сильные казачьи партии вышли вперед расположения войск Главной русской армии. Был ли это приказ атамана М. И. Платова или частная инициатива полковых начальников – точно не известно. Но это было вполне в духе казачьей тактики на любой войне, большой или малой, и с любым врагом. После боя или битвы следовало поостеречься от возможных «диверсий» неприятеля.

Есть достоверные подтверждения противной стороны, что русские конники (казаки) ночью заняли те утраченные к вечеру позиции, с которых (в том числе с Курганной высоты – батареи Раевского) французы отошли в исходное положение. Иначе говоря, поле битвы опустело. никто не захотел расположиться на разрушенных артиллерийским «ураганом» полевых укреплениях русских. О том и было донесено атаману Платову, а тот, в свою очередь, сделал соответствующий доклад в штаб главнокомандующего.

Известный русский военный историк Дмитрий Петрович Бутурлин, участник Отечественной войны 1812 года и генерал-майор, сенатор, член Государственного совета и директор императорской Публичной библиотеки, оставил после себя «Историю нашествия императора Наполеона на Россию». В ней он описывает и события на Бородинском поле в день 26 августа. Бутурлиным дается следующая оценка рейду корпусов Уварова и Платова:

«...Наполеон получил известие, что левое крыло французов атаковано было кавалерией российского правого крыла, почему и рассудил за благо приостановить усилия, производимые его правым крылом, дабы сперва высмотреть, к чему клонится сие движение россиян?

Генерал-адъютант Уваров, исполняя данное ему приказание, перешел речку Колочу при селе Малом с 1-м кавалерийским корпусом и несколькими казачьими полками, с помощью коих принудил легкую кавалерийскую дивизию Орнано поспешно отступить за ручей Войну.

Генерал Дельзон, державшийся у села Бородина с пехотной дивизией своей, едва успел построить в каре четыре полка, составлявшие оную; а вице-король, лично приспевший к левому крылу своему, сам бросился в каре 84-го линейного полка. Генерал Уваров сделал несколько атак против сих каре; но, видя себя не довольно сильным, чтобы одолеть оные, решил возвратиться за Колочу.

Тогда неприятель, уверенный в безопасности своего левого крыла, обратил главные усилия свои против большого люнета (Курганной высоты, Батареи Раевского. – *А.Ш.*), находившегося перед центром позиции россиян...»

Думается, что отдельные историки Отечественной войны 1812 года, исследующие Бородинское сражение во всех его перипетиях, как-то забывают следующую простую истину военного дела. Два легкоконных корпуса силой в четыре с половиной тысячи сабель не могли в битве гигантов совершить то, что не смогла сделать гораздо более многочисленная тяжелая кавалерия латников маршала империи Иоахима Мюрата. Эти две разнородные силы просто не совопоставимы в большом деле.

Вполне вероятно, что полководец М. И. Голенищев-Кутузов ожидал от рейда гораздо большего. Ради объективности взгляда на этот эпизод битвы на Бородинском поле можно утверждать, что казаки и гусары

в генеральном сражении двух огромных армий не являлись той силой, которая могла перевесить победную чашу весов в сторону защитников Москвы. Другое дело «царица полей» пехота, «бог войны» артиллерия или, наконец, тяжелая кавалерия латников (кирасир).

К вышесказанному можно добавить следующее. Общая численность корпусов Платова и Уварова была гораздо меньше одной полноценной пехотной дивизии Великой армии. Да и предназначение легкой конницы на войне было совсем иным, чем панцирной кавалерии кирасир. Не легкоконным всадникам той эпохи было «на роду писано» прорывать строй оцетинившегося штыками пехотного каре, подкрепленного пушками, стрелявшими в упор ближней картечью.

Потому не случайно А. И. Михайловский-Данилевский, весь день 26 августа находившийся рядом с главнокомандующим, написал, что «действия Платова и Уварова... вполне оправдали ожидания князя Кутузова». Думается, что со дня Бородина император Наполеон перестал называть «степных ос» атамана Платова «жалкими арабами Севера»: они на два часа спутали все его карты на поле генеральной баталии.

Не мог же Бонапарт при всех его полководческих достоинствах заниматься «оглулением» опасного противника. Другое дело «забывать» его в своих мемуарах и военно-теоретических трудах или говорить о казаках из России так, чтобы не описывать их природную воинскую выучку и личную доблесть, рассказывать о поражениях французов, понесенных от казаков. В конце концов, император Наполеон I, основатель династии Бонапартов (которая на нем и пресеклась) был не рядовым мемуаристом. Он мог рассуждать о поражениях других военных вождей, прежде всего своих противников, но только не о собственных поражениях и неудачных действиях в войнах, которые вела революционная и имперская Франция.

Не менее справедливо мнение военного историка А. И. Михайловского-Данилевского и о том, что тот «маневр до сих пор не оценен достойным образом». Если рейд объективно не мог переломить ход сражения, значит, он играл на общий успех, на конечный результат большого дела. Играл на исход генеральной баталии Отечественной войны 1812 года, в чем сомневаться никак не стоит.

В конце концов, об этом говорит хотя бы такой факт. В Бородинском сражении стороны пленили всего по одной тысяче человек (число русских военнопленных оценивается от 700 до 1000 человек). Это свидетельствует прежде всего об ожесточенности и бескомпромиссности столкновения. Из той тысячи наполеоновцев, которые познали участь плена в день 26 августа, половина явилась военной добычей казаков.

Юнкер гвардейской артиллерии А. С. Норов в битве при Бородино был тяжело ранен и потерял ногу. Будущий член Государственного совета Российской империи оставил после себя воспоминания с названием: «Война и мир 1805–1812 гг. с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника. По поводу соч. гр. Л. Н. Толстого «Война и мир». Мемуары, впервые увидевшие свет в середине XIX в., остаются привлекательными для исследователей эпохи Наполеоновских войн авторской оценкой. Среди прочего, Норов говорит и о значимости кавалерийского рейда Уварова и Платова в день 26 августа:

«Блестящая кавалерийская атака Уварова (и Платова) привлекла вдруг в смятение всю неприятельскую армию и отвлекла бешеные усилия французов от нашего левого фланга (где русские, как говорит Сегюр, образовали себе в третий раз левый фланг перед Неем и Мюратом), равно как и от батарей Раевского. Нельзя не жалеть, что при этой атаке кавалерия не имела при себе конной артиллерии, что Кутузов скоро удовольствовался произведенной во французской армии тревогой и отозвал Уварова...

Этот маневр мог бы совершенно порешить исход битвы в нашу пользу. Только что кавалерия наша, попавшая под сильный огонь артиллерии, возвратилась в свою линию, начались, опять одна за другой, яростные атаки на курганную батарею Раевского...»

...Рейд казачьего летучего корпуса атамана М. И. Платова и кавалерийского корпуса генерал-адъютанта Ф. П. Уварова показал, что конница кутузовской армии к началу второй половины дня 26 августа сохранила больше своих возможностей сражаться на поле Бородина, чем неприятельская кавалерия. Лихость рейда на правом фланге русской позиции должна была озаботить Бонапарта и неаполитанского короля Мюрата измотанностью своих конников уже в первой половине дня.

В перемешавшихся и расстрелянных картечью и ружейными залпами неприятельских эскадронах оставалось порой по 30–40 всадников, сидевших на измученных конях, но еще способных сражаться. К концу дня кавалерия Великой армии ходила в последние атаки только рысью. Это касалось не только тяжелой кавалерии латников, но и легкой кавалерии маршала Мюрата и армейских корпусов.

Бородинское сражение для императора Наполеона было особо значимо: победа в генеральной баталии определяла весь смысл его Русского похода. Поэтому он в день 26 августа кавалерии Великой армии не жалел, равно как и не жалел ее маршал империи Иоахим Мюрат. Победа «любой ценой» не далась даже ценой гибели большей половины кавалерии наполеоновской армии, прежде всего тяжелой, кирасирской. Именно она, не считаясь с потерями, таранила русскую позицию от Семеновских (Багратионовых) флешей до Курганной высоты (Батарей Раевского).

Рейд Платова и Уварова, думается, заставил императора французов озаботиться своим главным кавалерийским резервом в лице конной гвардии – почти 6 тысяч ветеранов наполеоновских походов (26 эскадронов, включая жандармов, мамелюков и гидов). Но Бонапарт не стал рисковать конной гвардией, опасаясь нового выхода на поле брани масс легкой конницы соперника в лице «хитрого лиса севера» Голенищева-Кутузова. Кто-кто, а тот хорошо знал, в каких случаях можно снова послать в бой казачьи полки.

Платовский же летучий корпус был готов к решению новой задачи на рейд во вражеский фланг. Тем более что броды через Колоочь были уже изведаны, а казачьи кони в тот августовский день тяжести усталости еще не poznали и могли повторить пробег по полю брани всего в несколько верст. Но второй раз в бой их не послали.

История донесла до нас несколько описаний рейда корпусов атамана Платова и генерала Уварова пером французских мемуаристов. Один из них, Лабом, пишет, что сильное движение неприятельской кавалерии на левый фланг, где стоял корпус вице-короля Италии, привлекло к себе внимание Бонапарта и его окружения. Генералу Дельзону пришлось спешно строить первую бригаду своей дивизии в каре влево от Бородино. Однако русская конница не пошла туда, а обрушилась на легкую кавалерию генерала Орнано и «за минуту привела ее в замешательство». Потом нападению подверглись пехотинцы кроаты (хорваты). Но они, устроив каре, смогли отразить атаку сильным ружейным огнем.

Лабом свидетельствует, что в том эпизоде битвы на Москва-реке вице-королю Эжену Богарне пришлось искать спасение в каре, образованном полком полковника Пего. И что Пего собирался двинуть каре вперед, но казаки были уже отбиты от левого крыла позиции Великой армии и «освободили его». Только тогда Эжену Богарне удалось восстановить полный порядок на позициях его Итальянского корпуса.

Другой мемуарист, Комб, так описывает действия платовских казаков на левом фланге наполеоновской армии. Правда, делает он это с большой неточностью и пониманием хода Бородинского сражения. Но все же его свидетельство, как очевидца, заслуживает внимания. Он пишет, что казаки бросились вперед «как стая свирепых волков, и с не большим порядком. Чтобы сдержать их, выслали значительное число стрелков». Так мемуарист в двух строчках изобразил казачью лаву и то, что смогло остановить ее.

Среди французских мемуаристов, описавших генеральную баталию 1812 года на Бородинском поле,

заметен полковник (будущий бригадный генерал) Ж. Пеле (Жан-Жак-Жермен Пеле-Клозо), в день 26 августа находившийся при штабе помощника начальника Генерального штаба по пехоте генерал-адъютанта Ж. Мутона, графа Лобо. Участник сражения, Пеле свои воспоминания начал со слов: «Он был в этом великом сражении под стенами Москвы...».

В своих известных «рассуждениях военного писателя» Ж. Пеле (и, добавим, военного историка) не забыл и рейд русской конницы, который произвел на него, без всякого на то преувеличения, сильное впечатление. Более того, он был в числе тех лиц, которые сопровождали императора Наполеона, который около одиннадцати часов дня поспешил к берегам Колочи, чтобы быть в опасном для его армии месте удара многих (!) тысяч конников своего соперника Кутузова. Мемуарист-француз, пусть и в возвышенных тонах, писал следующее:

«Кутузов заметил, наконец, что ему нечего опасаться за правый фланг своей армии; он узнал, что следует как можно скорее сменить корпус Раевского, который (по Бутурлину) был, так сказать, уничтожен. (?!) Он направляет к этому пункту войска Остермана и Корфа.

В то же время он пытается остановить с помощью диверсии успехи 1-го и 3-го корпусов; русский генерал направил на наш левый фланг кавалерию Уварова и Платова, силой до тридцати эскадронов, в которой считалось три гвардейских полка. Но правый фланг русских был в очень косвенном направлении к фронту сражения и очень удален от (речки) Войны и дороги в Валуево.

Кавалерия переправилась через Колочу ниже Бородина, и заставила легкие войска Орнано отойти за Войну. Она безуспешно атаковала некоторые батальоны Дельзона, занимавшие возвышенность к северу от Бородина и построившиеся в каре.

Вице-король приспел с итальянской гвардией для защиты левого фланга и поместился сперва в каре 84-го полка. Уваров и Платов не продолжали свою попытку. Если бы они достигли окрестностей Валуева, то произвели бы беспорядок в тылу и линии армии, а также и в парках, покрывавших дорогу; но от этого не произошло бы никакого важного неудобства. Так как ничто не препятствовало их движению, так как для отступления у них было до 4 верст свободной местности между Бородином и Москвой-рекой, то мы вправе предположить, что Кутузов отказался от диверсии и послал приказание об отступлении.

Было 11 часов. Наполеон сообразил ход сражения с данными, дошедшими до его сведения, с местностью, с силами русских и числом их войск, последовательно введенных в сражение. Но он также знал, что большая часть неприятельской армии еще не сражалась; он должен был тревожиться тем назначением, которое готовил ей Кутузов.

Взоры его часто обращались к Колоче, он заметил атаки Уварова, отступление наших эскадронов, пальбу батальонов, бегство некоторых экипажей. Он тотчас же сел на лошадь и поспешил на другой берег ручья. Узнав последствия этого утра и исчезновение русской кавалерии, он вскоре возвратился к центру...»

Рейд корпусов генералов Уварова и Платова не стал частным явлением Бородинского сражения. Потому он запомнился его участникам из числа военнослужащих Великой армии, которые, одни раньше, другие позже, описали его в своих мемуарах. Описали, разумеется, как заинтересованные лица, считавшие битву на Москва-реке еще одной викторией императора-полководца Наполеона во время его Русского похода 1812 года.

Здесь их упрекать ни в чем нельзя, ведь они в генеральной баталии сражались в рядах «европейских» войск Бонапарта и были патриотами своей стороны. Но что самое интересное, мемуаристы-наполеоновцы порой оценивают эффективность рейда русской конницы намного выше, чем некоторые отечественные историки, требовательность которых смотрится выше реалий Бородинского дня и возможностей двух корпусов силой всего в четыре с половиной тысячи сабель.

К числу таких исторически достоверных мемуаров относится «Дневник офицера Великой армии» Цезаря Ложье де Белленкура, который в день 26 августа на поле Бородина 23-летним младшим лейтенантом находился в рядах полка королевских велитов итальянской гвардии, в котором он числился полковым адъютантом. «Дневник» Ложье был опубликован в России в 1912 году, когда праздновался 100-летний юбилей и Отечественной войны, и Бородинского сражения. Офицер королевских велитов рассказывает и свидетельствует:

«Вице-король (Эжен Богарне) ...решается сделать еще одно усилие: он соединяет войска, чтобы накрыть неприятеля со всех сторон и овладеть редутом (Курганной высотой, или Батареей Раевского) ...Все мы испускаем радостные крики. Полки строятся справа во взводную колонну. Легкие отряды открывают путь, за ними идут гренадеры, стрелки и драгуны. Радость, гордость, надежда сияют на всех лицах.

Русские заметили наше движение и тотчас же направили в нашу колонну огонь из сотни (?) орудий. Одни только крики: «Да здравствует император!», «Да здравствует Италия!» раздаются в шуме падающих бомб и гранат и непрерывного свиста железа и свинца.

Почти в тот же миг приходят спешные эстафеты от вице-короля, что многочисленные отряды неприятельской кавалерии выступают из леса, чтобы отрезать наш левый фланг, и угрожают нас обойти. Последний прибывший адъютант сообщает нам, что Дельзон и Орнано (командиры 13-й пехотной дивизии и дивизии легкой кавалерии) смяты превосходящими силами неприятеля и вынуждены отступить для прикрытия итальянской батареи, (села) Бородина, (речки) Войны и багажа (тылов). Они требуют поддержки прежде, чем неприятель получит подкрепления и еще подвинется вперед.

В сопровождении своего штаба принц Евгений (Эжен Богарне) сам скачет к этим местам, чтобы дать себе отчет в положении дела, предупреждает об этом императора, задерживает движение вперед королевской гвардии, заставляет ее повернуть и приказывает ей следовать за собой беглым шагом на другую сторону Колочи...

Новые неприятельские отряды (кавалерия Уварова и казаки Платова) с каждым мгновением увеличиваются, выступают из леса, испуская пронзительные крики, и бросаются между войсками Дельзона и Орнано (его дивизия отразила атаку кавалерии Уварова, но была опрокинута платовскими казаками).

Эти последние (дивизии Дельзона и Орнано), как слишком слабые, отступают в полном порядке после отчаянной схватки и стараются прикрыть Бородино и итальянские батареи. Русские батареи с удвоенной яростью стреляют по нашему правому флангу и покрывают своими огнями деревню. Артиллерийский полковник Дэмэй убит.

Генерал Антуар и полковник Милло, не прекращая огня впереди, вынуждены теперь обратить главное свое внимание на арьергард. Они немедленно ставят туда несколько орудий, чтобы подготовиться ко всякой случайности. Итальянские артиллеристы, сохраняя порядок и хладнокровие, быстро проделывают все маневры, хотя все пространство покрыто трупами наших товарищей.

Вице-король галопом прискакал на позицию и, не находя другого, более подходящего пристанища (спасения. – А.Ш.), въезжает в каре 84-го полка, на который тут же поведена была атака. Вице-король подбодряет людей, обещая, что скоро на помощь им явится королевская гвардия; и действительно, мы в этот момент переходим уже вброд Колочу и быстро двигаемся туда. Несмотря на внутренний пыл, усиливающийся от слухов, что принц находится в опасности, мы сохраняем величайшее хладнокровие. А тем временем силы русской кавалерии, непрерывно увеличивающиеся, возобновляют свои атаки против колонны 8-го кроатского (хорватского), 84-го и 92-го полков.

Мы без конца повторяем свои крики, чтобы предупредить о нашем приближении принца и войска, его окружающие. Но наши крики в то же время привлекают к себе и внимание наших противников

(кавалерию Уварова и казаков Платова). Только что прибывшие полки королевской гвардии очутились лицом к лицу с неприятельской кавалерией. Разбившись на каре, мы устремились ей навстречу.

Русские почти уже подступили к итальянским батареям и заставили их прекратить огонь; затем они опрокинули полки Дельзона. В этот-то момент они очутились перед королевской гвардией, поджидающей их со скрещенными штыками. После одной неудачной попытки русские в конце концов были отброшены сильным огнем с нашей стороны и побежали во всю прыть. Легкая кавалерия Орнано, которая перед тем должна укрываться за нашими рядами, теперь желает взять свой реванш. С помощью драгун и отряда почетной стражи она вновь нападает на русских. Эти последние, страшно напуганные (?!), спешно бегут через Войну и Колочу и не осмеливаются возвращаться.

Вице-король тогда оставляет кавалерию гвардии на этой позиции, лицом к лесу и галопом возвращается на возвышенность к главному реду (Курганной высоте, или Батарее Раевского) в сопровождении гвардейской пехоты. Было около 3 часов (дня)...

О казаках на поле Бородина рассказано немало. Французские и отечественные мемуаристы не раз писали о том, с каким «повышенным интересом» казаки относились к маршалу империи Иоахиму Мюрату, одевавшемуся и в походах, и в битвах весьма живописно. Одним из таких писателей был Луи-Франсуа Лежен, адъютант маршала Бертье, после Бородинского сражения произведенный в бригадные генералы. Лежен, ставший впоследствии маршалом Франции, известен и как талантливый художник-баталист, в конце жизни, будучи в отставке, возглавивший Школу изящных искусств в Тулузе. Он описал в своих «Воспоминаниях» такой эпизод битвы на Москва-реке, который у исследователей вызывает сильные сомнения в достоверности:

«...Далеко впереди себя на равнине я вижу короля Мюрата, гарцующего на лошади среди своих стрелков, гораздо менее занятых им, чем многочисленные казаки, которые узнали его, вероятно, по султану, по его бравурности, а главное, по его короткому плащу с длинной козьей шерстью, как у них.

Они рады ему, окружили его с надеждой взять и кричат: «Ура! Ура! Мюрат!» Но приблизиться к нему никто не смел, а нескольких наиболее дерзких он ловко сразил острым лезвием своей сабли.

Когда я принес ему приказ, король Мюрат оставил линию стрелков, чтобы поспешить на помощь Сорбье. Его движение казаки приняли за бегство или отступление и бросились за нами. Моя лошадь, не такая быстрая, как прекрасный арабский скакун Мюрата рыжей масти, была задета мчавшимся галопом орудием. Удар ранил и опрокинул животное, но оно встало, не выбив меня из седла, и я помчался к Сорбье, в самый пыл сражения...»

Воспоминания Лабома, Пеле, Ложье, Комба и других французских мемуаристов, описавших для последующих поколений «ревнителю» войн наполеоновской эпохи, а в данном случае Русского похода 1812 года, бесценны для историков России. Оценка противником результативности рейда легкой конницы кутузовской армии в Бородинском сражении непреходяща, преднамеренной фальсификации и просто умаления заслуг сегодня не подлежит. Нельзя же отменить напроочь свидетельства тех, кто на противной стороне видел собственными глазами казачью лаву, которая накатывалась на фланговую позицию Итальянского корпуса вице-короля Эжена Богарне.

...Если ход Бородинского сражения сегодня расписан по часам и каждому его эпизоду дана оценка в трудах многих отечественных и зарубежных исследователей, не говоря уже о современниках-мемуаристах, то кавалерийский рейд в день 26 августа русской конницы остается темным пятном на фоне битвы. Причем в этом «заслуга» не французских историков, а тех лиц, которых можно отнести к числу командного состава Главной армии и состоявших при главнокомандующем М. И. Голенищеве-Кутузове.

Именно в этом кругу родилась (но не сразу, а по истечении какого-то времени) версия о пассивности

атамана Платова и «бездеятельности казаков» на поле Бородина. Среди тех, кто приложил к этому руку, официальный историограф Отечественной войны 1812 года генерал А. И. Михайловский-Данилевский, декабрист А. Н. Муравьев.

Известно, что у Платова с Голенищевым-Кутузовым отношения не сложились еще в 1809 году, в ходе Русско-турецкой войны на Дунае. Но надо отдать должное Михаилу Илларионовичу, злопамятным он не был, и потому его личное отношение к атаману Войска Донского после Бородинской битвы смотрится достаточно доброжелательным. Генерал-фельдмаршал, «спаситель России» смог по достоинству оценить роль М. И. Платова и казачества в деле не изгнания Великой армии из Отечества, а ее подлинного истребления.

Обращает на себя внимание то, что атаман Платов сам стал инициатором кавалерийского рейда. Его казаки, не сидевшие сложа руки, разведали броды на реке Колочи и установили еще утром 26 августа, что крупных неприятельских сил на ее противоположном берегу не просматривается. Тогда Платов послал к главнокомандующему состоявшему при нем принца Гессен-Филиппстальского с предложением провести «диверсию» против левого фланга вражеской позиции. Но при этом он просил «подкрепить» его летучий корпус, в котором после ряда откомандировок оставалось только 10 полков (примерно две тысячи всадников).

Думается, что генерал от кавалерии М. И. Платов чувствовал к себе какое-то недоверие со стороны главнокомандующего: на кутузовской диспозиции, отданной 24 сентября, летучий казачий корпус не упоминается среди прочих, в том числе и кавалерийских, корпусов. То есть место ему в битве конкретно не определялось, кроме того, что он находился в составе 1-й Западной армии Барклая де Толли: из местоположения виделись и задачи на бой.

Отправляя 4,5 тысячи конников в рейд, главнокомандующий не назначил старшим ни М. И. Платова, ни Ф. П. Уварова. То есть речи о едином командовании в ходе рейда не было. Поэтому каждый корпусной начальник действовал так, как он считал нужным. Поэтому и не было согласованности в действиях корпусов, что, разумеется, и сказалось на результатах рейда.

С другой стороны, выход русской конницы во фланг Итальянскому корпусу вице-короля Евгения Богарне повлиял на ход сражения. Обеспокоенный Наполеон направил в опасное для его армии место 5 тысяч кавалерии и 10,5 тысячи пехоты. Более того, две дивизии Молодой гвардии, двинутые для фронтальной атаки, были остановлены на полпути и дальше не пошли вперед. В ходе битвы наступила известная передышка.

Историк старой России Н. П. Михневич в своем известном труде дал рейду краткую, но достаточно емкую оценку: «Набег Уварова и Платова за Колочу приостановил наступательные действия неприятельского центра, чем русские воспользовались для приведения в порядок утомленных войск».

Рейд Платова и Уварова, как считает ряд исследователей, заставил императора задуматься над тем, стоит или не стоит вводить в дело Старую гвардию, элиту французской армии, свой главный резерв. Бонапарт понимал, что его соперник может повторить рейд на том же фланге и при его удаче потребуются резервные силы, чтобы отбить русскую конницу, которая вполне реально могла «забежать» в ближний тыл Великой армии. Великий стратег и тактик Наполеон, как шахматный гроссмейстер, вполне мог на поле Бородина просчитать возможные варианты развития сражения.

«За» рейд говорит и следующий факт. Генеральное для 1812 года Бородинское сражение, отличавшееся яркой ожесточенностью сторон и кровопролитием, дало двум армиям – французской и русской минимум пленных, всего по неполной тысяче человек. Из этой тысячи в день 26 августа казаками на всех участках битвы было взято в плен от 450 до 500 разных чинов вражеских войск. А количество

пленных, как хорошо известно, в любой войне являлось одним из главных показателей в успешности состоявшегося дела.

Как же атаман М. И. Платов оценивал свое участие в Бородинской битве, равно как и участие летучего казачьего корпуса? Об этом говорит его рапорт генерал-фельдмаршалу М. И. Голенищеву-Кутузову, написанный, правда, не по горячим следам состоявшегося сражения, а в сентябре месяце, вероятнее всего в последних его числах:

«...Получив 25 числа прошлого августа месяца в вечеру приказание Вашей Светлости, отправился я на правый фланг 1-ой армии, располагавшейся в боевой порядок у селения Бородина, и, сделав в ночь распоряжение казачьими полками, находившимся под командою генерал-майора Иловайского 5-го, отправил вправо верст за пятнадцать отряд под командою полковника Балабина 2-го, из пяти сотен полка Атаманского для наблюдения за неприятельским движением, дабы он не мог зайти за фланг наш. Подполковнику Власову 3-му с полком его имени приказал, имея наблюдение за неприятельским движением, связаться постами с полковником Балабиным, и в случае надобности подкреплять онго Балабина.

Сам с полками: Иловайского 5-го, Грекова 18-го, Харитонов 7-го, Денисова 7-го, Жирова, частью полка Атаманского и Симферопольским конно-татарским, в 7 часов утра 26 числа выступил из лагерного расположения и следовал на левый фланг неприятельской армии, и пока прибыл в подкрепление ко мне кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта Уварова, действовал я наступательно на неприятельскую пехоту и кавалерию, в лесу бывшую, неоднократно ударами в дротики, опрокидывая его кавалерию с поражением и взятъем до двухсот в плен конных и пехотных стрелков.

По прибытии вышепомянутого кавалерийского корпуса под командою генерал-лейтенанта Уварова, повел атаку на неприятельский левый фланг, стоявший на правое селения Бородина, и, потеснив неприятеля, заставил имевшимися у него, Уварова, пушками неприятельскую батарею, у самого леса бывшую и действующую на корпус, замолчать; то я вместе с тем приказал вышепомянутым Донским полкам, присоединив и полк Власова, приняв на право, частью во фланг, а частью и в тыл, за помянутый лес и сделать стремительный в дротики удар на неприятеля.

Неприятель, за лесом находившийся, был опрокинут стремительным ударом тех полков с сильным поражением, оставив на месте убитыми немало, в плен взято во все поражение более двухсот пятидесяти человек разных чинов, которые тогда же и отправлены в Главное дежурство 1-й Западной армии.

После сильных поражений сих неприятель хотя и делал наступление, но был прогоняем неоднократно с поражением, до самой ночи. Полковник Балабин, находясь со фланга даже частью и в тылу, тревожил неприятеля и поражал, довольно доставил пленных уже на другой день по присоединении ко мне.

Представляя в начальническое благоуважение Вашей Светлости неутомимую деятельность и отличное мужество, оказанное в сем сражении командовавшего Донскими полками г-на генерал-майора Иловайского 5-го и споспешествовавших в сильных поражениях неприятеля во все продолжение сражения полковых командиров: подполковника Власова 3-го, а особливо подполковника Харитонova 7-го, которой на всех ударах был впереди, войскового старшину Жирова, командующего полком Денисова 7-го, войскового старшину Победного и Симферопольского конно-татарского полка подполковника князя Балатукова, которые, командуя вверенными им полками, оказали пример храбрости и подавали тем пример всем подчиненным своим, и, прилагая им у сего именной список, покорнейше прошу Вашу Светлость по заслугам их следующего награждения...»

В отношении этого документа следует сказать следующее. Главкомандующий потребовал от

подчиненных ему военачальников предоставить 31 августа – 1 сентября рапорта об участии подчиненных им войск в Бородинском сражении. Генерал от кавалерии М. И. Платов представил свой рапорт на имя генерал-фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова 25 сентября, то есть в числе последних.

Испрашивая награды для подчиненных ему полковых командиров, Матвей Иванович не забывал и о нижних чинах. Пользуясь данной ему властью, атаман Платов смог, к примеру, произвести восемь урядников Атаманского полка в хорунжие. Они стали офицерами за проявленную доблесть.

...Войско Донское в своем летописании за 1812 год могло гордиться платовским и уваровским ударом во фланг Великой армии Наполеона. Не случайно же в «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки, образце отечественной документальной мемуаристики, рассказывалось о том лихом деле в таких словах:

«...Передовые французские пикеты всполохнулись и дали тыл. Казаки сели им на плечи!

Напрасно отмахивались французы и немцы длинными палашами и шпорили тяжелых коней своих; донцы, припав к седлу, на сухопарых лошадаках мчались стрелами, кружили, подлетали и жалили дротиками, как сердитые осы».

Если Платов и Уваров за Бородинское сражение не удостоились наград, то этого нельзя сказать о их подчиненных. Героем дня 26 августа, к примеру, стал Алексей Безкровный, младший офицер Черноморского казачьего войска, в 1812 году получивший чин сотника с переводом в Санкт-Петербург, в гвардию с чином армейского поручика. Он назначается командиром сотни черноморских казаков, входившей в состав Лейб-гвардии Казачьего полка, составленного из донцов. Позже казаки с Кавказа – кубанцы и терцы – составят личный конвой императора, а Лейб-гвардии Казачий полк, как и гвардейский Атаманский полк, станет чисто донским.

В Бородинском сражении сотня (два взвода) поручика Безкровного в конной атаке, прорвавшись через картечные залпы вражеской артиллерии, сумела ворваться на позицию французской батареи, частью перебив ее прислугу, частью обратив в бегство. За этот подвиг он был награжден почетным Золотым оружием с надписью: «За храбрость».

...Командуя гвардейской Черноморской казачьей сотней, Алексей Безкровный не раз отличался в Отечественной войне 1812 года, в заграничных походах русской армии в 1813 и 1814 годах. За боевые отличия получил чины штабс-ротмистра и ротмистра, а его сотня была награждена серебряными Георгиевскими трубами. Казаки-черноморцы в ходе отступления русских армий от границы к Москве участвовали во многих арьергардных боях от Смоленска до Бородино.

В 1813 году за проявленное ранее мужество («примеры храбрости») казачий офицер «исключительной храбрости» переводится в личный казачий конвой императора Александра I Павловича. Но «придворная» служба в монаршем конвое не мешала ему и его товарищам участвовать в самых кровопролитных баталиях антинаполеоновской войны. Телохранители всероссийского государя не раз оказывались в самых опасных переделках.

Спорность рейда русской кавалерии на поле Бородина озадачивала не только историков. К слову сказать, в свое время император Николай I, в 1839 году посетивший Бородинское поле, при его осмотре «лично возглавил рейд кавалерии Уварова и Платова», чтобы выяснить место нахождения бродов через реку Колоочь, которыми пользовались в день 26 августа 1812 года кавалеристы Уварова и казаки Платова. Государь мог лично убедиться в том, насколько серьезным препятствием являлась Колоочь для конницы той и другой стороны.

Об этом самодержец высказался среди высшего генералитета, в своем большинстве участвовавшего в Отечественной войне. Да и сам Николай Павлович хорошо помнил ее события, знал многих главных действующих лиц. В свое царствование он «поставил точку» в обсуждениях того немаловажного

обстоятельства в хронике Бородинского сражения. Как российский государь, Николай I, обладавший твердой волей, не терпел, когда при нем умаляли славу русского оружия в собственной стране.

...Нельзя не сказать и о том, как строятся расчеты историков старой и современной России числа участников Бородинской битвы, в данном случае казаков. Здесь тоже отчетливо видна «разноголосица» в силу самых разных причин. Однако есть цифры, которые предельно близки к действительным.

Численность казачьих полков, участвовавших в событиях 24 и 26 августа на Бородинском поле, у исследователей разнится от 6 тысяч до 11 тысяч. Обычно же указывалась цифра 7 тысяч. Число казачьих полков, принимавших участие в генеральной баталии Отечественной войны, тоже не отличается строгой определенностью: их указывается от 20 до 29. Эти цифры взяты из трудов по истории Отечественной войны 1812 года таких авторитетных авторов, как Д. П. Бутурлин и А. И. Михайловский-Данилевский, М. И. Богданович и К. Ф. Толь, П. А. Жилин и Л. Г. Бескровный, Б. М. Колюбакин и других.

Современный отечественный историк С. В. Шведов, исследуя архивные документы, смог установить, что фактически на Бородинской позиции находилось в те августовские дни 23 казачьих полка (всего 120 сотен) и 2 казачьи артиллерийские роты. Исследователь взял за основу своих расчетов армейский рапорт от 17 августа, в котором была названа численность 85 казачьих сотен и 1 конно-артиллерийской роты – 6253 человека. Учитывая небольшую убыль среди казаков за предшествующую сражению неделю, было вычислено, что в строю казачьих 120 конных сотен и 2 артиллерийских рот должно было находиться около 9 тысяч человек.

Сложнее было подсчитать потери казачьих войск на Бородинском поле. В исторической литературе они (даже в офицерах) не оцениваются никак, равно как и в известных на сегодняшний день документах. Но в любом случае они были невелики и касаются только (или почти только) участников рейда платовского летучего корпуса. Все же исследователь С. В. Шведов по косвенным свидетельствам считает, что на поле Бородина пало от ста до трехсот казаков. Раненых же, разумеется, было в несколько раз больше, но и их цифра (в том числе людей, выбывших из строя в связи с тяжелыми ранениями) нам не известна даже приблизительно.

Причина кроется прежде всего в официальной отчетности об участии отдельных частей (корпусов, дивизий) в состоявшемся на поле Бородина сражении. С другой стороны, такая неопределенность и малоизвестность потерь стимулирует историков к дальнейшим исследованиям хода Бородинской битвы по сохранившимся архивами и свидетельствам участников событий, к их логической реконструкции.

Достоверно, то есть документально, известны только потери в нижних чинах Лейб-гвардии Казачьего полка генерал-адъютанта В. В. Орлова-Денисова. Они выразились в 3 погибших рядовых и раненых: 8 урядника, 20 рядовых и 2 нестроевых казаках. В конском составе полк потерь не имел. Такие данные были приведены в ведомостях о потерях 1-й Западной армии в нижних чинах в сражении 26 августа при селении Бородине.

Всего же в шести полках уваровского 1-го кавалерийского корпуса в Бородинский день было убито 20 нижних чинов и 44 лошади, ранено 61 человек и 68 лошадей, пропало без вести 20 человек и 18 лошадей. Отсюда можно считать, что потери двух конных корпусов, участвовавших в рейде, оказались совсем малыми и на боеспособность полков после битвы повлиять не могли.

...Поле Бородинское, ныне Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, хранит в себе немало мест и памятных знаков, связанных с казачьей славой. Это:

Место начала атаки казаков атамана М. И. Платова при выходе из Беззубовского леса в полдень 26 августа 1812 года.

Плотина у сельца Беззубово – место переправы через ручей Войну Лейб-гвардии Казачьего полка

26 августа.

Место переправы казачьего летучего корпуса у валунов на ручье Война для атаки левого фланга 4-го (Итальянского) корпуса вице-короля Евгения Богарне.

Высота 225,6 на дороге Романцево – Логиново. Здесь в бородинские дни находился казачий охранный пост. В наши дни это лучшее место для обзора позиций русской армии в день 26 августа.

Памятный знак казачьим полкам атамана М. И. Платова. Знак был установлен в 1984 году на перекрестке дорог, идущих от Логиново, Старого Села и Ковалево, напротив (через дорогу) высоты 215,0.

Сельцо Малое. Место переправы казаков Платова и кавалерии Уварова через реку Колочу для атаки левого фланга Великой армии Наполеона утром 26 августа.

Памятник Лейб-гвардии Казачьему полку. Торжественно установлен в 1912 году на левом берегу реки Колоча напротив села Бородино. Разрушен в 1918 году в числе первых исторических монументов поля битвы вместе с памятником императору Александру II в селе Бородино. Восстановлен на старом фундаменте в 1985 году.

Опушка леса к северу от Старой Смоленской дороги, напротив села Ельни, оборонявшаяся русскими егерями. По флангам их позиции стояли казачьи полки генерал-майора А. А. Карпова 2-го.

...Объективность требует сказать, что генеральная баталия Отечественной войны 1812 года в день 26 августа не выявила победителя. Наполеон не смог разгромить своего противника, а тот не смог защитить Москву. О ничейном исходе говорят лишь немногие историки и мемуаристы. Французская сторона, как правило, считает битву на Москве-реке выигранной. Позиция большинства отечественных исследователей и участников сражения, естественно, прямо противоположна. Здесь важно заметить, что иного подхода сторон и не может быть.

Думается, что здесь вполне уместны слова известного военного теоретика К. Клаузевица о том, что «победа заключается не в просто захвате поля сражения, а в физическом и моральном разгроме сил противника». Вот этого-то в Бородинском сражении и не было, хотя полководец М. И. Голенищев-Кутузов, произведенный за битву в генерал-фельдмаршалы, и увел с поля Бородина русскую армию.

Но и Наполеон после того дня в 12-м году больше не горел желанием дать (или навязать) противнику новую генеральную баталию. Он «был сыт по горло» состоявшейся битвой, итог которой сокрушил амбиции Бонапарта в планах на поход в Россию. Уже одно то, что Бородинское поле стало «кладбищем кавалерии Великой армии», скажем прямо, страшило звездного полководца в тоге императора французов. При всей вере в себя, Наполеон отличался объективностью в реалиях войны, иначе его уход с политической сцены состоялся бы несколько раньше 1815 года.

...Русская армия отходила под прикрытием арьергарда, командование которым М. И. Голенищев-Кутузов доверил «вихорь-атаману» Матвею Платову – человеку сметливому и бесстрашному, расторопному и деятельному. Да и к тому же стремившемуся «загладить» свою вину в неудачливости рейда на поле Бородина. Но одно дело было командовать легкоконным казачьим корпусом, другое – разнородным по составу прикрытием Главной армии.

В кутузовской «Диспозиции 1-й и 2-й Западным армиям» (на 27 августа 1812 года) об отходе с Бородинского поля говорилось следующее:

«1-я и 2-я армии выступают из нынешнего их расположения 4-мя колоннами за город Можайск следующим порядком...

Арьергард сих последних трех колонн составляет часть 1-го кавалерийского корпуса, три егерских полка, взятые с правого фланга, и казаки Платова, и быть оному под команду ген(ерала) от кав(алерии)

Платова.

Артиллерия тотчас выступает, а войска в 2 часа пополудни...

Арьергарды выступают за час до рассвета и должны следовать за армиею, стараясь сколько возможно избегать сражения с неприятелем...»

Основные силы Главной русской армии оставили Бородинское поле в полночь с 26 на 27 августа. Раненые были отправлены в недалекий город Можайск. С позиций первой снималась артиллерия и тылы. Войска отошли за Можайск, к деревне Жуково. Они двигались по Старой (2-я Западная армия) и Новой (1-я Западная армия) Смоленским дорогам.

Французский мемуарист писал об уходе русской армии с Бородинского поля: «Ночью было явно заметно, что неприятель начал отступление: армии был отдан приказ двигаться следом за ним. Назавтра днем можно было обнаружить уже только казаков и притом лишь в двух лье от поля битвы. Неприятель унес подавляющее большинство своих раненых...»

Поняв, что кутузовская армия беспрепятственно ушла с Бородинского поля, император Наполеон вознамерился начать ее «тесное» преследование. Но его армия за первые два дня после генеральной баталии кампании 1812 года смогла продвинуться вперед лишь на небольшое расстояние. Мемуарист Комб называет причиной такой неудачи не только возросшее сопротивление русского арьергарда, губительность пушечного огня их батарей, но и то, что противник умело «прикрывал свое отступление частой цепью стрелков, составленной из казаков, калмыков и башкир».

По распоряжению главнокомандующего русские войска, уходившие с поля Бородина к городу Можайску, были разделены на четыре походные колонны. Первой начальствовал Дохтуров, второй – Милорадович, третьей – атаман М. И. Платов, четвертая состояла исключительно из артиллерии.

Наполеоновские войска, отошедшие на исходные позиции, «провели холодную ночь без огня, посреди павших соратников, тревожимые донцами». Казаки нарушали спокойствие Наполеона, неожиданно подъезжая в темноте к расположению неприятельской армии небольшими партиями, «от чего по несколько французских дивизий, из предосторожности против ночного нападения, становились в ружье». При одной из таких тревог, гвардия Наполеона торопливо построила каре вокруг его шатра. Французы, покинув сгоревшее Бородино, выставили перед ним цепь конных дозоров. Река Колочь перед селением допускала переход через нее и конницы, и пехоты.

Платовский армейский арьергард первоначально состоял, помимо летучего казачьего корпуса, из 4-го, 30-го и 48-го егерских, Волынского и Тобольского пехотных, Изюмского гусарского полков, конной роты Донской артиллерии № 2. Арьергард оставался на Бородинском поле до 4 часов утра 27 августа, после чего, собравшись перед рассветом воедино, колонной вышел на дорогу, ведущую к Можайску. Его преследовал с наступлением светового дня «превосходными силами» авангард Великой армии, «составленный из многочисленной кавалерии и Молодой гвардии» с артиллерией. Император торопил маршала Мюрата в решительных действиях против отступавших.

Главнокомандующий приказал атаману М. И. Платову «удерживаться в городе Можайске». Русский арьергард упредил захват города авангардом наполеоновской армии, которым вновь командовал маршал Иоахим Мюрат. Французы подошли к Можайску в 17 часов, уже под вечер, и не успели взять его. То есть они не смогли взять город с ходу, хотя этого и очень хотели.

На следующий день М. И. Голенищев-Кутузов отвел русскую армию от деревни Жуково к селу Землино на один дневной переход, расположив ее на высотах. Он понимал, что арьергарду в его слабом составе трудно будет выдержать натиск авангардного корпуса Великой армии. Атаман Платов получает усиление: 1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта Ф. П. Уварова, 2-й кавалерийский корпус генерал-

майора Ф. К. Корфа, 33-й егерский и Черниговский драгунский полки.

Маршал Мюрат «жарко атаковал» русский арьергард под Можайском. Тот держался на позиции сколько мог, но в итоге боя Платов отошел к селу Моденово, отстоявшему от походного стана Главной русской армии всего на три версты. В том столкновении арьергарду не помогли удержаться до ночи новые подошедшие подкрепления – 11-й и 36-й егерские, Литовский, Софийский, Бутырский и Томский пехотные полки, 23-я артиллерийская рота.

Дело под Можайском в итоге вылилось в небольшое сражение, верх в котором взяли французы, заставившие противника отступить от Можайска к Москве. Думается, полководец М. И. Голенищев-Кутузов надеялся на какое-то время удержаться под Можайском, но силы сторон, вошедших в бой, оказались не из равных, особенно в артиллерии.

В бою за Можайск отличилась Донская конная артиллерия, «бывшая внутри города на разных возвышенностях». Казаки-пушкари вели огонь по наступающим вражеским колоннам, поддерживали действия кавалерии арьергарда, и те шесть батальонов егерей, с которыми Платов удерживал Можайск.

Военный историк Д. П. Бутурлин дал высокую оценку действиям атамана Войска Донского М. И. Платова, поставленного во главе арьергарда русской армии, уходившей с Бородинского поля у города Можайска. Бутурлин так описывает события после завершения «битвы двух гигантов»:

«...27-го числа, в 6 часов пополудни, все российские корпуса, оставя позиции свои, отступили на высоты, за городом Можайском лежащие. Главная квартира переведена была в село Кожухово.

Неприятель, приметив сие отступление, около 10 часов пополудни атаковал российский арьергард под начальством генерала от кавалерии Платова, оставленный на месте сражения. Платов отступил к Можайску, куда и прибыл в 4 часа пополудни. Получив от главнокомандующего приказание оборонять сей город до последней крайности, он ввел в него всю пехоту свою, поставил на выгодных местах батареи, а кавалерию построил в поле с левой стороны города. Российский арьергард, несмотря на сильный огонь неприятельской артиллерии, удержался в Можайске до самой ночи, прекратившей сражение».

Очевидцем действий платовского летучего корпуса перед генеральной битвой и на поле Бородина, далее под Можайском стал Мишель Комб, 25-летний императорский гвардеец. В своих небольших воспоминаниях он писал следующее:

«В следующие два дня... мы продвинулись вперед (к Бородино) лишь на очень небольшое расстояние, так как русская армия всюду оказывала нам очень решительное сопротивление, пользуясь всеми удобными для артиллерии позициями для того, чтобы громить нас из пушек, и прикрывая свое отступление частой цепью стрелков, составленной из казаков, калмыков и башкир.

Последние были вооружены луками и стрелами, свист которых был для нас нов, и ранили нескольких из наших стрелков. Шея лошади капитана Депену из моего полка была пронзена под гривой одной из этих стрел, имевших, приблизительно, четыре фута в длину...»

Далее Мишель описывает схватку с русскими кирасирами, и то, что, когда французская кавалерия стала выходить к своим из ответной атаки, ей «пришлось прокладывать себе дорогу через густую цепь казаков».

Когда русские кирасиры пошли в новую атаку, «казаки по своему обыкновению расступились в стороны, чтобы оставить свободным (для новой схватки тяжелооруженных всадников) поле битвы.

Когда противники «примерялись» друг к другу, между ними образовался разрыв. «Казаки бросились в промежуток, как стая свирепых волков, и с небольшим порядком. Чтобы сдержать их, выслали значительное количество стрелков».

«На рассвете (следующего после битвы дня) наши аванпосты были атакованы, и мы бросились к ним на помощь. Но нам пришлось сражаться, не говоря уже об очень сильном арьергарде (атамана Платова), с бесчисленной массой казаков и батареей из тридцати орудий, которая, подпустив нас на короткое расстояние, стала осыпать нас градом картечи».

Следует отметить, что участники Русского похода в своих мемуарах отмечали боевую работу казачьих войск вполне достойно. Так, полковник Пьер Любен Гриуа, командовавший артиллерией 3-го кавалерийского корпуса, а затем артиллерией 4-го армейского корпуса, будущий маршал артиллерии, в описании Бородинского сражения подметил следующий тактический прием противной стороны:

«Во время битвы они (русские) по обыкновению отправили к нам в тыл и на фланг многочисленные отряды казаков, которые внесли беспорядок в наши обозы, оставленные в 4 верстах от поля сражения. Даже на утро они произвели нападение на наше правое крыло неподалеку от императорской квартиры...»

Барон Гриуа в своих воспоминаниях о походе в Россию (увидевших свет только в начале XX века) замечен объективностью в оценках действий воюющих сторон и характеристиках наполеоновского генералитета. Знакомство с тактикой казаков закончилось для него участием в боевых действиях на территории Франции в кампании 1814 года, когда он находился в рядах гвардейской конной артиллерии.

...Главкомандующий вечером 28 августа назначил начальником арьергарда суворовца генерала от инфантерии М. А. Милорадовича, который значился во главе 2-й Западной армии после тяжелого ранения князя Багратиона. Атаман Платов вместе со своим летучим казачьим корпусом вошел в подчинение Милорадовича. Его казаки не выходили из боя до самых предместий Москвы. Арьергард с прибытием Милорадовича получил заметное усиление из 2 егерских и 4 пехотных полков и батареей роты, то есть целую пехотную дивизию.

История сохранила рапорт генерала от кавалерии М. И. Платова о бое под Можайском главнокомандующему русской армии, датированный 28 августа:

«...С шестого часа утра с находящимся при мне арьергардом, во-первых, удерживал я город Можайск шестью батальонами егерей, с защитением с обоих флангов города регулярной и иррегулярной кавалерию и с пальбою по колоннам неприятельским, стремившимся в Можайск, из орудий Донской конной артиллерии, бывшей внутри города на разных возвышенностях.

Но когда же сильными батареями, построенными против города, стремившимися колоннами неприятельскими как на город, так и на обои фланги мои, и приближением оттоль неприятельской армии вытеснен был я, тогда уже занял те высоты, где армия прошедшую ночь имела ночлег, на котором месте держался с арьергардом еще два часа.

От сильной канонады и наступления неприятельского на трехверстной с крыла на крыло дистанции, выдерживая их атаки и сильную с разных сторон батарей канонаду и отходя до самого ручья, примерно от Можайска от 4 до 5 верст, где также удерживали неприятеля более двух часов с потерянными убитыми и ранеными нескольких штаб- и обер-офицеров и нижних чинов. Но и тут не могли удержать стремления неприятельского, в рассуждении больших сил его, сильного наступления и предприятия в обою фланги наши большими со стороны силами.

После того на всяком шагу ежеминутно продолжалось сражение до самой ночи, чем и окончилось.

Неприятель пред нами и в силе. По объявляемым же от взятых нами пленными, здесь сам Наполеон, Мюрат, Даву и Ней и вся та кавалерия, которая была в сражении 26-го числа сего месяца у деревни Бородино. Я с арьергардом по прекращении целодневного сражения расположился, вышедши из леса, на высоте примерно от Можайска верст 15-ть. Завтра, что последует, имею о том Вашей Светлости донести...»

Русская армия, с достаточной надежностью прикрывшись арьергардом, все дальше и дальше отходила от Можайска к Москве. Старший врач Вюртембергского конно-егерского герцога Людвига полка фон Роос в своих известных мемуарах описал поединок между казачьим и немецким офицерами, который произошел на глазах у преследователей во время их остановки для «обозрения местности»:

«...Какой-то казацкий офицер подмигнул одному из наших, лейтенанту фон Менцингену. Наш выступил, подошел и тот. Долго оба гонялись друг за другом в пространстве между обоими фронтами. Все взоры обращены были на них; оба ревностно действовали саблями, но ни один не мог даже задеть другого, ибо оба умели ловко отпарировать удар противника. Наконец, утомившись от бесполезного и бескровного боя, оба вернулись на свое место, и это зрелище так и осталось веселым приключением».

Уже первое серьезное дело с преследователями под Можайском показало действительное несоответствие роли Платова обязанностям командира армейского арьергарда, большую часть которого составляли регулярные полки пехоты и кавалерии, полевой артиллерии. Блестящий тактик ведения войны силами легкой (иррегулярной) казачьей конницы свои истинные возможности показал в ходе контрнаступления русской армии, при изгнании врага из пределов России. При отходе от Бородино к Москве казаки составляли меньшую часть арьергарда Главной армии.

Донской атаман блестяще руководил действиями летучего корпуса иррегулярной кавалерии, подкрепленного казачьей артиллерией, легкой егерской пехотой и каким-то небольшим числом гусарской кавалерии, тоже легкой на подъем и мобильной. Арьергард же Главной русской армии выглядел совсем иначе, чем арьергард багратионовской 2-й Западной армии в самом начале войны. Он стал намного мощнее по числу войск и силе огня, а самое главное – «тяжеловеснее» в маневренных действиях. То есть тактика действий казачьей конницы, которую исповедовал атаман М. И. Платов, к нему никак не подходила.

Поэтому не случайно будущий «проконсул Кавказа» генерал А. П. Ермолов, испытывавший личную симпатию к донскому атаману, в мемуарных «Записках» высказался так:

«Мне причиною недеятельности его (М. И. Платова) казалось простое незнание распорядиться разного рода регулярными войсками, особенно в действиях продолжительного времени. Быть начальником казаков решительным и смелым не то, что быть генералом, от которого требуется другой род распорядительности в связи с (военным) искусством непременно».

Однако если посмотреть на действия русского арьергарда от города Можайска до села Семлева (где атаман был заменен пехотным военачальником), то можно убедиться в том, что любые попытки обойти войска Платова или отрезать какую-то их часть пресекались незамедлительно. Боевых столкновений произошло много, в ходе которых маршалу империи Иоахиму Мюрату приходилось только «кусать губы»: сладить с донским атаманом он так и не смог.

В силу этого напрашивается вопрос: что большего можно было ожидать от действий армейского арьергарда, когда генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов уводил главные силы к Москве? Ведь другой сверхзадачи, кроме надежного прикрытия, главнокомандующий арьергарду не ставил.

...Новое сражение, ожидавшееся в русской армии, под Москвой не состоялось. 1 сентября военный совет в Филях принял решение оставить древнюю столицу без боя. 2 сентября войска прошли город и двинулись по Рязанской дороге. Генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов проехал по московским улицам в закрытой карете.

На военном совете в Филях (тогда подмосковной деревни, ставшей ныне частью российской столицы) генерал от инфантерии М. И. Платов не участвовал, хотя в исторической литературе есть утверждения, что он был. Но, вне сомнения, «вихирь-атаман» высказался бы за новую битву с армией Наполеона, под

стенами самой Москвы.

Выход русской армии из города прикрывали казачьи полки. Нет веских свидетельств тому, что стороны были готовы сразиться в самой Москве, вести уличные бои. Но в тот день, 2 сентября, произошел случай, который описывался не раз, в котором главными действующими лицами оказались казаки и командир авангарда Великой армии маршал империи Мюрат.

Встреча неаполитанского короля маршала Иоахима Мюрата с казаками на улицах оставленной русской армией Москвы описана многими мемуаристами, исследователями и писателями. Во французской мемуаристике, благодаря перу Боссе, имеется и такое живописание того события на большой войне, причем автор явно не благоволит к «жалким арабам Севера», то есть к казакам:

«...В полдень мы подошли к Москве, не встретив ни одного неприятеля. Под предводительством Неаполитанского короля авангард проник в город и прогнал (?!) казаков, которые безжалостно грабили последних жителей, не пожелавших удалиться из города.

Между регулярными казаками и Неаполитанским королем на одной из главных площадей было нечто вроде переговоров о приостановлении враждебных действий. Они просили и получили отсрочку, чтобы подобрать всех своих и удалиться, не делая беспорядка. В особенности обращались они к великодушью победителей (?), поручая ему многочисленных раненых, которых они должны были оставить...

Пока шли эти переговоры, казаки, постоянно видевшие Неаполитанского короля, одетого всегда очень эффектно, бывшего всегда впереди авангарда, подошли к нему с чувством уважения, смешанного с восторгом и радостью. Он один из всей армии носил на шляпе большой султан из белых страусовых перьев и был одет в какой-то особенный польский плащ цвета серого льна, опушенный соболем и куницей.

Король отдал им все деньги, бывшие при нем, даже часы, а когда у него уже больше ничего не оставалось, он занял часы у полковника Гурго, у своих адъютантов и офицеров (его щедрость была не обременительна для храбрецов, которые его окружали, так как позднее они получили подарки стоимостью, значительно превышающей те предметы, которые они ему одолжили). Казаки выражали свой восторг и громко говорили, что великодушие этого героя французской армии равно его храбрости».

Все это было в действительности. При оставлении Москвы в городе была выставлена арьергардная цепь из казаков, которыми командовал Лейб-гвардии Казачьего полка полковник Ефремов. Когда казачья цепь выходила к Драгомиловской заставе, она перемешалась с авангардной цепью французской кавалерии, в рядах которой был приметный со стороны маршал империи Иоахим Мюрат.

...Английский историк Рональд Фредерик Делдерфилд в своем исследовании «Наполеон. Изгнание из Москвы» так живописно нарисовал картину встречи на улицах первопрестольной столицы маршала империи Иоахима Мюрата с донскими казаками, которая вылилась в сцену «братания» на войне:

«...Появился русский офицер. Предполагалось, что он прибыл от Кутузова. Он предложил перемирие, которое наполовину звучало как угроза. «Дайте нам время на эвакуацию, – сказал он, – или мы сожжем город!» Наполеон, который был еще далек от выздоровления, пребывал не в том настроении, чтобы протестовать. Русским позволили уйти в безопасности, а неофициальное перемирие привело к невероятной сцене братания, произошедшей в восточной части города. Как нарочно, «виновником» братания стал человек, который первым вошел в город – пантомимический король Неаполитанский.

Мюрат начал щеголять, как только авангард пересек мост и по широкой главной улице отправился в направлении административного центра большого города. Всегда разодетый, словно маскарадный петух, сейчас он выглядел как принц из сказки, скакавший предложить руку и сердце восточной красавице. Высокий воротник его одеяния и перевязь шпаги покрывали вышивка и украшения. Бриджи были розового

цвета, а сапоги ярко-желтые. На шапке, кроме привычных страусовых перьев, красовался плюмаж из перьев белой цапли. Все это сияло и блестело в строгих лучах полуденного солнца.

Казачьи, которых он встретил, когда авангард французов столкнулся с отступающим арьергардом русских, поразились этим великолепием. Они забыли, что он изводил их своим преследованием все 550 миль, когда двигался по их разоренной родине, и окружили сейчас с возгласами восхищения, называя его «гетман».

Мюрат принялся прихорашиваться, вдохновленный этой похвалой, и, поняв, что обстоятельства обязывают его сделать широкий жест, собрал у своих офицеров карманные часы и раздал их изумленным казакам. Он всегда был щедрым человеком, не важно, касалось это своего или чужого имущества. Казаки ускакали на рысях, довольные, как дети, получившие подарки к Рождеству, а Мюрат подыскал себе комфортабельное жилье».

Описал ту же картину, но совсем иначе и голландский генерал ван Дедем. По его свидетельству, маршал Мюрат после перехода Москва-реки по деревянному мосту продолжал свой путь по первопрестольной столице России в окружении казачьих генералов, которые осыпали его самыми лестными похвалами за его храбрость. Мюрат думал, что русские на войне не узнавали его, но казачий атаман (уж не Платов ли у ван Дедема?) сказал наполеоновскому полководцу:

– Я давно узнаю Ваше Величество – вы Неаполитанский король. Разница между нами в том, что я вижу вас с самого Немана всегда впереди, во главе вашей армии, между тем как я вот уже три месяца постоянно нахожусь позади нашей.

Атаман (как записал мемуарист) пожелал получить от короля какие-нибудь знаки отличия (?). Тогда «Его Величество подал ему прекрасные часы, говоря, что он надеется впоследствии предложить ему что-нибудь более приятное: он говорил о своем ордене (Почетного легиона), которого желал, как ему казалось, русский офицер».

Дальше мемуарист описывает разгоревшийся спор о мире, говоря, что русские с большой откровенностью называли своего императора другом, правда бывшим, Наполеона, и что они скоро вновь станут друзьями (?).

«Когда такая процессия подошла к городским Владимирским воротам, то казачьи генералы стали просить короля Мюрата, чтобы он не шел с ними дальше:

– Мы вам уступили город, Ваше Величество. Смотрите, как бы дальше вы не стали нашим пленником!»

Дальше генерал-голландец Великой армии пишет о том, как было разделено с русскими, то есть с казаками, огромное стадо прекрасных быков, которое захватили солдаты ван Дедема. Казаки заявили ему, что стадо принадлежит им, и если французы не отдадут им часть быков, то казаки останутся без ужина. И что пятнадцати быков им будет для этого вполне достаточно.

Генерал ван Дедем великодушно приказал отдать казакам и их атаману не пятнадцать, а двадцать два быка, и те остались очень довольны таким подарком неприятеля. «Скрытая радость промелькнула на их лицах, и их лукавая усмешка ясно говорила об их надежде хорошенько наказать нас за наше вступление в Москву».

Можно оставить на совести мемуариста из голландского генералитета Великой армии императора французов за описание такого дележа стада быков, военной добычи его солдат. По крайней мере, достоверных свидетельств такому уму непостижимому происшествию в первый день занятия Бонапартом обезлюдившей Москвы не имеется. Хотя, как говорят дипломаты, всякое на войне случается.

Спрашивается, почему такого не могло случиться? Вполне могло быть на самом деле.

Были ли вооруженные столкновения сторон во время вхождения французского авангарда в обезлюдившую Москву? Были, если верить мемуаристам из числа наиболее авторитетных и к тому же очевидцев того события большой исторической значимости. Так, Арман де Коленкур замечает: «В городе была небольшая перестрелка с вооруженными крестьянами, отставшими солдатами и казаками».

...Москва оставалась русским воинством и горожанами с «тяжелым сердцем». Все были в большой тревоге за ее судьбу. Писатель и публицист Н. С. Лесков так описывает спешное оставление Москвы ее жителями, покидавшими столичный град вместе с кутузовской армией:

«Мой дед, служивший в то время в Москве, спасался со своею семьею бегством в Орловскую губернию. Они ехали в большой, тяжело навьюченной рессорной бричке, которую едва тащила пара лошадей, неслыханно дорогою ценою нанятых у какого-то калужского мужика. Семейство деда было затерто у моста необозримою толпою, которая теснилась, жалась и торопилась переправиться через мост, чтобы попасть на дорогу.

Казачьи и драгунские отряды старались дать кой-какой порядок этой переправе и немилосердно рассыпали направо и налево щедрые колотушки нагайками и ножнами сабель. Угрожаемый этими блюстителями порядка, народ на минуту стихал, но потом вдруг снова рвался, как попало, вперед на мост: одни прорывались и, получив несколько ударов по спине и по шее, уезжали, других заворачивали, отчего давка и суматоха увеличивалась более.

Тогда люди благоразумные решили не толкаться и ждать своей очереди по ряду, пока толпа хоть немножко разредеет. В числе этих благоразумнейших, добровольно становившихся в порядок был и мой дед...»

...Оставив опустевшую Москву, русская армия фланговым маневром отходила к Тарутино, чтобы встать здесь походным лагерем. Таков был стратегический замысел полководца М. И. Голенищева-Кутузова, который скрывался им от окружения до поры, до времени. От неприятеля он прикрывался двумя сильными сводными отрядами генералов М. А. Милорадовича и Н. Н. Раевского (оба силой в два корпуса: один пехотный и один кавалерийский). Под их прикрытием Главная армия двинулась от Красной Пахры к Тарутино.

Тот и другой отряды имели в своем составе казачьи полки, которые денно и нощно несли боевое охранение. Они с большим знанием такого опасного дела на войне «наблюдали» все дороги, которые вели из Москвы на юг: на Рязань, Каширу, Серпухов и Калугу (Старую и Новую). Именно донцы 9 сентября донесли Милорадовичу об обнаружении на Серпуховской дороге двигавшегося от Москвы неприятеля в крупных силах. Затем враг был замечен со стороны Каширской дороги.

Это были кавалерийские части маршала короля Неаполитанского Иоахима Мюрата и сводного корпуса маршала герцога Истрийского Ж.-Б. Бессьера, созданного Наполеоном специально для поиска «пропавшей» русской армии на Старой Калужской дороге. На Серпуховскую дорогу в сторону Подольска выдвигался 5-й (Польский) корпус князя Ю. Понятовского. В ночь на 12 сентября император французов писал Мюрату, что перед маршалом должна стоять только одна цель – напасть на след противника. В те дни венценосного полководца Бонапарта пугала неизвестность на большой войне: он уже догадывался, что Кутузов его перехитрил.

Человек, который в отечественную историю вошел как «спаситель России», действительно переиграл великого завоевателя Наполеона, который силой оружия покорил едва ли не все государства континентальной Европы, и тактически, и стратегически. Скрытность и безопасность своего знаменитого в военной истории флангового Тарутинского марш-маневра Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов

обеспечил казачьими полками, во главе которых стояли талантливые командиры. На деле хронология этой операции выглядела следующим образом.

5 сентября:

Главная русская армия, отступившая из Москвы, перешла на Каширскую дорогу, оставив на Рязанской дороге у Боровского перевоза казачий отряд полковника И. Е. Ефремова в составе 4 полков (двух донских казачьих, 1-го Башкирского и Симферопольского крымско-татарского).

6 сентября:

Главная русская армия во главе с генерал-фельдмаршалом светлейшим князем М. И. Голенищевым-Кутузовым перешла на Серпуховскую дорогу, оставив на Каширской дороге казачий отряд подполковника К. И. Харитонова.

7 сентября:

Главная русская армия двинулась к городу Подольску, оставив на Серпуховской дороге летучий казачий отряд майора А. А. Лачинова.

Таким образом, совершая Тарутинский марш-маневр, полководец М. И. Голенищев-Кутузов умело ввел в заблуждение своего старого именитого соперника. Делал он это по собственному разумению, поскольку над ним уже не довлело высочайшее присутствие, как это было в ходе Русско-австро-французской войны 1805 года, которая завершилась Аустерлицем. И исполнителей в лице конницы «степных ос» полководец имел вполне достаточно.

Когда русская армия перешла на Старую Калужскую дорогу, на столбовых Рязанской, Каширской и Тульской дорогах уже стояли оставленные там казачьи полки полковника Ефремова, подполковника Харитонова и майора Лачинова. Им ставилась одна и та же боевая задача: при появлении французского авангарда отступать по «своим» дорогам, а не к армейскому арьергарду, маскируя истинное положение главных сил кутузовской армии.

При таком отступлении скорость отхода не должна была превышать скорость наступательного движения преследователей. Схватки на дорогах разрешались только в исключительных случаях, чтобы не демаскировать собственную малочисленность и отсутствие за спиной подкреплений, прежде всего пехоты и артиллерии. То есть, говоря иначе, противник хитроумно заманивался как можно дальше в «никуда». Во всех трех случаях это делалось на удивление умело и тактически грамотно, хотя рязанские, каширские и тульские земли назвать Задонскими и Кубанскими степями было никак нельзя.

Военная хитрость удалась на славу. 6 сентября авангард Великой армии под начальством маршала Иоахима Мюрата перешел реку Москву у Боровского перевоза. Стоявшая здесь казачья бригада полковника И. Е. Ефремова была принята неприятелем за русский арьергард. Когда казачьи полки стали на глазах наполеоновских войск отступать, те последовали за ними, играя роль настойчивых, но уже обманутых преследователей. В те первые дни «преследования» отступавшей кутузовской армии генералы Мюрата не торопились: они в тот теплый сентябрьский день уверовали в то, что «точно сели противнику на хвост».

На аванпостах начались схватки, как правило, скоротечные, кавалерийские. Казакам приказывалось не упорствовать, а завлекать врага как можно дальше и от Москвы, и от действительного маршрута движения русской армии. При этом не забывалось вести войну «по-скифски».

В составе кавалерии Мюрата находился пехотный Легион Вислы (Легион герцогства Варшавского), действовавший в наполеоновском Русском походе совместно с пехотой Императорской гвардии. Легионом командовал французский дивизионный генерал М. М. Клаперед. Поляки-легионеры в образе

преследователей оказались в числе тех, кто первыми столкнулись с казаками на дорогах южнее Москвы.

Мемуарист капитан 2-го пехотного полка Легиона Вислы капитан Г. Брандт писал, что им долго не удавалось увидеть больших сил русских. По дороге перед ними далеко маячили только небольшие партии казаков, наблюдавших за движением авангардных войск корпуса короля Неаполитанского. Они то исчезали в перелесках, то появлялись вновь.

Легионеры продвигались с известной на войне осторожностью. После дела у Мира поляки императора Наполеона осознали, сколь опасны для них казаки. И не зря: под вечер 13 сентября, как писал Брандт, «приблизилась неприятельские конные отряды, имевшие при себе батарею. Открылась живая канонада, в которой приняла участие и наша полковая артиллерия».

В тот сентябрьский день Наполеон Бонапарт, превративший Московский Кремль в свою штаб-квартиру, наконец-то узнал, что «пропавшая» кутузовская армия находится на Старой Калужской дороге. И он понял, что именно казаки, которых он перед вторжением в Россию называл «жалкими арабами Севера», все эти дни тревожного ожидания «водили за нос» его блистательных маршалов Франции на дорогах Подмоскovie.

Полководец М. И. Голенищев-Кутузов тщательно хранил свой план дальнейшего ведения войны в тайне. Даже ближайшему окружению, не говоря уже о неприятеле, о его замыслах приходилось только догадываться. Увлекаемые искусно действовавшими по приказу полководца казачьими разъездами и отдельными полками, французы достигли города Покрова на Владимирской дороге и города Бронницы по Рязанской дороге и только там сообразили, что русская армия ими упущена и соприкосновение с ней опасно утрачено. И что они попались на военную хитрость русских.

Михаил Илларионович не забыл отметить роль легкой (иррегулярной, казачьей) конницы в донесении императору Александру I о сути совершаемого армией флангового марш-маневра. Он докладывал государю:

«Армия, делая фланговое движение... по переправе через Москву-реку для скрытности сего направления вводила неприятеля во всяком марше в недоумение, направляясь сама к известному пункту; маскировалась между тем фальшивыми движениями легких войск... неприятель потерял из виду нашу армию, оставаясь в недоумении, посылает сильные отряды на разные пункты для открытия нас».

...Когда стороны ожидали действий друг друга большими силами, казаки вели «малую» войну с вражескими конными пикетами, тоже исполнявшими задачи боевого охранения. Их неутомимость в таких действиях, напористость и дерзость заставляли французскую кавалерию, как говорится, «держатъ ухо востро» и днем, и ночью. Дело порой доходило до рукопашных схваток, не ограничиваясь только перестрелкой конников и угрозой обходов.

В серьезном бою у деревни Чириково один полк донских казаков совместно с Литовским уланским и Елисаветградским гусарским полком участвовал в атаке вставшей на позиции неприятельской батареи. Дело дошло до столкновения с французской кавалерией, а батареяцам, поспешая, пришлось «свезти» с позиции свои пушки.

О том, как казачьи полки умело прикрывали фланговый маневр Главной русской армии, вышедшей из Москвы и приведенной генерал-фельдмаршалом М. И. Голенищевым-Кутузовым в Тарутинский лагерь, написано действительно много. В том числе и французскими историками и мемуаристами. Оставил такую запись в своем походном «Дневнике» и офицер-адъютант де Кастеллан. Он пишет, что один из ближайших помощников маршала Мюрата – генерал Тибурций Себастиани «со времени взятия Москвы находится в дружеских отношениях с казаками». Что Себастиани перед каждым продвижением авангарда Великой армии предупреждает о том казачьих начальников, и они договариваются между собой о том, кто и где

будет под вечер занимать новые позиции.

При этом противники договариваются, что конные дозоры должны отстоять друг от друга не ближе пистолетного выстрела, а походные станы – не ближе выстрела ружейного. Каstellан записал в «Дневнике» и такое: генерал Себастиани посылает вино казачьему генералу, благодаря чему было достигнуто соглашение не драться без предупреждения, то есть не делать внезапных нападений на противную сторону. Мемуарист заключает вышесказанное: «Кзаки продолжали жить в согласии с нашими кавалеристами; наши гусары делятся с ними вином».

Погоня авангарда Великой армии за вышедшей из Москвы русской, многодневный поиск ее следов – одна из самых поразительных страниц в истории Отечественной войны 1812 года. Это был урок по военной хитрости и искусству маневрирования, который полководец М. И. Голенищев-Кутузов преподал полководцу Наполеону. И главным инструментом исполнения урока стали казачьи полки.

«Бесследно пропавшая» после выхода из Москвы кутузовская армия и действия при этом казаков оставила свой «след» в мемуарах наполеоновских военачальников. Они были очевидцами этих событий, но каждый из них на свой лад описывал поиски русской армии, прежде всего маршалом империи Иоахимом Мюратом. Не остался в стороне и мемуарист Арман де Коленкур, который весь Русский поход 1812 года вел во всех подробностях дневниковые записи:

«...Постоянные донесения неаполитанского короля об упадке духа в русской армии и его обещания, которые он надеялся осуществить, быстро внесли изменения в намерения императора. Король по-прежнему считал, что русская армия бежит по Казанской дороге, что солдаты дезертируют, казаки готовы ее покинуть, а многие из них склонны даже присоединиться к победителю.

Казачьи начальники продолжали все время расточать комплименты неаполитанскому королю, который в свою очередь не переставал выказывать им свою щедрость. Авангарду не было надобности сражаться; казачьи офицеры являлись к королю за указаниями, чтобы осведомиться, до какого пункта он намерен продолжать переход и где он хочет расположиться со своим штабом. Дело доходило до того, что они охраняли назначенный им пункт до прибытия его отрядов, чтобы там ничего не случилось. Они настоящим образом кокетничали, чтобы понравиться королю, которому были весьма приятны эти знаки почтения.

Император из-за этого с меньшим доверием относился к его донесениям. Эти любезности казались ему подозрительными. Он видел, что короля оставляют в дураках, он советовал ему не доверять так называемому движению Кутузова на Казань. Император не мог найти объяснения этому движению, а в утонченных вежливостях по адресу короля и в преувеличенном подчеркивании так называемого упадка духа и недовольства казаков он видел признаки какого-то надувательства.

Хотя все эти сообщения разжигали его собственный пыл, он все же заключил из них, что от короля хотели скрыть какой-то маневр или завлечь его в какую-то ловушку...

...Он (Мюрат) все время вел переговоры с казачьими начальниками. Он подарил им свои часы, свои драгоценности и охотно отдал бы им свою рубашку, если бы не открыл, что, пока эти милые казаки ублажали его и удерживали на Казанской дороге, русская армия под прикрытием их маневров уже пять дней тому назад перешла на Калужскую дорогу, совершив этот переход ночью при свете огней московского пожара...

Император рассказывал и раньше с различными подробностями, как казаки держали себя по отношению к неаполитанскому королю. Теперь он прибавил новые подробности, говоря при этом, что «посоветовал бы своим послам быть столь же проницательными и ловкими, как эти дикие казачьи офицеры».

Как только король хотел двигаться вперед, к нему, по словам императора, являлся казачий полковник и уговаривал его не завязывать бесполезного сражения. «Мы вам больше не враги, – говорил он, – мы хотим мира, мы ждем лишь ответа из Петербурга»...

А если мы атаковали, то русские отступали без сопротивления. В последние два дня условились даже, что казаки не будут разрушать тех деревень, которые король должен занять, и не будут ничего увозить с собой оттуда... А тем временем другие казаки, менее вежливые или не осведомленные об уговоре, захватывали лошадей, обозы и все продовольствие, которое король и его штаб выписывали из Москвы. Это сердило короля. Ему обещали удовлетворение.

...Король, рассерженный казаками, организовал разведку и в конце концов увидел, что перед ним только завеса; эти учтивые казаки, которые якобы собирались действовать вместе с нами, разыграли его, а русская армия, которая, как он думал, шла по Казанской дороге, уже занимала позиции в калужском направлении и прочно утвердилась там.

Доверчивость короля могла бы оказаться для нас роковой, если бы неприятель в ночь перехода с одной дороги на другую стремительно ударил на Москву...»

В этих строках известного французского мемуариста из свиты императора Наполеона трудно разделить действительную правду войны от желаемого автором. Арман де Коленкур явно относился не с самым большим уважением к Иоахиму Мюрату. Может быть, именно поэтому рассказ о надувательстве казаками короля Неаполя написан столь красочно и в таких «деталях», не делающих чести одному из самых прославленных маршалов Франции, соратнику Бонапарта во многих войнах, в том числе и против России.

...Оставив Москву во второй день сентября, русская армия вышла 8-го числа на Старую Калужскую дорогу к деревне Красная Пахра. Здесь главнокомандующий М. И. Голенищев-Кутузов со своими основными силами сделал остановку в ожидании действий противной стороны. Главная армия прикрывалась двумя сильными отрядами, в состав которых входили и казачьи полки. У деревни Десна на Старой Калужской дороге расположились два корпуса (пехотный и кавалерийский) М. А. Милорадовича. На левом берегу реки Пахры у деревни Луковка встал отряд Н. Н. Раевского, тоже состоявший из двух корпусов – пехотного и кавалерийского.

Казачьи полки в те дни конными партиями наблюдали дороги, которые вели от Москвы на Рязань, Каширу, Серпухов и Калугу (Старую и Новую Калужские дороги). Кутузовская армия простояла у Красной Пахры до 14 сентября. В ночь на 15-е число двинулась по Старой Калужской дороге, чтобы занять назначенную полководцем Тарутинскую позицию и стать там лагерем.

Наполеон после вступления в Москву прекратил преследование отступившей перед ним русской армии и потому не сразу начал ее поиск. 9 сентября французский авангард обнаружил «исчезновение» армии противника с Рязанской дороги. На следующий день маршал Иоахим Мюрат начал активные поиски главных сил русских. Авангард Великой армии под его командованием перешел Москва-реку и двинулся к Бронницам Московской губернии и только там обнаружил обман.

10 сентября встревоженный император Наполеон направил Польский корпус князя Ю. Понятовского к Подольску, а корпус Ж. Бессьера на Калужскую дорогу. Оба корпуса, которым ставилась задача во что бы то ни стало найти армию противника и преследовать ее по пятам, были подчинены маршалу Мюрату. К вечеру 13 сентября на этих направлениях начались столкновения казачьих аванпостов с французской кавалерией. Только теперь казачьи партии вели себя «неуступчиво», отходя с занимаемых мест только под сильным давлением.

Полковник М. М. Петров, в 1812 году командовавший батальоном 1-го егерского полка, кавалер

ордена Святого Георгия 4-й степени в своих мемуарных «Рассказах» так рассказывал о делах казачьих по прикрытию кутузовской армии, свернувшей с Рязанской дороги в сторону Тарутино:

«...Когда вся наша армия пробиралась от Боровского моста к городку Подольску и Красной Пахре, на Рязанской дороге пред французским авангардом оставался один Донской полк, отступавший по Коломенскому тракту в таком порядке, как следовало прикрывать арьергард большой армии, ретиравшейся.

Король Неаполитанский Мюрат, турая за этим казацким полком, оказал весь свой мишурный гений, подобный его театральному наряду. Наконец, 5 сентября и тех потерял из виду, ибо они рассеянно отлетели в сторону своей армии к Серпуховской и Калужской дорогам, оставя Рязанскую чистою; так что после такого достославного преследования армии русской, состоявшей из нескольких сотен казаков под предводительством войска Донского полковника Ефремова, он, Иоахим Мюрат, медлил полторы сутки, не зная, куда девалась наша армия и что о ней рапортовать великому Завоевателю и полному властелину опустелого Кремля и пылавших домов всей Москвы, шурина своему, Наполеону».

Только 14-го числа император Наполеон узнал, что «потерянная» им кутузовская армия стоит на Старой Калужской дороге в одном переходе от Москвы. То есть в опасной близости от нее, что было признано венценосным полководцем Бонапартом «нетерпимым». Он приказал маршалу Мюрату, получившему подкрепление силой в два корпуса (пехотного и кавалерийского), атаковать противника и отбросить его на несколько переходов подальше от Москвы.

Император на следующий день, и еще через день не узнал ничего нового: армия противника куда-то исчезла. Зато Наполеон получил с эстафетой неприятное известие с Санкт-Петербургского направления: казаки-партизаны полковника В. Д. Иловайского из отряда Винценгероде 15 сентября у селения Давыдовки одержали победу в скоротечном бою. Возможно, уже тогда император французов должен был озаботиться армейским партизанством русских на коммуникациях Великой армии.

В том случае наполеоновцы вели себя излишне самоуверенно и шли без боевого охранения, чувствуя себя победителями. Встреченный донцами «французский авангард был совершенно разбит». В плен попали один офицер и 270 нижних чинов. Остальных казаки обратили в бегство и преследовали несколько верст, поражая пиками и саблями. Лично для В. Д. Иловайского 12-го это было первое серьезное, да к тому же еще и самостоятельное дело на этой войне.

Тактику малой войны с французами командирам летучих отрядов приходилось вырабатывать в ходе отступления русских армий от границы. С. Г. Волконский вспоминал в своих мемуарах о том, как отряд Винценгероде совершил ночной налет на город Велиж, который в итоге оказался для армейских партизан неудачным, хотя потерь в людях они не понесли:

«От суража мы пошли к Велижу, имея достоверные сведения о том, что там отряд французов весьма беспечно расположился, но, как дневная атака не была по силам нашего отряда, Винценгероде хотел попытать ночной поиск; мы подошли к городу со всеми должными осторожностями, не были ни встречены, ни открыты; отсель сотня казаков гикнула в продоль большой улицы, остальной отряд кинулся на предместье.

Ночь была темная, ни зги не было видно. Сотня проскакала по улице, но неприятель ободрился и сделал отпор ружейным огнем. По страшной темноте ночи, с нашей стороны не было никакой возможности для атаки; начало рассветать, а так как дневная атака нам была совсем не по силам, мы без потерь отступили...»

Однако уже последующие действия летучего отряда Ф. Ф. Винценгероде были более удачны. Тот же С. Г. Волконский описывает бой с французскими фуражирами за Гжатском в селе Самойлово, имени

княгини Голицыной:

«...Через крестьян узнал Винценгероде, что там (в Самойлове) вестфальцы грабят и причиняют неистовства. Полным отрядом пустились мы туда на риск. Французы, сторожившие себя, узнавши о нашем приближении, отступили, но мы там еще застали малый отряд, не успевший отступить; разбредших перехватили, но человек сто вестфальцев заперлись близ господского дома, в особенное жилое строение, и нами окруженные, на наше предложение сдаться не соглашались и, стрелявши по нас, убили и ранили несколько казаков.

Надо было кончить с ними, и Винценгероде велел спешить два эскадрона драгун, примкнуть штыки и идти на приступ. Храбрые драгуны, с спешившимися казаками, вломились в строение, и началась там резня раздраженными нашими драгунами и донцами, потерявшие упорством неприятеля несколько товарищей.

Нам нужно было живого пленного, как говорится, языка, чтоб узнать о движении французской армии; адъютант Винценгероде... и я кинулись в этот дом, чтоб иметь языка, но наши, раздраженные упорством неприятеля и за потерю своих, просто не давали никому пощады; труп лежал на трупе, раненых прикалывали, и мы двое едва могли схватить одного живого и еще офицера, но так израненного, что он едва говорил и вскоре помер».

Волконский описывает казачью засаду, устроенную в «ущелье» (то есть в овраге) близ Саввинского монастыря недалеко от Звенигорода. Когда неприятельский отряд поравнялся с монастырем, «казаки из засады гикнули, причинив расстройство в авангарде французском, и положили некоторых на месте, а некоторых взяв в плен». Завязался огневой бой летучего отряда с французами, которых под вечер становилось у Саввинской обители все больше и больше. После нескольких часов ружейной перестрелки, армейские партизаны перед рассветом отступили».

...Когда Наполеон вступил в Москву, возможности вести малую войну у отряда Ф. Ф. Винценгероде сузились: главнокомандующий Главной русской армией приказал ему нести «сторожевое дело по трактам Ярославскому и Петербургскому», давая знать в столицу и Тарутино о всяком передвижении крупных сил неприятеля.

«Сторожевое дело» не касалось казачьей части летучего армейского отряда, которой начальствовал подполковник И. Д. Иловайский 4-й. Со своими казаками-донцами он удачно действовал не только против французских мародеров, далеко заходивших к северу от Москвы, но и небольших вражеских отрядов, занимавшихся фуражировкой, то есть таким же грабежом сел и деревушек, в которых творилось всякого рода насилие.

У местных крестьян отбиралось продовольствие, фураж, скот и лошади с повозками. Такие «громленные» мужики тайно и явно спешили тревожными гонцами к казачьим партиям, которые контролировали развилки дорог, мостовые переправы на Ярославском и Петербургском трактах. Если урядник или хорунжий имел людей недостаточно для налета на грабителей, то тогда на помощь призывался расторопный Иван Иловайский 4-й, который спешил помочь беде селян уже с казачьими сотнями. Когда начинался бой, в ряды донцов становились крестьяне-партизаны из числа местных жителей, вооруженные чем придется.

Поскольку части Великой армии в поисках средств пропитания «расползались» от Москвы в разные стороны, то летучие отряды получили новое приказание. Им предписывалось в случае невозможности отбить французов от своего местоположения, то в таком случае следовало истребить всякие запасы продовольствия и фуража, которые невозможно было вывезти.

Так, когда появилась опасность появления неприятеля у города Клина к северу от Москвы, то генерал-майор Винценгероде приказал Волконскому «истребить винный подвал заранее, чтоб, в случае с бою

оставления Клина, не дать повод отступающему отряду к беспорядку». Волконский с несколькими казаками исполнил приказание: у бочек выбили пробки, а штофы с водкой рубили саблями. Винный подвал города таким образом был истреблен, но французы до Клина так и не дошли.

Через пять лет после окончания Отечественной войны 1812 года генерал-майор С. Г. Волконский за свой «антикабацкий подвиг» был призван к ответу Московской казенной палатой «за столь значительный убыток казне». Этот убыток в итоге был списан на войну.

...Неаполитанский король Мюрат, кавалерия которого числом заметно уменьшилась, продолжал действовать наступательно. 17-го числа произошел бой у деревни Чириково. 19 сентября французы вновь атаковали аванпосты Милорадовича, которые отступили, но только на две версты по Старой Калужской дороге. 20-го числа состоялся бой у Воронова. Здесь русский арьергард остановился, выдвинув перед собой метров на 500 казачьи дозоры.

21-го числа маршал Мюрат продолжил наступательное движение. Милорадович отошел к селу Спас-Купля, прикрывшись конными аванпостами. Он расположил свои войска в дефиле, образованном лесными массивами, выходившими к дороге на Калугу. В первой линии встали полки регулярной и иррегулярной кавалерии. У сельца Виньково расположилась пехота. Артиллерия разместилась на батарейных позициях.

Дело при Спас-Купле началось с артиллерийской дуэли, которая закончилась в пользу русских. Двигавшийся к месту боя по обходной дороге 2-й корпус кавалерийского резерва корсиканца генерала графа Ораса Себастьяни де ла Порта при выходе из леса под вечер сразу же натолкнулся на казачьи и гусарские полки. Началась ружейная перестрелка, в ход пошли и кавалерийские пистолеты.

Стороживший Калужскую дорогу в этом месте генерал-адъютант В. В. Орлов-Денисов сразу же отдал боевые распоряжения. Против дороги встали гусарские полки, а на флангах в лесу удачно укрылась казачья конница. На правом фланге затаились в засаде три полка под начальством командира Атаманского полка полковника С. Ф. Балабина 2-го. На левом – четыре полка полковника В. А. Сысоева 3-го.

Генерал Себастьяни, со своей стороны, стал выстраивать для атаки свою кавалерию. Когда в линию встал его третий полк из 2-й легкой кавалерийской дивизии, Орлов-Денисов, заинтересованно наблюдавший вражеское построение, приказал гусарам двинуться на неприятеля рысью.

В своих «Воспоминаниях» В. В. Орлов-Денисов (получивший ранение в этом бою) так описал принятое им решение на бой: имитацией атаки силами двух гусарских полков «обратить на себя внимание его (французов), а казачьим полкам, бывшим в засаде, в то же время броситься неприятелю во фланги. Атака сия исполнена была с такой быстротой и порядком, что неприятель был опрокинут и обратился в совершенном расстройстве по лесу в бегство, преследуемый более трех верст, при чем понес значительный урон убитыми и пленными».

Атаку казаков и гусар удачно поддержала артиллерия, которая своим метким огнем только «усилила» стремление неприятельской кавалерии как можно быстрее скрыться в лесу. Естественно, что оказавшись в спасительном лесу, кавалерия Себастьяни расстроилась еще больше, чем при бегстве по полю боя.

О той атаке русской конницы остались воспоминания немецкого врача Генриха Рооса, в 1812 году главного хирурга 3-го Вюртембергского конно-егерского полка «Герцог Луис» корпуса генерала Ораса Себастьяни. Его мемуары «С Наполеоном в Россию. Записки врача Великой армии» дополняют картину кавалерийского боя у села Спас-Купля:

«В тот день мы проехали очень много; люди и кони устали и почти обессилели от трудов и лишений. Сколько ни прищпоривали коней, они шли только шагом. Уже вечерело, когда мы приблизились к лесу близ Спаса-Купли, влево от дороги, ведущей из Москвы в Тарутино. «Что же, и лес проезжать?» – ворчали наши солдаты. Узкой тропой Себастьяни повел нас в него.

Задние ряды дивизии еще не успели достигнуть входа в лес, как передние уже вступили в бой с казаками. Пришлось ускорить движение; малолюдные полки построились в линии и принялись стрелять из ружей и пистолетов по русской коннице, построенной между этим лесом и деревней...

Вдруг со всех сторон раздались громкие крики: «Коли, ура! Коли, ура!» Оказывается, позади нашего фронта с обеих сторон из лесу появились большими массами казаки с пиками наперевес; они обходили нашу дивизию, а впереди оба фронта вступили в рукопашную. Стрельба и крики «Коли! Коли!» становились все сильнее, бежавшие смешались с преследователями; свои и враги приближались с боевым шумом и криком, а я стоял у узкого входа в лес, который был для всех нас единственным входом к бегству и спасению».

Главный хирург полка вюртембергской кавалерии решил не испытывать судьбу. Да и к тому же он не был строевым бойцом, а находился на положении военного чиновника. Вид атакующих казаков и гусар так подействовал на него, что он, повернув коня и пришпорив его, понесся к выходу из леса, стремясь оказаться на спасительной (как казалось Генриху Роосу) лесной тропе, по которой его полк только-только вышел на опушку. Последующие события мемуарист описывал так:

«Оглядываться было некогда, однако я заметил впереди и около себя пруссаков, французов, русских, поляков и своих. Кругом кололи, рубили, падали и стаскивали с коней; на дороге валялись всякие предметы, потерянные теми, которые уже ускакали вперед. Молодой прусский офицер, уже раненый несколько раз, прокричал около меня: “Пардон!”

Только появление польских войск 5-го корпуса заставило казаков прекратить преследование и вернуться к исходной позиции...»

Однако этот разгром 2-й легкой кавалерийской дивизии казаками и гусарами генерал-адъютанта В. В. Орлова-Денисова не остановил движение авангарда Великой армии. Маршал империи Иоахим Мюрат вывел свои войска к Спас-Купле и расположился там на ночлег.

Генерал от инфантерии М. А. Милорадович мог с радостью доложить главнокомандующему о состоявшемся победном кавалерийском бое. В донесении говорилось, что «по словам пленных, истреблено 7 полков кавалерийских: 4 французских, 2 польских и один вюртембергский». В плен было взято 10 офицеров и более 150 рядовых».

Речь в рапорте шла, в первую очередь, о разгроме 2-й легкой кавалерийской дивизии генерала К. П. Пажоля, в состав которой входили полки конных егерей, гусар и улан (французы, поляки, вюртембергцы, саксонцы, бранденбургцы). Мемуарист Генрих Роос вспоминал, что после того боя в его 3-м Вюртембергском конно-егерском полку в строю осталось немного более тридцати человек, и что полк, городость армии Вюртемберга, лишился пяти офицеров.

Утром следующего дня маршал Мюрат, несмотря на понесенную неудачу, двинул свои войска на русские позиции, напористо сбив конные аванпосты противника, которые, отстреливаясь, отошли к своим главным силам, стоявшим за Спас-Куплей. Подошедшие французы увидели там построенную для конного боя кавалерию русского авангарда. За ней просматривались ряды пехоты. Артиллерия батареями была распределена по всему фронту на поле предстоящего столкновения.

Мюрат перешел в атаку, сумев потеснить противную сторону, но не настолько, чтобы русские стали отступать в беспорядке. Пехота их батальонами перешла на другой берег реки Чернишни, имевшей местами крутые берега, и обосновалась на новой, более сильной позиции. Кавалерия Милорадовича, не теряя строя, медленно отходила назад, а смелость казаков заставила французов и их союзников «предположить стойкое сопротивление».

Казачьи полки раз за разом поворачивали «вдруг» своих коней, завязывали с преследователями

ружейную перестрелку, а затем вновь начинали отступать. Генералам Неаполитанского короля стало казаться, что их заманивают в ловушку, и потому они старались быть предельно осторожными: «как бы беды не случилось».

К 11 часам русская кавалерия прекратила отход и стала выстраиваться в линии за селом Богородским, перекрывая Старую Калужскую дорогу. Со своей стороны, король Неаполитанский Мюрат тоже стал выстраивать войска для фронтальной атаки. Маршал сказал одному из батальонных командиров Вислинского легиона, которого знал лично: «Ну вот, мы как в Египте».

Французский авангард, перестроившись, возобновил наступательное движение. 2-й полк Вислинского легиона (Легиона Вислы) получил приказ пройти лес и выйти на берег реки Чернишни. Выйдя из леса, поляки неожиданно увидели перед собой казачью конницу, которая «отошла поспешно и демаскировала до 40 орудий, которые с другого берега реки открыли по нам (полякам) сильнейший огонь». Иными словами говоря, казаки увлекли за собой польских легионеров-вольтижеров и подвели их под разящий огонь своих батарей.

Все же маршалу Мюрату удалось в нескольких местах перейти Чернишню и закрепиться на ее противоположном берегу. Русские снова отошли, но недалеко. Их батареи снялись с позиций под прикрытием конницы. Всего в тот день войска генерала от инфантерии М. А. Милорадовича с боем отошли от Спас-Купли по Старой Калужской дороге на 4 километра. Казачьи полки «пресекали» любые попытки неприятеля совершить фланговые обходы.

Капитан Генрих фон Брандт, будущий прусский генерал от инфантерии, в 1812 году служивший во 2-м полку Вислинского легиона, автор опубликованных в России мемуарных «Записок», описал боевой эпизод, в котором казаки подвели под огонь скрытой батареи французскую пехоту:

«Когда мы дебушировали из долины, (русская) кавалерия снова отошла и снова демаскировала многочисленную артиллерию, открывшую жестокую канонаду в ту самую минуту, когда 94-й французский полк в первой линии и 2-й и 3-й польские полки во второй выдвинулись из речной долины на несколько сотен шагов.

Батальон 94-го полка, бывший впереди нас, терпел сильно и начал колебаться. Командир его делал все возможное для приведения людей в порядок; но в то мгновение, когда он мог надеяться на успех своих стараний, одного офицера, бывшего верхом, граната подняла на воздух в буквальном смысле слова; батальон побежал на наш полк, и обе эти части могли быть устроены уже на окраине долины Чернишни.

Осколок гранаты сорвал с моей головы кивер с такой силой, что одна чешуя лопнула, а сам я, во время бегства, был сброшен с лошади...»

Бой под Спас-Куплей длился до захода солнца. Маршал Мюрат уже в вечерних сумерках предпринял последнюю попытку отбросить противника прочь и «открыть для себя» Старую Калужскую дорогу. Но в итоге этой последней схватки сторонам пришлось отойти на прежние позиции: русская пехота ружейным огнем отбила атаку двух полков французской линейной пехоты. Бой завершился кавалерийской стычкой. М. А. Милорадович мог доложить в Главную квартиру о том, что его войсками «место было удержано».

Казачьи полки генерал-адъютанта В. В. Орлова-Денисова показали под Спас-Куплей примерную доблесть, ни в чем не уступая легкой регулярной кавалерии короля Неаполитанского. Они не раз заманивали ее под картечные залпы своих батарей, смело идя привычной лавой в рукопашный бой. Об этом писали не только мемуаристы – ветераны Великой армии.

Бои у села Спас-Купля шли два дня – 21 и 22 сентября. В отечественной историографии они называются еще и как бои у села Винково (Виньково) Боровского уезда Калужской губернии. Бой «у сельца Виньково» 22-го числа длился около десяти часов. Генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов в

донесении императору Александру I писал, что состоялось «дело столь важное, которое, конечно, назвать баталией заслуживает».

Генерал А. П. Ермолов в знаменитых «Записках» отметил значимость результата первого серьезного столкновения сторон после занятия французами Москвы:

«Около вечера неприятель отступил на всех пунктах и неподалеку расположился лагерем. В продолжение войны обстоятельства, возлагая на нас горькую необходимость отступления, облегчали неприятелю достижение его намерений. Здесь, в первый раз безвозмездны были его усилия!»

Бой под Спас-Куплей закончился. Казаки вернулись к исполнению своих походных обязанностей: их партии на измотанных за день конях (столь же устали и всадники) ушли в ночь в сторону вражеского лагеря недремлющими сторожевыми дозорами. Те, что остались заночевать на голой земле, среди кустарника и на лесных опушках у небольших костров, держали расседланных коней поблизости на случай тревоги. Седла ложились под головы, оружие было под рукой.

Приходилось стеречься и мюратовским дозорным кавалеристам: они легко могли стать казачьими «языками», за которые полагалась награда, которой могло быть и похвальное слово полкового командира. Казаки пикетов в ночи, под покровом непогоды, ориентируясь по огням вражеского стана, дерзко подбирались к его аванпостам, кидались на него с пиками наперевес или внезапно обстреливали из ружей и пистолетов.

«Степные осы» жалили авангард Великой армии столь часто, что давали немало поводов для беспокойства самому императору французов, в те дни сидевшему в Московском Кремле. Наполеон не раз высказывал огорчение по поводу неудачных действий армейской легкой кавалерии, которая пасовала перед бесстрашием в атаках русских казаков. Сыны Дона оказались для французов страшнее египетских мамлюков.

В те дни произошли столкновения сторон и в других местах. Примером может служить бой иррегулярной конницы близ города Серпухова. Здесь отряд донского полковника Е. И. Ефремова (его именной полк, полки Андреянова 2-го, 1-й Башкирский и Симферопольский конно-татарский) 14 сентября при селе Вишневском разбили на Серпуховской дороге крупный отряд наполеоновских войск. Неприятель был наголову разбит, в плен попало 500 офицеров и нижних чинов, взяты «мелким ружьем» богатые трофеи.

Только одна эта цифра говорит о том, что французы шли по Серпуховской дороге в значительных силах. Нападение для них четырех полков легкой конницы оказалось действительно внезапным, и потому за оружие успели схватиться далеко не все: в сентябре наполеоновцы еще не «шли толпами» в плен, чтобы в нем обрести надежду спасения от голода, холода и... казаков.

Уже спустя десять – двенадцать дней после вступления наполеоновской армии в Москву, в штаб-квартиру Бонапарта стали поступать все более тревожные день ото дня известия, что прямая дорога на Москву – Старая Смоленская – стала небезопасна не только для императорских курьеров, но и обозов с, казалось бы, надежной охраной и небольших воинских отрядов.

Уже первые такие вести о действии русских партизанских, казачьих отрядов впечатляли. Так, 22 сентября казаки захватили артиллерийский парк, двигавшийся под защитой двух кавалерийских эскадронов, а 25 сентября взяли в плен 80 гвардейских драгун. «Парижская эстафета» (почта Великой армии) тоже оказалась под ударом: партизаны не раз захватывали ее, о чем пишет Денис Давыдов в своих «Записках». Письма из Москвы в Европу захватывались целыми ящиками.

Для французских фуражиров Смоленка таила в себе смертельную опасность уже в версте от нее. Коленкур записал в те дни в своем «Дневнике»: «Тогда как в нашем штабе мечтали о переговорах и о

мире, казаки нападали на наших фуражиров и каждый день захватывали их почти у самых ворот города. Они появились также между Можайском и Москвой».

Император Наполеон под впечатлением действий летучих казачьих отрядов вокруг Москвы и на Смоленке был очень озабочен и стал говорить «о польских казаках, которых он ожидал и собирался противопоставить русским (казакам)».

...Армейское партизанство быстро набирало свою силу. Денис Давыдов в «Записках» так начал рассказ о действиях вверенного ему летучего отряда, своего легкоконного партизанского отряда:

«Получа пятьдесят гусар и вместо ста пятидесяти – восемьдесят казаков и взяв с собой Ахтырского гусарского полка штабс-ротмистра Бедрягу 3-го, поручиков Бекетова и Макарова и с казацкой командой – хорунжих Талаева и Григорья Астахова, я выступил чрез село Сивково, Борис-Городок – в село Егорьевское, а оттуда на Медынь – Шанский завод – Азарово – в село Скугарево.

Село Скугарево расположено на высоте, господствующей над всеми окрестностями, так что в ясный день можно обозревать с нее на семь или восемь верст пространства. Высота сия прилегает к лесу, простирающемуся почти до Медыни. Посредством сего леса партия моя могла скрывать свои движения и в случае поражения иметь в нем убежище. В Скугареве я избрал первый притон.

Между тем неприятельская армия стремилась к столице. Несчетное число обозов, парков, конвоев и шаек мародеров следовало за нею по обеим сторонам дороги, на пространстве тридцати или сорока верст. Вся эта сволочь, пользуясь безначалием, преступала все меры насилия и неистовства. Пожар разливался по сей широкой черте опустошения, и целые волости с остатком своего имущества бежали от сей всепожирающей лавы, куда – и сами не ведали...».

Денис Давыдов

«Партизан» (отрывок)

Умолкнул бой. Ночная тень
Москвы окрестность покрывает;
Вдали Кутузова курень
Один, как звездочка, сверкает.
Громада войск во тьме кипит,
И над пылающей Москвою
Багрово зарево лежит
Необозримой полосой.

И мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников веселый рой
На отдаленные ловитвы.
Как стая алчущих волков,
Они долинами витают:
То внемлют шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжают.

Начальник, в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской,
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской.
Сын белокаменной Москвы,

Но рано брошенный в тревоги,
Он жаждет сечи и молвы,
А там что будет – вольны боги!

Давно не знаем им покой,
Привет родни, взор девы нежный;
Его любовь – кровавый бой,
Родня – донцы, друг – конь надежный.
Он чрез стремнины, чрез холмы
Он важно всадника пронесит,
То чутко шевелит ушами,
То фыркает, то удил просит.

Еще их скок приметен был
На высях за преградной Нарой,
Златимых отблесков пожара,
Но скоро буйный рой за высь перекатил,
И скоро след его простыл...

Летучий отряд Дениса Давыдова действовал в своих лихих налетах на редкость удачно, чем не раз радовал главнокомандующего. И тот решил усилить сравнительно немногочисленный армейский партизанский отряд целым донским казачьим полком Попова 13-го, который прибыл к Давыдову 31 сентября. Отрядный командир сразу же устроил «практическое» обучение новоприбывшим бойцам:

«Сей полк, невзирая на усиленные переходы от самого Дона, представился мне в отличнейшем положении и усилил партию мою пятью сотнями доброконных казаков. Тогда я перестал опасаться нападения искавшего меня отряда и взял намерение самому атаковать его. Но прежде сего мне хотелось и наметить и натравить сии новые войска, составлявшие большую половину моей партии. К тому же, если малочисленным отрядам можно было управлять, так сказать, разбойнически, без предварительного устройства, а братски и крутую строгостью, то сего не можно было уже продолжать с семьями человек.

Итак, до 3 октября я принужден был заняться образованием постановлений внутреннего управления партии, показанием лучшего, по моему мнению, построения оной в боевой порядок. Сделав несколько тактических примеров для нападения, отступления и преследования, я в первый раз испытал рассыпное отступление, столь необходимое для партии, составленной из одних казаков, в случае нападения на нее превосходного неприятеля.

Оно состояло, во-первых, чтобы по первому сигналу вся партия рассыпалась по полю, во-вторых, чтобы по второму сигналу каждый казак скакал сам из вида неприятеля, в-третьих, чтобы каждый из них, проехав по своевольному направлению несколько верст, пробирался к предварительно назначенному в десяти, а иногда и в двадцати верстах от поля сражения сборному месту».

В день вступления наполеоновской армии в Москву – 2 сентября казаки и гусары летучего отряда Дениса Давыдова (о том в отряде еще не знали) праздновали первую победу, которая стала «знаковой» для крестьян Юхновского и Вяземского уездов, взявшихся за оружие в необъявленной народной войне против французов. Давыдов так рассказывал о первом бое своих легкоконных партизан:

«Узнав, что в село Токорево пришла шайка мародеров, мы 2 сентября на рассвете напали на нее и захватили в плен девяносто человек, прикрывавших обоз с награбленными у жителей пожитками. Едва казаки и крестьяне занялись разделением между собой добычи, как выставленные за селением скрытые пикеты наши дали нам знать о приближении к Токареву другой шайки мародеров. Это селение лежало на

скате возвышенности у берега речки Вори, почему неприятель нисколько не мог нас приметить и шел прямо без малейшей осторожности.

Мы сели на коней, скрылись позади изб и за несколько сажений от селения атаковали его со всех сторон с криком и стрельбою, ворвались в середину обоза и еще захватили семьдесят человек в плен....»

Эти две победы дали армейским партизанам не только более чем полторы сотни пленных, но и почти такое же число ружей, не считая оружия холодного и пистолетов, немалого числа патронов. Денис Давыдов раздал все это местным крестьянам, дав им наставление, как действовать в случае нового появления французов у Токарево. В крайнем случае, если мародеры были многочисленны, сельскому старосте предписывалось срочно слать конных гонцов (всегда готовых к тому трех – четырех парней) по разным дорогам и тропам в летучий отряд за помощью.

Денис Давыдов, как кавалерийский офицер сметливый и любознательный, был хорошо знаком с казачьей тактикой в бою, их походном движении, устройстве дозорной службы на войне. Поэтому командир летучего отряда стал воевать в тылу у французов чисто по-казачьи. Вся партизанская жизнь напоминала действия казачьих отрядов в Дикой степи, на вражеской территории, когда от донцов требовалась полная мобильность, круглосуточная готовность к неожиданной схватке с врагом, походному маршу, защите своей стоянки.

Легендарный поэт-гусар из «грозы 12-го года» рассказывал в «Записках партизана» об отрядной жизни во французском тылу: «Партия моя, быв тридцать часов непрерывно в походе и действии, требовала отдохновения, почему она до вечера 4-го числа оставалась на месте. Для облегчения лошадей я прибегнул к способу, замеченному мною на аванпостах генерала Юрковского еще в 1807 году.

Исключив четыре казака для двух пикетов и двадцать – для резерва (который хотя должен был находиться при партии, но всегда был в готовности действовать при первом выстреле пикетов), остальных девяносто шесть человек я разделил надвое и приказал в обеих частях расседлывать по две лошади на один час для промывтия и присыпки ссадин и также для облегчения. Через час сии лошади вновь седлались, а новые расседлывались; таким образом в двадцать четыре часа освежалось девяносто шесть лошадей.

В тот же день, по просьбе резерва, я позволил и оному расседлывать по одной лошади на один час...»

Действительно, у прирожденного гусара Юрковского, выходца «из венгерских дворян греческого исповедания», было чему поучиться. Анастасий (Анастазий) Антонович участвовал в штурме крепостей Очакова (получил два сабельных удара по голове) и Измаила. В 1807 году шеф Елисаветградского гусарского полка показал себя «примерным» кавалерийским начальником, получив в тот год свой второй орден Святого Георгия 3-й степени за бой под Бартенштейном (первый – 4-й степени был пожалован ему императрицей Екатериной II за ее вторую Турецкую войну). Отечественную войну 1812 года дважды георгиевский кавалер закончил с Золотым оружием (саблей) с надписью: «За храбрость» и украшенной алмазами.

Воюя в екатерининскую эпоху против турок в Причерноморье, Юрковский блестяще освоил казачью тактику действий, применив ее и при изгнании наполеоновской армии из пределов России. Он сперва командовал отдельным казачьим отрядом, затем кавалерийской бригадой в армейском авангарде генерала от инфантерии М. А. Милорадовича. Так что у Дениса Давыдова был хороший учитель ведения малой (партизанской) войны по-казачьи.

Удачные действия давыдовского летучего отряда дали генерал-фельдмаршалу М. И. Голенищеву-Кутузову веское основание усилить его... сразу двумя казачьими полками. 11 сентября вечером в село Знаменское, которое стало временной базой армейских партизан, прибыли 1-й Бугский и Тептярский полки. Но в первом числилось всего 60 конных бойцов, а казаков со Среднего Зауралья – 110 человек.

Остальные люди оказались «раскассированными» по Калужской губернии отдельными командами, несшими кордонную службу.

Вместе с ополченцами они противостояли появлявшимся со стороны Смоленской дороги «шайкам» мародеров из рядов французской армии. На кордонах в Калужской губернии местные ополченцы, казаки и отряды местной самообороны за три месяца войны (август – октябрь) уничтожили более двух тысяч наполеоновских солдат и офицеров, взяв в плен 1400 человек.

То есть летучий отряд численно вырос немногим более чем вдвое. Теперь его можно было с полным основанием назвать казачьим, усиленным полуэскадрой гусар-ахтырцев. Полки прибыли к Денису Давыдову «по его требованиям и предписанию начальника калужского ополчения» отставного генерал-лейтенанта В. Ф. Шепелева.

Командир летучего отряда так назвал неожиданное умножение его сил: его «разбойничья шайка» превратилась «в наездническую партию» в триста с лишним сабель. О наездническом искусстве казаков – донцов, бугских и тептярей дискуссировать не приходилось даже французам. И даже самому императору французов Наполеону I Бонапарту.

Будущий генерал войн на Кавказе восторженно встретил казачье пополнение его летучего отряда. Потом он напишет о новых своих возможностях: «На 12 (сентября) я предпринял поиск к самой Вязьме. Сердце радовалось при обзоре вытягивавшихся полков моих. Со ста тридцатью всадниками (до этого) я взял триста семьдесят человек и двух офицеров (в плен), отбил своих двести (военнопленных) и получил в добычу одну фуру с патронами и десять провиантских фур...

Тут же я командовал тремястами всадников: какая разница! какая надежда!..»

Денис Давыдов, подлинный герой Отечественной войны 1812 года, не преминул в «Записках партизана» дать штрихи к портретам и гусарских, и казачьих офицеров, с которыми ему пришлось пройти партизанскими путями до самой государственной границы России. Он знакомил своих будущих читателей с «частными начальниками» наезднической партии из числа казаков в таких словах:

«...Первого Бугского полка сотник Ситников, шестидесятилетний старец, и Мотылев, молодой офицер. Оба отличной храбрости и неутомимой деятельности офицеры.

Хорунжий Талаев и Григорий Астахов (в том же чине) – офицеры обыкновенные.

Иловайского 10-го полка урядник Крючков (получивший за войну производство в хорунжие. – А.Ш.) – молодой парень, ездок отличный и неутомимый, храбрости чистой, сметливости черкесской...

Урядники Донского войска, кои остались у меня в памяти, были: Тузов, Логинов, Лестов; казаки: Афонин, Антифеев, Волков, Володька. Сожалею, что забыл остальных, ибо большая часть из них достойны быть известными».

Донцами в отряде Дениса Давыдова командовал Попов 13-й, лучшими офицерами которого были сотник Бирюков, хорунжие Персиянов и Александров. Донские казаки отличились при разгроме батальона 4-го Иллирийского полка, захвате обоза 1-го Вестфальского гусарского полка с обмундированием и обувью стоимостью в 17 тысяч франков, в ночном бою на берегах реки Уды (здесь пало четыре казака и было ранено 15), захвате фуражиров генерала Ожеро...

...Москва в дни занятия ее наполеоновскими войсками очень скоро стала напоминать осажденный город. Летучие казачьи отряды и местные партизанские отряды делали жизнь врага в городе трудно выносимой. Особенно доставалась фуражирам, которые посылались в окрестные селения за сеном и соломой для лошадей. Голландский генерал ван Дедем в своих записях жалуется на то, что казаки захватывают коней на пастбищах на городских окраинах, и экипажи на дорогах. Он замечает, что те

немногие москвичи, оставшиеся в городе, живущие в постоянном страхе перед бесчинством «наших слуг», «бегут просить помощи у казаков».

Пехотный офицер Франсуа в своих мемуарах рассказал о том, как на их колонну, следовавшую к Москве, при входе в лес напала «шайка казаков». Ехавший впереди отряда адъютант князя Понятовского и трое польских гусар сразу же оказались взятыми в плен. Авангард колонны был смят и почти весь перебит вышедшей из леса казачьей лавой. Пехота, следовавшая по дороге плотной колонной, ружейными залпами отразила нападение. Казачий отряд повернул обратно в лес и перебил там тех неприятелей, которые уцелели от истребленного отрядного авангарда.

Самого Франсуа спас от гибели добрый конь, который пронес его живым и невредимым сквозь строй казаков. Новых ран он не получил, зато открылась старая рана с потерей много крови. Офицера, который не мог держаться в седле, доставили в Москву в обозном фургоне. В полку товарищи встретили Франсуа как настоящего героя. Каждый сделал на радостях ему подарок «из предметов, найденных ими среди дымящихся развалин» города. Это были: серебряный столовый прибор, слиток сплавившегося золота, разливательная ложка из серебра, подбитая горностаем шуба. Мемуарист констатировал: «все это составляло значительную сумму денег».

...Во время преследования бегущей из российских пределов вражеской армии казаки захватили немало архивов штабов Наполеона. Среди этой добычи оказались и бумаги французского разведчика капитана де Лонгерю, адъютанта посла Парижа в Санкт-Петербурге Ж. А. Лористона. Первый (личный) секретарь императора Бонапарта барон Агатон Фэн в своих мемуарах писал: «В России казаки захватили у нас коляску, где находились наши книжки об их армии...»

Это были разведывательные данные о 25 полках и одной дивизии (генерала Лаврова) русской армии и деловые характеристики многих ее военачальников – Голенищева-Кутузова и Баркляя де Толли, Кульнева и Уварова, Милорадовича и Воронцова, Депрерадовича и Бахметьева, Сен-При и Колюбакина...

Среди собранных капитаном де Лонгерю в городе на Неве данных на высший командный состав русской армии была характеристика на генерал-адъютанта графа Василия Васильевича Орлова-Денисова, командира Лейб-гвардии Казачьего полка, удачно действовавшего с первого «неманского» дня войны 1812 года. Французский разведчик в ранге дипломата составил на него такую характеристику, с которойзнакомился и Наполеон, и его маршалы империи:

«Генерал Орлов-Денисов. Генерал-майор. Казак. Генерал-адъютант Его Величества, один из главных казачьих начальников, командует полком гвардейских казаков. Это красивый молодой человек, крепкого сложения; говорит по-французски мало, и его не встречают в обществе».

Последнюю строку из характеристики В. В. Орлова-Денисова, с именем которого связана доблесть казачьей гвардии в «грозу 12-го года», можно у дипломата-разведчика капитана де Лонгерю оспорить. Он почему-то считал, что знание французского языка в России являлось для казачьего генерала «пропуском» в светское общество столичного города на Неве. В действительности таким «пропуском» для военного человека мог быть боевой орден – Георгия Победоносца, Святых Александра Невского и Владимира с мечами, иные орденские награды, полученные «за Отечество в 12-м году».

...После оставления Москвы казачьи полки стали денно и ночно живым оцеплением вокруг первопрестольной русской столицы, не давая неприятелю «расползаться» во все стороны. Это касалось не только отрядов фуражиров и просто мародеров, число которых росло с каждым днем, но и отдельных воинских отрядов наполеоновских войск, не раз пытавшихся удалиться от города по наезженным дорогам. За все «московское сидение» новоявленным завоевателям так и не удалось выбить казачьи заслоны с желанных для добывания пропитания дорог. Полки собирались воедино только по «знатным случаям»,

действуя больше отдельными сотнями и командами (партиями).

О том, как это выглядело, рассказывает в своих «Записках» декабрист Н. Н. Муравьев. Он, отпросившись из полка, пытался в последних числах августа после Бородинского сражения найти в окрестных селах города Можайска своего тяжелораненого брата, оставленного там за невозможностью его вывезти. Мемуарист описывает свою встречу с казачьей заставой:

«...Я отправился один верхом рысью, но, отъехав верст 8, встретил казачий пост, который не пустил меня далее, говоря, что он имеет строгое приказание никого не пропускать по этой дороге, потому что неприятель ее уже занял, что было справедливо; ибо тут же приведены были пленные французы разъездом казаков, от которых я узнал, что они взяли пленных в селе Бражниково, отстоящем от нашей деревни... на одну версту. Итак, я возвратился ночью назад».

...Еще до известного своим решением военного совета в Филях, 29 августа, войсковой атаман М. И. Платов в почтовой бричке помчался на родной Тихий Дон – поднимать казаков на защиту России от Антихриста в лице Бонапарта. То есть речь шла о поголовном ополчении Превеликого войска Донского. Такого еще не было в войнах государства Российского, а вело оно их много.

Рассерженный тем, что супостат подошел к матушке-Москве, и разобиженный отношением главнокомандующего к нему за Бородино, атаман не уставал повторять окружающим: «Родную дочь свою отдам замуж за того казачишку, который возьмет мне в плен Наполеона!..» Эти слова в самом скором времени стали известны и в окружении императора французов, и в рядах Великой армии. О них говорили и мемуаристы.

Донское казачье ополчение являлось частью государственного ополчения на войну с Бонапартом и его Великой армией. Военный историк генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский так кратко и ярко описал его формирование и «состояние умов на Дону» после опубликования высочайшего Манифеста от 18 июля 1812 года:

«Войсковая Донская Канцелярия определила на Дону всеобщее ополчение, не изъемя ни одного человека, способного носить оружие. Служилые, отставные, всякого рода льготные, маловажными должностями занятые офицеры, урядники и писаря, казаки и подростки до 19-летнего возраста, все должны были идти на войну; исключались только дряхлые старики и совершенные калеки.

Всем приказано запастись оружием, нужными для похода вещами и быть готовыми по первому повелению выступить в 24 часа. То же предписано причисленным к войску калмыкам и татарам.

Для лучшего успеха в снаряжении ратных людей и необходимых распоряжений, в каждом Сыскном Начальстве были особые окружные начальники. В Новом и Старом Черкасске и Аксае описано все оружие по настоящим ценам, и предписано полиции наблюдать, чтобы не возвышалась на них цена.

Ополчение составило 26 полков с 6-ю орудиями конной артиллерии, всего 15.000 человек и 416 офицеров.

Денежные приношения стекались со всего Дона; между прочим 234 торговых казака из Новочеркаска, Старочеркасской и Усть-Аксайской станиц пожертвовали 93.000 рублей на снаряжение неимущих казаков, назначенных к походу, а дворянство 1.500 лошадей.

Когда берега Дона оглашались воинственными криками собиравшихся на службу воинов, а в мастерских раздавался звук выделяемого оружия, Донское дворянство, изготовившееся все без изъятия на защиту Отечества, выставило 3.074 ратника из состоявших в его владении 76.868-ми душ, снабдило их одеждою, оружием и провиантом на полгода, с выдачею единовременно по 3 рубля на человека.

За изданием Манифеста 18-го июля запасное войско осталось в домах, и тронулось, как после

увидим, уже в сентябре».

Донское ополчение стало самым крупным подкреплением Главной действующей армии за время ее пребывания в Тарутинском лагере. Бородинское сражение стало тем «сигналом», который посадил на коней стар и млад на Дону и отправил их на священную для России и казачества Отечественную войну 1812 года.

«Вихорь»-атаман М. И. Платов сделал только одно исключение из положения об ополчении Войска Донского, «состоявшегося в войсковой канцелярии. Он оставил дома 17 и 18-летних «выростков». Их оставили по молодости лет «для исправления внутренних повинностей и присмотра за имуществом».

Всему наряженному к Москве войску велено было атаманом следовать к Москве усиленными переходами, без роздыхов людям и лошадям, делая в день не менее 60 верст. Такие марш-броски по полям Европы для кавалерии в ту эпоху были редки.

Генерал от инфантерии М. И. Платов мог быть доволен тем, как энергично на Нижнем и Верхнем Дону, в Задонских степях шло собирание в поход войскового ополчения. Свое атаманское предписание Матвей Иванович заключил такими словами, надолго забытыми в веке XX:

«...Я в полной уверенности, что Войсковая Канцелярия с общим содействием с господином Войсковым Наказным Атаманом, употребит все средства к самопоспешнейшему выкомандированию из войска в поход приготовленных к тому чиновников (офицеров), тем более, что войско Донское, пользовавшись издревле Высокомонаршими милостями Августейших Монархов своих, особенно ныне царствующего Всемиловивейшего Государя Императора, обязано верноподданническим долгом и данною пред Богом Государю и Отечеству присягою жертвовать всеми силами для защиты любезнейшего Отечества и Августейшего престола, против нашествия злоковарного врага, нарушающего общее спокойствие».

Войсковой наказной атаман Донского казачьего войска генерал-майор А. К. Денисов 6-й уведомил Платова о выступлении запасного войска в поход под Москву донесением, которое начиналось словами:

«Ополчение Донское уже двинулось в поход. Я должен к чести рода нашего по справедливости донести, что все чиновники и казаки идут на защиту Отечества с совершенною ревностью и охотою, а некоторые не довольствуясь тем, что выступают сами, помогают по мере избытка своего и другим сотоварищам своим.

Не могу пред вами сокрыть прискорбия моего, что я почти один лишаюсь высокой чести быть с собратьями моими на поле брани; но что делать? Если такова судьба, безмолвно покоряюсь ей...»

Первые пять Донских казачьих полков ополчения прибыли в Тарутинский лагерь 29 сентября, вызвав воодушевление всей армии и восхищение ее главнокомандующего. За ними «поспешая на войну» прибыли еще 21 полк и шесть конных орудий. Часто смотрелись в их рядах убежденные седины деды, а рядом – их внучата в отроческих летах. Вооружение конников было почти исключительно «семейное», побывавшее прежде не на одной войне.

«За отличное усердие и благоразумные распоряжения» при формировании Донского ополчения и отправке его в действующую армию генерал-майор Адриан (Андрьян) Карпович Денисов 6-й, участник суворовских Итальянского и Швейцарского походов, был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени и отмечен высочайшим рескриптом.

В высочайшем рескрипте императора Александра I говорилось: «...Отличное усердие ваше к службе, благоразумное распоряжение, оказанное вами, по случаю нового наряда с Дона полков, для усиления действующих ныне против неприятеля армий Наших, и равномерное, благовременное и успешное

приготовление оных, обращает на себя Наше внимание и милость».

...Создатель ополчения донского казачества А. К. Денисов был назначен наказным атаманом Войска Донского 29 июля 1812 года. Формируя для действующей армии 26 конных полков казачьего ополчения, всячески поощрял денежные пожертвования на войну, названной Отечественной. Снаряжение Донского ополчения затруднялось из-за недостатка средств на снаряжение неимущим казакам на путевое довольствие полкам ополчения.

Но Денисов быстро нашел выход из непростых во все времена «денежных затруднений». Торговые казаки за освобождение их от службы внесли в кассу войсковой канцелярии 93 645 рублей, и тем облегчили Адриану Карповичу решение поставленной перед ним Платовым задачи. Дворяне Войска Донского выделили на снаряжение неимущих казаков-ополченцев полторы тысячи лошадей. Это было не так много, но дар оказался бескорыстным.

Денисов, будучи войсковым атаманом, просился у походного атамана М. И. Платова самому (разумеется, с соизволения государя) отправиться на войну с казачьим ополчением, которое он создавал и снаряжал. Но тот ответил вежливым, но твердым отказом, отписав в Новочеркасск:

«...Зная по опыту, что Ваше превосходительство, будучи преисполнены ревностейшим усердием к полевой службе, будете желать быть в армии вместе с войском, особливо при настоящих обстоятельствах войны, когда все мы обязаны жертвовать жизнью для защиты отечества и августейшего престола от нашествия вражеского, я не излишним считаю напомнить Вам, что отсутствие Ваше и Войска, в котором Вы за теперешним нахождением моим в армии начальствуете по Высочайшему повелению, зависит от Высочайшего разрешения.

Кроме же того, сами Вы знаете, что и войсковой канцелярии запереть нельзя, дабы не остановить течения производящихся по оной дел не только казенных, но и войсковых, да и Войска оставить без внутреннего управления, сопряженного с пользою отечества, также никак невозможно».

...Донское ополчение стало частью государственного ополчения России в 1812 году, создававшегося в губерниях, казачьих областях, Санкт-Петербурге и Москве. О том, как оно создавалось на Тихом Дону, написано немало. Пожалуй, одним из самых ярких таких рассказов стало описание белоэмигрантом П. Н. Красновым того, как платовские гонцы в станицах поднимали на священную войну всех, кто способен был носить оружие и сесть на коня:

«В конце августа месяца на Тихий Дон прискакал атаман Платов. Сейчас же по всем станицам поехали гонцы. Собирали казаков и объявляли им, что враг в несметном количестве пришел разорить Россию:

– Похваляется он, – говорили платовские посланцы, – пройти Русь до самых берегов тихого Дона. Если Бог попустит врага осквернить своим присутствием казачью землю, тогда не пощадит он ни жен, ни детей наших, поругает он храмы Господни, встревожит прах отцов наших и смешает горячую казачью кровь с волнами тихого Дона!..

Молча, с опущенными головами, слушали казаки эту речь. Слышались их вздохи, иногда кто-нибудь творил крестное знамение.

– Атаман, – продолжал гонец, – призывает всех верных донцов стать на защиту Царя и Отечества!

– Скорее умрем, но не выдадим России и Тихий Дон на поругание французам! – кричали казаки.

Весь Дон шумел от казачьих голосов. Поднимались верхние и нижние юрты. Без царского указа, по одному слову своего атамана, и старые и молодые, и богатые и бедные становились под станичные знамена. Шли люди, давно уволенные в отставку, шли единственные сыновья – опора всей семьи.

Пустел Дон. По станицам и хуторам оставались только немощные столетние старики, да женщины, да

малые дети. Дон весь пошел выручать свою мать – Россию.

Ой ты батюшка наш, славный Тихий Дон!
Ты кормилец наш, Дон Иванович!
Про тебя-то лежит слава добрая!
Слава добрая, речь хорошая!
Как бывало ты все быстер бежишь,
Ты быстер бежишь, все чистехонек,
А теперь ты, кормилец, все мутен течешь
Помутился ты, Дон, сверху до низу!
Речь возговорит славный тихий Дон: —
Уж как-то мне все мутну не быть:
Распустил я своих ясных соколов,
Ясных соколов, Донских казаков!
Размываются без них мои круты бережки,
Высыпаются без них косы желтым песком!

Донское дворянство выставило 1500 лошадей. Торговые казаки пожертвовали 100 тысяч рублей на нужды поголовного донского ополчения. Каждый жертвовал еще, кто чем мог. У которого было два седла – отдавал седло неимущему; помогали оружием, одеждой. В самое короткое время было собрано 26 полков и снаряжено шесть орудий донской конной артиллерии. Без дневок и без отдыха тронулись эти полки с Дона и пошли, делая по 60-ти верст в день, на выручку русской армии, к Тарутинскому лагерю...

Казаки шли бодро и смело, готовые на подвиг и на смерть.

– Один раз родила казака мати, – говорили они, – один раз и умирали!..»

Этот рассказ о собирании войскового казачьего ополчения стал одной из самых ярких страниц в «Истории войска Донского. Картины былого Тихого Дона» П. Н. Краснова, предки которого были участниками Отечественной войны 1812 года.

Донское ополчение, которое пришло частями (колоннами) в Тарутинский лагерь, состояло из 26 конных полков, состоявших преимущественно из нестроевых казаков старшего и младшего возрастов. Эти полки также традиционно именовались по фамилиям своих командиров, которые и занимались их формированием в отделах (округах) Войска Донского из ополченцев станиц и хуторов:

1. Подполковника И. А. Адриянова 1-го.
2. Войскового старшины И. И. Адриянова 3-го.
3. Полковника С. А. Белгородцева 1-го.
4. Генерал-майора Д. Е. Грекова 1-го.
5. Генерал-майора Б. А. Грекова 3-го.
6. Полковника С. Е. Грекова 5-го.
7. Войскового старшины А. Д. Грекова 17-го.
8. Майора И. И. Данилова 2-го.
9. Майора С. М. Ежова 2-го.
10. Генерал-майора А. В. Иловайского 3-го.
11. Полковника Г. Д. Иловайского 9-го.
12. Полковника И. И. Кошкина 1-го.

13. Полковника П. П. Попова 3-го.
14. Войскового старшины В. Т. Ребрикова 3-го.
15. Полковника А. Ф. Слюсарева 1-го.
16. Подполковника Н. С. Сулина 9-го.
17. Войскового старшины И. Сучилина 2-го.
18. Войскового старшины Я. А. Траилина.
19. Полковника И. Ф. Чернозубова 4-го.
20. Полковника С. Г. Чернозубова 5-го.
21. Войскового старшины К. И. Шамшева.
22. Подполковника П. Шумкова (затем войскового старшины А. Е. Галицына)...

Прибытие в лагерь кутузовской армии такого числа ополченских полков иррегулярной конницы, «поднявшейся на войну за свой кошт», впечатляло современников, в том числе Наполеона и его генералитет. Однако при этом как-то забывается, с какими трудами формировались эти полки. Генерал-майор И. И. Краснов в своих мемуарах вспоминал о том, как в «грозу 12-го года» ополчался «на Бонопарта» Тихий Дон, рассказывая о положении в области Войска Донского в преддверии Отечественной войны:

«В то время полки за полками беспрестанно выходили с Дона на службу, а в старые полки высылались частные команды для пополнения убыли; со службы же полки давно уже не возвращались, и многие из них находились там лет по десяти и более; приходили оттуда на Дон, и то не часто, израненные да калеки, так что, наконец, увидеть в станице казака, способного для службы, сделалось большой редкостью».

...Конные бойцы Донского ополчения являли собой три поколения казаков от 16 до 60 лет, по своей доброй воле вставших на защиту Отечества со своими конями и со своим оружием. Такого народного ополчения история государства Российского еще не знала: Тихий Дон поставил в армейский фронт все, что имел в наличии.

Пополнению такого рода главнокомандующий Главной русской армией генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов был несказанно рад. Пораженный одним видом донских ополченцев, «конных и оружных», преисполненных ратного духа, Михаил Илларионович воскликнул, обращаясь к войсковому атаману Дона:

– Матвей Иванович, что ты им пообещал?

На это генерал от кавалерии Матвей Платов ответил привычно кратко, всего одним словом:

– Ничего...

В рядах Донского ополчения состоял 16-летний сын атамана Дмитрий Платов. В конной стычке с польскими уланами близ города Вереи он погиб. Отец догнал улана, поразившего пикой его сына, и яростным сабельным ударом разрубил врага до седла. Наутро казачьи полки прошли на запад мимо свежей могилы подпоручика Платова-младшего. Донцы шли конно мимо могильного холмика с деревянным крестом в голове в полном молчании, опустив пики. Так была отдана последняя воинская почеть Платову-младшему.

...Появление поголовного ополчения Войска Донского на театре войны произвело на современников сильное моральное впечатление. О прибытии Донского ополчения в Тарутино мемуарист Ф. Н. Глинка, обладатель Золотой шпаги «За храбрость», бывший в 1812 году поручиком, писал:

«В сие время, между прочими ополчениями, прибыли в Тарутино 20 (ошибка – 26) донских казачьих полков. Войска эти составлены были из престарелых казаков, выслуживших уже срочное время, и молодых людей, еще не достигших зрелости лет. Они двинулись с берегов Тихого Дона по предварительному зову своего атамана и внезапным прибытием много обрадовали самого Светлейшего князя, который о воззвании ничего дотоле не ведал.

Приятно было видеть ополчение сил, в рядах которого бодрые юноши являлись между воинами, заслугами, ранами и сединами украшенными. Отцы встречали тут детей, и даже внуки находили дедов. Целые семейства переселились с Дона на поле брани. Прибытие их сделалось тотчас известным и страшным неприятелю. Армия французская увидела себя, так сказать, осыпанной многочисленными роями конницы, которая, с быстротой ветра носясь вокруг ее, смерть и страх повсюду рассеивала».

...Отбытие казачьего вождя Матвея Платова из действующей армии на Дон не осталось без внимания ни в штабе Бонапарта, ни в послевоенных писаниях французских мемуаристов. Один из интендантов Великой армии Пюибюск в своих мемуарах «Письма о войне в России в 1812 году» рассуждает о том, как в окружении императора французов обсуждали фигуру атамана Платова:

«Наполеона уверяли, что Платов в немилости и сослан с большей частью казаков на Дон, и он тому поверил! Кутузов в одном письме своем будто бы жаловался императору на казаков, особенно же на их атамана и будто бы просил у государя согласия на строгие меры, к которым он принуждаем, то есть отослать генерала Платова и большую часть его войска на Дон. Это письмо было с тем отправлено, чтобы его перехватил неприятель; но оно и составлено было для Наполеона, дошло верно по назначению и отняло у него всякое подозрение на свою несправедливость.

В истинном отбытии казачьего генерала заключалось только одно намерение, в продолжение нашей стоянки под Москвою собрать 25 000 казаков, с которыми через месяц после своего отбытия Платов явился на наших аванпостах. Сие подкрепление было весьма для русских полезно».

...С прибытием Донского казачьего ополчения в Тарутинский лагерь общее число полков с Дона в рядах действующей русской армии генерал-фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова достигло 76. Если считать по четыре полка в одной кавалерийской дивизии, то выходило, что в рядах русской полевой армии сражалось 19 (!) дивизий казачьей конницы. И почти все эти полки были с Тихого Дона. Донское казачье войско по своему территориальному местоположению тогда было уже «внутренним» войском, не стоявшим на черте (или у черты) государственной границы.

Еще 22 конных полка казаков-донцов несло действительную службу на окраинах Российской империи: на беспокойной Кавказской укрепленной пограничной линии – 8, в Грузии (уже ставшей приграничной частью Российской империи), защищая ее от вторжений турок, персов и горцев Дагестана, – 9, в степных Херсонской и Таврической губерниях Новороссии – 2, в Финляндии, Бессарабии (Молдавии) и Персии (то есть тоже на государственной границе) – по одному полку.

Разумеется, оголять границу и особенно Кавказскую границу (война с Персией еще не увенчалась миром) было делом более чем неразумным. Поэтому в переписке главнокомандующего действующей армией генерал-фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова с императором Александром I речи о снятии какого-то числа полков казачьей конницы где-либо с государственной границы для ведения войны с Бонапартом не велось. В 12-м году российские порубежные стражи «жили» вестями с театра войны с французами.

Каждый казачий ополченский полк мог гордиться своей историей в «грозу 12-го года». Можно привести такой пример. Полк подполковника Н. С. Сулина 9-го был сформирован во Втором Донском начальстве (округе) и прибыл с ополчением в Тарутинский лагерь в сентябре 1812 года. Сулинцы

отличились в преследовании наполеоновской армии, особенно в сражениях под Вязьмой и Вильно, понеся при этом большие потери в людях.

В сентябре полк Сулина 9-го был полностью укомплектован по штату – 16 офицеров и 561 казак. Но бои оказались для полка столь кровавыми и тяжелыми, равно как и походные невзгоды в морозную, снежную зиму, что в декабре месяце в полковом строю значилось меньше половины его штатного состава – всего 250 конных бойцов.

Полк этот имел особую известность, которую дал ему один из рядовых казаков, Александр Землянухин, по прозвищу Витиченко. Он прибыл на войну «с французом», будучи уже 53-летним (по другим источникам, 59-летним) отставным казаком. Действительная служба для него закончилась четырнадцать лет назад. В действующей армии находились два его взрослых сына. Был он уроженцем Нагаевской станицы.

Землянухин был тем простым сыном Дона, который в марте 1813 года побывал на берегах туманного Альбиона, в Лондоне. Попал он в Англию по той причине, что был ординарцем штаб-ротмистра Лейб-гвардии Гусарского полка Т. Е. Бока, посланным в Лондон с донесением русскому послу графу К. А. Ливену. Поводом для донесения стало вручение жителями Гамбурга, откуда были изгнаны французы, городских ключей генерал-майору Ф. К. Теттенборну, отряд которого состоял из трех казачьих полков – Сулина 9-го, Гребцова и Денисова 7-го.

Англия, жители Лондона восторженно встретили рядового героя войны с ненавистным им императором французов Наполеоном на своей земле. Действительно, величественная и воинственная внешность седобородого старика-казака производила сильное впечатление. В «Архиве князя Воронцова» напечатано письмо бывшего русского посла в Лондоне графа С. Р. Воронцова своему сыну Михаилу. Письмо датировано 18 апреля 1813 года. В нем, среди прочего, пишется следующее:

«...Я вам пишу по случаю возвращения в армию капитана Лейб-гвардии Гусарского полка Бока... Именно он привез сюда казака, который вызвал величайшую сенсацию в этом городе и его окрестностях, откуда приезжают люди, чтобы на него посмотреть.

Этот славный казак – один из тех седобородых старцев, отслуживших и мирно живущих у себя, пока опасность, нависшая над их страной, не заставила их вскочить на лошадей и прибыть в Главную квартиру в Тарутино в количестве 20 полков. Два сына бравого старика служат в армии. Его зовут – Александр Григорьевич Землянухин.

Это чудо, что он не заболел, поскольку не отдыхает с утра до вечера, его приглашают со всех сторон, все хотят его увидеть, и он сильно утомлен. Лорд-мэр и старейшины города дали по этому случаю обед. Ему делает честь то, что он отказывается от денег и других подарков, которые ему желают поднести.

Он принял только саблю, изготовленную кем-то из города специально для него, на клинке которой выгравировано имя этого славного казака. А также одну маленькую золотую цепочку, подаренную ему леди Вильям Гордон, сказав, что он отдаст ее своей жене на Дону. А также он принял прекрасную саблю, красиво отделанную, которую ему подарил принц-регент».

Казак Александр Землянухин стал известен в России после того, как на страницах популярного в старой России журнала «Русский вестник» появилась статья под длинным названием: «Подробное известие о пребывании донского казака в Лондоне, рассказанное самим донцом графу Матвею Ивановичу Платову и написанное дежурным его подполковником А. Г. Краснокутским». Впоследствии эта статья не раз перепечатывалась в самых различных изданиях.

Сам Платов пользовался в туманном Альбионе среди самых различных сословий исключительной личной популярностью, чему свидетельств в истории Англии много. В 1814 году в Лондоне было написано,

как считает историк казачества А. И. Сапожников, более пяти портретов графа М. И. Платова. В России такого числа живописных изображений прославленного донского атамана в чине генерала от кавалерии и обладателя нескольких Георгиевских наград и многих иностранных орденов не написали за всю его жизнь.

Поголовное ополчение Войска Донского на войну с Наполеоном наложило своей отпечаток на память казачьего сословия. Это выразилось в преданиях и сказаниях, и обязательно в песнях, которые пелись на семейных застольях, в кругу однополчан, в походном строю. Одной из таких песен стала «Ай да и хвалился француз...», которая широко ходила на Тихом Дону до начала XX века:

Ай да и хвалился француз он похваля...
ой да выхваляется,
Ой да сам да на Тихий Дон итить он вот и убира...
ой убирается.
«Вот да я матушку вашу да Рассею
Всю я да наскрозь ее да пройду,
Вот да я селы все ваши да деревни
Пожаром их да пожгу.
Вот да я матушку вашу да Москву
Ой да на ногах ее да снесу,
Ай да во Черкасский вот во славный город
Зимовать хранцуз да пойду,
Вот я-то стану, стану на квартиру
К Иловайскому.
Ай сенаторушек своих да поставлю
Вот по богатым али господам,
Ай да я чернь свою да поставлю
Вот да по всему го... да по всему городу,
Ай да я добрых коней своих я расставлю
Все по божьим вот я по церквам».
Вот да во ту пору али в этот час
Али генерал вот наш Платов был.
Ай да повыслу(ша) вши да похвалы все хранцуз...
Ой все французские,
Вот бы он списал их же похвалы ой на ука...
Да на указушки,
Ой да со указушков да похвалы он на газе...
Да на газетушки,
Ой да посылает эти вон вон да газеты вон к самому
Во да царю.

...На войну с «французом» ополчился не только Тихий Дон. Другие казачьи войска России, неся бремя пограничной стражи на юге и востоке страны, тоже отдавали последние силы для пополнения действующей армии. Так было и в рядах казачества Урала, оренбургском и уральском, которые получили усиление из числа местных жителей, записанных в служилое воинское сословие.

В составе казачьих отрядов действовал 5-сотенный 1-й Тептярский казачий полк, сформированный из жителей Среднего Урала – тептярей. Это была сословная группа, сформировавшаяся в XVII – XVIII веках из представителей народов Поволжья и башкир с преобладанием татар. По штату полк состоял из 520 человек: шеф полка, полковой командир, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, 10 пятидесятников, 440 казаков и 3 нестроевых (полковой квартирмейстер, писарь и мулла). В полку числилось 522 строевых и 287 вьючных лошадей. Полковым шефом являлся майор П. Н. Пекарский, командиром – Абдулмурат Абзеликоитханов. Офицерский состав (кроме шефа полка) состоял из тептярей.

Тептяри имели на вооружении ружья и сабли самых разных образцов, без какого-либо однообразия. Вооружение полагалось им казенное. Форма ими носилась по образцу оренбургских казаков: темно-синие кафтаны, лампасы и обшлага малиновые, белые кушаки и шапки с малиновым верхом.

Отечественную войну 1-й Тептярский казачий полк, которым тогда командовал майор Темиров, встретил на берегах пограничного Немана, где нес службу вместе с Лейб-казачьим полком. Первое боевое столкновение с французами состоялось для тептярей 13 июня у деревни Румишки. Там полковые дозоры столкнулись с крупными силами вражеской кавалерии и потому были вынуждены отступить.

После отхода от границы полк вошел в состав арьергардного отряда 1-й Западной армии, которым начальствовал князь И. Л. Шаховской 1-й из древнего рода Рюриковичей. Получив приказ оставить город Вильно, казаки-тептяри 16 июня сожгли мост, запасные магазины и арсенал. Потом они удерживали за собой пост у местечка Веерке до 6 часов вечера, тем самым дав арьергардным частям возможность оторваться от неприятеля, который начал преследование. В том бою у местечка полк понес первые потери: один убитый и два раненых.

1-я Западная армия начала отход от границы. Ее командующий генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли 29 июля предписал двум казачьим полкам – 1-му Бугскому и 1-му Тептярскому «немедленно посылать по всем дорогам... сильные разъезды как можно далее вперед для узнания, где неприятель находится, и непременно стараться схватить нескольких пленных».

Казаки привычно стали армейскими «глазами и ушами». Они не только препятствовали внезапному появлению крупных сил французов на походном маршруте армии, но и, беря пленных, обеспечивали ее командование вполне достоверной информацией о неприятельских замыслах, силах и слабостях. Потом будет сказано, что бугцы и тептяри блестяще справились с таким предписанием Барклая де Толли.

После Смоленска русские войска отходили к Москве через город Красный. Здесь, на переправе через Днепр, казаки-тептяри «добыли знатного языка» – французского гусара, эскадрон которого попытался было лихо, без разведки форсировать реку и потому внезапно столкнулся на противоположном берегу с казачьей заставой. Четыре гусара были убиты, остальные ретировались назад. Свою задачу застава выполнила, более того, пленный военных тайн таить не стал.

Казаков 1-го Тептярского полка видело и Бородинское поле. Полк вошел в состав отряда Карпова, который бдительно нес дозорную службу на самой южной оконечности левого фланга кутузовской армии в районе Утицкого леса. Здесь, на правом фланге Великой армии, действовал Польский корпус генерала (будущего маршала) Понятовского, который в Бородинской битве особо себя ничем не проявил.

После занятия французами Москвы 1-й Тептярский казачий полк (в нем оставалось всего 110 человек) вместе с 1-м Бугским казачьим полком вошли в состав армейского партизанского отряда Дениса Давыдова, заслужив от него самую высокую оценку за доблесть в ряде нападений на неприятеля. Так, 18 сентября казаки-тептяри лихим налетом атаковали немалый числом отряд французов, уничтожив сотню вражеских солдат и офицеров и взяв в плен 125 человек.

В самом же начале своей короткой по времени партизанской эпопеи конники с Урала (на второй день после прибытия в отряд Давыдова) провели удачный бой с неприятелем, уничтожив примерно 100 его солдат и взяв в плен 12.

В партизанах казачий полк силой чуть больше конной сотни ходил недолго, только в сентябре месяце. Затем он был направлен в распоряжение командующего ополчением Калужской губернии, в пределы которой ожидалось вторжение наполеоновских войск, нуждавшихся в провианте. Денис Давыдов в своих воспоминаниях заметил: «Как ни тяжело было мне исполнять сие повеление, но, чувствуя важность Рославльского пункта, я без прекословия приказал майору Темирову идти в Рославль».

По пути в город Рославль полк столкнулся у села Мутищево с крупной партией французских мародеров, которые при виде казаков сразу в бегство не обратились. Ружейная перестрелка велась до самого вечера и обошлась неприятелю в 60 человек убитых. Мародеры к наступлению темноты были рассеяны и прогнаны (лес стал для них спасением), а награбленное ими добро местных крестьян отбито и возвращено пострадавшим.

Прибыв на место назначения, полк казачьей конницы вместе с Калужским ополчением вошел в состав отряда генерал-лейтенанта В. Ф. Шепелева, который прикрывал город Брянск с его огромным арсеналом. Однако французы до Брянска, будучи отбиты от Малоярославца, не дошли. Равно как и партии все больше пеших мародеров в глубину брянских лесов не заходили.

С 1-м Тептярским казачьим полком в истории Отечественной войны 1812 года связан один печальный случай. Денис Давыдов вспоминал: «За два дня до моего прихода в Егорьевское, что на дороге от Можайска на Медынь, крестьяне ближней волости истребили команду Тептярского казачьего полка, состоявшую из шестидесяти казаков. Они приняли казаков сих за неприятеля от нечистого произношения ими русского языка...»

2-й Тептярский казачий полк (шеф – майор Никифоров, командир – Абдулла Мосеев) в 1812 году находился под Оренбургом на охране степной границы с Киргизской (Казахской) степью и в поход на войну выступил в начале сентября. В Нижний Новгород он прибыл в середине октября и был введен в состав государственного ополчения третьего округа, с которым прошел маршем до западной границы. Боевая жизнь для полка началась уже в ходе Заграничных походов русской армии.

В будущем 1-й Тептярский полк вместе со 2-м Тептярским полком станут основой для формирования 1-го Оренбургского полка Оренбургского казачьего войска, переименованного затем в 3-й Уфимско-Самарский полк оренбургского казачества.

...К 21 сентября Главная русская армия (ее основная группировка) расположилась южнее села Тарутино Калужской губернии в укрепленном полевом лагере. Штаб-квартира главнокомандующего обосновалась в деревне Леташевка, которая ныне не сохранилась. Это была очень удачная позиция для основной группировки войск генерал-фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова. Наполеон со своей Великой армией в Москве оказался в положении блокады, которая ужесточалась с каждым днем по мере разворачивания партизанской «малой войны» против французов.

Авангард Великой армии во главе с маршалом Иоахимом Мюратом расположился походным лагерем на берегах реки Чернишни, будучи отделен от Тарутинского лагеря русской армии глухим, трудно проходимым лесом. Завоеватели бедствовали: не хватало провианта людям, фуража для кавалерии, жилых помещений и дров для обогрева. Наступала осень с ее уже прохладными ночами. Состоялись первые ночные заморозки.

Теплой одеждой (обмундированием) в рядах Великой армии запаслись только польские войска, не понаслышке знавшие о русских зимах и морозах. Но эти беды были для наполеоновского полчища еще впереди. Расчеты императора-полководца Наполеона на «блицкриг» уже улетучились.

Неаполитанский король Мюрат пытался как-то наладить отношения с противной стороной, чтобы решить главный для него вопрос: сделать все возможное, чтобы казаки разъездами, отрядами и целыми полками «перестали досаждать ему». Они день за днем подтачивали и без того слабеющую силу мюратовских резервных кавалерийских корпусов. Да и к тому же большая половина кавалерии Великой армии пала на Бородинском поле, которое стало для нее огромным кладбищем. Такого кладбища Европа в последующие времена с их обилием войн не знала.

Мюрат, пользуясь правами, данными ему императором на ведение переговоров, отправил в русский

лагерь польского полковника Уминского, своего доверенного человека. Ему была поставлена задача «уловить» состояние кутузовской армии и добиться встречи с атаманом Матвеем Платовым, призвавшим в Тарутинский лагерь 26 полков и шесть конных орудий Донского ополчения. Неаполитанский король предчувствовал, что если не сегодня, то завтра вся эта масса казачьей конницы обрушится на авангард наполеоновской армии.

Полковнику Уминскому удалось повидаться с генералом от кавалерии Платовым: тот от встречи не отказался, хотя предлоги к тому виделись. Матвей Иванович на беседу пригласил казачьих полковых командиров. Они откровенно заявили посланцу короля Неаполитанского, самому прославленному вождю наполеоновской кавалерии и потому уважаемому ими маршалу Франции:

– Вы от войны устали, а мы только теперь всерьез за нее принимаемся. Ваши повозки, добычу, багаж, пушки – все это мы у вас отберем...

Польскому полковнику дали возможность насмотреться на жизнь русской армии в Тарутинском лагере. И особенно оценить состояние полков казачьей конницы, как на те, что отступали от берегов Немана, так и на те, что только-только совершили редкий марш-бросок с берегов Тихого Дона. Уминский, возвратившись к своим, сказал в штаб-квартире маршала Мюрата: все, виденное им в лагере фельдмаршала князя Кутузова, свидетельствует о благосостоянии и мужестве армии русских. Такие люди военные от боя не прячутся, а ищут его...

Жизнь в лагере наполеоновского авангарда напоминала жизнь осажденного врагом со всех сторон гарнизона, тающего с каждым днем. Мемуарист Роос со всей откровенностью, не сглаживая острых и потому тягостных углов, писал:

«У каждого дня есть своя забота. Эта истина сказывалась на нас во многих отношениях. Ежедневно по утрам отправлялись отряды в поиски за кормом и съестными припасами. Вечером они возвращались, принося с собой вначале порядочное количество ржи и соломы, а потом все меньше и меньше, терпя постоянный урон людьми и лошадьми от нападений вооруженных отрядов крестьян и казаков. Под конец посылались даже пехотные отряды и пушки. Сражаясь, приходилось им отбивать то немногое, с чем они возвращались в лагерь, и за это они расплачивались потерей людей и лошадей.

Эти фуражировки настолько ослабили наши и без того незначительные силы, что кавалерия потеряла вследствие этих посылок половину своих людей и лошадей».

Мемуарист Роос был полностью прав в таких рассуждениях. «Малая война», огня в которую подливали армейские партизанские отряды, основу которых составляли казачьи сотни и полки, истощали военную силу императора французов, досиживавшего последние дни в Московском Кремле и каждый день обзревавшего с высоты кремлевской стены пепелище первопрестольной столицы Московского государства.

Теперь «жалкие арабы Севера», они же «степные осы» России все больше и больше пугали Наполеона своей непредсказуемостью в действиях. Можно сказать и другое: атаман Войска Донского полный кавалерийский генерал Матвей Иванович Платов еще не показал, на что способно казачество в священной Отечественной войне под его водительством.

О том, как против французов шла «малая война», император Наполеон знал по тем каждодневным докладам, которые составлял для него главный штабист Великой армии маршал Бертье. В каждом таком докладе слово «казак» мелькало не раз. О потерях же казаков почти ничего не говорилось. Зато говорилось о их «разбойных» делах и взятых ими трофеях.

...Предчувствовали ли завоеватели, что «регулярные» бои в Русском походе Бонапарта вспыхнут с новой силой с наступлением холодов, то есть осенью с ее заморозками по ночам? И что такие

столкновения начнутся не на флангах Великой армии, а на подступах к захваченной Москве?

Если верить французским мемуаристам, такое действительно ожидалось в преддверии русской зимы, с которой в рядах европейской «армады», вторгнувшейся на территорию государства Российского, знакомы были разве что поляки, жители герцогства Варшавского. Они к тому же находились в более выгодном положении, чем их излишне самоуверенные союзники: что такое казаки в России и что от «степных ос» следовало ожидать, поляки знали, исходя из долгой истории Речи Посполитой, очень давно. Уж что-что, а панская Польша с вольным казачеством навоевалась, как говорится, вдоволь.

В наполеоновском стане постепенно исчезали надежды на благополучный для имперской Франции мир с Россией. Яснее всего это чувствовалось в войсках авангарда Великой армии, стоявшего на биваках напротив Тарутино, на реке Чернишне. Офицеры маршала Иоахима Мюрата писали о том, что казачьи офицеры, с которыми они иногда переговаривались на передовых постах, откровенно говорили, что их государь ни за что не согласится на мир, пока чужеземцы будут в их стране, и что зимой начнется новая военная кампания.

Неаполитанский король словно чувствовал, что беда придет к его резервным кавалерийским корпусам на реке Чернишне из-за леса. Если верить мемуаристу Гриуа, перед сражением Мюрат три дня приказывал вечером отправлять с передовой линии подальше в тыл экипажи с багажом, лошадей и все прочее, что могло стать для войск помехой в ночном бою. Но поскольку ночи проходили спокойно даже на аванпостах, все это утром привозилось обратно. Такая мера предосторожности утомляла людей и лошадей, и они за три дня научились чувствовать себя после этих тревог в полной безопасности, что сыграло с мюратовцами самую злую шутку.

Несколько раз казаки из полков авангарда Милорадовича пробирались через лес на его противоположную опушку. Оттуда они могли в безопасности наблюдать жизнь вражеского лагеря, видеть расположение в нем сторожевых постов, войсковых биваков, батарейные позиции. Известен случай, когда казачья партия во главе с сотником Урюпинским зашла даже далеко в тыл расположения авангарда Мюрата, не будучи при этом обнаруженной.

Об этих оплошностях дозорной службы наполеоновцев каждый раз казачьими полковыми командирами докладывалось в Главную квартиру кутузовской армии. В ней стала витать мысль о возможности нанесения внезапного удара по стану маршала Иоахима Мюрата за рекой Чернишной. Речь шла не о набеге, а о большом батальном деле.

Наконец, генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов, взвесив все «за» и «против», поддавшись давлению армейского генералитета и понимая состояние подчиненной ему армии до рядового ее бойца, принял решение на проведение наступательной операции в отношении авангардной группировки маршала Мюрата. Речь шла о навязывании неприятелю большого сражения, в котором русские войска играли роль атакующей стороны. В таком деле без казачьей конницы обойтись было никак нельзя.

Сражение 6 октября в восьми километрах севернее Тарутино, где располагался лагерь Главной русской армии, стало называться Тарутинским с легкой руки военного историка А. И. Михайловского-Данилевского в его фундаментальном труде по Отечественной войне 1812 г. Участники того большого события тоже считали, что они «были в сражении». Главкомандующий генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов называл его «битвой под Чернишнею», маркиз Арман Коленкур, автор известных мемуаров «Поход Наполеона в Россию» – «сражением в Винково».

Обстоятельства, которые привели стороны к Тарутинскому сражению на земле Калужской губернии, таковы. Место, где река Чернишня впадает в реку Нару (приток Оки), в то далекое время находилось в 90 километров от Москвы. Чернишня протекала по холмистой местности, покрытой тогда во многих местах

леса. В речной долине находились три больших деревни – Винково, Тетеринка и Дмитровское.

Здесь проходила Старая Калужская дорога (участок Тарутино – Винково – Спас-Купля). Вдоль нее расположились основными силами кутузовская армия (в долине реки Нары) и войска маршала Иоахима Мюрата, авангард Великой армии (в долине реки Чернишни). Лагеря неприятелей были по-походному обустроены и защищены хорошо устроенными батарейными позициями.

Противники сторожили действия друг друга. Им было от чего чувствовать себя в большой опасности: между ними находился большой лесной массив, не занятый войсками. Это давало русским и французам возможность скрыто пройти через него и неожиданно появиться на противоположной окраине леса. Но до дня 6 октября стороны такой многообещающей возможностью на войне не воспользовались.

Авангард Великой армии, который включал в себя большую часть наполеоновской кавалерии, стоял биваками на всем протяжении течения (13 километров) реки Чернишни. Собственно говоря, это были не только войска корпуса маршала Мюрата, но и дивизии 1-го корпуса маршала Даву, Польского корпуса князя Понятовского. Здесь были полки французские, польские, немецкие (из ряда германских государств): пехотные, кавалерийские. Артиллерия имела в штатном составе.

За время непродолжительного пребывания Наполеона в Москве положение Великой армии только ухудшилось. Причем это коснулось в первую очередь кавалерии. «Во время сего бездействия, продолжавшегося целый месяц, французы потеряли значительное количество людей на фуражировках. ...В неприятельской армии оказалась большая нужда в продовольствии. Французы стали употреблять в пищу своих лошадей; те же, которые оставались, были так слабы, что когда казаки подъезжали к их передовой цепи, то неприятельские всадники, занимавшие форпосты, спрыгивали с седла и бежали назад, оставляя лошадей на месте неподвижными».

Тарутинскому сражению 6 октября предшествовало одно немаловажное событие в неприятельском стане, о котором русское командование не знало. 5 октября в распоряжение войск Неаполитанского короля маршала империи Иоахима Мюрата прибыл из Москвы долгожданный обоз с провиантом и водкой. Было доставлено и жалование за два прошедших месяца. Вечером того же дня французы варили в больших кастрюлях ром с сахаром, который тут же ими распивался. Мемуарист А. Калачковский, участник тех событий, впоследствии писал:

«Во французских лагерях изголодавшиеся солдаты набросились на припасы и пьянствовали всю ночь напролет. Даже многие офицеры, забыв о службе, провели всю ночь в беседе и утром были почти совершенно неспособны к исполнению своих обязанностей. Особенно во втором корпусе Себастьяни, где забыли о всякой осторожности и не выслали даже, по обыкновению, утренних разъездов».

Надо заметить, французская кавалерия, стоявшая походными лагерями на противоположном берегу реки Чернишни, чувствовала себя в большой опасности. Меры безопасности, сторожевая служба исполнялись неукоснительно. За два часа до рассвета кавалерийские полки и эскадроны (так, к примеру, было заведено во 2-м резервном кавалерийском корпусе генерала Себастьяни) садились на коней и в таком боевом положении находились до восхода солнца: именно в это время ожидалась атака русской конницы. Особенно казачьей, которая могла лихо ударить в пики и дротики, а потом, повернув своих степных лошадей, могла, рассыпавшись, раствориться в лесах.

Если к рассвету ничего не случалось и опасность со стороны лагеря кутузовской армии не грозила, часть кавалеристов разнуздывала и расседывала своих лошадей. Затем всадники приступали к утреннему уходу за ними. По этой-то причине, когда казачьи полки генерал-адъютанта графа В. В. Орлова-Денисова начали свою знаменитую в истории Отечественной войны 1812 года атаку, часть кавалерии неприятеля не могла сразу же «вскинуться» на коней.

Помимо вышеописанной меры предосторожности в мюратовской кавалерии, в окрестные леса (прежде всего в большой Дедневский лес) высылались передовые заставы и кавалерийские ведеты (разъезды). Однако из-за заметного истощения лошадей такие сторожевые посты на деле не отличались подвижностью и далеко в «чужой» лес старались не заходить даже по дорогам и тропам.

...Русские войска выступили из Тарутинского лагеря вечером 5-го числа. Генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов лично наблюдал за тем, как полки рота за ротой, эскадрон за эскадроном, сотня за сотней молчаливо переправлялись через реку Нару. Погода была сухая, но земля виделась влажной: потому не было слышно ни шествия колонн, ни движения артиллерии – орудийных запряжек и зарядных ящиков.

Было запрещено разговаривать в строю, курить трубки, высекать огонь. Всадники удерживали лошадей от ржания. «Все приняло вид таинственного предприятия». Войска выступали при далеком светлом зареве огней французского лагеря, которые ясно указывали на его местонахождение. Назначенные для атаки полки в колоннах расположились на ночлег там, откуда им предстояло на рассвете следующего дня двинуться на неприятеля. Солдаты улеглись спать на холодной земле, ружья были поставлены в козлы. Походные биваки прикрылись недремлющими дозорами.

Русские войска, назначенные для атаки, выходили из пределов армейского Тарутинского лагеря шестью колоннами. Все они должны были одновременно подойти на рассвете к французскому стану и, как задумывалось, атаковать его одновременно с разных направлений. Но на войне хорошо задуманное реализуется полностью и более чем успешно не часто, особенно при проведении больших наступательных операций.

Ночь выдалась темная, с проводниками командиры откровенно оплошали. Дул холодный сырой ветер; по грязным проселочным дорогам пехота, да и кавалерия тоже, еле тянулись. Пушки и зарядные ящики увязали в грязи. Только казаки, как в суворовской «Науке побеждать» пролезали на своих степных лошадаках всюду, словно такие дороги, да еще потонувшие в ночной темени, были им не помеха и хорошо знакомы. Казачья колонна графа В. В. Орлова-Денисова одна-единственная в назначенный час вышла на место, откуда ей надлежало атаковать вражеский лагерь.

Этим местом оказалась опушка густого ольхового леса. Казачьи полки молчаливо, по приглушенным командам, стали вытягиваться под ее прикрытием в лаву. Впереди хорошо просматривались бивачные костры французского лагеря. Там пока все было тихо и спокойно.

Стало светать. Порывистый ветер бил людей и коней голыми ветвями деревьев и кустов, срывая с них последние, бурые листья. Накапывал мелкий дождь, который делал предутренние сумерки еще хуже просматриваемыми. Орлов-Денисов, тревожно ожидая своего часа, ходил взад и вперед. Кругом молчаливо стояли полковые командиры. По часам пора было начинать, но признаков подхода других атакующих колонн все не было.

Тихо спал в сыром осеннем утре французский лагерь. Вражеские дозоры, укрывавшиеся от дождя и сырости кто где и как мог, впереди не просматривались. Вышедшую на лесную пушку казачью колонну они явно «проспали», иначе быть бы сигнальному ружейному выстрелу. Да еще не одному.

Стало заметно, как начал просыпаться вражеский бивак. Вдали показалось несколько всадников. Они без оружия и без седел ехали с лошадьми на водопой. Впереди стали слышаться приглушенные ветром людские голоса. Окружавшие Орлова-Денисова усатые казаки полковники стали спрашивать графа:

– Что же, начинать, что ли? Совсем светать стало.

Генерал-адъютант, все посматривавший то на часы, то в ту сторону, откуда должны были показаться головы других колонн, только отрицательно качал головой. Но там, куда смотрел не он один, не было

заметно никакого движения. Пора было принимать решение на атаку (сигналом к ней назначен был пушечный выстрел с лесной опушки), иначе о внезапности нападения и думать не приходилось. Наконец, Орлов-Денисов сказал окружающим:

– Пора. Ну, с Богом!

С таким приказом казаки дружно вскинулись на коней, оправились и сотня за сотней, высыпавшись из леса «как из мешка», полетели на пробуждающийся неприятельский лагерь с пиками наперевес. Левое крыло стана войск маршала империи Иоахима Мюрата и артиллерия в числе 38 орудий, стоявших здесь на батарейных позициях, оказались под ударом казачьей лавы.

Влетевшие за первые ряды походных палаток казачьи полки рассыпались по биваку. Казаки кололи пиками разбегавшихся от них куда глаза глядят вражеских солдат, захватывали орудия, увозили к лесу пушки, поджигали зарядные ящики, рушили палатки и шалаши. Французский стан враз охватили тревога и опасность. Всюду кричали люди, все чаще стали раздаваться ружейные выстрелы, казаки стреляли с коней из пистолетов. Бой только разгорался...

В официальном «Описании Отечественной войны 1812 года» действия казачьей колонны графа В. В. Орлова-Денисова в начале Тарутинского сражения на реке Чернишне устами военного историка генерал-лейтенанта А. И. Михайловского-Данилевского показаны так:

«Граф Орлов-Денисов был у крайней опушки леса, на тропинке из Стромилова в Дмитриевское. Перед зарею, 6-го октября, явился к нему польский унтер-офицер корпуса Понятовского, вызываясь, если дадут ему конвой, схватить Мюрата, почивавшего, по его уверению, в деревне позади лагеря. Сто червонцев при успехе, смерть в случае обмана, обещаны переметчику. С ним отрядили генерал-майора Грекова с двумя казачьими полками, в том числе Атаманским.

Едва отправились они за лакомою добычею, начало светать. Граф Орлов-Денисов вышел из леса и, взглянув с возвышения влево, откуда наши колонны должны были наступать, не видел ни одной из них. Напротив, в неприятельском лагере, позади которого стоял он, приметно было, как войско начинало подниматься от сна. Опасность быть открытым французами и ожидая ежеминутно появления наших пехотных колонн, он отменил намерение схватить Мюрата, послал воротить Грекова, и тотчас по прибытии его понесся с 10-ю Донскими полками прямо на французов.

Внезапность нападения не допустила неприятелей встать в ружье; они едва успели поворотить пушки и сделать несколько выстрелов, побежали в Рязанский овраг. Весь лагерь на правом берегу Чернишни и 38 орудий схвачены казаками; сотня донцов с сыном Платова проскакала через лагерь мимо Тетеринки прямо к нашей пехоте.

Пока граф Орлов-Денисов собирал рассыпавшиеся по французским бивакам полки, чтобы вести их далее против неприятеля, начавшего за оврагом выстраиваться, показался из леса Багговут не со всем своим корпусом, но только с егерскою бригадой Пиллара и полуротою артиллерии. Ее выстрелы должныствовали, по диспозиции, служить сигналом общей атаки, по вышеизложенным причинам уже произведенной графом Орловым-Денисовым, нежели последовали сии выстрелы...»

Декабрист Н. Н. Муравьев, вступивший в Отечественную войну 1812 года 17-летним офицером, был свидетелем решающей атаки казаков генерала В. В. Орлова-Денисова на лагерь войск маршала Мюрата. В своих мемуарных «Записках» он рассказал о кульминации сражения «на реке Чернышке»:

«...Мы увидели в тылу французов Орлова-Денисова, атакующего их казаками. Атака была блистательная: казаки опрокинули неприятельских кирасир и причинили значительный урон им. Французы стали отступать бегом; мы их сильно преследовали верст десять, и, наконец, они исчезли, потеряв большое число орудий и много людей убитыми, в числе последних и генерала Ферье».

Финальная часть победного для русского оружия Тарутинского сражения на реке Чернишне по «Описанию» военного историка А. И. Михайловского-Данилевского выглядела так:

«...Вся линия колонн центра и левого крыла (казачьих полков Орлова-Денисова. – *А.Ш.*) шла стройно вперед. Неоднократно покушался Мюрат остановиться, не для отпора, но для устройства войск и удаления тяжестей, однако каждый раз был опрокидываем. Несколько полков его обратились в бегство; кавалеристы, без седел и мундштуков, мчались туда и сюда по произволу своих тощих кляч.

Преследование продолжалось 7 верст, до Спас-Купли, где Мюрат занял позицию и прикрыл ее батареями; но они не помешали бы дальнейшему за ним преследованию, если бы была на то воля князя Кутузова. Вечеру Мюрат потянулся к Воронову, тревожимый нашими легкими войсками (то есть казаками)...

Неприятельский лагерь остался в руках победителей в битве на реке Чернишне. Когда казаки полков В. В. Орлова-Денисова вернулись из преследования отходивших в сторону Москвы войск маршала Мюрата, то им открылась такая картина вражеского походного стана, который они утром того дня взяли с боя:

«...В неприятельском лагере и отбитых обозах найдено много награбленных в Москве вещей и предметов роскоши. Они составляли разительную противоположность с недостатком в жизненных припасах, претерпенном неприятелями во время продолжительной стоянки их при Чернишне.

Вокруг догоравших бивачных огней валялись заколотые для пищи или уже объеденные лошади и ободранные кошки. На дымившихся очагах стояли чайники и котлы с конским отваром; кое-где видны были крупа и горох, но и следов не находилось муки, хлеба и говядины. Вина, головы сахара и другие лакомства, привезенные из Москвы, брошены были подле жареной конины и пареной ржи.

Больные, лишенные всякого призора, лежали на холодной земле. Между ними находились дети и женщины, француженки, немки, польки.

Около шалашей разметаны были иконы, похищенные из соседних церквей и употребляемые святотатцами вместо дров. В находившихся близ стана неприятельского церквях престолы были разрушены, лики святых ниспровергнуты, попираемы лошадьми, которые даже стояли в алтарях, оглашая ржанием священные стены, где искони возносились хвалебные песни Божеству».

Мемуарист главный полковой врач Роос вспоминал, насколько неожиданным для его конных егерей оказался удар из леса русской конницы. Когда туманным утром его разбудили два пушечных выстрела, он вскочил на коня и, оглядевшись, понял всю опасность своего местоположения: казачья лава уже докатывалась до первой линии французского лагеря, а «позади него большими отрядами носились казаки». Роос пишет о том, что в начале боя замешательство было столь велико, что каждый, как ему показалось, искал выхода, как бы ускользнуть от казаков, уже наседавших на врага в его стане. Вот почему полковой врачеватель Роос с двумя своими помощниками помчались к опушке леса, где находилась польская пехота, и укрылись в ее рядах на первое время. Вскоре им пришлось «расстаться» с лесом и обратиться вспять еще дальше.

Описывая сражение, немецкий военный хирург делает интересный вывод: покинутый отступившими в течение трех дней войсками маршала Мюрата лагерь имел в ту войну самое ужасное и страшное зрелище. Он стал для русских, прежде всего казаков, первой картиной, по которой они могли точно и правильно судить о истинном положении неприятеля.

Роос не поспешил на краски, описывая обширный брошенный лагерь авангарда Великой армии: «У нас не было ни шалашей, ни барачков, ни палаток. Несмотря на уже холодные октябрьские ночи, все лежало под открытым небом, – в конце концов, даже на голой земле, ибо соломы не было. Огромное количество лошадей, по большей части наполовину ободранных в пищу людям; окрестные деревни,

совершенно опустошенные и выжженные: отрепье одежды, обломки повозок, остатки сбруи и всего, что обычно бросает армия, близкая к расстройству и гибели, наконец, трупы умерших в лагере, оставшиеся без погребения, и двухнедельные нечистоты людей и лошадей – таковы были отвратительные остатки нашего плачевного пребывания».

Сохранилось письмо безвестного кирасирского капитана, который рассказал в нем о своем доблестном участии в Тарутинском сражении. Сперва он сообщает общие детали утреннего нападения русских: «множество казаков напало на нас» и четвертая дивизия кирасиров бежала в беспорядке. Пришлось и капитану с его эскадронным лейтенантом взлететь на коней, на которых они собирались в то утро отправиться на поиски фуража. «Орды стреляли безостановочно», но кирасиры отступали в полном порядке, пока через час не были окружены со всех сторон. «Всюду были видны одни казаки. Земля дрожала от топота их лошадей... Мы отступили в полном порядке».

После этого кирасирский капитан описал схватку конников, в которой получил два удара пикой – в голову и ногу. Первый удар пробил его каску, и она слетела с головы, но раненый «поймал ее за султан» и не дал упасть на землю. Капитан пишет, что уцелел только благодаря тому, не в пример другим, что был хорошо «знаком с манерами казаков».

Безвестный мемуарист из тяжелой кавалерии маршала Мюрата заканчивает «яркий» рассказ о личном участии в битве на реке Чернишне совершенно необъяснимыми словами: «Побитых казаков мы преследовали до одного маленького городка по дороге к Украине, который был сожжен».

К вышесказанному следует добавить, что Тарутинское сражение 6 октября 1812 года в отечественной истории пишется еще и как сражение при Винково (селение, у которого пересекались дороги поля брани). В последнее время оно порой называется еще и как сражение на реке Чернишне, поскольку вражеский стан находился на ее северном (правом) берегу, а село Тарутино находилось от него по прямой в километрах пяти.

Состав отряда (колонны) 37-летнего генерал-адъютанта графа В. В. Орлова-Денисова, атаковавшего левое крыло войск маршала империи Иоахима Мюрата и, по сути дела, решившего исход дела, был таков:

Полки иррегулярной конницы:

Бригада генерал-майора А. А. Карпова 2-го (Донские казачьи полки самого Карпова 2-го, Иловайского 5-го, Чернозубова 4-го, Ягодина 2-го, Мельникова 4-го и Ежова 2-го).

Бригада полковника В. А. Сысоева 3-го (Донские казачьи полки самого Сысоева 3-го, Иловайского 10-го, Кутейникова 6-го, Сучилина 2-го и Симферопольский конно-татарский полк).

Бригада подполковника Т. Д. Грекова 18-го (Донские казачьи полки самого Грекова 18-го и Атаманский).

При самом генерал-адъютанте Орлове-Денисове находился на положении личного конвоя сборный (гвардейский) эскадрон из казаков Лейб-гвардии Казачьего полка и Черноморской сотни числом в 100 всадников.

2-я Донская конно-артиллерийская рота (12 орудий, около 100 человек) войскового старшины П. В. Суворова 2-го.

Считается (точных сведений нет), что в иррегулярной коннице атакующей колонны графа В. В. Орлова-Денисова, вместе с донскими артиллеристами насчитывалось примерно 5800 человек. Помимо этого, отряду были приданы из состава 1-го кавалерийского корпуса генерал-адъютанта генерал-майора барона Е. И. Меллер-Закомельского:

Четыре полка регулярной кавалерии (Лейб-гвардии Драгунский, Уланский, Гусарский и Нежинский

драгунский, 1505 человек).

Конно-артиллерийская рота (12 орудий, 191 артиллерист).

Колонна имела и свою легкую пехоту в лице «бывалых» 2-го и 20-го егерских полков (1084 стрелка), ряды которых за войну заметно поредели.

Всего атакующая колонна генерал-адъютанта графа В. В. Орлова-Денисова состояла из около 8,5 тысячи человек (7,2 тысячи сабель) при 24 орудиях.

...Все вышесказанное есть описания сражения на реке Чернишне очевидцами и военными историками. Они, прежде всего, честь победы отдают казачьей колонне, хотя в тот день сражались не только войска генерал-адъютанта графа В. В. Орлова-Денисова, будущего генерала от кавалерии. Заслуги его личные и подчиненных ему людей бесспорны, и потому мемуаристы-«самовидцы» и исследователи последующего времени не скупались на похвалу главным действующим лицам Тарутинского сражения.

Хроника же славной для русского оружия баталии, давшей историческую славу казачеству, ее результаты и трофеи таковы. Атакующие колонны выступили из Тарутинского лагеря 5 октября в 19 часов с первыми вечерними сумерками. Было строжайше приказано «не сметь говорить, курить и стучать ружьями». Наблюдать за соблюдением тишины в казачьих сотнях поручалось урядникам.

Выступая в ночь, Орлов-Денисов предупредил полковых командиров, что сигналом к общей атаке будет одинокий пушечный выстрел с опушки Дедневского леса. (Прозвучал же он запоздало, так и не став сигналом к общей атаке.) Известно, что ядро, выпущенное из этой пушки по вражескому биваку, убило лошадь около палатки полковника карабинерного полка.

Надо сказать, что французы сразу поняли, что означает для них этот одинокий пушечный выстрел. Они не ошиблись в ожиданиях: многотысячная русская конница по возможности быстро вышла плотной колонной из Дедневского леса по тропинке, которая шла от деревни Стромиллово. На открытом месте колонна в считаное время развернулась, и казачья лава неудержимо понеслась на позицию вражеской артиллерии (2-го резервного кавалерийского корпуса). Удар наносился из той части лесного массива, который огибал левый фланг позиции войск маршала Мюрата.

Все же удар колонны Орлова-Денисова оказался в известной степени внезапен, прежде всего чисто психологически, поскольку неприятель «заждался его». Русскую конницу, сосредоточившуюся в большом числе всадников в лесу, французские дозоры просмотрели и потому были застигнуты врасплох. Так, застава 2-го карабинерного полка (30 человек, два офицера) была окружена казаками и целиком пленена без всякого сопротивления.

Уже в самом начале атаки казаки-донцы захватили 13 орудий артиллерии генерала Себастьяни близ Винкова и стали развивать успех дальше. Мемуарист генерал Г. Дембинский, в 1812 году капитан польских конных егерей, свидетельствовал: французские артиллеристы были так пьяны, что лишились должной сноровки, что из всех 18 заряженных пушек успела выстрелить только одна-единственная и то не прицельно.

С другой стороны, это показывает, насколько стремительной оказалась начальная казачья атака. Вполне возможно, что Дембинский попытался пером мемуариста как-то обосновать, вернее – оправдать разгром немалых числом войск маршала Мюрата в Тарутинской баталии, которая сильно встревожила сидевшего в Московском Кремле императора французов.

Наполеон понял, что кутузовская армия, начавшая активные действия «степными осами», пришла в опасное для него движение. Более того, поражение потерпел его главный кавалерийский полководец в тоге Неаполитанского короля, которому пришлось бежать с поля боя, чтобы не быть растерзанным

«жалкими арабами Севера». Такого раньше с маршалом Иоахимом Мюратом не случалось.

Тогда великий полководец Франции корсиканец Бонапарт еще не знал, что в баталии на реке Чернишне (то есть в наступательной операции) должны были участвовать большие силы русской армии. Однако успех дела решила одна атакующая колонна генерал-адъютанта графа В. В. Орлова-Денисова, ставшего для истории одним из самых заслуженных в «грозу 12-го года» казачьих военачальников. По победе была ему и воинская честь.

После этого они «показали свое намерение» отрезать кавалерийский корпус Себастьяни от остальных сил Неаполитанского короля. Во французском биваке начался переполох: много всадников оказалось без оседланных коней, среди палаток, повозок и экипажей (которые к армейскому обозу не относились) бегали люди, частью не успевшие схватиться за оружие. Шла беспорядочная пальба.

По сигналу тревоги полки генерала Себастьяни должны были собираться на одной из высот и там выстраиваться для атаки. На нее первым пробился 1-й карабинерный полк, но на высоте в ходе боя он не удержался и был вынужден пробиваться через казачьи порядки к своим главным силам. Это карабинерам, одетым в белые мундиры с голубой отделкой, имевших стальные кирасы, покрытых желтой медью, и латунные каски с красным волосяным плюмажем на гребне, удалось сделать. Но, разумеется, не без потерь в людях и лошадях. Этот полк в бою выручал сам себя.

Командиры 2-й тяжелой и 2-й легкой кавалерийских дивизий корпуса Себастьяни – генералы Ватье и Бордесуль не стали испытывать судьбу: они не пошли навстречу противнику для построения на высоте позади биваков и не стали переходить ручей Десенку. Два мюратовских генерала предпочли отойти к лагерю 5-го (Польского) корпуса князя Ю. А. Понятовского, что им и удалось «безопасно» сделать, поскольку казачья лава до построения их дивизий еще не докатилась.

Сражение разгоралось. Французы скоро поняли, что надо отбивать свои пушки. На высоту, где находилась артиллерийская позиция корпуса Себастьяни, понеслись два полка – 1-й кирасирский и 2-й карабинерный. Они поднялись на высоту, но опоздали: казаки уже увезли с батарейной позиции все пушки, бросив на месте только те, к которым не нашлось упряжек. Два полка французской кавалерии оказались в смертельной опасности, то есть в самом центре атакующей колонны графа В. В. Орлова-Денисова.

Казачья лава грозила пиками, обтекая с двух сторон высоту. Особенно тяжело пришлось кирасирскому полку, оказавшемуся в полном окружении. Когда полк карабинеров попытался пробиться к нему и соединиться, то, смяв передовые легкоконные казачьи сотни, он наткнулся на плотные ряды атакующих и был вынужден, преследуемый буквально по пятам, отступить на исходную позицию. После этого карабинеры и кирасиры с боем прорвались с высоты к главным силам Неаполитанского короля маршала Иоахима Мюрата, которые выстроились на правом берегу реки Чернишни.

Трагично сложилась судьба 1-го карабинерного полка, попытавшегося выйти из окружения через лесочек. Но казаки-донцы навязали там «железнобоким» карабинерам ближний бой и в яростной рукопашной схватке отбили у них полковую святыню – орла (штандарт с позолоченной фигурой орла на навершии древка). Полковой оруженосец младший лейтенант Ж. де Берлемон получил (по французским источникам) 13 колотых ран, нанесенных казачьими пиками-«дончихами».

Орел же стал почетным трофеем сотника Карпова 4-го из Донского казачьего полка Иловайского 10-го. Это был первый орел, отбитый русскими у французов в войну 1812 года.

Орел являлся святыней полка французской армии. Это было бронзовое навершие знамени в виде орла, которое являлось главным элементом полкового знамени. Если неприятель захватывал полотнище знамени, а его навершие было спасено, то считалось, что полк не подверг себя бесчестию на поле брани.

Согласно декрету императора Наполеона I от 25 декабря 1811 года «Об орлах, знаменах и штандартах», позолоченные наверхия-орлы могли получать пехотные воинские части, если их численность составляла не менее 1200 человек, а кавалерийские – не менее 600 человек.

Наверхие в виде орла не являлось «изобретением» Бонапарта. В истории известно, что такие наверхия на знаменах были в войсках персидского царя Дария, властелина огромной восточной державы. Орлы венчали знамена римских легионов. В Средние века об орлах как наверхиях знамен забыли. Только в начале XIX века император французов, который пекся о традициях и духе французской армии, вернул знаменным орлам «вторую жизнь». Знамя, штандарт, увенчанное бронзовым орлом, в торжественной обстановке вручалось от имени венценосного Наполеона (или им лично) каждому полку пехоты и кавалерии.

Пока шли такие события, на помощь казакам Орлова-Денисова через Дедневский лес подоспела пехота силой в два полка – Тобольский пехотный и 4-й егерский, к которым примкнул 20-й егерский полк. Инфантерию (6 батальонов и три легких пушки) вел в бой генерал-майор принц Евгений Вюртембергский.

Русская пехота перешла реку Чернишню и двинулась к Калужской дороге, по которой войска Неаполитанского короля могли отступать. Французская кавалерия начала контратаку, стараясь не допустить выхода противника на дорогу. Вскоре в дело ввязались полки 1-го кавалерийского корпуса генерал-адъютанта барона Е. И. Меллер-Закомельского, поддержанные огнем всех 12 орудий 2-й конно-артиллерийской роты. Но таких сил оказалось недостаточно, чтобы перерезать путь отступления войск маршала Мюрата.

В том эпизоде казачья конница не поддержала усилия пехоты. Казачьи полки после захвата парка резервной артиллерии и обоза с большим количеством «экипажей», рассыпались и увлекательно занялись «изъятием военной добычи». Тогда донцы и захватили часть походного багажа самого Неаполитанского короля, о чем он долго сожалел.

Генерал-адъютант граф В. В. Орлов-Денисов старался не растерять нити управления успешно идущего боя. Он отправил часть своей конницы дальше на север. Эти полки вышли к Калужской дороге севернее Спас-Купли, там, где находилось дефиле, по которому французы могли удачно отступить. Маршал Иоахим Мюрат сразу понял грозившую ему опасность в этом месте. Не просто понял, а предвидел возможность такого хода безвестного ему русского казачьего генерала, командовавшего «степными осами».

Мюрат, надо отдать ему должное, заблаговременно отрядил к Спас-Купле два польских пехотных полка из Вислинского легиона и весь 4-й резервный кавалерийский корпус генерала Латур-Мобура. Эти войска сумели отразить казачью лаву и занять дефиле. Вскоре сюда подошли отступающие «в полном порядке» с берегов Чернишни поредевшие корпуса, дивизии и полки Неаполитанского короля. Польская и французская пехота шла, выстроившись в каре, изготовившись к наскоку казаков.

Часа через два после этого русская артиллерия затихла, поскольку неприятель отступил с поля Тарутинского сражения, ретиrowавшись к селению Вороново. Битва на реке Чернишня с русской стороны, по сути дела, велась только одной атакующей колонной генерал-адъютанта графа В. В. Орлова-Денисова. Остальные колонны под огнем неприятеля активности не проявили, запоздав с выходом на назначенный для атаки рубеж, или после занятия Винково остановились на левом берегу реки Чернишни.

Потери сторон в Тарутинском сражении разнятся. В день 6 октября маршал империи Иоахим Мюрат потерял по вполне достоверным источникам 2795 человек, в том числе 790 убитыми, 426 ранеными, 841 пленными и 310 пропавшими без вести (дезертировавшими или безвестно для своих попавшими в плен). В их числе 1180 кавалеристов и 209 артиллеристов. Самым старшим по положению среди пленных оказался начальник штаба одной из дивизий полковник барон Ж. Мержес, названный в рапорте Орлова-

Денисова «генерал-адъютантом».

Из корпусов Неаполитанского короля больше всего пострадал 2-й резервный кавалерийский корпус генерала Себастьяни. Из полков самый значительный урон понес 2-й карабинерный полк, лишившийся около половины своего состава. Его уже в самом начале сражения «захлестнула» казачья лава, хотя французские латники и дрались с известным мужеством.

Потери русской стороны исчисляются в более чем 1500 (по другим подсчетам – 1254) человек. Казачьи полки Орлова-Денисова, согласно поданного им после сражения рапорта, потеряли 176 человек. По сравнению с потерями мюратовской кавалерии казачий урон оказался несравненно мал.

Генерал-адъютант граф В. В. Орлов-Денисов на следующий день баталии, 7 октября, в рапорте по команде донес, что при первой атаке французского стана его казачьи полки захватили «до 20-ти пушек». Из них «17 казаками увезены, а остальные без лошадей оставались на месте сражения, которые после и забраны регулярными полками». В числе казачьих трофеев оказалось 15 зарядных ящиков с достаточным числом боезарядов.

Несколько после Орлов-Денисов получил от полковых командиров более точные сведения о числе взятых трофеев. В новом рапорте он указал, что у французов за рекой Чернишной было отбито 21 орудие. 10 из них отбили полки полковника В. А. Сысоева 3-го, 9 – полки подполковника Т. Д. Грекова 18-го и 2 – полки генерал-майора А. А. Карпова 2-го. Из оставленных казаками вражеских пушек две были подобраны как трофеи Кременчугским пехотным полком. Одно орудие, брошенное при бегстве прислугой, стало добычей Лейб-гвардии Драгунского полка.

Тарутинское сражение было примечательно тем, что начиная с 1805 года, когда начались войны России с наполеоновской Французской империей, никогда не отбивалось у ее армии столь большого количества орудий, как на берегах реки Чернишни. Честь владения 38 стволами вражеской артиллерии принадлежала казачьим полкам графа В. В. Орлова-Денисова.

В донесении главнокомандующему генерал-фельдмаршалу М. И. Голенищеву-Кутузову об известном доблестью в идущей войне казачьем военачальнике говорилось следующее: «Граф Орлов-Денисов вел себя (в бою) самым блистательным образом; его храбрость делает честь российскому оружию. Он первый подал мысль обойти левое неприятельское крыло...»

Полководец не поспешил на похвалу человеку, решившему исход дела 6 октября в пользу русского оружия, да еще получившему серьезное ранение в ногу. Высочайшим пожалованием ему стал орден Святого великомученика и победоносца Георгия 3-го класса (степени). Военный орден Георгия Победоносца низшей степени Орлов-Денисов имел за отличие в сражении при Фридланде. К слову говоря, это было первое такое высокое орденское награждение в среде казачьих военачальников в «грозу 12-го года».

В высочайшем наградном рескрипте от 23 декабря 1812 года на командира Лейб-гвардии Казачьего полка, генерал-лейтенанта графа Василия Васильевича Орлова-Денисова говорилось следующее: «В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении против французских войск 6-го октября при Тарутине».

Победа на реке Чернишне побудила императора Александра I к большой щедрости на награды ее творцам. Поражение на реке Чернишне подтолкнула императора Наполеона I к окончательному решению оставить Москву. Такое решение он принял в тот же день 6 октября, как только получил донесение о крупном поражении от маршала Иохима Мюрата.

Сражение на реке Чернишне не осталось без внимания французских мемуаристов, которые давали ему и такие оценки: «Император был очень раздосадован этим происшествием, а в особенности потерями,

понесенными кавалерией, численность которой и без того сильно уменьшилась. Эта стычка произвела также большое впечатление на армию. Весь успех приписывался казакам, операции которых чрезвычайно беспокоили наших солдат».

Бонапарт между его строк прозорливо «прочитал» для себя главное: авангард Великой армии был разгромлен так сильно, что восполнению сил уже не подлежал. Пора было уносить ноги и при этом постараться, как гласит японская пословица, «не потерять своего лица». Но тогда император французов еще не думал о том, что Великая армия может быть истреблена по пути из России. Отступать Наполеону-тактику приходилось, но только не бежать с армией без оглядки.

При всей своей незавершенности для русского оружия сражения 6 октября, оно имело в ходе Отечественной войны 1812 года поистине знаковое значение. Тарутинское сражение изменило стратегическую обстановку в пользу русской армии, которая больше не менялась до самого окончания войны.

...В сражении на реке Чернишне маршал империи Иоахим Мюрат, второе лицо в Великой армии, впервые был ранен. За свою долгую и блистательную военную карьеру он ни разу не проливал свою кровь в многочисленных сражениях, в которых принимал участие. Но здесь, на берегах реки Чернишни, в суматохе конной схватки «баловень судьбы» получил удар донской казачьей пикой-«дончихой» в бедро. Рана оказалась легкой, и маршал скрыл ее от окружающих своим плащом, чтобы не вызвать расстройство в рядах и умах своих подчиненных. В предутренней темени это не составило ему больших трудов. Только после битвы он показал рану собственному врачу, который ее обработал и сделал перевязку.

Имя же того казака из полков графа В. В. Орлова-Денисова для истории казачества в Отечественную войну 1812 года осталось неизвестно. Мы знаем только одно: этот отважный конник, не побоявшийся пробиться к «узнаваемому» вражескому полководцу сквозь толпу всадников из его окружения, был донцом. Но в том боевом эпизоде маршала Мюрата судьба откровенно хранила: удар пики со стальным наконечником, наносимый всадником на полном скаку, мог оказаться и смертельным.

...Тарутинскому сражению, можно утверждать, очень повезло в литературном повествовании. Рассказ о большой виктории русского оружия стал частью такого шедевра мировой литературной классики, как роман Льва Николаевича Толстого «Война и мир», ставший эпохальным рассказом об Отечественной войне 1812 года.

Пером великого автора граф Лев Толстой с известной долей литературного домысла рассказывает о том, как «старый человек» полководец Кутузов дает вопреки своим убеждениям кровопролитное Тарутинское сражение, судьбу которого он предвидел и нимало в ней не сомневался. Здесь следует заметить, что события «грозы 12-го года» и ее главных действующих лиц, великий словесник России знал прекрасно. Но перед тем как рассказать о самой баталии, писатель, будучи гением среди литераторов, но не военным историком, поведал о том, что побудило генерал-фельдмаршала дать эту баталию:

«Второго октября казак Шаповалов, находясь в разъезде, убил одного и подстрелил другого зайца. Гонясь за подстреленным зайцем, казак Шаповалов забрел далеко в лес и наткнулся на левый фланг армии Мюрата, стоящий без всяких предосторожностей. Казак, смеясь, рассказал товарищам, как он чуть не попался французам. Хорунжий, услышав этот рассказ, сообщил его командиру.

Казака призвали, расспросили: казачьи командиры хотели воспользоваться этим случаем, чтобы отбить лошадей, но один из начальников, знакомый с высшими чинами армии, сообщил этот факт штабному офицеру...

Известие казаков, подтвержденное посланными разъездами, доказало окончательную зрелость события... Кутузов принял во внимание... выражаемое всеми генералами одно и то же желание,

предполагаемое им желание государя и сведение казаков, уже не мог избежать неизбежного движения и отдал приказание на то, что он считал бесполезным и вредным, – благословил совершившийся факт».

Главкомандующий (Голенищев) – Кутузов имел собственный план доведения французов до гибели на земле России, как выразился Лев Толстой, «заставить их жрать лошадиное мясо». По Толстому, эта погибель должна была устроиться сама собою. Романист пишет о том, что на места, отведенные атакующим колоннам по диспозиции Тарутинского сражения, никто не попал, ни граф В. В. Орлов-Денисов, ни казачий генерал Т. Б. Греков, пехотные колонны в начале дела не показались из леса.

Тогда граф Орлов-Денисов шепотом скомандовал своим людям «садись», распределились, какому полку куда ударить на врага, казаки перекрестились и с Богом! Вперед! По лесу загремело «ура», и одна сотня за другою со своими дротиками (вернее – пиками) наперевес полетела казачья лава через ручей к неприятельскому лагерю. Так Лев Толстой описывал начало знаменитой атаки казачьих полков колонны В. В. Орлова-Денисова на стан кавалерии короля Неаполитанского маршала империи Иоахима Мюрата. Писатель рассказывает дальше:

«Один отчаянный, испуганный крик первого увидевшего казаков француза, и все, что было в лагере, неодетое, спросонков бросило пушки, ружья, лошадей и побежало куда попало.

Ежели бы казаки преследовали французов, не обращая внимания на то, что было позади и вокруг них, они взяли бы и Мюрата и все, что тут было. Начальники и хотели этого. Но нельзя было сдвинуть с места казаков, когда они добрались до добычи и пленных. Команды никто не слушал...»

Дальше Лев Толстой рисует картинное изображение Тарутинского дела, при котором все сбивались, путались, не попадали на свои места по диспозиции, упрекали друг друга бог весть в чем и гибли в огромном числе (?), без всякой пользы (?). Автор романа «Война и мир» так заключает описание битвы на реке Чернишне, закончившейся разгромом авангарда наполеоновской Великой армии:

«...Все сражение состояло только в том, что сделали казаки Орлова-Денисова; остальные войска лишь напрасно потеряли несколько сот людей».

То, что великий писатель в романе «Война и мир» не обошел должным вниманием Тарутинское сражение, свидетельствует и о позиции автора в освещении событий Отечественной войны 1812 года, и об отношении ревнителей отечественной истории к этому событию. Лев Толстой был хорошо знаком со многими мемуарными творениями и с документалистикой о войне. К тому же он пользовался богатейшим эпистолярным наследием участников тех событий и просто их современников.

В 1813 году из Московского гарнизонного полка был сформирован пехотный полк, названный Тарутинским. А 9-й Донской казачий полк с 1904 года стал носить имя В. В. Орлова-Денисова как своего вечного шефа. В 1993 году в городе Жуков Калужской области (бывшее село Угодский Завод) на братской могиле казаков, умерших от тяжелых ран, полученных в сражении на реке Чернишне, воздвигли памятный знак.

...Вторжение европейского воинства под знаменами императора французов Наполеона стало толчком не только создания Донского и других ополчений казачьих войск, но и к формированию новых иррегулярных конных (на положении казачьих) воинских формирований. Это относится к тем губерниям Российской империи, часть населения которых когда-то являлась казаками и сохранила воинские традиции.

Для участия в Отечественной войне генерал-губернатор Малороссии (Полтавская и Черниговская губернии) действительный тайный советник князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский по повелению императора сформировал 15 казачьих полков из жителей вверенного ему края. Их общая численность составила 18 тысяч человек. При этом генерал-губернатор по своей инициативе выпустил обращение к

населению Полтавщины и Черниговщины, обещая отменить рекрутскую повинность и восстановить Малороссийское казачье войско, чего он, естественно, сделать не мог. Это обещание сыграло решающую роль массового притока людей в местное казачье ополчение. В его формировании большую роль сыграл генерал-лейтенант граф Н. В. Гудович.

Из этих конных полков пять оставались для охраны Черниговской губернии от возможного вторжения наполеоновских войск. Остальные десять малороссийских полков под начальством Н. В. Гудовича были отправлены в Могилевскую губернию для участия в военных действиях. Когда генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов ознакомился с прибывшим пополнением действующей армии, то обратил внимание, что в казачьих полках из Малороссии большой недокомплект подготовленных младших командиров (унтер-офицеров) и особенно офицеров.

Обеспокоенный этим главнокомандующий 1 ноября отправил письмо к генерал-губернатору Малороссии князю Я. И. Лобанову-Ростовскому с настоятельной просьбой как можно скорее ликвидировать недокомплект прибывшего казачьего ополчения в командном составе за счет местных кадров. В кутузовском письме советовалось:

«Во всех малороссийских казачьих полках, которые пребывают теперь в предводительствуемой мною армии, почти совсем нет офицеров, да и унтер-офицеров совсем недостаточно.

Принимая во уважение, что недостаток сих чинов противопоставляет большие затруднения для прочного образования и употребления сих полков, я обращаюсь к Вашему сиятельству, покорно прося Вас, милостивый государь мой, недостающих в малороссийских полках офицеров выбрать из дворян вверенных Вам губерний посредством вызова и приглашения их к означенным местам, унтер же офицеров стараться согласить из старых отставных унтер-офицеров, в Малороссии проживающих, и как три полка оставлены при предводительствуемой мною армии, а прочие все обращены к генерал-лейтенанту гр. Гудовичу, которому приказано идти к белорусскому Могилеву, то я и прошу Ваше сиятельство отправить их к означенным полкам сколь можно поспешнее».

Князю Я. И. Лобанову-Ростовскому пришлось с высоты своего положения заняться «набором в офицерство» в дворянском сословии своего генерал-губернаторства. Командирами казачьего ополчения Малороссийского края стали не только давно отслужившие свое отставные офицеры всех родов армейских войск, но и местные чиновники более молодых возрастов, а также офицеры Министерства внутренних дел, гарнизонных батальонов и инвалидных рот. Все они на войну уходили казаками.

Первый период Отечественной войны 1812 года известен зарождением и развитием партизанского движения там, где проходили наполеоновские войска. Зачинателями «малой войны», «Народной войны» стали армейские летучие отряды, называвшиеся чаще партизанскими. Пример для их создания брался из истории Смутного времени, закончившегося в 1612 году освобождением первопрестольной русской столицы Москвы от поляков и призыванием на царство Михаила Романова.

Первые партизаны появились в рядах 3-й Обсервационной армии генерала от кавалерии А. П. Торماسова, который еще в июле месяце отправил к Брест-Литовску и Белостоку летучий (партизанский) отряд полковника К. Б. Кнорринга, шефа Татарского уланского полка. Он, «как лихой партизан» разбил под Белостоком отряд бригадного генерала Ж. Ферьера, хотя сам город взять не смог.

Несколько позже военный министр генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли сформировал «летучий корпус» генерала барона Ф. Ф. Винценгероде. Затем появились подобные отряды генерала А. В. Запольского, казачьего полковника М. И. Родионова 2-го...

За редким исключением, основу армейских летучих (партизанских) отрядов составляла иррегулярная конница, прежде всего казаки – донские, бугские и другие, а также калмыки, башкиры, тептяри. Ядром

таких отрядов часто становились команды гусар, откомандированных от полков армейской кавалерии. Порой армейским партизанским отрядам придавалась легкая егерская пехота и небольшое число конных орудий.

Малые отряды или части «летучих корпусов» назывались партизанскими партиями и были временными формированиями. Они совершали «поиски», «гнездились» на вражеских коммуникациях, «изнуряли» неприятеля частыми нападениями днем и ночью. Основу партизанских партий опять же составляли казаки. Партии добивались успеха за счет скрытности и быстроты передвижения, внезапности атакующих действий и своевременного отхода.

Армейское партизанство стало своеобразным символом краха Наполеоновского нашествия на Россию. Летописец Отечественной войны 1812 года А. И. Михайловский-Данилевский говорил о создании армейских партизанских отрядов следующее:

«Князь Кутузов отрядил во все стороны партизанов, с повелением переноситься с одного места на другое, нападать внезапно и действовать то совокупно, то порознь. Отряды редко превышали 500 человек, и были большею частью составлены из казачьих войск; иногда присоединяли к ним малое число регулярной конницы.

Фельдмаршал обыкновенно предоставлял начальникам партий выбирать себе в товарищи из офицеров кого пожелают. При отправлении они получали только назначение, в какую сторону следовать и где преимущественно производить поиски. Их извещали также, какие партии будут находиться к ним ближе других, для взаимной с ними связи или для совместных действий в случае превосходства неприятеля или какого-нибудь важного предприятия.

Главная цель состояла в нанесении возможного вреда неприятелю; больше ничего определенного не предписывалось; все прочее зависело от начальников партий: отважности их представлялось обширное поле».

В первый период войны самым громким делом армейских партизан стал налет отряда генерал-майора И. С. Дорохова на Верею, уездный город Московской губернии, стоящий на реке Протва к юго-востоку от Можайска. По приказу Наполеона здесь расположился гарнизоном батальон 6-го Вестфальского полка. Вестфальцы заняли бывший Верейский кремль. Это была крутая гора, обнесенная палисадом. Строения на горе имели амбразуры. Здесь был создан магазин с большими запасами хлеба.

Зная об этом, главнокомандующий М. И. Голенищев-Кутузов направил к Верее дороховский летучий отряд с задачей разбить вражеский гарнизон, уничтожить собранный провиант и скрыть укрепления. Армейский отряд (в штурме участвовала только часть его) состоял из егерского батальона, двух пехотных полков, 4 эскадрона гусар, Донских казачьих полков Комиссарова и Иловайского 11-го при 8 орудиях. Город был взят приступом на рассвете 29 сентября.

Тотчас после занятия Вереи явилось к Дорохову 1000 вооруженных крестьян Вышегородской волости, предводимых соборным священником Иоанном Скобеевым. Он раздал им 500 трофейных ружей и муку из захваченного магазина. Верейские укрепления были скрыты, чтобы больше не служить неприятелю убежищем, поскольку восстановить их он уже не имел ни времени, ни возможностей.

После набега дороховского отряда на город Верею император Наполеон понял, что коммуникационная линия Великой армии теперь будет постоянно находиться под ударами казачьей конницы и местных партизан. Император издал приказ, согласно которому войска, сопровождавшие транспорты, должны были идти единой колонной, не разрываясь. На биваках приказывалось силам прикрытия располагаться вокруг обозов, а обозы отправлять из Смоленска в Москву под командованием штаб-офицеров.

Прикрытие армейских обозов должно было быть числом не менее 1500 человек, то есть такой численности, чтобы конвоируемый армейский обоз оказался «не по зубам» русскому партизанскому отряду, не говоря уже о вооруженных поселянах. Такие, в основном пешие, конвои только усиливали физические и душевные напряжения наполеоновских войск. Пехота и кавалерийские лошади излишне изматывались, отчего боевой дух этапных наполеоновских войск падал, а коммуникационная линия Великой армии становилась все более слабо защищенной и уязвимой.

Армейское партизанство «процветало» не только от Главной армии. Так, из находившихся при 1-м отдельном пехотном корпусе графа П. Х. Витгенштейна командиров партизанских отрядов больше всего прославились полковник Непейцын, майор Бедряга и Войска Донского полковник М. И. Родионов 2-й, участник суворовских штурмов Измаила и варшавского пригорода Праги. Последний с казаками своего отдельного отряда столь часто и опасно тревожил неприятеля, что маршал империи Гувьон Сен-Сир (Сен-Сир), командир 6-го армейского корпуса посвятил несколько страниц в своих мемуарных «Записках» описанию его набегов.

Летучие отряды, соединившись с местными партизанами, имели собственные базы, как правило, находившиеся в лесной глухомани. Военный историк А. И. Михайловский-Данилевский достаточно красочно описал места расположений больших армейских партизанских отрядов и жизнь в них:

«...Станы наших летучих отрядов, по наружному виду, похожи на притоны разбойников или цыганские таборы. Крестьяне с вилами, косами, топорами, французскими ружьями и пистолетами, казаки, гусары, ратники ополчений, пестрыми толпами были перемешаны с неприятелями, одетыми во все европейские мундиры, женами их и детьми. Иные из наших пленных, после своего освобождения поступавшие в партии, за неимением русских мундиров, были одеваемы во французские.

В лагеря партизанов свозили отбиваемые у французов и награбленные ими в Москве экипажи, книги, картины, платья и всякие другие вещи. Золото и серебро ходили в таком количестве, что донцы, главные действующие лица в летучих отрядах, променивали их на ассигнации за третью и четвертую часть цены металла.

Крестьяне служили для партизанов проводниками и обыкновенно содержали передовые цепи; в добычу себе присваивали они охотнее всего рогатый скот, лошадей, телеги, оружие...»

Летучие отряды порой представляли собой большую силу. Так, армейский партизанский отряд генерал-адъютанта Ф. Ф. Винценгероде, действовавший к северу от Москвы на Петербургской дороге, насчитывал (по донесению его командира) до присоединения к нему ополченцев из Тверской губернии 3216 человек воинского звания. Это были полки: Лейб-казачий, Изюмский гусарский, Казанский драгунский, 6 Донских казачьих полков и два расчета конных орудий. В пересчете на регулярную кавалерию это было две дивизии и даже несколько больше.

Казачьи заставы, стоявшие на дорогах Ярославской, Владимирской и Дмитровской, тоже партизанили в силу своих возможностей и поставленных задач. Они стали настоящей грозой для вражеских фуражиров и просто групп мародеров, которые в поисках добычи старались зайти подальше от Москвы в те места, которые еще не были тронуты войной.

Местное крестьянство относилось к таким грабителям крайне воинственно, в случае нужды обращаясь за помощью к командирам казачьих партий. Те никогда не отказывали селянам в поддержке, и мародеры истреблялись или пленились общими усилиями.

Часто летучие отряды, посылавшиеся в тылы Великой армии, состояли из одних казаков: отдельных полков, сотен, команд. Среди отличившихся в боях известность летом и осенью получили имена командиров армейских партизанских отрядов Донского казачьего войска полковника Ефремова

(действовавшего на Коломенской дороге) и подполковника Чернозубова, совершавшего ряд «счастливых» набегов между Можайском и Гжатском, посылая казачьи партии к Сычевке и Зубцову.

«Летучий корпус» генерал-адъютанта Винценгероде имел авангардный отряд под начальством полковника Иловайского 12-го. Тот также не оставался праздным казачьим вождем, и во все время партизанства умело тревожил неприятеля, часто нападая на него из засад, устраиваемых на дорогах: «Каждый день увеличивалась отвага донцов, между тем как неприятель более и более терял бодрость».

Генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов сделал армейское партизанство, легкие конные войска тем оружием, которое «истощило» Великую армию соперника в лице императора французов Наполеона I. Оценка малой войны Главнокомандующим русской армии давалась следующая:

«Поелику ныне осеннее время наступает, через то движения большою армиею делаются совершенно затруднительными, наиболее с многочисленною артиллериею, при ней находящейся, то и решил я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо разделенные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь в 50-ти верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску.

Кроме того, вооружены ополчения Калужское, Рязанское, Владимирское и Ярославское, имеющие все свои направления к поражению неприятеля...»

...Наполеон в сочинении «Семнадцать замечаний на работу под названием «Рассуждения о военном искусстве», изданную в Париже в 1816 году» и которое является извлечениями из различных работ Наполеона, не обошел своим вниманием и Русский поход 1812 года, который закончился для него гибелью Великой армии. В «Замечании 7-м» «О наступательной войне» Бонапарт, на удивление историкам и исследователям, утверждает, что его коммуникационная линия до самых берегов Березины находилась в полной безопасности. И что противником не был «перехвачен ни один обоз» (!).

Император французов словно подзабыл слова «казаки», «партизаны» и «атаман Платов», и совсем забыл тех, кого с иронией называл «жалкими арабами Севера» и «степными осами». А ведь именно они сокрушили коммуникационную линию Великой армии, истребили и пленили на дорогах десятки тысяч наполеоновцев, взяли трофеями огромные армейские обозы и сотни орудий. И эта статистика совсем не в пользу «забывчивому» Наполеону I Бонапарту.

Так вот в «Замечании 7-м» «О наступательной войне» наполеоновскими устами говорится буквально следующее:

«В 1812 году он (Наполеон. – А.Ш.) владел на Висле крепостями Данциг, Торн, Модлин и Прага. Вейлау, Ковно, Гродно, Вильно, Минск послужили магазинами близ Немана, Смоленск – главным складочным пунктом при движении к Москве. При осуществлении этой операции он имел через каждые восемь переходов сильный опорный пункт. Все почтовые станции были укреплены, снабжены бойницами и заняты каждая всего одной ротой с одним орудием.

Это настолько хорошо обеспечило военные сообщения, что на протяжении всей кампании не был перехвачен ни один курьер, ни один обоз (?!); и даже во время отступления, за исключением четырех дней, пока адмирал Чичагов не был отброшен за Березину, коммуникации армии с ее складочными пунктами оставались свободными (?!)».

Наполеон, при всем уважении к его несомненно высокому полководческому дарованию, не смог признаться в том, что в Русском походе 1812 года у его Великой армии, созданной специально для покорения России, самым слабым местом оказалась именно коммуникационная линия. Она осуществляла связь действующей армии (в том числе между армейскими корпусами) и тылов, по которой подвозились армейские ресурсы, подходили резервы и пополнения, шла эвакуация раненых, больных и

военнопленных, вывозилось награбленное добро.

Общая протяженность коммуникационной линии Великой армии составляла (от Москвы до реки Вислы) 1320 километров. Из них на территорию Российской империи приходилось 970 километров (Москва – Можайск – Вязьма – Дорогобуж – Смоленск – Вильно – Ковно).

Коммуникационную линию не смогли защитить от русских летучих отрядов, казачьих партий и местных партизан выделенные для охраны линии значительные воинские силы. Это были: 8-й армейский Вестфальский корпус генерала Ж. А. Жюно, 9-й армейский корпус маршала К. Виктора, отдельный отряд Я. Х. Домбровского (пехотная дивизия и кавалерийская бригада), другие полевые войска и гарнизоны.

Дело доходило до того, что император Наполеон повелел отправлять обозы по Смоленской дороге с охраной не менее полуторы тысячи человек. То есть речи о «свободном передвижении по коммуникационной линии» (о чем утвердительно пишет Наполеон) в действительности не шло, и тем более в конце войны.

...Действия армейских партизанских отрядов и местных партизан вызывали перенапряжение вражеских сил при защите коммуникаций. На это отвлекалось значительное число войск Великой армии, результаты же их конвойной деятельности оказались несоизмеримо малы с желаемым. Это заставило Наполеона издать приказ начальнику своего штаба маршалу империи Л. А. Бертье, в котором он писал:

«Подтвердить мое повеление, чтобы из Смоленска не отправляли ни одного транспорта иначе, как под начальством штаб-офицеров и под прикрытием 1500 человек. Предпишите генералу Сент-Сюплису и особенно настаивайте, чтобы он имел патрули для прикрытия курьеров...

Напишите генералам, командующим корпусами, что мы ежедневно теряем массу людей вследствие отсутствия порядка при сборе продовольствия, что им необходимо войти в соглашение с начальниками частей для изыскания мер по прекращению такого положения дел, грозящего армии разложением, что число людей, забираемых в плен неприятелем, доходит ежедневно до нескольких сотен, что надо запретить людям отлучаться из команд под страхом строжайшего взыскания и посылать за продовольствием тем же порядком, который установлен для сбора фуража...

Напишите королю Неаполитанскому, командующему кавалерией, что последняя должна всецело прикрывать фуражиров и обеспечивать от нападения казаков отряды, отправляемые за продовольствием... дайте знать герцогу Элтингенскому, что он ежедневно теряет больше людей, чем в одно сражение; что ввиду этого необходимо лучше урегулировать службу фуражиров и не удаляться настолько от войск».

...Европейцы, даже из числа союзников России, внимательно присматривались к казачьему войску, интересуясь, прежде всего, его тактикой действий и возможностями ведения маневренной войны. О боевом духе казаков «беспокоиться» таким лицам не приходилось, поскольку он был общеизвестен и французам, и их неприятелям. Можно считать, что союзники России – пруссаки и австрийцы как бы смотрели вперед на многие годы, чтобы знать как можно больше о иррегулярной коннице русских.

Такие «исследователи», естественно, делали описание разного рода действий казачьей конницы. Интересные наблюдения об изменениях тактики ее действий оставил гвардейский уланский ротмистр фон Ганцауге из королевской армии Пруссии, хорошо знавший казаков по 1812 году. Он писал следующее:

«Большую часть последней кампании против французов я был прикомандирован к донским казакам. В это время они были очень мало знакомы с употреблением огнестрельного оружия. Но во время движения по Западной Европе они оценили все выгоды, им доставляемые, особенно при действиях на пересеченной местности, и понемногу вооружились французскими ружьями. При этом на удобной для того местности они стали спешиваться и вести бой в рассыпном строю.

Я видел, как они таким путем побеждали превосходную в силах конницу и даже пехоту, если они нападали на них в одиночку. В этих случаях пехота опасалась оставшейся верхом части казаков, которые прикрывали коноводов и держались по возможности ближе от спешенных людей, постоянно готовых сесть на коней и броситься на противника, если он отступил или был выбит из своего закрытия. Этому образу действий исключительно я приписываю успехи казаков во время кампании на Эльбе и на Рейне и то превосходство, которое они в малой войне и аванпостной службе постоянно имели над неприятельской конницей».

Надо заметить королевскому ротмистру, что в то время далеко не вся кавалерия имела на вооружении из огнестрельного оружия ружья и карабины. Основным оружием конников являлось холодное оружие (сабли, палаши, пики) и пары пистолетов. Так, к примеру, были специальные драгунские пистолеты. На вооружение регулярной и иррегулярной (казачьей) конницы пистолеты из арсеналов поступали только парами.

Собственно говоря, казак, прежде всего донской, рисуется в ходе Отечественной войны 1812 года как конный воин, вооруженный пикой, саблей и парой внушительных по виду пистолетов. Пистолеты прекрасно годились в любой кавалерийской схватке, даже скоротечной. Что касается спешивания (части) казаков для огневого боя, то это был тактический прием, давно применявшийся и на Дону, и на Яике, и в других казачьих войсках. Так что ротмистр фон Ганцауге только констатировал давно известный факт.

К слову говоря, в 12-м году «степным осам» при истреблении по малым частям наполеоновской Великой армии больше всего приходилось действовать пикой, которой они врожденно владели мастерски. И в этом мастерстве ничем не уступали вражеским уланам (прежде всего польским), тоже имевшим на вооружении пики, украшенные флажками. Пики донцов, скованные станичными кузнецами, так не украшались, и потому внешне они выглядели гораздо скромнее.

И сам Бонапарт, и его маршалы не раз убеждались в своих поражениях на дорогах России, насколько грозным оказывалось это, казалось бы, уходящее в прошлое, оружие в умелых руках казаков. Факт остается фактом: казачья пика благополучно «дожила» до Первой мировой войны 1914–1918 годов, когда ею вооружались не только отдельные казачьи сотни и полки, но и целые легкоконные дивизии донских, оренбургских, уральских и иных казаков. Их изображали в годы Великой войны чаще всего с пиками наперевес, но уже обязательно с винтовкой за плечами.

Как и шашка, пика бережно хранилась в казачьих домах, часто являясь семейной реликвией. То есть она переходила от отца к сыну. Если братьев было несколько, то отцовская пика традиционно доставалась старшему сыну, первому уходившему на службу Богу, царю и Отечеству. Так было и в «грозу 12-го года»: каждый полк донского казачьего ополчения на походе и в строю чем-то напоминал «ежа», удивительно подвижного и «смышленного». Когда пика бралась наперевес, то это означало только одно: казачья лава шла в атаку и руки всадников «удлинялись» пикой со стальным, остро отточенным наконечником. Пикой разились и вражеские конники, и пехотинцы, сбегавшиеся в каре, и артиллеристы, защищавшие свои пушки.

Не случайно французские мемуаристы так часто писали о казачьих пиках, воочию познакомившись с таким грозным оружием по пути бегства из России. Собственно говоря, пика как оружие диктовала и казачью тактику, будь то кавалерийский бой при Мире, рейд платовского корпуса на поле Бородина, действия летучих отрядов на коммуникациях Великой армии или истребление живой силы императора французов после Малоярославца, когда русская армия перешла в победное для нее и России контрнаступление.

...Армейские партизаны, казачьи разъезды, высылаемые от главных армейских сил и от летучего корпуса атамана М. И. Платова, каждодневно брали много пленных не только из числа мародеров и

дезертиров, оставших от своих частей. Естественно, что самая ценная разведывательная информация получалась от допросов офицеров Великой армии и наполеоновских курьеров с перехваченной почтой. Не случайно донесения, которые регулярно поступали в штаб Главной армии, почти всегда заканчивались словами: «Сие от офицеров французских узвано». Эти донесения постоянно читались главнокомандующим, что позволяло ему вникать в замыслы и действия противной стороны.

Голенищев-Кутузов лично проводил допросы многознающих по положению пленных, как штаб-офицеров, так и обер-офицеров. В письме своей супруге от 7 октября он, к примеру, писал: «Я вчерась говорил с одной партией пленных офицеров». Порой такие беседы давали генерал-фельдмаршалу информацию огромной ценности. К примеру, племянник военного министра Французской империи о замыслах своего монарха сказал следующее: Наполеон не намерен оставаться в Москве, а проложит себе путь силою на Украину». Это стало весомым подтверждением правильности выводов русского полководца из сложившейся ситуации.

Не менее ценную информацию дал бригадный генерал Ж.-П. Ожеро (брат маршала П. Ф. Ожеро). Он сообщил, что усиленной дивизии дивизионного генерала Барага д'Илье, сформированной в Смоленске, «приказано строить новую военную дорогу» от Ельни до Калуги. То есть пленный бригадный начальник раскрыл замысел Наполеона на пути отхода Великой армии из Москвы.

Бонапарт в те дни говорил своему генералитету: «Москва больше не представляет для меня никакого интереса». В это действительно можно было поверить: удар, нанесенный в самое сердце России, оказался бедствием для тех, кто вошел в Москву в тоге победителя. Как говорит восточная пословица, калифом можно стать и на час.

Летучие отряды армейских партизан стали хирургическим инструментом в руках полководца М. И. Голенищева-Кутузова. Когда Главная действующая армия набиралась сил в Тарутинском лагере, в местах пребывания войск Наполеона полыхала малая война. Разведывательная информация, которая поступала в кутузовский штаб, позволяла принимать верные решения, которые определяли ход вооруженной борьбы.

Предполагая, что Наполеон уже «готов» бежать из Москвы, русский главнокомандующий в конце сентября – начале октября выслал сторожить Великую армию несколько крупных армейских партизанских отрядов (как тогда говорилось и писалось – партий). Все они имели «казачью составляющую», то есть казаки составляли большую часть отрядной конницы. В партизанах «ходила» и донская конная артиллерия, легкая на подъем и маневренная. Все отряды получили задачу взять под контроль дороги, которые шли из Москвы в западном и юго-западном направлениях.

Так, сводный армейский партизанский отряд генерал-майора И. С. Дорохова состоял из 5 батальонов пехоты (егерей), 4 эскадрона Елисаветградского гусарского полка, 2 казачьих полков при 8 конных орудиях. Дороховскому отряду главнокомандующим была поставлена боевая задача овладеть городом Вереей (и удержать его в своих руках) и «действовать по пространству, лежащему между Гжатска и Можайска».

В эти дни журнал военных действий Главного штаба полнится записями, касательными армейского партизанства. Они исполнены на основании кутузовских донесений. Так, в записи за 25–28 сентября говорится следующее:

«Все разосланные партии, хотя и находились в различных от армии направлениях, но не менее того составляют между собой непрерывную связь, что удобно видеть можно, сообразуя взаимное их положение. От Смоленска до Гжатска действует подполковник Давыдов, от Гжатска до Можайска генерал-майор Дорохов, а от Можайска до Москвы капитан Фигнер».

...Армейское партизанство, основой которого явились казачьи партии, стало одним из факторов

поражения Бонапарта в Русском походе 1812 года. Размах его мог быть сравним в ту наполеоновскую эпоху разве что с Испанией, в которой против французских войск велась ожесточенная малая война. Историк А. И. Михайловский-Данилевский по этому поводу писал:

«Настоящая партизанская война образовалась по вступлении армии в Тарутинский лагерь. Партизаны отправлены были на сообщения неприятелей, и единственное предписание, которым их снабжали, состояло в том, чтобы они наносили им как можно больше вреда; впрочем, предоставлено им было действовать по усмотрению их на назначенном для каждого пространстве.

Они отбивали ежедневно артиллерийские парки, снаряды, рассеивали отдельные отряды, брали в плен курьеров и истребляли запасы. Число войск, составлявших наши партии, простиралось обыкновенно от трех до восьми сот человек. Лишь только они приходили в какую-нибудь деревню, как соединялись с ними несколько сот, а иногда несколько тысяч крестьян, для которых появление партизан было днем радости. Сие удостоверяло их, что армия наша невдалеке и что главнокомандующий не оставляет их на произвол собственных сил их.

Партизаны имели столько же лазутчиков и приверженных себе людей, сколько находилось жителей в тех местах, где они действовали. Они покрывали все дороги, и неприятели были как осаждены в занимаемых ими городах и селениях. Почти никто не тревожил их от Немана до Смоленска; но, начиная от сего города, они не могли перейти из одного места в другое безопасно иначе, как соединясь несколько тысяч людей вместе. Целые полки сопровождали курьеров их.

Войска их были беспрерывно тревожимы, отчего они теряли бодрость духа, а с оною вместе исчезла подчиненность, которая одна могла сохранить от гибели разнородную армию их. Конница приходила ежечасно в упадок, оттого что они оную наряжали для сопутствия курьеров и для сопровождения солдат, высылаемых для собирания в деревнях сена, овса и других припасов...

Каждому партизану (командиру отряда. – А.Ш.) назначено было пространство для поисков его, отчего действия их были в связи между собою. Главная операционная линия простиралась от Смоленска через Вязьму, Гжать, Можайск и, следуя по большой Московской дороге, склонялась чрез Верею к Тарутину. Они разделены были на три части. Первая находилась между Смоленском и Гжатью; второй партии, бывшей между Гжатью и Можайском, предписано было подходить как можно ближе к Москве; а третья партия находилась между Можайском, Верею и Тарутиным.

На правую сторону от Тарутина посылаемы были партии не столь многочисленные, как на левую сторону сего селения; они были рассеяны по Тульской, Рязанской и Владимирской дорогам. От корпуса генерала Винценгероде, стоявшего на Тверской дороге, ходили отряды к Владимиру по Ярославской и Дмитровской дорогам, а с другой стороны – к Можайску и Гжати, где они соединялись с партиями, отряженными из Тарутина. Таким образом все сии партии действовали совокупно...

В России народ превозносит партизан... Посему Отечество обязано признательным об их воспоминанием; ибо в важнейшие для сего дни, то есть от 20 сентября до 11 октября, они способствовали к уничтожению неприятельских сил и к успокоению армии, расположенной в Тарутине».

...Партизанская война в «грозу 12-го года» обескровила Великую армию императора французов за считанные месяцы «малой войны», хотя громкие победы добывались армейскими партизанами, скажем исторически достоверно, не часто. Это был каждодневный кропотливый труд, полный лишений, с потерей конных бойцов. Так неумолимо подтачивалась немалая сила Наполеона, начиная с взятия им первопрестольного града Москвы и кончая выходом кутузовской армии к западной государственной границе.

Армейское и народное партизанство в Отечественной войне 1812 года стало поэзией состояния душ

граждан России. Но высокое поэтическое слово не есть проза жизни. Трезво смотревший на эйфорию партизанства, А. И. Михайловский-Данилевский писал в одном из своих исторических трудов:

«Малочисленность наших партизанских отрядов в сравнении с каждым неприятельским прикрытием транспорта, даже часто с шайками мародеров, новость (новизна) партизанской войны, только что князем Кутузовым созданной и не успевшей еще развиться, усовершенствоваться, наконец, самый состав армии Наполеона, заключающий в себе, по большей части, старых, опытных служивых, все сии обстоятельства не дозволили партизанам ознаменовать себя такими набегами, какими прославились потом русские начальники летучих отрядов в заграничных походах.

В Отечественную войну не было партизанского подвига, могущего сравниться со взятием Берлина, Люнебурга, Касселя, Бремена, Амстердама, Суассона. Ни один из городов, занятых неприятелем между Смоленском и Москвою, не был покорен партизанами; они не сорвали даже ни одного французского этапа.

Не менее того действия их были чрезвычайно полезны, по беспрестанному вреду, наносимому ими ежедневно неприятелю, особенно тем, что своим появлением в разных местах поддерживали они воспламенение в народе, единодушно восставшем против врагов».

Глава третья. От Малоярославца до Красного. Казачий авангард Главной русской армии. Старая Смоленская дорога. Истребление Великой армии императора Бонапарта «степными осами».

В разгар Тарутинского сражения, то есть днем 6 сентября, к главнокомандующему русской армией М. И. Голенищеву-Кутузову пришло с казаком-донцом долгожданное известие о том, что Наполеон наконец-то решил оставить Москву и начал к тому необходимые приготовления. Кутузовский ординарец Александр Голицын, корнет Лейб-гвардии Конного полка, так описывает то сверхважное для полководца событие в войне:

«В день сражения неудача всеми обходными корпусами прибыть вовремя на те пункты, где предполагалось каждому, раздражила Кутузова до чрезвычайности. Началась атака, неприятель побежал; все его преследуют, и при Кутузове не осталось никого, кроме его адъютантов.

Вдруг приезжает урядник Жирова казачьего полка, находящегося в партизанском отряде у князя Кудашева под Подольском. Он привез перехваченное предписание Бертье к д'Аржану (бригадный генерал Буке д'Аржан, взят в плен в Вильно. – *А.Ш.*), чтобы немедля все тяжести шли к Можайску. Вот обстоятельство, которое укрепило Кутузова в истине, что Наполеон решительно ретироваться будет, но куда и в какое время, было ему еще неизвестно. Опасение, не обходит ли он нас по дороге к Калуге, – вот что занимало старика...»

В партизанские отряды, действовавшие поблизости от Тарутинского лагеря, присматривавшие за дорогами в Калужскую сторону, находившиеся на столбовой Смоленской дороге, кружившие вокруг Москвы, с конными вестниками-казаками полетели приказания из армейской штаб-квартиры. Требовалось отследить возможные действия неприятеля, движения его походных колонн. Любую такую разведывательную информацию предписывалось по возможности быстро доставлять главнокомандующему.

В последние дни пребывания Наполеона в Москве казаки особенно досаждали французам, действуя на дорогах вблизи самого города, лихо «забегая» в столичные пригороды и занимаясь там «молодечеством». Истреблялись малые воинские команды, у фуражиров отбивалось награбленное, брались «языки». Об этом, к примеру, говорят короткие дневниковые записи наполеоновского адъютанта де Кастеллана:

«Направляясь за фуражом, казаки забрали (у нас) дюжину рабочих повозок...»

«Казаки взяли в плен Альфреда Потоцкого, адъютанта генерала Понятовского, и генерала Ферьера, адъютанта Неаполитанского короля...»

«Во время фуражирования казаки то и дело отбивают у нас служителей, лошадей, солдат...»

«У нас по-прежнему захватывают фуражиров...»

«Перемирие между авангардами прервано. Император его формально отменил; оно служило лишь для того, чтобы казаки свободнее действовали в нашем арьергарде: в миле от него все было для них легкой добычей...»

«Они (казаки) захватили двадцать семь солдат и одного офицера из 9-го гусарского полка...»

«Наши аванпосты испытывают большую нужду в продовольствии...»

«Его Величество осматривал шестьсот лошадей 1-го и 5-го полков легкой кавалерии, прибывших из Франции; дорогой они потеряли четыреста лошадей...»

«Вскоре после нашего прибытия показались казаки. Они на ура кинулись на обоз с ранеными; эскортировавшие его солдаты плохо вели себя...»

«Казаки ежедневно захватывают по несколько человек во время нашего перехода, они показались и справа и слева (от) дороги...»

Подобные записи адъютанта императора французов де Кастеллана не случайны. Казаки ко времени оставления Наполеоном Москвы превратились в настоящее «пугало» для незваных гостей. Те стали не только всюду опасаться партизан-казаков, но и винить их во всех своих военных и бытовых бедах. Даже самому Бонапарту становилось ясно, что пора уходить из России, чтобы «не потерять свое лицо» и сохранить для будущего Великую армию.

Такой пример. Когда случился страшный Московский пожар, французские мемуаристы винили в нем всех, кого угодно, но только не самих себя, занимавшихся в Москве повальным грабежом и пьяным буйством. Лейтенант Ложье, офицер штаба итальянской гвардии 4-го пехотного корпуса Великой армии постарался обвинить в умышленных поджогах и казаков, от которых итальянским войскам Наполеона уже крепко досталось. Мемуарист Ложье высказался по поводу устроителей пожара так:

«...Мы узнали, что казакам и русским солдатам, спрятым в городе, удалось с помощью жителей и под прикрытием ночи и пожара собраться и, перебегая с места на место, разжигать огонь там, где он затихал. Они даже чуть не захватили один из наших пороховых обозов, который, во избежание взрыва, объезжал город. Вследствие этого... нам был отдан приказ преследовать этих поджигателей, всюду задерживать их и исполнять обязанности городской полиции...»

...Поскольку французские войска по приказу императора Наполеона начали стягиваться к Москве, вслед за ними стали приближаться к ней и армейские партизанские отряды. Их командиры старались не терять непосредственного соприкосновения с вражескими аванпостами. Приблизился к городу и отряд генерал-адъютанта Ф. Ф. Винценгероде, до этого базировавшийся в Черной Грязи. Боевое столкновение с французами не заставило его партизан-казаков ждать.

«Между Петровским дворцом и Тверскою заставою произошло кавалерийское дело; неприятель был опрокинут, потерял 400 пленных и побежал в город. Казаки подъехали к заставам, несколько раз прорывались в улицы, перестреливались в них, но при появлении пехоты должны были удалиться.

24 донца проскакали мимо Кремля по всей Москве и выехали в противоположную Серпуховскую заставу. Испуганные таким удальством, стоявшие на Тверской португальцы (их ведеты несли там сторожевую службу. – А.Ш.) бросились искать спасения в Кремле. Потом, опомнившись от тревоги, возвратились на прежние места, и с пистолетами в руках ходили по пепелищам домов, отыскивая, не спрятались ли там казаки».

10 октября утром Винценгероде, подошедший с отрядом к самой Москве, поехал к Тверской заставе. Вперед, в Московский Кремль он послал казачьего сотника Петрова пригласить маршала Мортье на переговоры. Винценгероде и его адъютант Нарышкин поехали в центр сгоревшего города, имея впереди одного конного казака. У Тверской заставы встал казачий полк, изготовившийся к схватке с французами, сильный отряд которых еще оставался в Москве.

По одной из версий, Винценгероде явился в Москву якобы для переговоров с маршалом Мортье, на что приказаний он не имел. На заставе генерала вместе с его адъютантом в плен взял су-лейтенант Леле из

гвардейского вольтижерского полка. Пленных отправили из Москвы и возле Вереи их представили Наполеону. Бонапарт сперва хотел расстрелять барона Фердинанда Винценгероде как подданного Рейнского союза, но затем, передумав, приказал отправить его во Францию.

6 ноября 1812 года, во время рейда армейского партизанского отряда полковника А. И. Чернышева к Лепелю, казачья партия лихого урядника Дудкина в местечке Радошкевичи без особого сопротивления со стороны французов захватила трех «каб-курьеров с важными бумагами, выручила из плена генерала Винценгероде, генерал-майора Свечина, ротмистра Нарышкина и некоторых других людей». Военнопленных под вооруженной охраной отправляли по небезопасным от казаков российским дорогам во Францию для содержания там в плену.

...Последним покинул Москву, в которой французы так неудачно для себя осуществили операцию по подрыву Кремля, маршал Адольф Эдуар Казимир Жозеф Мортье, командующий элитной пехотой императорской Молодой гвардии. Герцог Тревизский был назначен Бонапартом военным губернатором города и Московской провинции. Тут уместно сказать, что император Наполеон I действовал как завоеватель, учреждая за своей подписью в России провинции.

В своем последнем «московском» донесении в наполеоновскую штаб-квартиру маршал Франции писал: «Эвакуация Москвы была произведена сегодня ночью. Была легкая перестрелка с казаками и крестьянами. Я потерял 400 раненых...» Здесь следует заметить, что перестрелку, от которой пострадали только с одной стороны сотни людей военных, назвать легкой никак нельзя. Огневой бой нешуточных размеров, вне всякого сомнения, выдался для французов серьезным и неудачным. Или такая «легкая перестрелка» велась в тот день во многих местах, отчего и получилась такая суммарная цифра в 400 раненых солдат и офицеров.

Французы, уходя из Москвы, подожгли собственный артиллерийский парк, при этом прозвучало несколько сильных взрывов. Они вызвали панику среди иностранцев, остававшихся еще в большом числе в городе: они подумали, что идут казаки, предававшие все огню и мечу, и стали в страхе покидать Москву в западном направлении.

Когда главные силы Наполеона оставили Москву, еще остававшиеся в центре городского пепелища войска маршала империи Мортье приступили к исполнению приказа императора взорвать башни и стены Московского Кремля и то, что в нем находилось. Мемуарист Сегюр пишет о том, что происходило тогда в обезлюдившем городе, в который через городские заставы проникли небольшие партии казаков и иных партизан:

«Мелкие нападения со стороны казаков и вооруженных крестьян вынудили герцога Тревизского стянуть к центру свой маленький корпус (французский гарнизон Москвы. – *А.Ш.*), чтобы не подвергать его риску в этом громадном городе».

Можно считать, что такие действия казаков, начавших «малую» войну в городе, стали одной из причин того, что французам не удалось исполнить поистине варварское дело. Большая часть мин из-за плохого качества пороха и начавшегося ливня не сработала, а времени заменить их у подчиненных военного губернатора Москвы и Московской провинции уже не оставалось: они могли опоздать в бегстве из города.

К слову говоря, Мортье был одним из самых близких к Бонапарту людей. Он имел ко всему прочему чин генерал-полковника артиллерии и моряков Императорской гвардии. 11 октября маршал Франции «спасовал» перед донскими казаками и, не выполнив приказа императора, поспешил оставить Москву, на улицах которой уже мелькали фигуры бородатых всадников с пиками в руках, в решительности намерений которых завоевателям сомневаться не приходилось.

...Первопрестольная русская столица стала первым городом России, которую император Наполеон I приказал «истребить» как вражеский объект военной значимости. Сейчас можно только гадать о том, собирался ли он в будущей военной кампании вернуться в Москву или не собирался. Вся эта варварская операция вкратце выглядела так.

Оставленный в Москве отряд маршала Мортье силой в 8 тысяч человек составил французский гарнизон, которому предстояло выполнить приказ Наполеона – взорвать Московский Кремль. Первый взрыв в центре города прогремел 7 октября. Разрушение Кремля наполеоновскими инженерами-минерами шло три дня – с 9 по 11 октября. Однако совершить до конца варварскую акцию французам помешали плохое качество закладываемого в мины пороха, прошедший дождь, благодаря которому фитили подмокли, а также поспешность при проведении взрывных работ: казачьи разъезды генерал-майора И. Д. Иловайского 4-го доходили по выгоревшему, безлюдному городу до его центра.

Все же Московский Кремль пострадал сильно: были взорваны арсенал, часть кремлевской стены, Водовзводная, Петровская и частично Никольская и Боровицкая башни, обращенные к Москве-реке. Пожары сильно повредили Грановитую палату и ограбленные кремлевские соборы.

...Армейский партизанский отряд, «стороживший» Москву с севера, в главных силах находился в Чашниках. После пленения Винценгероде генерал-майор В. Д. Иловайский 12-й остался старшим в отряде. 11 октября он отдал приказ войти в город. «Через пепелище, уставленное печными трубами, остовами каменных домов, обезглавленными церквями, можно было видеть от Тверского вала даже Калужские ворота.

Могильная тишина обитала в почерневших от дыма стенах домов уцелевших, но пустых и безжизненных. В Кремле и Китай-городе продолжались еще пожары, зажженные неприятелем. Во всех частях опозоренной, задымленной, выжженной Москвы господствовало совершенное безначалие. Кое-где бродили пьяные мародеры французские, изредка стреляя в казаков и в народ, который вместе с казаками бил их или брал в плен...

При появлении казаков на погорелище Каретного ряда, перевозаженного бескорыстной доблестью русских, вышла женщина из развалин, взглянула на казаков, воскликнула: «Русские!» и в исступлении радости, перекрестясь, поклонилась в землю...»

В подорванном Московском Кремле было найдено брошенных наполеоновцами их 28 пушек и 207 зарядных ящиков, наполненных боевыми зарядами, 109 различных армейских фур и повозок, а также отечественных 14 орудий и 30 зарядных ящиков. Под них у неприятеля или не нашлось лошадей, или они просто бросили их, а упряжки были отданы под награбленное в Москве добро.

В разных местах города было найдено более трех тысяч оставленных раненых и больных солдат и офицеров Великой армии и... до 700 человек таких же раненых и больных из армии ее противника.

Действия В. Д. Иловайского 12-го при занятии Москвы отличались решительностью и готовностью к уличным столкновениям. Генерал-майором стал в 27 лет за победу в бою у Химок под Москвой. В представлении на генеральский чин говорилось, что он «испрашивается» за храбрость и умелые распоряжения в большом деле. Император Александр I утвердил представление из действующей армии без всяких на то задержек: Иловайский 12-й был ему знаком. К тому же монарх относился к роду Иловайских с немалым уважением за их службу Отечеству и короне.

Иловайский 12-й был в ту войну образцовым тактиком действий армейских летучих (партизанских) отрядов, действовавших на вражеских коммуникациях. К нему прямо относятся слова «Песни партизанской» декабриста Кондратия Рылеева:

Вкушает враг беспечный сон;

Но мы не спим, мы надзираем —
И вдруг на стан со всех сторон,
Как снег внезапный налетаем.
В одно мгновенье враг разбит,
Врасплох наступил удальцами,
И вслед за ними страх летит
С неутомимыми донцами.

Но больше всего прославился Иловайский 12-й при изгнании Великой армии из российских пределов. Его донцы первыми вошли в сожженную первопрестольную Москву, когда французский арьергард только готовился ее оставить. Отряд вражеской кавалерии в 1,5 тысячи сабель атаковал донцов у Петровского дворца. Умелым фланговым ударом казаки не только парировали атакующий удар, но и разбили нападавших французов. Вражеский арьергард был вытеснен из Москвы.

Но это были еще не все беды неприятельского арьергарда. Четыре полка легкой русской конницы: Звенигородский гусарский, Перекопский татарский и два донских – В. Т. Денисова и В. Д. Иловайского, то есть половина армейского партизанского отряда пошла вслед за неприятелем по Калужской и Смоленской дорогам. Казаки спешили догнать вражеский арьергард – войска маршала Мортье, «уличенного» в подрыве Московского Кремля.

В стольном городе для поддержания порядка в нем были оставлены на первое время три казачьих полка, которые подчинялись назначенному комендантом Москвы флигель-адъютанту Бенкендорфу. Казачьи разъезды, разъезжающие по всему огромному московскому пепелищу, терялись на этом пространстве.

Жизнь возвращалась в Москву на глазах донцов в виде большого числа подмосковных крестьян, приехавших в город на возах. На площади напротив генерал-губернаторского дома открылась обширная ярмарка, «уставленная телегами с мукой, овсом, сеном, печеными хлебами, сайками, калачами, самоварами со сбитнем, даже обувью, и ясно показывала, что около Москвы не было пропитания только для неприятеля».

...Желание и неудачная попытка императора Наполеона взорвать Московский Кремль оставили «свой» отпечаток на Отечественной войне 1812 года. Из мемуарной записки «Некоторые замечания, učinенные со вступления в Москву французских войск (и до выбега их из оной)». Подпись: П...Ф...(предположительно канцелярист Московского Воспитательного дома П. Федоров). Автор рассказал о том, как французы взрывали Кремль, и первом дне освобождения первопрестольной столицы от иноземцев:

«...Теперь я приступаю к описанию такого действия, котораго слабый ум мой не только описать, но даже вообразить не в состоянии; в сей роковой для величественного и веками построенного Кремля вечер он должен был разрушиться не более как в три часа.

С вечера зажены были Хамовническия казармы и Комесериат, в полночь загорелся Кремлевский дворец, в час пополудни слышен был великий шум и конский топот, это ретировались или, лутче сказать, бежали один чрез другого – французы.

Спустя после сего не более часа времени при жесточайшем и ужасном треске Кремль был взорван, спустя по времени в пяти местах, при сих ударах вся Москва совершенно дрожала, народ был в крайнем смятении, тем более что никто о сем не имел ни малейшего сведения; обломки камней летели за Москву-реку, все здания осыпались совершенно, как известью. Даже и в сие время, когда Воспитательный дом был в столь близком расстоянии от сего действия, всемогущему Богу угодно было сохранить его как единственное здание во всей Москве.

При выходе французов поутру горел арсенал и магистрат, в Москву наехало множество казаков и Изюмский гусарский полк; к вечеру явилось необычайное количество простого народа из разных деревень, им-то досталась вся добыча, которую французы второпях не успели взять с собою, и от многого употребления вина были совершенно безумные, однако дисциплиною казаков и их нагаек приведены были в чувство и уже боялись бесчинствовать».

К вышеизложенному следует добавить, что Московский Кремль действительно был подорван в пяти местах. Пострадали Грановитая палата и Кремлевский дворец, была разрушена часть Арсенала, пострадали две башни Кремля и частично стены.

Осуществить вполне свой злой умысел французам не удалось, так как зажженные фитили были потушены начавшимся дождем и казаками, «влетевшими» в город, который последние «злодеи» еще не успели покинуть.

В примечаниях к изложению на страницах «Русского вестника» (1813 год, ч. IV, № 10) беседы императора Наполеона с хорунжим Войска Донского Поповым (адъютантом генерал-майора П. М. Грекова 8-го) указывается, что «по расчислению Наполеона надлежало быть в Кремле ста пяти взрывам: подействовали только пять. Сказывают также, что после сих пяти взрывов внезапно над Кремлем ливнем пролился дождь».

...Бонапарт о каждодневно тревожащих его «жалких арабах Севера» не забывал, о чем свидетельствуют люди, его окружавшие. Показательно такое его высказывание. Когда наполеоновская армия выступила из Москвы и пошла в направлении на Калугу, император Наполеон, к которому уже три дня не поступала почта из Франции, сказал своим приближенным:

«Я вижу, что мне придется подойти поближе к моим резервам, так как если я даже отброшу Кутузова и заставлю его эвакуировать Калугу и тарутинские укрепления, то казаки все равно будут по-прежнему тревожить мою коммуникационную линию, пока ко мне не придут мои полки».

В данном случае речь шла не о тех резервных полках, которые могли усилить главную группировку Великой армии. Речь шла об усилении охраны коммуникационной линии от нападений на ее гарнизоны, обозы и маршевые воинские части со стороны разночисленных казачьих отрядов и местных партизан.

...О том, что Москва полностью оставлена французскими войсками и занята армейскими партизанами во главе с казачьим генералом Иловайским 4-м, полководец Голенищев-Кутузов получил донесение во время нахождения в Полотняных Заводах. Несказанно обрадованный таким известием, полководец обратился к русской армии со следующим приказом:

«Наполеон, не усматривая впереди ничего другого, кроме продолжения ужасной народной войны, способной в краткое время уничтожить всю его армию, видя в каждом жителе воина, общую непреклонность на все его обольщения, решимость всех сословий грудью стоять за любезное Отечество, постигнув наконец всю суетность дерзкой мысли: одним занятием Москвы поколебать Россию, предпринял поспешное отступление вспять.

Теперь мы преследуем силы его, когда в то же время другие наши армии снова заняли край Литовский, и будут содействовать нам к конечному истреблению врага, дерзнувшего угрожать России. В бегстве своем оставляет он обозы, взрывает ящики со снарядами и покидает сокровища, из храмов Божьих похищенные. Уже Наполеон слышит ропот в рядах своего воинства, уже начались там побег, голод и беспорядки всякого рода.

Уже слышен нам глас Всеавгустейшего Монарха, Который взывает: «Потушите кровию неприятельский пожар Московский!» (Эти слова взяты из высочайшего приказа Александра I. – А.Ш.) Воины! потщимся выполнять сие, и Россия нами будет довольна, и прочный мир сотворится в

неизмеримых ее пределах. Бог поможет нам в том, добрые солдаты Русские!»

О первом появлении французских войск на новой Калужской дороге Голенищев-Кутузов узнал из донесения Дорохова, чей армейский партизанский отряд стоял в Катове. Казачьи разъезды 7 октября захватили несколько пленных, от которых стало известно, что к Фоминскому движутся дивизии генералов Брусье и Орнано.

Партизаны-сеславинцы, «пропустив» мимо себя Наполеона со свитой и гвардией, произвели поиск вдоль дороги и захватили несколько «языков». Одного из пленных – расторопнейшего из них гвардейского унтер-офицера, Сеславин привез с собой. Тот показал следующее:

«Уже четыре дня, как мы оставили Москву. Маршал Мортье с его отрядом, по взорвании кремлевских стен, присоединится к армии. Тяжелая артиллерия, кавалерия, потерявшая лошадей, и все излишние тяжести отправлены по Можайской дороге под прикрытием корпуса польских войск в команде генерала князя Понятовского. Завтра главная квартира императора в городе Боровске. Далее направление на Малоярославец».

Дорохов решил, что неприятель решил уничтожить его отряд, который ежедневно имел сшибки с французами. Оставив на прежних местах легкоконных казаков, Дорохов отступил к Корякову. Из Тарутино спешно на усиление армейского партизанского отряда выступили два пехотных полка.

Обеспокоенный главнокомандующий приказал партизанским командирам Сеслаину и Фигнеру, каждому во главе партий в 500 легких конников, идти вперед и «открывать» движение неприятеля и присылать «частые донесения». Вестники из партизан-казаков зачастили в главную квартиру кутузовской армии в укрепленном Тарутинском лагере.

Когда пришло известие о занятии французами Боровска, полководец светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов в сердцах воскликнул: «Неужели воистину Наполеон оставил Москву и отступает?!» Генерал-фельдмаршал не промедлил с отдаванием ряда приказаний, прямо касавшихся казачьих войск:

«1) Дохтурову употребить все способы для скорейшего перехода из Аристова к Малоярославцу и прикрытия Боровской дороги до прибытия туда главной армии.

2) Ему же тотчас отправить 4 казачьих полка, усиленным маршем, для предупреждения неприятеля на Боровской дороге.

3) Платову со всеми казачьими полками и ротою конной артиллерии идти к Малоярославцу.

4) Всей армии быть готовою к выступлению.

5) Милорадовичу сделать обозрение, стараясь открыть настоящее расположение неприятельского авангарда, и если этот авангард станет делать фланговый марш вверх по Наре, то отделить казаков и часть кавалерии для наблюдений за его движением, а самому Милорадовичу с 2-м и 4-м пехотными корпусами и кавалериею идти вслед за армиею.

6) Партизану князю Кудашеву обратиться для поисков на старую Калужскую дорогу...»

Еще до получения приказания от генерал-фельдмаршала, Милорадович решил удостовериться в том, что французы оставили Москву. Он отправил к ней казачью партию во главе со своим адъютантом Киселевым (будущим генералом от инфантерии и графом). Отряд Киселева вошел в Москву вскоре после ухода из нее отряда маршала Мортье. Так Главная русская армия восстановила прерванное на шесть недель прямое сообщение с первопрестольной столицей России. Поддерживалась она в те октябрьские дни быстроконными казачьими эстафетами.

...Кутузовская армия выступила из Тарутинского лагеря в числе 97 112 человек (не считая казаков) при 622 орудиях. Почему не считая казаков? Дело было в том, что казачьи полки были к этому времени почти полностью «раскассированы» по армейским партизанским отрядам (то есть находились на боевой работе), пехотным и кавалерийским корпусам.

Русская армия за три недели своего пребывания в Тарутинском лагере усилилась 29 131 человеком регулярных войск, опять же без казаков и других иррегулярных конных полков. Здесь уместно заметить, что прибывшее Донское ополчение (26 полков) состояло из 15 002 всадников при шести конных орудиях.

Когда стало ясно, что наполеоновская армия движется на Калугу, стремясь войти в богатые провиантом и фуражом южные губернии, генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов стал действовать на опережение, решительно. Полководцу стало ясно, что преградить путь Бонапарту можно только сражением. Оно и разыгралось в городе Малоярославце Калужской губернии, стоявшем на реке Луже.

Генерал-майору А. П. Ермолову, как начальнику Кутузовского штаба, требовалось достоверно знать о положении в Малоярославце: успел ли французский авангард занять этот город на реке Луже, если да, то в каких он там силах. Туда был незамедлительно отправлен казачий разъезд из донцов, который с задачей справился как нельзя лучше, о чем и рассказывает А. П. Ермолов в своих мемуарах:

«...Проскакавши с версту молодым березняком, еще сохранившим лист, представилась нам невдалеке почтовая из Боровска дорога и на ней бивак армии италианского вице-короля Евгения и французский корпус маршала Даву.

Не теряя времени, возвратились мы на левый берег речки Протвы. Войска Донского храброго Сысоева полка избранному расторопному офицеру приказал я с несколькими казаками неприятельским берегом доехать до Малоярославца, узнать, что происходит в городе, и ночью отыскать нас на возвратном пути к генералу Дохтурову.

Гораздо за полночь догнал он нас и донес, что мост через речку Лужу у самого Малоярославца разобран жителями, с которыми он переговаривался чрез реку. От атамана Платова прислан в город разъезд казаков. У моста (уже) стоят три батальона неприятельской пехоты...»

Когда войска генерала от кавалерии Д. С. Дохтурова, шедшие форсированным маршем, 12 октября подошли к Малоярославцу, на виду города уже стояли полки атамана М. И. Платова, подкрепленные ротой конной артиллерии, тоже прибывшие из Тарутинского лагеря. Казачьи разъезды, получив указания, наблюдали дороги из Можайска в Калугу через Медынь.

Как ни спешил Дохтуров, французский авангард все же первым подошел к Малоярославцу и занял город, не двигаясь дальше по Калужской дороге. На то были веские причины. Император Наполеон два дня кряду видел по левой стороне походного движения главных сил Великой армии казачьи пикеты из партизанского отряда Дорохова. Их было столь много, что венценосный полководец решил, что эти донцы принадлежат к авангарду кутузовской армии.

В Малоярославецком сражении, то есть в схватке за город, кавалерия непосредственного участия не принимала. Ей просто нечего было делать в конном строю на узких улицах горящего города, простреливаемых артиллерией с двух сторон. Французы тоже, со своей стороны, кавалерию в Малоярославец вводить не стали.

Однако дозорная служба вдоль реки Лужи полностью легла на казачью конницу. Ей же было предписано отслеживать перемещения вражеских войск на противоположном речном берегу, то есть вести ближнюю разведку, занимаясь привычным на войне делом. Казачьи разъезды быстро отыскивали удобные броды через Лужу, которые сразу же были взяты под присмотр.

...Есть немало суждений о том, как действовал атаман М. И. Платов со своим легконным войском под Малоярославцем. Кто-то упрекает его в осторожности и даже в нерасторопности, забывая при этом, что речь идет о иррегулярной коннице, которой в уличных боях, собственно говоря, и делать нечего. Если, разумеется, по нужде всадников не спешить. Предназначение казачьей конницы в кровавой схватке за обладание городом было совсем иное. По этому поводу можно обратиться к авторитетному мнению начальника штаба кутузовской армии генерал-майора А. П. Ермолова:

«13-го числа октября армия занимала ту же позицию. Атаман генерал Платов, собравши на оконечности левого нашего крыла большое количество Донских войск, перешел речку Лужу и ударил на неприятельскую конницу. Казаки взяли пленных, тридцать пушек и одно знамя. Отступили тогда, как большие массы войск обратились на них. При сем случае понес огромную потерю уланский полк польской армии.

Атаман Платов оставил несколько полков, приказавши им находиться и по возможности действовать в тылу неприятельской армии.

По приказанию фельдмаршала взятые пушки и знамя провезены по лагерю для показания войскам...»

15 октября в кутузовском штабе из донесения от генерала от инфантерии М. А. Милорадовича стало известно, что оставленный французами сгоревший Малоярославец занят русскими войсками. И что Наполеон с главными силами Великой армии находится в пяти верстах от города на противоположном берегу Лужи: «Неприятель наблюдается казачьими постами». То есть о прорыве неприятеля на Калужскую дорогу через Малоярославец речь уже, по всей видимости, не шла.

Милорадович приказал (главнокомандующий подтвердил этот приказ) подчиненной ему кавалерии, в том числе Донским казачьим полкам генерал-майора Карпова, по исправлении мостов через Лужу следовать за отходившим от Малоярославца противником. После восстановления переправы русская конница показалась на виду у наполеоновских войск.

Сражение за Малоярославец стало вехой в стратегии Отечественной войны 1812 года. Русский полководец сумел раскрыть суть действий своего соперника и уловить направление походного движения Великой армии, оставившей Москву. Генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов 7 ноября писал императору Александру I о новой стратегической ситуации на театре войны:

«С самой той минуты, как неприятель после разбития 6-го числа прошедшего месяца решился оставить Москву, должно было прежде думать закрыть коммуникации наши с Калугою и воспрепятствовать ему вход в оную, чрез которую намерен он был пройти в Орловскую губернию и потом в Малороссию, дабы не терпеть тех недостатков, каковые довели теперь его армию до такого бедственного состояния. Что он имел сие намерение, подтвердили мне многие из пленных генералов, почему и должно было заставить его идти по Смоленской дороге, на которой (как нам известно было) он не приготовлял никакого пропитания».

...Летучий казачий корпус после схватки за Малоярославец оказался в числе тех войск, которые на берегах реки Лужи преградили путь наполеоновской Великой армии. Корпус занял позицию на левом фланге русской позиции, на речном правобережье, имея хорошую возможность перехода через Лужу для действий во фланг и тыл французам. Во время сражения в самом городе казачьей коннице, разумеется, делать было нечего, и она оказалась пассивным наблюдателем большого сражения за этот древний деревянный русский город.

Однако атаман М. И. Платов не дремал: уже вечером 12 октября небольшие казачьи партии, имея задачи ведения разведки сил врага, оказались на противоположном речном берегу. Знатную викторию одержал отряд генерал-майора Д. Е. Кутейникова 2-го, «растерзавший» попавшийся ему на пути у города

Боровска французский обоз.

Затем наступил час для действий всего летучего корпуса. В ночь на 13 октября «вихорь»-атаман Матвей Платов отрядил три сильные партии, три вполне самостоятельных отряда на левый берег Лужи. Отряды, без излишнего шума оставив походные станы, пошли вперед, находясь между собой на расстоянии одной версты. Казачья конница двигалась с величайшей тишиной к столбовой Калужской дороге. Она остановилась тогда, когда впереди стали хорошо различимы бивачные огни неприятеля.

Под покровом ночи 6 донских казачьих полков молчаливо двинулись в рейд, без излишних задержек переправившись через Лужу. Этой экспедицией начальствовал генерал-майор А. В. Иловайский 3-й, который командовал своим отрядом и отрядом подчиненного ему генерал-майора Д. Е. Грекова 1-го. Первый казачий отряд состоял из полков Иловайского 3-го, полковника Кошкина 1-го и войскового старшины Грекова 12-го. Второй отряд – из полков Грекова 1-го, полковника Попова 3-го и войскового старшины Ребрикова 3-го.

У атамана М. И. Платова имелись веские основания для того, чтобы отправить в рейд именно эти два отряда и именно эти шесть полков. Все они еще совсем недавно входили в состав Донского ополчения, прибывшего в Тарутинский лагерь. Полки отряда Иловайского 3-го формировались в станицах Черкасского начальства Войска Донского (на Нижнем Дону), а полки Грекова 1-го – в Усть-Медведицком начальстве (на Верхнем Дону). Эти 5-сотенные полки на войне еще не успели много растерять своих всадников, и потому их численность вряд ли была меньше 500 всадников.

Хотя точная численность казаков, ушедших в ту ночь в рейд от Малоярославца по ту сторону Лужи, истории не известна, исследователи склонны к цифре в 2–3 тысячи конных донцов, что вполне вероятно. В данном случае число значимо по той простой причине, что оно позволяет понять значимость одержанной победы над более многочисленным врагом.

Платов на всякий случай позаботился о безопасности возвращения экспедиции в корпусной стан. На левый берег вслед за казачьими полками перешел приданный летучему корпусу 20-й егерский полк. Егеря привычно заняли позицию в лесу у берега, чтобы, если понадобится, меткой стрельбой отразить возможных преследователей.

Высланные вперед дозоры с офицерами приметили, что вражеские колонны имеют между собой частые разрывы. Прямо перед казачьими полками, на свою беду, оказалась гвардейская артиллерия, следовавшая из Боровска к Малоярославцу. Начальники казачьих отрядов, получив такие донесения, съехались и, переговоря, решили «ударить на орудия».

Казачья разведка достаточно хорошо изучила ситуацию на Боровской дороге, что позволило генерал-майору А. В. Иловайскому 3-му действовать еще до рассвета достаточно решительно и дерзко. Французские войска биваками располагались по сторонам дороги. Обозов у них было необычно много, и в случае нападения они становились легкой добычей для иррегулярной конницы в лице, прежде всего «степных ос» с Дона.

Первые лучи уже плохо греющего осеннего солнца еще не успели подняться на горизонте, как три казачьи лавы (Иловайский 3-й разбил свои силы на три части) устремились на Боровскую дорогу через лес по трем проселочным дорогам (поэтому экспедиция и была разбита на три части). На левобережье Лужи начался погром биваков и обозных стоянок. Если люди военные при виде атакующих казаков брались за оружие, то среди обозников и маркитантов сразу же началась страшная, быстро распространявшаяся кругом паника.

Сперва казачья конница пошла в эту атаку шагом, затем рысью. Наконец, донцы лавой устремились с обычными в таком случае криками к столбовой дороге. Завидя лаву, неприятельская артиллерия своротила

в сторону, стараясь найти по полям спасительный путь. Но казаки настигли императорских гвардейцев, быстро отбив у них с полсотни брошенных расчетами орудий с зарядными ящиками.

Пока часть атакующих разворачивала упряжки орудий и зарядных ящиков в обратную сторону, чтобы увести их в свое расположение, другая часть лихо вышла на дорогу и понеслась к месту скопления обозных повозок. Такой военной добычи казаки упустить просто не могли.

И тут донцы-ополченцы заметили немногочисленный отряд вражеской кавалерии, неподвижно замерший на месте. Это была свита Наполеона и небольшое число его конвойцев. Когда казаки были «узаны», император французов и сопровождавшие его генералы с адъютантами обнажили свои шпаги и приняли влево, на поле. Наполеон с его близким окружением оказался здесь по такому случаю.

В ходе рейда большая часть казачьих сотен выбежала на Боровскую дорогу в километре к югу от Городни. Именно там из леса выходили проселочные дороги, да и местность была удобной для движения массы конников. По иронии судьбы, именно в этом месте на ночлег расположился гвардейский артиллерийский парк Великой армии. И именно здесь императору Наполеону воочию пришлось увидеть «жалких арабов Севера» в деле, а его конвою и даже свите схватиться с донцами в конном бою.

Дело обстояло так. Бонапарт на рассвете 13 октября выехал из Городни, проведя ночь в крестьянской избе у дороги. Еще не рассвело, и, как свидетельствует обер-штальмейстер Коленкур, «тьма была еще такая, что в 25 шагах ничего нельзя было различить». Император, по всей видимости, намеревался еще раз осмотреть позиции своей армии у Малоярославца, чтобы потом внести что-то новое в собственный стратегический план уже проваленного Русского похода.

Наступающее утро дня поздней осени и ночная прохлада с неизменной сыростью располагали к размышлениям о том, как поступать дальше. Поэтому наполеоновская свита не мешала своему сюзерену размышлять, покачиваясь в седле. Из воспоминаний мемуаристов, они не сразу придали внимания звукам двигавшейся в направлении на них массе всадников.

Наполеон покинул место своего ночлега быстро, не дожидаясь прибытия эскадронов эскорта, которые уже седлали своих коней. Императора, привычно пустившего свою лошадь вскачь, сопровождала небольшая свита из генералов и их адъютантов, офицеров для поручений. Впереди скакало несколько десятков человек из личного конвоя Бонапарта. Считается, что это были взводы гвардейской кавалерии – конных егерей, польский легкоконный и, возможно, драгунский. Каждый взвод по штату состоял из 29 человек, в том числе офицера и трубача.

Именно эти императорские конвойцы первыми обнаружили на лесной опушке казачью лаву, которая устремилась на гвардейский артиллерийский парк. Гвардейским кавалеристам в мужестве отказать было трудно, и они сразу же схватились на саблях с казаками. Донцы уменьшили ход лавы, посчитав встретившееся препятствие на пути к Боровской дороге, где горели бивачные костры и уже хорошо просматривалось скопище обозных повозок, за голову колонны вражеской конницы.

Но этих нескольких считанных минут Наполеону, не терявшему самообладание духа, и его свите вполне хватило для того, чтобы отъехать назад, быстро удалившись от места начавшейся конной схватки. Император приказал выдвинуть вперед эскортные эскадроны, а сам поскакал обратно к Городне, в бивак гвардейской пехоты, где мог найти надежную защиту. Перед тем как свернуть с Боровской дороги, ставшей смертельно опасной, влево, Бонапарт приказал свите:

– Едем (влево). Мои служебные эскадроны вперед (в бой).

Однако эскортные эскадроны конной гвардии запаздывали, поскольку Наполеон в Городне не стал ожидать их: «пусть догоняют». Получилась следующая безрадостная для него и императорской свиты картина: взводы личного конвоя Бонапарта, адъютанты генералов с трудом сдерживали натиск

нападавших на них казаков. Те уже увидели, что им по пути преградой встретилось около сотни вражеских конников. У дороги шла горячая рукопашная схватка.

Здесь надо отметить следующее: большая часть казачьей лавы продолжила свой быстрый бег на место расположения гвардейского артиллерийского парка, где донцов ожидали богатые трофеи и добыча. Поэтому на «незначительную» конную схватку у дороги полковые и сотенные командиры не обратили должного внимания.

Но если бы казаки-донцы знали, что в той маленькой группе конников, бывших в стороне от места боя, находится сам император французов?! Тогда бы уж генерал-майор Иловайский 3-й и его «степные осы» забыли бы в единый миг обо всем на свете и любой ценой своих казачьих жиней постарались бы пленить такого человека. Но стояли предрассветные сумерки, и нет тому свидетельств, что казаки хотя бы различили в группе всадников приметные цветом генеральские мундиры.

Ранним утром 13 октября у Городни на обочине Боровской дороги сама судьба хранила самого большого в истории Франции венценосного завоевателя в лице основателя империи корсиканца Бонапарта, ставшего для мировой истории Наполеоном Первым. Это неоспоримый в истории факт, который может вызывать и удивление, и сожаление. Попади тогда у Городни Бонапарт в русский плен, последующие события эпохи Наполеона имели бы иное звучание.

Неравная конная схватка императорских конвойцев с казаками продолжалась совсем недолго. От Городни на спасение императора во весь конский мах спешили эскадроны эскорта. Этот эпизод дела под Городней достаточно хорошо описан у мемуаристов. Первым «влетел» в бой польский легкоконный эскадрон (шеволежеров, вооруженных пиками длиной 287 см, которые были отобраны ими у австрийских улан в битве при Ваграме 6 июля 1807 года).

Эскадроном гвардейцев-поляков командовал барон Ян-Ипполит Козетульский, герой Испанского похода Наполеона. Однако ему сразу же не повезло: едва офицер врезался в числе первых в ряды казаков, как получил тяжелое ранение ударом пики-«дончихи» и был сброшен с коня на землю. Однако жив он все же остался: второго удара пикой не последовало, а лошадь в любой ситуации панически боится ступить ногой на лежащего человека: она его всегда щадит. Конная схватка «горела»: теперь всадники больше бились пиками.

Затем к месту боя подлетел эскадрон конных егерей под командованием барона Франсуа-Антуана Кирманна. Его конники сражались саблями, стреляя из пистолетов. Два прибывших эскадрона пробились к окруженным конвойцам, и теперь казакам приходилось иметь дело с тремя сотнями разъяренных вражеских всадников: они сражались за жизнь своего императора.

Неизвестно, чем бы закончилась эта конная схватка (казаков все же было числом больше), если бы к месту боя не прискакал герцог Истрийский маршал империи Ж.-Б. Бессьер во главе двух других эскадронов наполеоновского эскорта – конно-гренадерского и драгунского. Теперь силы сторон уравнились, но перелома в рукопашной схватке все не было – ни одна из сторон и не думала уступать место боя другой.

Пока шел этот бой, казачья лава, ворвавшаяся в гвардейский артиллерийский парк, «рассыпалась» среди многих сотен различных повозок, десятков орудий и зарядных ящиков. Казаки занялись увозом французских пушек (в упряжки они ставили своих донских степных лошадок) и поиском военной добычи, в данном случае богатой, в повозках наполеоновской гвардейской артиллерии.

Привычного шума боя в этом налете на вражеский артиллерийский парк не было. Расходившиеся донцы словно забыли о том, что при таком успешном налете им следовало поджигать и так взрывать зарядные ящики, которые были полны огневых пушечных припасов. Однако сбор добычи был прерван прибытием к парку многочисленной французской кавалерии. Казачьи полковые командиры дали сигнал

отходить и увозить с собой трофеи и прочее взятое с боя добро.

Французам, однако, удалось отбить у нападавших часть захваченных ими орудий гвардии. Однако казаки-ополченцы все же сумели увезти с собой на берег Лужи 11 пушек и переправить их по плотине на правый берег. Это были знатные трофеи, которыми Войско Донское могло с полным на то правом гордиться. Сама собой утихла и схватка казаков с императорским эскортом.

Попытки преследовать казаков французам ничего не дали. «Степные осы» во все времена были большими мастерами быстрого отхода: они отступали, рассыпавшись во все стороны, а потом собираясь воедино в безопасном месте. Регулярная же кавалерия рассыпаться в бою не имела права, поскольку она действовала «правильным строем» и рассыпаться в любом бою ей было никак нельзя. Поэтому казаки так и не увидели за собой настойчивой погони.

...О кавалерийском бое под Городней нам больше известно из французских мемуаров, чем из своих документальных источников. Так, генерал Жан Рапп, бывший при императоре Наполеоне и оказавшийся невольным свидетелем (и даже участником той схватки) действий донцов А. В. Иловайского 3-го, рассказывает, как обстояло дело:

«...Мы сели на лошадей в половине восьмого, чтобы осмотреть поле, где происходила битва; император ехал между герцогом Виченцским (генерал и дипломат Арман Коленкур. – А.Ш.), принцем Невшатальским (маршалом герцогом Луи Бертье, начальником штаба Наполеона. – А.Ш.) и мною.

Но едва мы покинули лачуги, где провели ночь, как заметили отряд казаков, выехавших из леса направо, впереди нас. Ехали они довольно стройными рядами, так что мы приняли их за французскую кавалерию.

Герцог Виченцкий первый узнал их:

– Ваше величество, это казаки.

– Этого не может быть, – ответил Наполеон.

А они с отчаянным криком ринулись на нас. Я схватил за поводья лошадь Наполеона и сам повернул ее.

– Но ведь это же наши?

– Нет, это казаки, торопитесь.

– А ведь и в самом деле это они, – заметил Бертье.

– Вне всякого сомнения, – добавил Мутон.

Наполеон отдал несколько приказаний и уехал, я же двинулся вперед во главе эскадрона. Нас смяли; моя лошадь получила глубокий удар пики и опрокинулась на меня; варвары эти затоптали нас.

На счастье, они заметили в некотором расстоянии артиллерийский парк и бросились к нему. Маршал Бессьер успел прискакать с конными гвардейскими гренадерами: он атаковал казаков и отбил у них фургоны и орудия, которые они увозили...»

Мемуариста Жана Раппа дополняет более известный в России мемуарист генерал Арман де Коленкур, он же герцог Виченцкий. Он тоже не без ужаса видел в тот день, что вся долина реки Лужи и дорога «кишит казаками» и что свита императора окружена «целой тучей казаков». Коленкур писал:

«Если бы казаки, оказавшиеся перед самым нашим носом и на один момент окружившие нас, были более решительны и ринулись бы на дорогу, вместо того, чтобы с ревом рубить направо и налево... то они захватили бы нас, прежде чем эскадроны успели бы прийти нам на помощь...»

Но не подлежит сомнению, что император был бы убит или взят в плен, и никто не знал бы даже, где искать его среди огромной равнины, там и сям покрытой рощицами, под прикрытием которых и прятались казаки в расстоянии ружейного выстрела от дороги и от позиций, занимаемых гвардией.

Если бы эти факторы не могли быть подтверждены всей армией и столькими достойными доверия людьми, то многие усомнились бы в них. В самом деле, как можно допустить, чтобы монарх, да еще к тому же такой предусмотрительный человек и величайший полководец, который когда-либо существовал, подвергался риску попасть в плен на большой дороге, по которой двигалась вся армия, в 500 шагах от своей ставки, посреди бивуаков многочисленной артиллерийской и пехотной сторожевой охраны?

Как можно допустить, чтобы целая тысяча человек, никем не замеченная, провела всю ночь, притаившись в засаде в расстоянии трех – четырех ружейных выстрелов от ставки?..

Мы старались сохранить в секрете, что император подвергался большому риску во время налета казаков, но не прошло и 48 часов, как вся армия знала об этом; впечатление было очень нехорошее...

Казаки – несомненно лучшие в мире легкие войска для сторожевого охранения армии, для разведок и партизанских вылазок; однако, когда мы давали им отпор или открыто двигались против них сомкнутым строем, они ни разу не оказали сопротивления нашей кавалерии. Но попробуйте потревожить их, когда они отрезаны от своих! Или двиньтесь в атаку рассыпным строем! Вы погибли, потому что они возобновляют нападение с такой же быстротой, как и отступают.

Они – лучшие наездники, чем мы, и лошади у них более послушны, чем наши; они могут поэтому ускользать от нас, когда нужно, и преследовать нас, когда преимущество на их стороне. Они берегут своих лошадей; если иногда они и принуждают их к аллюрам и переходам, требующим большого напряжения, то чаще всего они избавляют их от ненужной гонки туда и сюда, а мы такой гонкой губим своих лошадей».

...Наполеон постарался скрыть истинные потери среди своих конвойцев и эскорта в том бою, описанном многими мемуаристами, историками и мастерами художественного слова. Ему, с одной стороны, очень не хотелось, чтобы во Франции, да и в рядах Великой армии, узнали, что «жалкие арабы Севера» настолько сильны, что могут дерзко действовать у порога императорской штаб-квартиры. И что они покушались на жизнь или свободу самого императора французов.

Сдругой стороны, надо было показать, что его кавалерия гвардии с минимальными потерями способна гнать прочь от себя этих степных конников. Как это было в Египетском походе, когда французы уверенно брали превосходство над многотысячной конницей мамлюков в битве у пирамид и над восточной конницей в Палестине.

Наполеон скажет для военной истории крылатое изречение: один мамлюк почти всегда возьмет верх в конном бою над одиноким французом, десяток мамлюков пересилит десяток французов в одном случае из двух, но сотня мамлюков никогда не одержит победу над сотней французских кавалеристов. Бонапарт же сравнивал казачью конницу только с арабской племенной конницей, которую видел глазами победителя на берегах Нила и на палестинских границах с Сирией. Отсюда и пошло сказанное устами императора французов прозвище казаков: «жалкие арабы Севера».

В 27-м бюллетене «Великой армии» была дана цифра потерь русской казачьей конницы в бою с французской гвардейской кавалерией под Городней – 600 убитых, раненых и пленных! А победители в лице конной гвардии императора французов потеряли всего 3 человека убитыми и 30 ранеными?! О таком немыслимом для войны соотношении в пользу французов людских потерь в кавалерийском бою говорилось в том же бюллетене. Бюллетени же «Великой армии», как правило, редактировались лично венценосным Бонапартом, и он же был их первым заинтересованным и придирчивым читателем.

Однако здесь следует заметить следующее. Достоверно точных данных, подтвержденных

документально, о потерях сторон в бою под Городней история не знает. Они так и останутся неизвестными. Можно считать, что потери отряда из 6 донских казачьих полков под начальством генерал-майора А. В. Иловайского 3-го были, по крайней мере, раза в 3–4 меньше той цифры, которая указана в бюллетене «Великой армии». Бюллетень читался не только в наполеоновской армии, но и империи Бонапарта, прежде всего во Франции, в Париже, в посольствах.

Но здесь надо учитывать и другое. Данные потери казаков в той схватке с эскортом Наполеона входят в общее число потерь того конного рейда казачьей конницы, прежде всего при нападении на гвардейский артиллерийский парк на Боровской дороге. То есть действительные потери, пусть и приблизительно, суммированы за весь день 13 октября 1812 года.

Что касается потерь французской стороны, то достоверно известно, что только один польский гвардейский легкоконный эскадрон потерял убитыми 6 шевалежеров и до 30 ранеными. По другим данным, поляки-гвардейцы потеряли убитыми 9 человек и 6 ранеными, в том числе четыре эскадронных офицера. О потерях, к примеру, гвардейского драгунского полка, который участвовал в бою по отражению нападения на французские биваки под Городней в полном составе, известны фамилии только трех раненых вторых лейтенантов.

К слову говоря, пострадала в том бою и императорская свита. Известно, что под генерал-адъютантом графом Раппом ударом казачьей пики-«дончихи» была тяжело ранена лошадь (длина укула, по свидетельству сановитого всадника, составила 6 дюймов, то есть 15 сантиметров). Тяжелую рану получил один из адъютантов маршала Бертье. По ошибке он, потерявший головной убор и носивший поверх офицерского мундира зеленый редингот, был принят за казака, и гвардейский конный гренадер (или, по другому источнику, конный егерь гвардии) пронзил капитана Ш.-Э. Лекуте де Кантле саблей насквозь.

Бой донцов под Городней с императорским эскортом был скоротечен и длился, по свидетельству очевидцев, около получаса. Когда отряд генерал-майора А. В. Иловайского 3-го после набега на неприятеля повернул к переправе через реку Лужу, его преследовала гвардейская кавалерия – драгунский и конно-егерский полки, часть польского легкоконного, эскадрон мамлюков. Однако отбить у русских 11 трофейных орудий гвардейской артиллерии французы не смогли. К тому же они не упорствовали в погоне и далеко за казаками не гнались.

Четыре же эскадрона конной гвардии, составлявшие императорский эскорт, в преследовании не участвовали: они вернулись к исполнению своих прямых служебных обязанностей. Наполеон, удалившийся во время боя в свою штаб-квартиру, снова отправился к Малоярославцу только после того, как казаки ушли из-под Городни за Лужу, и Боровская дорога была полностью очищена от «степных ос». Теперь император французов в своих поездках стал дожидаться собственного эскорта, а не заставлял конногвардейцев догонять его.

Случай под Городней заставил императора Наполеона I подумать о собственной судьбе в уже провалившемся Русском походе. Реальность плена опасно «повисла» над ним, и он решил пойти на «хирургические» меры по отношению к самому себе, чтобы не стать драгоценной добычей для вездесущих и бесстрашных «степных ос». По личной просьбе Бонапарта его личный хирург барон Александр-Урбэн Иван изготовил смертоносный яд, который император хранил при себе для крайнего случая.

Можно считать, что он с этим ядом не расставался последующие полтора года. Известно, что Наполеон использовал его в апреле 1814 года при первом своем отречении от императорского престола Франции. Однако за прошедшее время яд потерял свою убийственную силу: он выдохся и потому не подействовал в должной мере на организм человека. Для Бонапарта, решившего свести счеты с собственной жизнью, это стало немалым потрясением воображения.

Дело императорского эскорта с казаками-донцами при Городне описано не только французскими мемуаристами, но и английскими историками. Один из них, Дональд Ф. Белдерфильд, изобразил ту схватку таким образом (правда, несколько далеким от того, как было в действительности):

«...25 октября Наполеон оказался на расстоянии пика от плена. Интересно предположить, что могло бы произойти, если бы здесь, в полях неподалеку от села Городня, политическое чутье казаков оказалось бы таким же острым, как их способность учуять поживу.

Проводя окончательную рекогносцировку, Наполеон в сопровождении штаба, насчитывающего порядка 50 человек, осматривал русские позиции, как вдруг их со всех сторон окружили русские всадники, мчавшиеся на французов с диким криком: «Ура!»

Незамедлительного подкрепления было ждать неоткуда, а попытаться вернуться назад – означало получить удар пикой между лопаток. Наполеон принял единственно возможное решение, вытащив шпагу из ножен, чего он не делал с времен второй Итальянской кампании 1797 года, и приготовился решительно защищаться. Каждый из сопровождавших императора людей последовал его примеру, и с передними казаками завязался бой, в котором генерал Рапп остался без коня, но зато плучил еще одну рану, 23-ю по счету.

В этот момент предводители казаков увидели вереницу повозок, медленно двигавшуюся по полю, и жажда наживы пересилила боевой инстинкт нападавших. Штаб Наполеона сбился в кучу, рубя каждого казака в пределах досягаемости. Один из офицеров, оставшийся без шпаги и треуголки, налетел на ближайшего из нападавших, сбросил его с лошади и захватил его пикой.

В этот момент, привлеченные шумом, который они по ошибке приняли за крики: «Да здравствует император!», в бой ринулись два эскадрона егерей вместе с конными гренадерами из гвардии. Казаков разбросали в разные стороны, а один из конных гренадеров ранил в туловище французского офицера, приняв захватившего незадолго до этого казачью пикой товарища, за врага. Обнаружив свою ошибку, несчастный солдат врезался в самую гущу врагов в надежде погибнуть, но дикие всадники уже мчались к своим позициям, и преследование прекратилось».

...Полководец М. И. Голенищев-Кутузов с обнаружением наполеоновской армии, отступавшей на запад по Смоленской дороге, оказался перед выбором решения, куда идти Главной русской армии, какой путь выбрать для начала контрнаступления? Где перехватить путь вражеского отхода или же выйти во фланг Великой армии у Гжатска или двинуться на Вязьму? В случае, если бы Наполеон взял направление на Витебск через Белый и Велиж, движение кутузовских главных сил к Вязьме отделяло бы их от отступающей французской армии. То есть было о чем подумать при недостатке достоверной информации о намерениях неприятеля.

Именно отсутствие таких данных стало причиной того, что русская армия сделала лишний переход из Адамовки к Кременскому по направлению к городу Гжатску. После этого генерал-фельдмаршал Голенищев-Кутузов решительно повернул на Вязьму. Из Кременского 19 октября он предписал атаману М. И. Платову постоянно доставлять ему любые данные о неприятеле, озадачив его одновременно разрушением переправ на всем пути вражеского движения. Одновременно главнокомандующий предписал атаману Войска Донского отправить в его личное распоряжение один полк донцов. В предписании говорилось:

«При нынешних обстоятельствах мне непременно нужно, чтоб Ваше высокопревосходительство доставляли как можно чаще сведения о неприятеле, ибо, не имея скорых и верных известий, армия сделала один марш совсем не в том направлении, куда бы ей надлежало, отчего весьма вредные следствия произойти могут. Я надеюсь, что сей отступный марш неприятелю сделается пагубным и что Вы

наиболее тому способствовать можете.

Почему вы не оставите почитать главным предметом разрушение переправ, через которые неприятель идти должен, для чего отделите нужную партию, которая бы, стараясь упреждать неприятеля полумаршем, могла бы сим способом останавливать его марш.

Избрав исправный казачий полк, Ваше высокопревосходительство ему предпишите явиться в главную квартиру и состоять впредь при оной».

Извещенный Платовым о знатной победе в бою при Колоцком монастыре, главнокомандующий 20 октября отправил императору Александру I рапорт о нанесении казачьим корпусом атамана М. И. Платова неприятелю нового поражения. Одновременно государь уведомлялся о движении русской армии к Вязьме и начале параллельного ее движения по отношению к отступающему Наполеону. То есть речь шла о переломе в Отечественной войне. Генерал-фельдмаршал писал в Санкт-Петербург:

«...Неприятель отражен был от Малоярославца; я же с главною частию армии перешел на Медынскую дорогу, где неприятельский корпус казачьим отрядом между тем удержан был.

Предупрежденный на всех дорогах, неприятель ретироваться стал через Верею к Можайской дороге, а потому должен был я сделать следующее распоряжение: армию направил прямым путем к городу Вязьме, отряд генерала Милорадовича усилен так, что почти составляет половину армии, следует параллельно между мною и Можайскою дорогою.

Все Войско Донское имеет предписание упреждать сколько возможно неприятельский марш, истреблять мосты, переправы и стараться наносить ему всевозможный вред. Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что близ Малоярославца взято у неприятеля 11 пушек, а близ Медыни на Калужской дороге 5 пушек.

Пред самым отправлением сего курьера я получил от генерала Платова рапорт, при сем в подлиннике приложенный, из которого высочайше усмотреть изволите, что неприятель вчерашнего числа, заняв высоты у Колоцкого монастыря, остановился, но, будучи им сильно атакован, обращен в бегство и потерял 20 пушек и два знамя, кои повергаю к стопам Вашего императорского величества. Неприятель столь поспешно отступает, что предает огню все тяжести и зарядные ящики, ночью же артиллерия следует с фонарями...»

...Дело под Медынь в галерее казачьей славы в «грозу 12-го года стоит по оценке исследователей особняком. Император Наполеон в своих знаменитых мемуарах этот эпизод Русского похода обходит стороной, хотя бои под Медынь должны были утвердить его в понимании того, что до самой Березины (не считая боев под Красным) он будет сражаться прежде всего с конницей «жалких арабов Севера», умело направляемой атаманской рукой по воле «хитрого лиса» Кутузова.

Медынь стала как бы «слепком» участия казачества в Отечественной войне 1812 года, в «малой войне» против Наполеона, в судьбе его Великой армии. Предистория дела под Медынь, сами события и послесловие к ним таковы.

Начиная с выступления Великой армии из Смоленска на Москву, она стала терять людей из категорий мародеров, дезертиров и фуражиров. Они или попадали в плен к противной стороне (армейским партизанам, казакам, ополченцам, просто вооруженным жителям сел и деревень), или их убивали и топили в прудах на месте грабежа, совершенного насилия или поджога домов, в ходе нападений на лесных дорогах.

Примером могут быть события «приграничной к театру войны» Калужской губернии. Здесь военные события разыгрались в Малоярославецком, Боровском, Медынском, Жиздринском, Мосальском и

Мещовском уездах. Начальником войск Калужской губернии являлся генерал В. Ф. Шепелев, который кроме губернского ополчения имел под своим командованием 1-й Тептярский и 1-й Бугский казачьи полки, получив со временем и другое воинское подкрепление, в том числе и казаками.

Ополчение, подкрепленное донскими казачьими полками Быхалова и Комиссарова, создавалось калужским губернским гражданским губернатором П. Н. Кавериним. Собственно говоря, казаки являли собой конную часть кордонов Калужской губернии. Кордоны калужан, равно как и других губерний, стали частью «малой войны», которая для наполеоновской Великой армии стала равносильной гибели на дорогах, полях и в лесах России.

По прибытии в губернию донских казачьих полков А. И. Быхалова 1-го и Д. Д. Комиссарова 1-го, начальник калужского ополчения генерал Шепелев приказал Быхалову, как старшему в прибывшем подкреплении, отрядить из Полотняного Завода, где стояли казаки Комиссарова, часть того полка к городу Юхнову и в Мосальский уезд. Приказывалось в тех местах «растянуть цепь» «для защищения больших дорог и других трактов». То есть речь шла о создании новых кордонов и усилении тех, которые уже там были.

Казачий отряд полковника Быхалова 1-го силой в два полка донцов был послан в Медынский уезд Калужской области командующим 2-й Западной армии генералом от инфантерии князем П. И. Багратионом. Отряд прибыл на место 26 августа, в день Бородинского сражения. Ему ставилась боевая задача «прикрытия Юхновского уезда» от неприятеля.

Ополченцы и казаки наряду с армейскими партизанскими отрядами и отрядами местной (сельской) самообороны истребляли многочисленные партии неприятеля, пресекали попытки сбора им провианта и фуража, то есть грабежа местного населения, и вели разведку вражеских сил и их действий. Такая информация поступала в штабы русской действующей армии и порой ее ценность на войне была очень велика.

Калужане прикрывались от врага кордонами, выставленными на всех мало-мальски важных дорогах. За три месяца (август, сентябрь, октябрь) кордонами было взято в плен примерно 1400 наполеоновских солдат и офицеров и убито 2200 военнослужащих разных частей Великой армии. Примечательно, что первые военнопленные открыто считали себя в идущей войне больше победителями, чем побежденными. Поэтому, попав в плен к ополченцам, казакам, партизанам и селянам, наполеоновцы вели себя на удивление заносчиво и дерзко, но до поры, до времени.

Когда армия Бонапарта начала свое губительное бегство из России, то в плен кордонам Калужской губернии стали попадать люди настрадавшиеся, голодные и больные. Один из современников в таких словах описал вид партии пленных, приведенных с «пограничного» кордона в город Калугу. Это было жалкое зрелище, достойное человеческого сострадания даже на войне:

«Сии сподвижники Наполеонова честолюбия все без изъятия были полунагие, иссохшие от голода и болезней, и представляли собою страшную картину бедствия человеческого. Они походили на огромную толпу нищих. Многие из них, будучи в крови и ранах, прикрывали грудь свою соломой или рогожами от холода и крайностей».

История «малой войны» 12-го года на территории Калужской губернии полнится такими страницами народной воинской славы, как нижесказанные:

26 августа. Отряд полковника Быхалова 1-го у села Воскресенского Верейского уезда разбивает партию мародеров, у которых отбираются церковные ценности и в плен берется 22 человека.

На следующий после боя день обеспокоенный Быхалов рассылает казачьи партии по дорогам, ведущим из Калуги в Гжатск, Мосальск и Боровск, но неприятель на них в тот день обнаружен не был.

(Французы нагрянули на следующий день.)

31 августа калужский гражданский губернатор Каверин отписал глвнокомандующему М. И. Голенищеву-Кутузову жалобу на казаков Быхалова, которые в Кременской волости потравили (потоптали конями. – А.Ш.) хлеб и произвели грабеж»: взяли у крестьян себе на провиант 250 рублей и высекли нескольких деревенских старост.

В тот же день отряд Быхалова расположился на постой в селах Товаркове и Рожествино Верейского уезда. Командир отряда получил предписание защищать уезд «от неприятельских разбоев, от мародеров происходящих», в чем ему содействовало местное «ополчение из поселян». На следующий день, 1-го сентября, утром приходит известие о том, что французы опустошают и жгут села в 15 верстах от Медыни.

Поднятый по тревоге отряд полковника Быхалова 1-го выступает из Медыни на подожженный неприятелем завод купца Маслова, расположенный в 20 верстах от города. В 5 верстах от завода казаки сталкиваются с отрядом вражеских фуражиров и разбивают его. Преследование бежавших велось на расстоянии 15 верст. В плен было взято 54 человека.

Быхалов отряжает по Мосальской дороге казачью команду. Она настигает мародеров в селах Якушино и Кобылино (Кобелево) и захватывает в плен 14 человек. В тех схватках потери команды донцов составили два человека ранеными.

2 сентября по приказу генерала Шепелева полк Быхалова из Полотняного Завода выступает для «наблюдения» дороги из Можайска в Калугу. Второй полк казачьего отряда – Комиссарова 1-го дробится на сторожевые дозоры (посты) от Полотняного Завода в направлении Малоярославца и Юхнова. Так «связывается» воедино сторожевая цепь с постами 1-го Тептярского казачьего полка майора Н. А. Тимирова 1-го. В тот же день такую же цепь дозоров в 200 казаков выставляют от Полотняного Завода к Боровску полк Комиссарова.

3 сентября генерал Шепелев приказал Быхалову отрядить две сотни казаков к деревне Дунино, которая была сожжена «хищниками», и истребить поджигателей-мародеров.

4 сентября казаки с вооружившимися крестьянами напали в селе Кременское на отряд французских фуражиров. В схватке было убито 16 человек, а еще 14 вражеских солдат взяты в плен.

В тот же день казаки полковника Быхалова 1-го выбили наполеоновцев из деревень Никитское, Лыково и Двора Баталиева. Неприятеля преследовали по дороге на Дунино, убив более 50 человек, взяв в плен 47, в том числе одного капитана. У грабителей были отобраны церковные ценности. В схватках быхаловцы потеряли убитыми одного офицера и одного казака.

Одновременно казаки-донцы в скоротечном бою на Шанской фабрике разбили отряд вражеских фуражиров, убив 32 человека и 52 взяв в плен.

Тогда же Комиссаров с сотней своих донцов помог местным ополченцам атаковать аванпост французской конной гвардии в 20 верстах от города Боровска. Было убито 10 и пленено 14 конно-гвардейцев. Партия казаков того же полка близ Московской дороги разбила неприятельский отряд, который потерял убитыми 15 человек и пленными 38 человек, в числе которых оказались два офицера.

5 сентября казаки из отряда Быхалова на границе с Можайским уездом Московской губернии разбивают новый крупный отряд фуражиров, который потерял 52 человека убитыми и несколько пленными. В том деле казакам помогли местные крестьяне, взявшиеся за оружие.

Полковник Быхалов продолжает рассылать по округе казачьи партии. 9 сентября капитан Александрин из его именного полка вместе с поселянами разбивает новый крупный отряд французских фуражиров. Бой произошел вблизи села Никитское и деревни Якушино. Неприятель только убитыми

потерял полсотни человек.

12 сентября казачьи партии при поддержке местных жителей разбили еще несколько «шаек» мародеров и фуражиров, убив около сотни наполеоновских солдат, пленив 185 человек. В деревне Сорокино у французов было отбито два русских пленных...

23 сентября казаки поддержали отряд калужских ополченцев майора Спафарьева в бою у деревни Варяная. Отряд вражеских фуражиров потерял убитыми 38 человек, после чего обратился в бегство.

В тот день казаками полковника Быхалова 1-го было истреблено еще до двух сотен мародеров и фуражиров. Чтобы надежно защитить Медынский уезд от новых появлений грабительских партий, Быхалов расположил свой 5-сотенный полк сотнями в главных населенных пунктах уезда, в том числе и в городе Медыни, где уже стоял батальон губернского ополчения.

26 сентября казаки-донцы участвовали в разгроме трех крупных отрядов французских фуражиров, истребив в схватках 210 солдат и офицеров...

Во второй половине сентября в окрестностях города Боровска казачьими разъездами и «охотниками из поселян» было переловлено более двух сотен мародеров, а около сотни грабителей из рядов наполеоновской армии убито.

4 октября казаки изгнали неприятеля из трех медынских селений, убив более 50 наполеоновцев и около 200 взяв в плен.

8 октября казачий полк и местные крестьяне разбили крупную партию вражеских фуражиров у села Купрова Можайского уезда. Неприятель потерял почти 200 человек убитыми и пленными.

13 октября под Медынью казаками был взят в плен польский генерал граф Т. Тышкевич. Его орденская звезда была направлена генералу П. П. Коновницину. Знатного пленного с его лекарем сперва отправили в главную квартиру кутузовской армии, а оттуда этапами в город Астрахань, где Тышкевич пробыл до 1814 года. После этого боя распространился ложный слух о гибели французского генерала Ш. Лефевра-Дэнуэтта (Лефевр де Нуэтт), который на самом деле остался жив.

Дело под Медынью имело свою предисторию, которая началась с посылкой перед Бородинской битвой казачьих полков для защиты от французов Калужской губернии. Это были, о чем сказано выше, отряды майора Н. А. Тимирова 1-го и полковника А. И. Быхалова 1-го. Первый из них состоял из двух весьма малочисленных из-за командирований отдельных команд в различные службы казачьих полков – 1-го Бугского (60 человек) под командой ротмистра А. Н. Чеченского и 1-й Тептярский (110 человек) самого Тимирова. Второй отряд состоял из донских казачьих полков Быхалова и Д. Д. Комиссарова 1-го.

По приказу начальника Калужского ополчения генерала В. Ф. Шепелева полковник Быхалов со своим полком 12 октября сделал поиск по Медынскому уезду, «положил на местах до 200 человек» неприятелей и «забежал» в Московскую губернию. Под Колоцким монастырем неподалеку от Бородинского поля казаки-донцы дали бой расположившимся в обители наполеоновцам, среди которых оказался 2-й Вестфальский батальон легкой пехоты.

Казаки атаковали днем, когда стоял настолько сильный осенний туман, что видимость не превышала нескольких шагов. Казаки с ходу въехали в расположение вестфальцев, которые встретили их криками «Казаки! Казаки!» и нестройной ружейной пальбой. Батальон легкой пехоты, придя в себя, занял позицию у ветряной мельницы, а часть вражеского обоза укрылась во дворе монастыря.

Казаки повторили атаку в конном строю, которая была отражена ружейным огнем. Не имея возможности определить в густом тумане силы оборонявшихся и их расположение у ветряной мельницы, донцы, почти не имея потерь, ускакали. Но часть из них все же сумела ворваться в Колоцкий монастырь,

хотя из него по ним стреляли из пушек. Но на вылазки за стены монастыря вестфальцы не решились. Полковник А. И. Быхалов в донесении о бое указал, что казаки три раза вгоняли неприятеля «в самую крепость монастыря» и в ходе последней атаки пленили 2 офицеров, 5 капралов и 2 унтер-офицеров.

После боя быхаловцы возвратились в пределы Калужской губернии, уезды которой им было предписано защищать. То дело у стен Колоцкого монастыря было рядовым в действиях казачьей конницы в войну 1812 года.

Тем временем разыгрывались следующие события. Польский корпус, уже основательно потрепанный, генерала Ю. Понятовского 10 октября получил приказ императора французов выступить из Фоминского на город Верею, а оттуда разведать состояние дорог на Медынь и Юхнов. Великая армия пыталась уйти от сожженной Москвы в южные хлеботорные губернии России.

12 октября Понятовский отправил в село Кременское, стоявшее на Медынской дороге свой авангард под командой генерала Ш. Лефевра-Дэнуэтта в составе трех полков кавалерии (два конных егерей и один уланский) силой в 600 всадников под общей командой генерала Т. Тышкевича, пехотного полка (около полутысячи человек) при пяти орудиях. Всего авангард Польского корпуса насчитывал около 1200 человек.

Следуя по Медынской дороге, поляки, как писал мемуарист, капитан конных егерей Х. Дембинский, возрадовались тому, что «вступили в край, где не было следов войны. Обилие всякого продовольствия, крупы, хлеба, меда в сотах привело к тому, что мы забыли о всех неприятностях. Хотя это было в конце октября, наступили теплые дни «бабьего лета», и многие из нас сняли что-нибудь из своей одежды...»

Однако полякам не следовало в тот теплый октябрьский день забывать о казаках, которые небольшими отрядами то и дело тревожили головной дозор, боковые заставы и арьергард корпуса Понятовского. Как и то, что огромный обоз с «московским добром», тянувшийся за авангардом, тормозил ход походного движения, лишал полки генерала Лефевра-Дэнуэтта маневренности в случае боя.

Вскоре казаки двигались впереди польского авангарда «повсюду». Обеспокоенный его начальник донес корпусному командиру, что дороги разведаны, до Медыни оставалось 15 верст (из которых 10 верст дорога шла по лесу), казаки кружат поблизости и что среди них замечены конные крестьяне с оружием.

Не дремала и противная французам сторона. В тот же день 12 октября атаман М. И. Платов, прогнозируя складывающуюся ситуацию, предписал полковнику Г. Д. Иловайскому 9-му во главе двух полков идти «в Медынь». Ему приказывалось действовать совместно с отрядом полковника Быхалова, уже обжившего Медынский край и хорошо знавшего местность.

До подхода этих двух полков Быхалов со своими донцами уже вернулся днем из-под Колоцкого монастыря в Медынь. Там его уже ждало донесение капитана Александрина (его команда дозором стояла на дороге) из села Егорья о том, что поляки крупными силами с артиллерией заняли город Верею и, по всей видимости, продолжают свое движение по Медынской дороге. Соотношение сил было не на стороне казачьего отряда, не имевшего пушек, а из пехоты – только плохо вооруженных (ружей имелось немного) и совсем не обученных местных ополченцев, к тому же немногочисленных.

Казачий полковник объявил местному кордонному начальнику майору Лопатину и городничему Шумакову, горожанам о том, что неприятель в большом числе находится уже менее чем в десяти верстах от Медыни, что казаки будут защищать город по мере своих сил, но удержать его не смогут. Поэтому всем чиновникам и жителям предлагалось город покинуть: «взять меры в предосторожность».

Майор Лопатин отступил со своими ополченцами по дороге на Козельск. Все чиновники и большая часть горожан покинули Медынь, а городничий Шумаков «начал выпускать вино (из бочек в подвалах), чтобы оно не досталось неприятелю», то есть разливать его, тем самым уничтожая казенные винные запасы.

Казачьи отряды Иловайского 9-го и Быхалова и 6-й Малороссийский казачий полк (командир – надворный советник Свечка), двигавшийся к действующей армии, стали стягиваться на защиту Медыни. Около 11 часов 13 октября польская походная колонна стала выходить по дороге из леса, переходя плотину через болото в двух верстах от города.

Мемуарист капитан конных егерей Дембинский писал о том, что было дальше: «...Вскоре мы прошли болота и уже увидели за холмом башни (колокольни церквей. – А.Ш.) Медыни, как со стороны города сопротивление казаков начало усиливаться. На протяжении четверти часа они вели по нам огонь из «янычарок» (ружей), становившийся все живее и живее, после чего из-за всех холмов выскочили тучи казаков, которые, по своему обычаю, с криками ударили на нас со всех сторон».

В той атаке с обоих флангов участвовало три донских казачьих полка – Быхалова 1-го, Иловайского 9-го и Иловайского 11-го. Польские конные стрелки стали разворачиваться спиной к плотине, а фронтом – к казачьей лаве, которая стремительно неслась на них. С вершины плотины по атакующим донцам было сделано несколько пушечных выстрелов. Но в итоге около 15 часов дня поляки на плотине оказались окруженными. Казаки с коней стали палить по ним из ружей.

Поляки выдвинули вперед артиллерию авангарда, которая открыла огонь. Но орудия успели сделать только несколько выстрелов, как на их позицию хлынули отступавшие конные егеря, на «загровке» которых лавой прискакали казаки и захватили артиллерийскую позицию вместе с пушками, зарядными ящиками и оказавшимися здесь обозными повозками, ездовые которых бежали.

Бой под стенами Медыни длился около двух часов. В итоге авангард Польского корпуса генерала князя Понятовского был разбит казаками, которые, «положив на месте» до 500 человек, взяли в плен более 300 поляков и все их 5 орудий (4 пушки и одна гаубица с зарядными ящиками к ним). В плену оказался и генерал Т. Тышкевич, который на допросе показал, что командир Польского корпуса Великой армии Ю. Понятовский находится в городе Верее.

Потери победителей, действовавших лихо и бесстрашно, оказались несравненно малы по сравнению с неприятельским уроном в людях. В донесении о победном деле под Медынью писалось: «С нашей же стороны потеря в людях не велика, только в лошадях несколько значительна».

Поляки, которым удалось вырваться из боя, стали отступать по лесной дороге к главным силам своего корпуса. Но при выходе из леса они увидели с одной стороны дороги казаков, которые, хорошо зная местность, обошли лес, с другой стороны – русские пушки. Польская пехота свернулась в сомкнутые колонны, между которыми скучились кавалеристы, сидевшие на утомленных лошадях. В таком виде польскому авангарду удалось отступить по дороге к селу Кременскому, где они нашли для себя подкрепление. Ночью выпал снег, и наполеоновцам стало холодно и голодно: они сразу ощутили на себе последствия утраты собственного обоза с запасами провианта.

Здесь следует заметить одно немаловажное обстоятельство: казаки не повели преследование и дальше по той веской причине, что в день боя под Медынью их кони оказались более измотаны в атаках и быстрых, длительных пробежках, чем неприятельские. Сказывался и недостаток фуража: лошадей все чаще стали кормить прошлогодней соломой.

Польский мемуарист К. Колачковский, свидетель тех событий, писал: «Все бывшие в этом деле офицеры соглашались с тем, что они никогда не видели так слепо и отважно нападавших казаков и, если бы не два батальона 15-го пехотного полка... никто из нашей кавалерии не ушел бы живым из этой стычки».

Таким-то образом дурное распоряжение начальника (генерала Лефевра-Дэнуэтта) может сделать бесплодной храбрость самых лучших солдат. Но в защиту нашей кавалерии следует добавить еще то, что наши лошади не были уже способны к быстрому движению. Здесь в первый раз нам не повезло, но еще

досаднее была потеря 5 орудий. Вечером того же дня известие об этом несчастье дошло до нашего лагеря и наполнило всех грустью... Вся кавалерия имела едва 600 лошадей».

Пленные поляки и четыре орудия (одно оставили для защиты города Медыни) были отправлены в губернскую Калугу. В Медынь вернулись горожане, покинувшие свои дома. Казачьи дозоры рассыпались по дорогам и тропам, которые вели к Медыни: ожидалось появление более значительных сил неприятеля и важно было не пропустить их на подходе к городу.

Командир казачьего отряда (из двух полков) полковник А. И. Быхалов 1-й за победный бой против авангарда Польского корпуса был награжден орденом Георгия Победоносца 4-й степени. В наградном рескрипте говорилось, что он своими действиями «способствовал ко взятию более трех сот человек и пяти пушек». То есть полностью подходил под строгие требования статута Военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия его низшей степени.

Дело под Медынью оказалось значимым и для императора Наполеона, и для русского главнокомандующего М. И. Голенищева-Кутузова. Оба они с главными силами своих армий 13 октября простояли под Малоярославцем: в итоге сражения выгоревший дотла город оказался в руках французов, но русские держали их в «непробиваемом» полукольце своей позиции под стенами Малоярославца.

Бонапарт до казачьей виктории у Медыни считал, что дорога на Смоленск через Медынь, Юхнов и Ельню открыта для Великой армии и ему совсем не нужно будет возвращаться от Малоярославца вслед за армейскими обозами на Смоленскую дорогу. Но император французов в тот день сильно колебался в выборе решения – куда вести дальше Великую армию?

Однако те же донские казаки внесли коррективы в «поведение» венценосного полководца, уже лелеявшего мысль о том, как без значительных потерь удалиться из России и при этом «не потерять своего лица». Казачий отряд (4 полка) под командованием генерал-майора Д. Е. Кутейникова 2-го в окрестностях Боровска (у деревни Колодезь) совершил дерзкое нападение на вражеский обоз и отбил у охранения часть его повозок. В плен было взято 5 офицеров, 2 лекаря и около 100 солдат. Вечером того же 13 октября отряд, обремененный трофеями и пленными, беспрепятственно возвратился на правый берег реки Лужи близ Малоярославца.

Самым ценным, пожалуй, трофеем для русского главнокомандующего в захваченном казаками имуществе Великой армии оказалась записка маршала империи Бертье начальнику топографического бюро Великой армии генералу Н. А. Сансону. В ней начальник наполеоновского штаба приказывал собрать сведения «о старой дороге из Москвы через Боровск, Малоярославец, из Песок в Медынь, из Медыни в Вязьму, из Вязьмы и Калуги в Мосальск, из Мосальска в Ельню, из Ельни в Смоленск».

Для такого опытного полководца с даром великого стратега, каким являлся М. И. Голенищев-Кутузов, будущий князь Смоленский, не составляло особого труда выяснить из записки маршала Бертье планы Бонапарта на ближайшие дни. Известие о победном деле у Медыни лишь подтвердило догадки генерал-фельдмаршала. Он сразу же приказывает атаману М. И. Платову усилить наблюдение за действиями неприятельской армии, стоявшей под Малоярославцем.

14 октября главнокомандующий дал генерал-майору И. Ф. Паскевичу, командиру 26-й пехотной дивизии следующее повеление за № 235 из числа срочных:

«Вы назначены следовать к Полотняным Заводам на дорогу, идущую из Медыни в Калугу. Прибыв к Полотняным Заводам, сделайте привал на 2 часа, следуйте потом к Медыни и, не доходя 15 верст, остановитесь в удобном месте.

Казачьи полки Быхалова и Иловайских 9-го и 11-го, находящиеся в Медыне, имеют (приказ) состоять в Вашей команде.

Предмет назначения Вашего заключается в том, чтобы иметь сию дорогу во власти нашей и воспрепятствовать покушению неприятеля, который был бы в равных силах с Вами и имеющего намерение идти по сей дороге в Калугу, для чего давайте, как можно чаще, известия о неприятеле. Если все силы Наполеона оставят новую Калужскую дорогу, в таком случае наша армия перейдет к Полотняным заводам».

Паскевич выступил к Полотняным Заводам со своей пехотной дивизией, Нежинским драгунским полком и 18 орудиями. Отряд прошел по Медынской дороге к селу Адамовскому и остановился «при оном для поддержания полковника Иловайского 9-го, который с казачьими полками занимал город Медынь».

Подвижка войск проходила спешная. Понимая, что летучий казачий корпус нуждается в сильной поддержке пехоты, на помощь Платову выдвигалась обстрелянная 26-я пехотная дивизия генерал-майора И. Ф. Паскевича, героя Салтановки и Смоленска, будущего обладателя фельдмаршальского жезла Паскевича-Эриванского. Атаман Платов был хорошо с ним знаком по Отечественной войне 1812 года. Паскевич пошел ускоренным маршем к Медыни. М. И. Голенищев-Кутузов в той непростой ситуации понимал, что Медынь надо удержать в своих руках любой ценой и тем самым спутать все карты своего соперника.

Когда полки Паскевича прибыли в Медынь, там уже находился генерал-майор В. В. Орлов-Денисов, принявший командование над отрядом Иловайского 9-го и другими казачьими силами в окрестностях города. 28 октября казачьи дозоры были уже у села Кременского, отслеживая там походные движения наполеоновских войск. Теперь Великой армии, как говорится, и шагу нельзя было ступить по дорогам России без «казачьего присмотра».

Главная русская армия оставила занимаемую позицию у Малоярославца и двинулась к селу Детчино. Этот маневр можно было понять как прикрытие города Калуги от неприятеля, прорывавшегося по Медынской дороге. Но речь уже шла о контрнаступлении, изгнании Наполеона из пределов России. Наступили переломные дни в Отечественной войне, что понималось и Бонапартом, и главнокомандующим России. Голенищев-Кутузов так описал государю Александру I складывающуюся на войне ситуацию:

«Легкие войска наши (то есть казаки), простиравшиеся по дороге, ведущей к Медыне, по которой неприятель мог еще пробраться к Калуге, стали единогласно уведомлять, что корпуса его стремятся по сей дороге. Сие вероятнее, что на оной происходили уже сражения между нашими легкими войсками и неприятельскими отрядами, чтобы всеми способами обойти нас к Калуге, и потому армия, оставив сильный авангард под команду генерала Милорадовича, 14-го числа (октября) пошла к Детчину».

Император Наполеон не стал ввязываться в новое, после Малоярославца, сражение с кутузовской армией. Получив донесение о разгроме казаками авангарда Польского корпуса, он отказался от движения через Медынь и Ельню. Опасность такого пути виделась очевидной. Теперь Бонапарту приходилось отступать от Малоярославца через Верею на Можайск, чтобы еще раз пройти через Бородинское поле (где лежали не преданные земле останки десятков тысяч людей и лошадей) по Старой Смоленской дороге.

Казачьи дозоры кружили вдоль дорог, по которым двигались корпусные колонны Великой армии. Брались пленные, от которых было узнано, что неприятель действительно намеревался идти через Медынь на Калугу. Затем в штаб-квартиру русской армии с 17 октября пошла иная информация: походные колонны Великой армии двинулись от Вереи к Старой Смоленской дороге и что неприятель «жжет все селения».

...События, последовавшие после схватки за Малоярославец, окончательно подтвердили следующий факт из летописи «грозы 12-го года» (или Русского похода императора Наполеона): французская кавалерия вместе с кавалерией союзников Бонапарта проиграла противостояние казачьей коннице. Не будь этого, ход Отечественной войны мог стать иным, а сама война имела бы иное течение, по крайней мере, по

срокам ее завершения в пользу русского оружия.

Проигрыш был чистый и имел огромное значение для хода Большой Европейской войны 1813 и 1814 годов, да и для наполеоновских «ста дней» в году 1815-м. Император французов, имевший перед началом вторжения в Россию сильнейшую регулярную кавалерию в Европе, лишился ее в течение нескольких месяцев. Ополовиненная на поле Бородинском, она была добита на берегах реки Чернишни и столбовой Смоленской дороге. Воссоздать ее Французская империя уже не смогла.

Кавалерия Великой армии имела опытных военачальников, гремевших славой в походах Наполеона и в сражениях, им выигранных на полях Европы, прежде всего в войнах против Австрии и Пруссии, на испанской земле. Это был Неаполитанский король маршал Иоахим Мюрат, его начальник штаба генерал Огюстен Бельяр, командиры кавалерийских корпусов генералы Этьен Нансути, Луи Монбрюн, Эммануэль Груши и Виктор Латур-Мобур, генералы Орас Себастьяни...

Командование русской армии, начальник казачьих отрядов и просто полковые командиры иррегулярной конницы уже в самом начале войны могли воочию убедиться в мощи вражеской кавалерии. Или, вернее говоря, в ее многочисленности и многонациональности. Всего границу России в 1812 году перешло 228 эскадронов французской кавалерии и 268 эскадронов союзников и вассалов императора Наполеона I.

Но это была еще не вся кавалерия Бонапарта. В эту массу регулярной конницы следует добавить несколько маршевых эскадронов, следовавших на пополнение рядов Великой армии. Добавить следует и около 20 эскадронов, которые начали формироваться на территории Литвы преимущественно из проживавшей здесь многочисленной польской шляхты. К слову говоря, так называемые литовские войска для Великой армии оказались достаточно призрачным созданием. Но с ними были связаны определенные надежды императора французов и той части аристократии Варшавы, которая стояла на его стороне.

Европейский континент уже много лет не знал на своих полях такой массы конницы, не говоря уже о том, что это была регулярная кавалерия, хорошо экипированная и обученная. Эта масса из 500 с лишним эскадронов (!) состояла примерно из 90 тысяч обученных «правильному бою» всадников. Кавалерийская армада перешла через пограничный Неман для того, чтобы в Русском походе поддержать пехоту и артиллерию Великой армии.

Много написано о том, что император Наполеон серьезно недооценил ни сил и дух противника, ни уровень готовности к большой войне русской армии и, в данном случае, «качественные параметры» иррегулярной конницы Российской империи. Речь в последнем случае идет прежде всего о казачестве и о тех конных национальных формированиях башкир, татар, калмыков, мещеряков, тептярей, находившихся на положении казачьих войск.

Казачьи полки и полки национальных формирований вполне подходили под наполеоновское определение «степных ос» по той причине, что они исповедовали на войне издревле знакомую им тактику ведения войны в степях равнин и степных предгорьях. Но на «жалких арабов Севера» (опять же по язвительному выражению Бонапарта) иррегулярная конница России совсем не походила. Если бы это было не так, то, вполне возможно, поражение Французской империи в 1812 году не выглядело бы для нее такой удручающей воображение катастрофой.

В любом случае историки сходятся на том, что Наполеон недооценил театр военных действий (с его просторами, лесами и народонаселением), достоинства военной силы императора Александра I. И, соответственно, переоценил реальные боевые возможности действительно Великой армии, в том числе и ее кавалерии, которая, по мысли венценосного завоевателя, должна была уже в самом начале войны подавить конницу русской армии. Бонапарту и его маршалам даже в головы не приходила мысль о том, что

французский кирасир может неровней стать казаку с Дона.

Потом среди пронаполеоновских исследователей появится суждение о том, что кавалерия наполеоновской армии на территории России сильно пострадала от бескормицы и холодов. Говоря об этом, такие историки как-то забывают простую истину о том, что бескормица для лошадей и холода (даже сильно преувеличенные морозы), осенняя распутица на дорогах от Москвы к реке Березине переживались и конниками армии России в той же мере, что и неприятель.

Действительно, лошадиные трупы во множестве отмечали путь бегства остатков Великой армии из российских пределов. Виною тому были бескормица, первые морозы, чрезмерная утомленность коней. Но ведь ту же бескормицу, обледенелые дороги и не меньшую утомленность на войне каждодневно испытывала «конская часть» русской армии. Равно как и казачья конница, неутомимо трудившаяся при преследовании вражеских войск от Колоцкого монастыря вплоть до заснеженного льда пограничного Немана. Это было все именно так, а не иначе, как кому-то сейчас хочется.

Что касается шипованных подков, предназначенных для лошадей в снежные зимы, то здесь, разумеется, первенствовала русская кавалерия. Но думается, что планируя Наполеон свой Русский поход до первых снегов, он дал бы соответствующее требование своим хозяйственникам-тыловикам. И тогда бы шипованные подковы для лошадей кавалерийских, артиллерийских и обозных не стали бы мифической принадлежностью, необходимой для дорог России в конце года, начиная с октября месяца. По крайней мере, полковые кузнецы, настоящие мастера железного дела, могли в известной мере справиться с этой проблемой на месте.

Соответствующие времени года лошадиные подковы мелкой хозяйственной проблемой для французов не стали, а их тыловая администрация это дело откровенно провалила. Правда, у нее есть железное алиби: кто из хозяйственников Великой армии знал, что победоносная военная кампания их императора так опасно затянется во времени. «Козел же отпущения» нашелся в лице генерал-интенданта наполеоновской армии дивизионного генерала графа Матье Дюма.

Чем взяли преследователи армии Бонарата, то есть платовские полки, верх над вражеской кавалерией, хорошо обученной, снаряженной и дисциплинированной, обладавшей, чего греха таить, для истории Отечественной войны 1812 года, высоким боевым духом? Почему маневренная война закончилась для французов поражением еще до того, как на Смоленщине ударили первые морозы, причем не столь устрашающие воображение не военного человека будущих времен?

Та война показала, что для кавалерии (людей и лошадей) губительны не только сабельные схватки, ружейные залпы плотных рядов неприятельской пехоты, картечная пальба в упор и чугунные ядра, смертельно калечащие все живое в конце траектории своего полета на поле боя. Лошадей, собранных воедино с пол-Европы, изматывало каждодневное противодействие действиям конницы противной стороны.

Карусель казачьих дозоров и полков, в том числе и лихих бойцов-одиночек, вокруг мест расположений наполеоновских войск, их походных колонн, маршевых отрядов и тыловых обозов, команд фуражиров сильно изматывала наполеоновскую кавалерию. Ей при появлении русских конников приходилось выходить в поле для отражения возможной атаки, в начале войны – для преследования, занятия выгодных рубежей и переправ через реки. То есть лошади работали на войны на пределе своих физических возможностей.

Поэтому кавалерийские кони «вырабатывали свой походный ресурс» преждевременно и до такой степени, что дошли по дороге, не став годными даже для того, чтобы тянуть орудия, зарядные ящики и обозные фуры. Такая ситуация для наполеоновской Великой армии сравнима с катастрофой, когда

кавалерия маршала Мюрата таяла буквально на глазах у Наполеона. На тяжелую кирасирскую кавалерию он ставил карту не менее значимую, чем полководцы Второй мировой войны на стальные танковые армады.

К заслугам платовской казачьей конницы на втором этапе Отечественной войны следует, бесспорно, отнести следующее. «Жалкие арабы Севера» стали не только смертельным врагом для императора-полководца Наполеона. Русское казачество нанесло полное поражение Великой армии и в немаловажном деле – в состоянии морального духа войск. Из истории Отечественной войны это видится в следующем.

После сражения у Малоярославца у всех чинов Великой армии от императора французов, его маршалов империи до рядового солдата в голове витала благая мысль о том, чтобы с честью выйти из создавшегося положения. И подобру-поздорову унести собственные ноги и ноги своих коней из России. Однако при виде каждый день вокруг себя платовских «степных ос» такое понимание сложившейся ситуации стало в корне меняться.

После боев под Вязьмой и у Красного наполеоновцы думать стали совсем о ином для них исходе Русского похода. Думали просто о спасении собственной жизни и избежании всегда позорного плена, который в известных случаях называется почетным. Но чтобы избежать и спасти вышеназванное, требовалось «дать ноги», то есть побыстрее спастись бегством. Тут уже было не до спасения лошадиных жизней. В такой ситуации обладание измотанным войной конем могло стать неким гарантом собственного спасения.

Кавалерия Великой армии на полях и дорогах необъятной России в 1812 году жила «одним днем». Бородинское поле стало братской могилой для более чем половины (!) французской кавалерии. А ведь известно, что подготовить, снарядить и обучить кавалерию намного труднее, чем пехоту.

История Отечественной войны 1812 года достоверно позволяет констатировать следующий неоспоримый факт. Пехота, артиллерийские парки и обозы Великой армии по вышеуказанным причинам оказались плохо прикрытыми кавалерийскими заслонами. А ведь это было аксиомой тактики той эпохи. Известно, для чего французам и их союзникам приходилось каждый день и каждую ночь прикрываться такими заслонами на путях-дорогах, ведущих от Москвы на запад. Им надо было прикрываться от атак лучшей и наиболее многочисленной иррегулярной конницы на Евразийском континенте – казачьей.

Что она действительно была лучшей по боевым качествам, то доказали не только войны России против сперва революционной, а потом и наполеоновской Франции, против созданной Бонапартом империи. Казачество ходило походами во многих войнах Российской державы против Турции и Персии, Пруссии и Польши, Швеции и ханства Туркестана... Ходило походами до и после «грозы 12-го года».

«Степные осы» стали камнем преткновения для наполеоновских войск с первых дней их Русского похода. Французская кавалерия и кавалерия союзников занималась поиском арьергардов русских, отступавших без боя в глубь России. При этом приходилось вести активное и непредсказуемое маневрирование в виде двоякой задачи: найти противника, стремиться вести его неотступное преследование и в то же время не оторваться слишком далеко от своей пехоты, которая с трудом продвигалась по песчаным и болотистым дорогам Литвы и Белоруссии.

Для русских, в том числе и казаков, те дороги были привычно обжитыми. Окрестные леса их не пугали, как французов, которых то там, то здесь ожидали казачьи засады. «Степные осы» вылетали из них привычно неожиданно, поражая вражеских конников разящими донскими дротиками, стреляя из пистолетов и схватываясь на саблях. Лес был родным домом для одних и опасностью для других, чужаков.

Преследование армий Баркляя де Толли и Багратиона велось наполеоновскими армейскими корпусами и в знойные дни и под проливными дождями. Форсированные марши выматывали

французскую кавалерию, особенно тяжелую кирасирскую и карабинерную. Степные же кони-дончаки, башкирские и калмыцкие кони не тяготились такой работой на войне, хотя и им тоже было тяжело. Но, как говорится, какой всадник, такой и его конь родной.

Иррегулярная конница (равно как и гусары с уланами) русских арьергардов умело и, что важно, своевременно использовала свое преимущество в выучке и выносливости лошадей, которые в своей массе имели степную родословную. Это позволяло при малейшей возможности ходить атаками, прежде всего лавами, на французов, чаще – на их легкую кавалерию. Так было, к примеру, при Мире, Молевом Болоте, при Тетеринке близ Тарутино.

Французское кавалерийское боевое охранение часто в подобных случаях пасовало перед нападавшими: ни сманеврировать вдоль дороги, ни пойти в преследование так, чтобы не угодить в хитроумную ловушку за ближайшим поворотом дороги сквозь хмурые в любую погоду леса.

Поэтому в наполеоновских войсках, особенно после выхода от Малоярославца на Старую Смоленскую дорогу, появилось ощущение безысходности и беспомощности действий собственной кавалерии. И как тому не быть, когда платовские «степные осы» кружились днем и ночью вокруг походных колонн Великой армии на дальности ружейного выстрела. А вскоре казаки в преследовании врага презрели такую опасность.

...Отступление, пока еще не бегство, наполеоновского воинства из России описано многими очевидцами-мемуаристами, исследователями и литераторами. Все сходятся к тому, что уже только один внешний образ походных колонн говорил сам за себя: из выжженной Москвы уходила совсем не та вражеская армия, которая несколько ранее в нее вошла.

Казачьи партии, первыми увидевшие отходившие от Москвы походные колонны Великой армии, поразил вид гигантского обоза, который медленно тянулся за войсками. На расстоянии более 30 верст тянулось в четыре ряда более 10 тысяч (по другим данным – 15 тысяч) карет, колясок, дрожек, бричек, фур, телег, до предельной возможности груженых всяким московским добром.

Современник сравнивал уходившую из России Великую армию императора французов с войском далекого прошлого: «Выступившая из Москвы Наполеонова армия похожа была на дикие племена Азии, после набега возвращающиеся на родину с похищенным имуществом враждебного края, разорив его сперва огнем и мечом.

Наполеон не принял мер к уменьшению воинских тяжестей, почитая обозы необходимыми в обратном, нового рода походе, им предпринимаемом. Неизвестно ему было, по каким дорогам поведет его судьба из России...»

Сражение у Малоярославца стало переломным событием в истории Отечественной войны 1812 года (или Русского похода Наполеона). Бонапарт окончательно потерял инициативу в действиях, попав под их «диктовку» соперником. Не случайно до самой своей смерти он избегал упоминать имя великого полководца России, с таким позорным разгромом изгнавшего его из Отечества.

О схватке двух стратегов под древним городом Малоярославцем написано много. О том, что одним из ее итогов стало изменение образа самой войны, хорошо сказано в «Записках» ее участника генерала от инфантерии Н. Н. Муравьева-Карского, царского наместника на Кавказе и главнокомандующего русскими кавказскими войсками в финале Крымской (или Восточной) войны 1853–1856 годов.

«...Цель Кутузова состояла в том, чтобы заставить неприятеля отступить по большой Смоленской дороге, где все было выжжено, разорено и где не было никаких средств к продовольствию. Авангард под начальством Милорадовича должен был идти проселком, в значительном расстоянии от большой дороги, и, равняясь с неприятелем, не вступать в общее сражение, и стараться отрезать неприятельские корпуса,

замыкающие их шествие.

Главная армия наша должна была идти тоже проселком в большом расстоянии от Смоленской дороги и в случае нужды поддерживать авангард. Вследствие таких распоряжений неприятель неминуемо должен был прийти в окончательное расстройство и бессилие от недостатка в продовольствии и в квартирах, тогда как наши войска, следуя стороною помимо большой дороги, не подвергались сим недостаткам.

Для умножения бедствия французов главнокомандующий приказал Платову следовать за ними со всеми казаками по большой дороге и не давать им отдыха на ночлегах. Отряды казаков часто заезжали вперед неприятеля, уничтожая переправы и мостики, дабы затруднить его шествие. Много казаков, рассыпавшихся по всем селениям, в стороне лежащим, вместе с вооруженными крестьянами истребляли усталых французов и тех, которые удалялись от большой дороги для отыскания жизненных припасов.

Таким образом проводили французскую армию до города Красного. В сем состоянии неприятель потерял несметное множество народа...»

Но Красный с его знатными боями был еще впереди. После сражения за Малоярославец, ставшего для истории России одним из судьбоносных символов Отечественной войны 1812 года, предстояло еще начать «проводы» венценосного воителя Бонапарта с его воинством по столбовой Смоленской дороге, которая уже находилась во власти все более холодных осенних ночей. Великая армия, способная стойко защищаться, пока отступала, еще не обративши свой обратный ход в повальное бегство.

...В тот день, когда Главная русская армия начала параллельное преследование пока еще не бегущей, а отступающей наполеоновской Великой армии, генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов сказал начальнику своего штаба генерал-майору А. П. Ермолову:

«Армии нужна скорость!»

«Скорость дать армии» могли в тех событиях только легкие войска, основой которых была казачья конница. В тот же день главнокомандующий предписал атаману Войска Донского генералу от кавалерии М. И. Платову:

«1) Как можно скорее отрядите Орлова-Денисова с 6 казачьими полками к г. Гжатску и снабдите его наставлением, чтобы наносить неприятелю всевозможный вред.

2) Я надеюсь, что сей отступной марш неприятелю сделается вреден, и что Вы наиболее к сему содействовать можете. Почему Вы не оставите почитать главным предметом разрушение переправ, через которые неприятель идти должен, и для того отделите нужную партию, которая бы старалась упреждать неприятеля полумаршем, могла бы сим способом останавливать его марш».

Полководец М. И. Голенищев-Кутузов «торопил» бегство Бонапарта армейскими партизанскими отрядами. Он усиливал те из них, что уже имелись, и формировал новые, основу которых составляли все те же казаки. Один из них (полки: один егерский, два Донских казачьих, два Полтавских казачьих и 6 орудий конной артиллерии) возглавил генерал-майор польский граф А. П. Ожаровский, получивший за Бородино Золотое оружие – шпагу «За храбрость», украшенную алмазами. Главнокомандующий 27 октября дал императорскому генерал-адъютанту следующее предписание:

«Главный предмет ваш нападать на малые неприятельские отряды и транспорты, идущие по Смоленской дороге; уничтожать учрежденные французами на сем пути магазины, а по селениям фураж, и тем отклонять все способы продовольствия для неприятельской кавалерии и артиллерии.

В особенности доставайте вернейшие сведения о неприятеле, старайтесь перехватывать его курьеров. По мере приближения нашей армии к Смоленску, перемените и вы направление ваших действий, то есть к стороне Могилева и Орши.

Отряжайте нарочные партии для истребления мостов, по которым неприятель идти должен, чтобы всячески затруднять марш его, словом сказать, употребите все способы, которые ко вреду его послужить могут».

Пройдет время, и на свет появится историографическая концепция, согласно которой Голенищев-Кутузов, «спаситель России», стал строить Наполеону «золотой мост», то есть дал свободный коридор по Смоленской дороге, для ухода из Отечества. Эти слова Михаил Илларионович употребил в беседе с Р. Т. Вильсоном, генералом английской короны, состоявшим в 1812 году при штабе Главной русской армии. Однако этот «золотой мост» не дал Великой армии уйти из России, сохранив силы. Из заснеженной России вышли только ее остатки, полностью деморализованные и частью бросившие в бегстве оружие.

В преследование врага, уходившего туда, откуда он пришел, под знаменами атамана Войска Донского Матвея Ивановича Платова были посланы казачьи и другие полки иррегулярной конницы. Ее подкрепили легкой егерской пехотой, войсками генерала от инфантерии М. А. Милорадовича. Больших сил Главной русской армии опустошенная Смоленская дорога вместить не могла.

Наличие большого числа полков легких войск (иррегулярных казачьих, башкирских, калмыцких, теплярских, гусарских и уланских, егерских) позволяли полководцу М. И. Голенищеву-Кутузову держать ситуацию в своих руках. Он делал все возможное для затруднения бегства наполеоновской армии из России, стремясь нанести неприятелю максимальный урон в людях, лошадях, артиллерии и обозах.

Эту сильную сторону своих наличных сил главнокомандующий Главной действующей армией России отмечал в письме адмиралу П. В. Чичагову от 3 ноября:

«...По изобильному количеству легких войск, при мне находящихся, имею я много партий, предводительствуемых достойными людьми, коих назначение есть предупреждать неприятеля в его марше, и сей день есть уже таковые в направлении к Орше».

С началом отступления Великой армии из сожженной Москвы, казаки столкнулись с новым образом неприятельского воинства. Это были не просто завоеватели-чужеземцы и осквернители православных храмов, предававшие на обратном пути из России огню русские города и деревни, через которые они проходили. Они увидели в наполеоновских солдатах и офицерах откровенных грабителей.

Столбовая Смоленская дорога, по которой уходили восвояси вражеские колонны, была забита тысячами и тысячами всевозможных повозок, карет и простых крестьянских телег с чужим добром, которыми, как писал один из французских мемуаристов, «в изобилии запаслись все наши грабители».

Тот же автор, между прочим, перед этим записал, что и он «запряг в красивую повозку двух прекрасных лошадей», погрузив на нее, среди прочего, провизию, которой заблаговременно запасся: десять голов сахару, большой ящик с чаем, изящные чашки и котел». Для того чтобы полностью нагрузить повозку, у него ушло три часа времени.

Первые пленные наполеоновцы, выхваченные казаками из походных колонн Великой армии, жалости к себе не вызывали. Скорее всего, дело обстояло после их «личного досмотра» совсем наоборот. История оставила нам собирательный образ военнослужащего наполеоновских войск, которого казаки встречали на всем протяжении пути от матушки-Москвы до самой государственной границы по берегу Немана, и даже на его противоположном берегу в Восточной Пруссии. Этот образ правдиво списал сам с себя бесхитростный сержант Бургонь (Бургон). Его мемуарный рассказ стал классикой для эпохи Наполеоновских войн, и, прежде всего, Русского похода 1812 года.

Буронь описывает содержание собственного солдатского ранца, которому он сделал осмотр на первом привале после выхода из Москвы. «Я воспользовался досугом, чтобы осмотреть свой ранец, казавшийся мне чересчур тяжелым, и удостовериться, нельзя ли что-нибудь выкинуть, чтобы облегчить

свою ношу.

В ранце было порядочно-таки запасов: я взял с собой несколько фунтов сахара, рису, немного сухарей, полбутылки водки, костюм китайки из шелковой материи, затканной золотом и серебром, несколько серебряных и золотых безделушек, между прочим – обломок креста Ивана Великого, то есть кусочек, покрывавший его серебряной вызолоченной оболочкой, – мне дал его один солдат из команды, наряженной для снятия креста с колокольни.

Со мной был также мой парадный мундир и длинная женская амазонка для верховой езды (эта амазонка была орехового цвета и подбита зеленым бархатом; не зная ее употребления, я вообразил, что носившая ее женщина была больше шести футов росту); далее, две серебряные картины, длиною в один фут на 8 дюймов ширины, с выпуклыми фигурами: одна картина изображала суд Париса на горе Идее, на другой был представлен Нептун на колеснице в виде раковины, везомой морскими конями. Все это было тонкой работы. Кроме того, у меня было несколько медалей и усыпанная бриллиантами звезда какого-то русского князя. Все эти вещи предназначались для подарков дома и были найдены в подвалах или домах, обрушившихся от пожаров.

Как видите, мой ранец должен был весить немало, но, чтобы облегчить его тяжесть, я выкинул из него свои белые лосиные брюки, предвидя, что они не скоро мне понадобятся. На мне же был надет сверх рубашки жилет из стеганого на вате желтого шелку, который я сам сшил из женской юбки, а поверх всего – белый воротник, подбитый горностаем; через плечо у меня висела сумка на широком серебряном галуне, в сумке было также несколько вещей, между прочим – распятие из серебра и золота и маленькая китайская ваза. Эти две вещицы избегли крушения каким-то чудом, и я до сих пор храню их как святыню. Кроме того, на мне была моя амуниция, оружие и шестьдесят патронов в лядунке».

Сержант полка фузилеров-гренадер Адриен Бургонь, кавалер ордена Почетного легиона и будущий су-лейтенант наполеоновской армии, стал для истории Отечественной войны 1812 года «собирабельным» образом французского завоевателя. Казакам, которые «роились» вокруг Смоленской дороги, на дорогах от Смоленска к государственной границе с такими Бургонями приходилось сталкиваться едва ли не каждый день. Симпатий к ним, естественно, ни казаки, ни особенно местные жители-крестьяне не испытывали.

19 октября генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов шлет атаману М. И. Платову предписание усилить сбор разведывательных данных о передвижениях наполеоновской армии, указывая на важность разрушения переправ на путях ее движения:

«При нынешних обстоятельствах мне непременно нужно, чтоб Ваше высокопревосходительство доставляли как можно чаще сведения о неприятеле, ибо, не имея скорых и верных известий, армия сделала один марш (от Адамовского к Кременскому по направлению к Гжатску. – *А.Ш.*) совсем не в том направлении, как бы ей надлежало, отчего весьма вредные следствия произойти могут. Я надеюсь, что сей отступной марш неприятелю сделается пагубным, и что Вы наиболее тому способствовать можете.

Почему Вы не оставите почитать главным предметом разрушение переправ, через которые неприятель идти должен, для чего отделите нужную партию, которая бы, стараясь упреждать неприятеля полумаршем, могла бы сим способом останавливать его марш.

Избрав исправный казачий полк, Ваше высокопревосходительство, ему предпишите явиться в главную квартиру и состоять впредь при оной».

...Определение важности сбора разведывательной информации и разрушения любых речных переправ определялось следующим обстоятельством. В тот же день 19 октября кутузовская армия начала движение к Вязьме. Теперь в ее рядах говорили только о том, что «изгнание француза из России началось». Вера в то была общая, хотя до берегов пограничного Немана предстоял еще долгий и тяжелый путь,

закончившийся в лютые декабрьские морозы.

Атаман Платов по такому случаю расстарался: он настиг неприятельский арьергард маршала империи Л. Н. Даву у Колоцкого монастыря и навязал ему бой. Французы старались удержаться на занимаемой позиции как можно дольше, чтобы дать возможность главным силам Великой армии и обозам уйти вперед подальше. Казаки настойчиво атаковали и «расстроили» (уничтожили) два вражеских пехотных батальона, взяв два знамени.

Маршалу Даву пришлось отступить от Колоцкого монастыря, бросив в его ограде 27 орудий «по негодности находившихся под ними лошадей». То есть состояние конских упряжек французской артиллерии было таково, что они по «изношенности» не могли тащить по дороге пушки и зарядные ящики. Добычей казаков стал и вражеский обоз, состоявший из повозок с награбленным в Москве добром.

На коротком пути от города Можайска до Колоцкого монастыря, что в 8 километрах от Бородино, неприятель бросил 500 изнуренных лошадей, годных разве что на мясные порции солдатам. Об этом атаман М. И. Платов в тот же день 19 октября, дойдя до Гриднева, донес эстафетой главнокомандующему. Такая информация полководцу «рассказала» о многом.

21 ноября М. И. Голенищев-Кутузов из местечка Раваничи писал генералу от кавалерии А. П. Тормасову о действиях полков атамана Платова в преследовании остатков главных сил Великой армии следующее: «...Граф Платов... старается выигрывать марш над неприятелем и атакует его беспрестанно во фланге и в голове колонн».

Арман де Коленкур свидетельствовал о достоинствах казачьей конницы на войне: «Сторожевое охранение у казаков было лучше, чем у нас; их лошади, пользовавшиеся лучшим уходом, чем наши, оказывались более выносливыми при атаке, казаки нападали только при удобном случае и никогда не ввязывались в бой».

О ночном бое с 25 на 26 сентября близ Малых Вязем Арман де Коленкур записал в своем «Дневнике» следующее:

«24 сентября Можайская дорога была совершенно перерезана корпусом русских драгун и казаков. Император направил туда несколько гвардейских стрелковых и драгунских эскадронов, и у них был ряд успешных столкновений с русской кавалерией. Наши драгуны, одержав верх, слишком далеко преследовали неприятеля, были окружены и должны были уступить численному превосходству русских. Командовавший эскадронами Марто, несколько других офицеров, драгуны и часть двух сводных эскадронов попали в плен.

Эта маленькая неудача, которую потерпела гвардия, хотя она и сражалась с большой отвагой, была неприятна императору не меньше, чем проигрыш настоящего сражения. Правда, и на всех остальных этот случай произвел тогда больше впечатления, чем выбытие из строя 50 генералов в сражении под Москвой.

Смоленская дорога была перерезана неприятельскими отрядами еще и в других местах; таким образом, мы не имели больше надежного коммуникационного пути, связывающего нас с Францией. Вильно, Варшава, Майнц, Париж уже не получали каждый день приказов монарха великой империи. Император напрасно ожидал в Москве сообщений своих министров, донесений губернаторов, новостей из Европы. На всех лицах было написано, что никто не думал о возможности такой помехи».

...Бои во время преследования Великой армии шли каждодневно. Большие и особенно малые, оставившие, однако, свой след в журналах военных действий и воспоминаниях участников войны.

Наполеоновская армия по столбовой (Новой) Смоленской дороге уходила к Вязьме, вполне боеспособная, не имея еще в походных колоннах расстроенных рядов, если не считать спешенных,

безлошадных кавалеристов. Корпус маршала Даву продолжал составлять ее арьергард, «заклучая марш». Усиленный летучий казачий корпус Платова едва мог догонять его. 20 октября донской атаман писал в Главную квартиру кутузовской армии о том, что «неприятели бегут так, как ни одна армия никогда ретироваться не могла».

...Военный историк А. И. Михайловский-Данилевский в «Описании Отечественной войны 1812 года» дал красочную картину того, как Великая армия императора французов стала разлагаться еще до сражения у Вязьмы, по пути к ней из Можайска. С такой картиной первыми столкнулись из преследователей Наполеона платовские казаки:

«Французы покидали на дороге раненых, больных, тяжести. Конница их перестала показываться в арьергарде; по недостатку в корме и подковах лошади так ослабли, что конницу отвели за пехоту, беспрестанно ускоряющую отступление. Поспешность была для неприятеля единственным средством скорее миновать пустыню, обнаженную от средств пропитания, достигнуть Днепра, где надеялись найти хлебные запасы, и вступить в соединение с корпусами Виктора и Сен-Сира, маршевыми батальонами, разными находившимися там командами, депо и множеством солдат, отставших от армии и бродивших в тылу ее.

Постигая необходимость поспешности, начиная от маршалов до последнего солдата, все торопились, но Наполеону казалось движение войск слишком тихим. Он посылал к Даву подтвердительные повеления не останавливаться и усиливать марши, делал выговоры за медлительность, и за то, что при каждом нападении казаков Даву строил войска в боевой порядок и посылал к шедшим впереди его вице-королю (Эжену Богарне) и Понятовскому требовать от них подкреплений, чем задерживал их корпуса и свой собственный.

Между тем погода с каждым днем становилась суровее. Холодный осенний ветер делал неприятелям биваки нестерпимыми, и рано, гораздо прежде зари выгонял их из ночлегов. Впотьмах снимались они с лагеря и освещали путь свой фонарями. Все роды войск старались обогнать друг друга. При переходах через плотины и мосты не было соблюдаемо никакого порядка, и они загромождались обозами, препятствовавшими движению войск.

Взятые из Москвы и находившиеся на людях запасы были скоро съедены; начали употреблять в пищу лошадиное мясо. Цены на жизненные припасы, теплую одежду и обувь увеличивались с каждым днем и часом. Сворачивать с дороги для добывания продовольствия было невозможно: казаки рыскали по сторонам, кололи и брали всех, кто ни попадетя.

К донцам и авангарду Милорадовича присоединялись из соседних селений крестьяне, нередко во французских плащах, киверах, касках с лошадиными хвостами, стальных кирасирских нагрудниках. Иной был с косою и большим гвоздем, утвержденным в дубине, третий с рогатиною, немногие с огнестрельным оружием. Они выезжали из лесов, где скрывались их семейства, приветствовали Русские войска, поздравляли его с бегством супостатов, и изливали на врагов в последний раз, на прощанье, свое праведное мщение.

Страх попасть в руки казакам и крестьянам превозмогал в неприятелях чувство голода и удерживал их от мародерства. Враги начинали бросать оружие, чему первые подали пример спешенные всадники, получившие в Москве вооружение пехотных солдат. Мешаясь между полками, они положили корень страшному злу – неподчиненности. Из безоружных составлялась сперва небольшая толпа; тащась за войском, она увеличивалась подобно катящемуся снежному клубу. Больные и усталые без малейшего сострадания были покидаемы на дороге.

Опасаясь потерять знамена, полковые командиры, особенно войск Рейнского союза, стали снимать их

с древков и вручали на сохранение надежным и крепкого сложения солдатам, приказывая им прятать знамена в ранцы или под мундир, обвязывая их вокруг тела. Слепленные не предвидели, что никакая сила человеческая не сможет спасти не только знамен, но и всего ополчения, грозившего разгромить Россию!

Миновав Гжатск, Наполеон не ехал более верхом среди войск, и сел в карету, надев соболью шубу, покрытую зеленым бархатом, теплые сапоги и шапку.

В таком положении была неприятельская армия в первые четыре дня своего марша на Вязьму...»

Начало контрнаступления русской армии дало всплеск широкого армейского партизанского движения на коммуникациях и в тылу наполеоновской Великой армии. Требовалось не только истреблять врага по пути его бегства, но и «встречать» его авангардные войска, всячески препятствовать его движению на запад.

...Уже после первого столкновения платовских казаков 19 октября между Можайском и Гжатском, атаман Войска Донского доносил главнокомандующему: «Я противника преследую с флангов, на каждом шагу с бригадой казаков и с орудиями, сам же давлю его пушками и казаками с тыла, – сражение продолжается».

В тот день поздней осени, когда до морозов было еще далеко, казачьи полки на рассвете обошли левый (южный) фланг неприятельского арьергарда и неожиданно, лихо атаковали его походные колонны. Удар «степных ос» был удачен: действуя преимущественно холодным оружием – пиками и саблями, они, презрев ружейную пальбу в упор, истребили более двух батальонов пехоты, захватили 20 орудий с зарядными ящиками, два французских знамени и лишили врага еще одного большого обоза с награбленным в Москве имуществом.

Московский купец 2-й гильдии Д. К. Боткин, выехавший из первопрестольного града в город Ростов, писал оттуда сыну, находившемуся в Казани: «...В рассуждении военных, обстоятельства для России чрезвычайно приятные, мы получаем оные известия из Ярославля. Скоро ожидают Наполеона – сидит в руках господина Платова. Помоги ему бог свой слово сдержать!»

Пройдет немного дней и чиновник Санкт-Петербургского почтамта Иван Оденталь отпишет другу после освобождения Смоленска: «...Можно себе представить, как торопится он (император француз) унести свои ноги. Гр(аф) Платов скачет за Смоленском вдогонку за новыми корпусами и кричит «ура!» – видно их догоняет. Немного же осталось теперь у Наполеона клочков от великой его армии».

...Контрнаступление русской армии и начало преследования Наполеона дало всплеск армейскому партизанству. Казаки стали его первоосновой. Сила же армейских партизан выразилась в следующих цифрах. Всего в состав летучих отрядов в сентябре 1812 года входило: 36 казачьих полков (или иррегулярных, бывших на положении казачьих), 7 армейских кавалерийских (гусарских, уланских, драгунских) полков, 5 отдельных эскадронов кавалерии, 6 пехотных (егерских) полков, 22 полковых орудия и одна команда конной артиллерии.

О действиях партизан от кутузовской армии известно много свидетельств. Гусар-поэт Денис Давыдов, человек огромной исторической популярности, в своем известном «Дневнике партизанских действий» рассказал о том, как казаки нескольких партизанских отрядов «сопровождали» походную колонну, в которой к Смоленску шла императорская гвардия во главе с самим Наполеоном:

«...На рассвете, разъезды наши дали знать, что пехотные неприятельские колонны тянутся между Никулиным и Стеснами. Мы помчались к большой дороге и покрыли нашу орду все пространство от Аносова до Мерлина. Неприятель остановился, чтобы дожидаться хвоста колонны, бежавшего во всю прыть для сомкнутия.

Заметив сие, граф Орлов-Денисов приказал нам атаковать их. Расстройство сей части колонны неприятельской способствовало нам почти беспрепятственно затоптать ее и захватить в плен генералов Альмераса и Бюрта, до двухсот нижних чинов, четыре орудия и множество обоза.

Наконец подошла Старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон. Это было уже гораздо за полдень. Мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового из сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегали все усилия наши и остались невредимыми...

Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов! Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди снежного поля! Будь с нами несколько рот конной артиллерии и вся регулярная кавалерия, бог знает для чего при армии влачившаяся, то как передовая, так и в следующие за нею в сей день колонны вряд ли отошли бы с столь малым уроном, каковой они в сей день потерпели.

Командуя одними казаками, мы жужжали вокруг сменявшихся колонн неприятельских, у коих отбивали отставшие обозы и орудия, иногда отрывали рассыпанные или растянутые по дороге взводы, но колонны оставались невредимыми.

Видя, что все наши азиатские атаки рушатся у сомкнутого строя европейского, я решился под вечер послать (майора) Чеченского полк (бугских казаков. – А.Ш.) вперед, чтобы ломать мостики, находящиеся на пути к Красному, заваливать дорогу и стараться всеми силами, окружая справа и слева и пересекая дорогу спереди, мы перестреливались с стрелками и составляли, так сказать, авангард авангарда французской армии.

Я как теперь вижу графа Орлова-Денисова, гарцующего у самой колонны на рыжем коне своем, окруженного моими ахтырскими гусарами и ординарцами Лейб-гвардии казацкого полка. Полковники и офицеры, урядники, многие простые казаки бросались к самому фронту, – но все было тщетно! Колонны валили одна за другою, отгоняя нас ружейными выстрелами, и смеялись над нашим вокруг них безуспешным рыцарством.

В течение дня сего мы еще взяли одного генерала (Мартушевича), множество обозов и пленных до семисот человек: но гвардия с Наполеоном прошла посреди толпы казаков наших, как стопушечный корабль между рыбацкими лодками...»

...21 октября кавалерия авангарда генерала от инфантерии М. А. Милорадовича вышла к столбовой Смоленской дороге. С сельской колокольни в «зрительную» (подзорную) трубу генералам Васильчикову и Корфу было ясно видно движение наполеоновской армии, шедшей в большом беспорядке. На их глазах генерал-майор Карпов с несколькими казачьими полками сделал дерзкий набег на дорогу и «выхватил» несколько обозов из самой середины французских корпусов, перебив и разогнав их пехотную охрану. Этот лихой набег стал предвестником Вяземского сражения.

...Сражение под Вязьмой прошло без присутствия самых главных предводителей сторон – императора Наполеона I и генерал-фельдмаршала светлейшего князя М. И. Голенищева-Кутузова. И тот, и другой в тот день находились в 27 верстах от этого древнего русского города: первый был в Семлеве, второй – в Дуброве.

Вяземское сражение завязал Милорадович, перекрывший дорогу арьергардному корпусу маршала Даву. Платов, который шел по его пятам, услыша влево от себя артиллерийскую канонаду, сперва подумал, что бой завязал один из летучих партизанских отрядов, которые роились над Смоленской дорогой. Когда

же он получил донесение о том, что Милорадович напал на французские колонны, бывшие впереди, донской атаман по тревоге поднял свои полки с ночлега и двинулся к месту кровавых событий.

В платовском отряде состояли по приказу главнокомандующего 26-я пехотная дивизия генерал-майора И. Ф. Паскевича и два драгунских полка. Атаман вручил эти регулярные силы под начальство своего старого боевого товарища генерал-майора А. П. Ермолова, начальника Главного штаба кутузовской армии, находившегося в те дни в рядах авангарда.

Генерал от кавалерии М. И. Платов отдал приказ подчиненному ему командиру 26-й пехотной дивизии генерал-майору И. Ф. Паскевичу атаковать неприятельский арьергард у Вязьмы. Атаман уведомил, что французы будут одновременно атакованы и войсками Милорадовича. Казаки же нанесут удар с правой стороны столбовой Смоленской дороги, в то время как пехота Паскевича будет теснить наполеоновцев по самой дороге.

Ситуация не давала времени на раздумья и ожидания сосредоточения сил. Арьергард 1-го армейского корпуса Великой армии под командованием маршала Даву надо было еще догнать. Чтобы это сделать и связать французов на дороге огневым боем, требовалось овладеть городом, который смотрелся на большой дороге сильным бастионом.

Поскольку 26-я пехотная дивизия, спешившая к Вязьме, еще не подошла, сметливый Платов посадил на казачьих лошадей, что не выглядели обессиленными, верхом позади всадников 300 (или 400) стрелков из стоявшего вблизи казачьего стана 5-го егерского полка. За «ездящей» пехотой, которая шла на рысях, были отправлены шесть орудий легкой артиллерийской роты. Вместе с ними к городу атаман двинул донскую конную артиллерию, два драгунских и несколько казачьих полков.

Сам же генерал от кавалерии поспешил догнать с оставшейся у него казачьей конницей вражеский арьергард, настигнув его в селе Федоровском и завязав там бой. Французы, видя себя окруженными и путь в Вязьму в руках противника, дрались упорно, с ожесточением. Прорваться к городу, стоявшему там, где реку Вязьму пересекал Смоленский тракт, они могли только с боем и большими потерями в людях и оружии.

26-я пехотная дивизия догнала вражеский арьергард. Он состоял из двух пехотных колонн, одна из которых стояла на Смоленской дороге, другая с правой ее стороны у опушки малого леса. Командир дивизии принял решение атаковать колонны прежде, чем к ним могла подоспеть поддержка. Казаки получили приказ «стать во фланг этих колонн с левой стороны дороги и атаковать, когда они будут приведены в расстройство огнем нашей артиллерии».

Шесть орудий легкой артиллерийской роты открыли беглый картечный огонь. Казаки, видя начавшееся расстройство вражеских рядов, бросились лавой в атаку, но сделали это слишком рано. Французская пехота, воспользовавшись тем, что противник прекратил пушечный огонь, сомкнули ряды колонн и встретили «набегающую» лаву ружейными залпами. Казакам пришлось отвернуть коней в стороны. Тогда картечный огонь возобновился, после чего в штыковую атаку, которая оказалась победной, пошли русские егеря.

Когда войска наступающего кутузовского авангарда подступили к Вязьме, атаман М. И. Платов приказал командиру 26-й пехотной дивизии, бывшего «в его команде», взять город. Речь в данном случае шла о совместной атаке с пехотой армейского авангарда, который в движении не всегда поспевал за усиленным летучим казачьим корпусом.

В 4 часа дня начался штурм самого города, который через два часа был очищен от неприятеля. Главным героем дня стала 11-я пехотная дивизия (прежде всего Перновский пехотный полк), которая пошла на приступ по приказу генерала от инфантерии М. А. Милорадовича. Платовские казаки ворвались в

город с северо-восточной стороны вместе с 26-й пехотной дивизией, и приняли посильное участие в тушении пожаров. Совместными усилиями город был очищен от неприятеля к 6 часам дня.

Вязьма с ее деревянными строениями догорала всю ночь. Современник после войны напишет: «Таким образом, еще одно пепелище родного города вырвано было из рук хищников». Вряд ли вяземское пожарище поразило сердца платовских казаков, поскольку они за войну уже достаточно насмотрелись выгоревших дотла больших селений и совсем маленьких, часто в несколько домов, деревушек. И это не считая сожженного первопрестольного града Москвы. А впереди кутузовскую армию ждал древний русский город-крепость Смоленск, который на берегах Днепра смотрелся огромным пожарищем.

Значение дела под Вязьмой заключалось в следующем. До этого император Наполеон еще вел разговоры в кругу маршалов о том, что надо бы нанести по противнику сильный контрудар и изменить стратегическую ситуацию на театре войны. После Вязьмы император французов о том больше не рассуждал, а отдал приказ по Великой армии об ускоренном движении к Смоленску. Можно считать, что за Вязьмой и началось бегство войск Бонапарта из России.

Мемуарист Роос рассказывает о том, как после Вязьмы его вюртембергцы нашли на ночь приют у почтовой станции, окруженной частоколом. Ее гарнизон, сильный отряд пехоты, состоял из нарекрутированных немцев, уроженцев Эльзаса и Лотарингии. Они рассказали прибывшим, что им почти ежедневно приходится оборонять станцию от казаков, сопровождать армейские транспорты и императорских курьеров, постоянно сражаясь с теми же казаками, то есть отстреливаясь от них по дороге.

Наполеоновский адъютант де Кастеллан во время стоянки в сожженном городе Вязьме сделал такую дневниковую запись: «Император надел меховую шапку, зеленую шубу... Находим там (в Вязьме) восемь эстафет (курьеров с почтой), их не хотели отправлять дальше по причине казаков... Казаки по своему обыкновению ежедневно по несколько раз бросаются на «ура!»... Мне тепло благодаря найденным женским шубам...»

На Смоленщине наполеоновские войска столкнулись с новым образом настойчивых преследователей. Теперь казачьи полки для удобства действий на заснеженных дорогах разбивались на небольшие легкоконные отряды, каждый из которых имел в своих рядах пушки малого калибра, возимые на санях по любому снежному бездорожью, по полям и перелескам. Такие казачьи партии с возимой артиллерией стали для разрозненных колонн остатков наполеоновских корпусов настоящей погубителью и на земле Белоруссии.

28 октября главнокомандующий русской армией отправил императору Александру I более полный рапорт о сражении под Вязьмой, включив в него сообщение о взятии на Смоленщине Дорогобужа, который являлся «ключом» от губернского города. Полководец не преминул вновь отметить ратные заслуги казачьих полков и лично донского атамана:

«...Отбитое у неприятеля в сражении у города Вязьмы генералом Платовым знамя (о котором имел я счастье всеподданнейше с последним курьером Вашему императорскому величеству донести) с гвардии поручиком Гурьевым повергаю. Примечательно при сем случае то, что сие знамя принадлежало 7-му егерскому французскому полку, которого знамена 1-го и 2-го батальонов имел я счастье недавно пред сим всеподданнейше представить, и сей 3-й батальон, будучи нами преследуем, имел ту же участь.

Полки генерала Платова, преследуя 23-го числа неприятеля от Вязьмы к Дорогобужу, на французские конной гвардии полки, из коих разбили несколько эскадронов, до 300 человек взяли в плен и отбили 3 пушки; взятые же притом два штандарта 2-го гвардейского полка копейщиков у сего также повергаются...

Вслед за сим буду иметь счастье повергнуть отличившихся монаршему воззрению; теперь же осмеливаюсь ходатайствовать о производстве есаула Платова 7-го в войсковые старшины, как офицера,

неоднократно отличившегося в бывших казацких делах.

За сим авангард генерала Милорадовича следует по Большой дороге за неприятелем. Генерал Платов с полками вперед от Большой дороги направо, стараясь поражать ретирующегося неприятеля в голове, имея особенные команды на фланге неприятельском с обязанностью препятствовать неприятелю фуражировать и зажигать деревни. Генерал-адъютант граф Орлов-Денисов с левого фланга неприятельского последовал к переправе чрез Днепр, что при Соловьеве, и стараться будет затруднять его переправу. Армия, следуя проселочными дорогами, сего дня ночевала в городе Ельне...

При сем имею счастье поднести в оригинале рапорты генералов: Милорадовича, Платова и Уварова.

Фельдмаршал князь Г(оленищев) – Кутузов».

Историк-белоэмигрант А. А. Керсновский в «Истории русской армии» писал о том эпизоде Отечественной войны: «22-го октября Милорадович и Платов, думая отрезать французский арьергард у Вязьмы, наткнулись на главные силы французов и после упорного боя опрокинули их. 28-го числа близ Черной Грязи (у Духовщины) Платов нагрянул на 4-й (итальянский) корпус вице-короля Евгения, переправлявшийся через речку Вопь, и совершенно растерзал его, взяв всю артиллерию...

В деле у Черной Грязи с Платовым было всего 3000 казаков. Он вихрем налетел на франко-итальянцев, перебил и взял в плен свыше 2000, разогнал остальных (вице-король смог собрать из всего корпуса всего 4000) и взял обозы и 87 орудий».

Дело у Духовщины прославило казачьего генерала Василия Дмитриевича Иловайского 12-го. Его бригада решительно атаковала на подступах к этому уездному городу на Смоленщине ту часть 4-го корпуса Великой армии, которым командовал сам вице-король итальянский Евгений Богарне. Появление у себя в тылу нескольких казачьих полков французы встретили со смятением. Однако Евгений Богарне, сохранивший хладнокровие, построил свою гвардию в каре и заставил донцов очистить дорогу в близкий город.

Вице-король стал спешно укреплять Духовщину, ожидая налета преследовавших его корпус казаков. Пехота и орудийные расчеты расположились на высотах. Тем более что остатки 4-го корпуса превосходили силами бригады Иловайского 4-го и А. Д. Мартынова, подступивших к городу. Донским военачальникам пришлось отказаться от мысли самостоятельно брать Духовщину и ожидать подхода главных сил платовского корпуса. Но задел успеха ими был уже сделан.

...Военный историк из Англии Р. Ф. Делдерфилд, испытывавший большую личную симпатию к маршалу Мишелю Нею, так изобразил судьбу французского арьергарда на заснеженных дорогах Смоленщины под командованием этого мужественного человека, говоря при этом о казаках-преследователях не самые добрые слова:

«В длинной саге об империи Наполеона не было ратного подвига, сравнимого с действиями Нея во время отступления длиной в 400 миль, сопровождавшегося жестокой пургой, холодами, почти полным отсутствием еды, крова и постоянными нападениями казаков.

Вся история того, какое влияние этот человек имел на несколько тысяч отчаявшихся бродяг, еще получит свое развитие, но ее начало будет положено здесь, при Вязьме. В присутствии рыжеволосого маршала, известного своей непоколебимой отвагой и непреклонной верой в самого себя и непобедимость своего императора, солдаты арьергарда собирались с духом, и, несмотря на то, что банды казаков продолжали нападать с тыла и с флангов днем и ночью, ни одно из этих нападений не увенчалось успехом (?).

Выстраивая их в каре, иногда по 20 раз в день, Нея отражал каждую атаку, часто сам разряжая мушкет

в нападавших. Иногда, когда казаки были в пределах слышимости, он с издевкой приветствовал их, предлагая подойти поближе. Если бы среди отступавших не было этого непреклонного рыжеволосого эльзасца, сомнительно, что половина из уцелевших дошла бы даже до Смоленска...»

Историки Европы, описывая «во всех ужасах и тяготах» отступление армии императора Наполеона по столбовой Смоленской дороге (даже когда она еще не лежала в снегах), обязательно указывали на гибельность для французов и их союзников казачьих атак: «...Атаман Платов продолжал придерживаться своей тактики постоянных набегов. Каждого замешкавшегося француза из арьергарда ждала смерть или плен...»

«Во время отступления каждый день проходили отдельные стычки, в которых иногда участвовали по нескольку тысяч человек, иногда по нескольку сотен. Обычно это были сражения на ходу, случавшиеся между 40 или 50 решительными французами и, может быть, парой сотен казаков, которые время от времени скакали на расстоянии пистолетного выстрела, но уже не отваживались приблизиться, чтобы пустить в дело свои длинные пики».

К вышесказанному следует добавить, что автор описывает здесь способ атаки «степных ос» походных колонн спешившей уйти из российских пределов Великой армии. «Две сотни» казаков на начало зимы 12-года – это строевой состав поредевшего в силу разных причин казачьего полка Дона и Оренбурга, полков башкирской, калмыцкой, тептярской и иной иррегулярной конницы. Это были казачьи лавы не из сотни или партии всадников, а целого полка, в едином порыве устремлявшегося неприятеля на Смоленской дороге, спешившего из колонны перестроиться в спасительное от налета конницы для пеших людей каре.

То, что казаки подъезжали на пистолетный выстрел к вражеской походной колонне, основу которых составляли стрелки-пехотинцы, вооруженные дальнобойными ружьями, говорит о смелости и бесстрашии наездников. В таких случаях они вели перестрелку с французами, поскольку пистолеты находились на вооружении не только казачьей конницы, но и всей регулярной кавалерии. Иначе говоря, казаки-донцы не просто «скакали на расстоянии пистолетного выстрела», а шли в бою под пули ружейных залпов. Пики и дротики они могли пустить в дело только в ходе рукопашной схватки, то есть в ближнем бою.

Английский исследователь эпохи Наполеоновских войн Дональд Р. Ф. Делдерфилд в своей работе о изгнании императора французов из Москвы пытается найти истоки такой казачьей смелости не в желании сразиться с врагом, а совсем в другой мотивации поступков «жалких арабов Севера» на большой войне, ставшей для них Отечественной, а для незваных пришельцев – Русским походом завоевателя Бонапарта. Делдерфилд пишет далее:

«Казаки не приближались не потому, что им не хватало решимости, ими двигало подчинение приказам и тяга к наживе. Зачем подвергать себя риску быть убитыми, атакуя части Даву и Нея, если намного более легким развлечением были внезапные атаки из пихтовых рощ (?) или из стоящих за этими рощами разрушенных деревень?»

Беспомощные люди находились здесь каждое утро, часто после обеденного привала – солдаты, которые были уже не в состоянии заряжать свои мушкеты из-за отморозенных пальцев, те, кто больше не мог идти, лишившись пальцев на ногах.

Было также много умерших, у них в поясах и подкладках шинелей еще лежало награбленное добро. Попадались даже обозы, брошенные из-за нехватки лошадей или сломанного колеса. Во многих из них кроме раненых и мертвых лежали трофеи, добытые в Москве и аккуратно завернутые в овечьи шкуры (?).

Значительная часть тяжелой добычи оставалась (бросалась), как, например, большой крест колокольни Ивана Великого или готические доспехи из кремлевского арсенала. Немалое количество этого было брошено в озеро у села Семлево, под Вязьмой, но на дороге все еще оставалось достаточно награбленных

вещей, и казаки предпочитали скорее заниматься поисками этого добра, нежели драться, несмотря на постоянную готовность сражаться (?) за свои находки».

Здесь следует заметить следующее. Военная добыча являлась в ту эпоху желанной для войск любых стран. Здесь иллюзий в отношении кого-то строить не надо. Достаточно вспомнить картину быта наполеоновских войск в Москве, в том числе императорской Старой и Молодой гвардии, то назвать их иначе, чем грабители и мародеры, весьма сложно. Людьями, постоянно ищущими на войне добычу, казаков называли прежде всего те мемуаристы и историки, которые особых симпатий к России не испытывали, а к Французской империи Бонапарта, державе европейской, относились или гораздо лучше, или откровенно снисходительно.

И, наконец, внезапное нападение конницы на вражеский походный стан военной истории известно с древнейших времен как удачный способ нанесения врагу максимального урона в силу того, что он не успевал создать воинский строй. Он не успевал полностью вооружиться, надеть доспехи и, что бывало часто, сесть на своих коней. В таких случаях в походном стане возникала неразбериха, суматоха и очень часто – паника.

То, что неприятель, устраивавшийся на ночлег вдоль столбовой Смоленской дороги (организованно, воинскими частями или «самостоятельно»), нес большие потери в людях, это действительно факт. Что же касается холодов и морозов, снежной метели и сугробов, то от них одинаково страдали и те, кто бежал по дороге на запад, и те, кто их преследовал. Такие невзгоды касались людей и лошадей независимо от их принадлежности к двум противоборствующим армиям.

Исследователи отмечают тот неоспоримый исторический факт, что именно летучий казачий корпус атамана М. И. Платова и армейские партизанские отряды, основу которых составляли казаки, шли в авангарде русской армии. Именно они были «первыми» преследователями Великой армии и, наконец, ее остатков от Малоярославца и до Немана. Именно казаки торопили и самого императора французов, и его последнего солдата, давно бросившего ружье с патронами и тащившегося по Смоленской дороге от самой Москвы в чужой бархатной шубе внакидку.

Историк Р. Ф. Делдерфилд утверждает, что отступление Великой армии из России в начале зимы 12-го года могло быть быстрее, чем это было двести лет назад. Он говорит, что одним из «факторов, вызывавших задержку, был поиск и дележ награбленного (разумеется, французами) добра, которые значительно замедляли темп передвижения казаков Платова».

Здесь уместно заметить, что скорость бегства наполеоновцев из пределов России, равно как и преследования их кутузовской армией, не могла превышать скорости передвижения пешего солдата с оружием и ранцем за плечами в холод по зимней дороге, пусть и с короткими привалами в пути. Разумеется, конный не пеший, потому платовские казаки, выполняя приказ главнокомандующего, раз за разом обгоняли вражеские походные колонны, оказываясь перед их авангардами. Страх гибели тоже не мог заметно подстегивать бредущего по столбовой Смоленской дороге голодного и замерзшего наполеоновского пехотинца или спешенного кавалериста. Не подгонять же их было казакам нагайками; они сами терпели любые лишения.

После боя под Вязьмой начальник Генерального штаба империи Луи Александр Бертье, он же генерал-полковник швейцарских войск на французской службе, был неузнаваем для собственных штабистов. Всегда невозмутимый и исполнительный Бертье от имени императора сурово потребовал от маршалов, чьи войска участвовали в вяземском деле, объяснений:

«Как могло случиться, что неприятельский (казачий. – А.Ш.) корпус, который покусился перерезать сообщение между французскими дивизиями, не был взят в плен?»

Бертье в таком требовании выдавал желаемое за действительное. С самого начала движения Великой армии в западном направлении по столбовой Смоленской дороге, в плен противника брали казаки, а не наоборот. Под Вязьмой походные колонны наполеоновских войск еще удачно отражали казачьи лавы, которые накатывались на них по полям, с лесных опушек, из-за поворота дороги. Чем дальше от Москвы уходил неприятель, тем труднее ему было обеспечить безопасность собственного движения.

За всю Отечественную войну платовский летучий казачий корпус не знал обидных поражений от маршалов Франции, какими бы именитыми они ни были в наполеоновскую эпоху начала того столетия.

...Первый снег выпал на театре войны 23 октября, то есть на второй день после сражения при Вязьме. Зима же «стала» 25 октября, когда «линия фронта» на столбовой Смоленской дороге находилась на Смоленщине у города Дорогобужа, спустя 18 дней после того, как «французы поднялись из Москвы, как испуганные вороны с орлиного гнезда. Стужа держалась первые пять дней, потом заметно уменьшилась. Один из историков заметил, что Бонапарт должен был знать, что русская зима начинается в середине французской осени, и против нее следовало запастись шубами, а добыча наполеоновской армии «не могла ее затруднить в таком краю, где и нищие не ходят без шуб».

Начиная от Вязьмы, наполеоновская Великая армия, растеряв последние надежды на благополучный для себя исход Русского похода Бонапарта, старалась только вырваться из России. Она таяла как снег под первыми дождями, тешилась надеждой оторваться от преследователей в лице войск атамана М. И. Платова и генерала от инфантерии М. А. Милорадовича. О каком-то закреплении на удобных рубежах речь уже не шла. Летучие отряды армейских партизан потеряли сон, лишились отдыха после боя, каждодневно истребляя «ворога» на его пути.

«Партия» Дениса Давыдова перешла на новый суточный «режим» ведения «малой войны», то есть погони за бежавшим врагом. Кутузовские приказы гласили: «Преследовать неотступно... Перерезать путь... Препятствовать всячески... Лишать неприятеля средств жизнеобеспечения войск...». Полководец видел, как «малая война» вдоль Смоленской дороги делает свое великое дело.

Наступившие холода, заснеженные дороги среди разоренных земель Смоленщины сделали жизнь казачьих полков, отрядов армейских партизан мало чем отличной от той, которую вели преследуемые ими остатки корпусов и дивизий Великой армии. Все тяготы войны зимой стороны делили по-братски, пополам. Денисов писал:

«От самой Вязьмы образ нашей жизни совершенно изменился. Мы вставали в полночь. В два часа пополудни обедали так плотно, как горожане обедают в два часа пополудни, и в три часа выступали в поход.

Партия шла всегда совокупно, имея авангард, арьергард и еще один отряд со стороны большой дороги, но все сии отделения весьма близко от самой партии. Я ехал между обоими полками иногда верхом, иногда в кошевнях, которые служили мне ночью вместо квартиры и кровати.

Когда не было неприятеля, то за полчаса до сумерков оба полка спешивались и от того приходили на ночлег с выгулявшимися лошадьми, коих немедленно становили к корму. По приведении в устройство всей военной предосторожности мы немедленно ложились спать и во втором часу садились снова за трапезу, на коней и пускались в погоню».

...Генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов после Малоярославца стал строить для армии своего именитого соперника в лице императора французов с его созвездием больших побед «золотой мост» для бегства из России. Одними из главных устроителей этого «золотого моста» стали казачьи полки донского атамана Матвея Платова. Главная русская армия, контрнаступавшая параллельно столбовой (Новой) Смоленской дороге, отставала от платовского летучего корпуса, в лучшем случае, на один или два

перехода.

«Всеподданнейший Вашего Императорского Величества» генерал-фельдмаршал князь М. И. Голенищев-Кутузов в донесении Александру I из Ельни писал 27 октября:

«Генерал от кавалерии Платов с некоторого времени оказал давнюю свою ревность и действовал неутомимо при всей своей болезни. Кажется, что верх его желаний есть титул графское...»

На следующий день, 28 октября, Михаил Илларионович из той же Ельни в частном письме Д. П. Троицкому, полтавскому губернскому предводителю дворянства и будущему министру юстиции, сообщал о действиях платовских казаков следующее:

«...Сию минуту получил известие от генерала Платова, который, преследуя неприятеля, разрезав 4-й корпус под командой вице-короля италийского, истребил совершенно, взял в плен 3000 чел. италийской гвардии, офицеров и несколько генералов, между коими помощник принца Бертье генерал Сансон, 15 офицеров гвардии и 62 орудия. Пленные французы, даже и упомянутые офицеры просят о принятии их в нашу службу, признавая, что высочайшая честь ныне есть носить русский мундир.

Разумеете, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!»

В тот же день 28 октября главнокомандующий М. И. Голенищев-Кутузов в письме адмиралу П. В. Чичагову, чья 3-я Западная армия (созданная при объединении 3-й Обсервационной и Дунайской армий) выходила на пересечение пути бегства Наполеона из России, сообщал о новой большой победе платовских казаков над одним из корпусов Великой армии:

«...Перед самым отправлением (к вам) курьера получено известие от генерала Платова, что 27-го числа казаки, нагнав бегущего неприятеля на Духовской дороге, разбили 4-й его корпус (Итальянский вице-короля Эжена Богарне. – А.Ш.) и взяли в плен генерала Сансона и 3500 нижних чинов, и отбито 62 орудия. Неприятель бежит в величайшем беспорядке. Его положение до такой степени бедственно, что даже пленные офицеры просят о принятии их в российскую службу».

Бой тот получался знатный. Мемуарист А. П. Ермолов так описывает дело казачьего летучего корпуса под Духовщиной: «Атаман Платов из Вязьмы отправился на Духовщину по известиям, что туда идет парк тяжелой артиллерии, высланный в Можайск пред выступлением Наполеона. Медленно было его движение по причине огромного количества повозок под канцеляриями различных штабов и экипажей множества чиновников...

Прикрытие состояло большей частью из войск вице-короля италийского и прочих союзников. Уклоняясь от большой дороги, они почитали себя в безопасности, не соблюдая порядка, ни малейшей осторожности.

Внезапное появление тучи казаков с самим атаманом Платовым привело все в замешательство; никто не помышлял о защите, всякий искал спасения. Взятые в плен: один генерал, занимающий важное место в армии, все чиновники, много нижних чинов и многочисленная коллекция карт и планов. Казакам при самой незначительной потере достались в руки шестьдесят три орудия и богатая весьма добыча.

Атаман Платов, пришедши на правый берег Днепра, остановился против предместья Смоленска, укрепленного французами. Наполеон с гвардиею и вся армия занимали город...»

Многочисленная коллекция карт планов значительно обогатила картографическое депо русской армии. Среди этих трофеев, к примеру, оказалась огромная карта большей части Германии, «изящно и во всех подробностях отделанная (рисованная и оттушеванная кистью)». Многих карт театра военных действий, утраченных штабом Наполеона близ Духовщины, в самой Франции не было, что в известной мере сказилось на действиях сторон в 1813 и 1814 годах на германской территории.

...Атаман М. И. Платов на всем пути отступления, а потом бегства сперва Великой армии, а потом ее остатков от Малоярославца до Березины демонстрировал высокое искусство ведения «малой войны» на путях движения походных колонн наполеоновских маршалов. Платовские рапорты в кутузовской штаб-квартире ожидалось с нетерпением: по ним полководец мог читать действия и устремления своего венценосного соперника. Эти донесения часто ложились в основу того, что каждодневно докладывалось о ходе войны на имя императора Александра I.

В рапортах за подписью генерал-фельдмаршала князя М. И. Голенищева-Кутузова часто звучали восторженные слова по поводу победных дел казачьих партий и самого атаманского летучего корпуса. Как, к примеру, такая строка: «Кзаки делают чудеса, бьют на артиллерию и пехотные колонны...»

Со своей стороны, в штабе императора французов постоянно анализировалась ситуация на путях движения Великой армии. Непрерывные налеты «степных ос» на вражеские походные колонны вынуждали Наполеона искать «противоядие» такому бедствию, которое каждодневно и зримо сокращало численность войск. Среди таких мер стало установление новых походных порядков, чтобы «спутать карты» казачьим генералам и полковникам, командирам легкоконных армейских партизанских отрядов при организации налетов на уже заснеженные дороги Смоленщины.

Маршал империи Л. А. Бертье, начальник главного штаба Великой армии, озаботился такой бедой еще во время своего «сидения» в сожженной Москве. Он действительно был большим мастером вождения войск на театрах войн, которые вел его император. 21 октября Бертье, в частности, отправил предписание вице-королю итальянскому Эжену (Евгению) Богарнэ, в котором говорилось:

«Ваше высочество!

Настоятельно необходимо изменить порядок походного движения ввиду того, что у неприятеля такое количество казаков. Нужно двигаться, как мы ходили в Египте, с обозами посередине, сомкнуто во столько рядов, сколько позволяет дорога, имея полубатальон в голове и полубатальон в тылу; необходимо вести батальоны рядами на флангах, чтобы, повернувшись во фронт, обеспечить огонь во все стороны.

В том, что эти батальоны пойдут на некоторых дистанциях один от другого, неудобства нет, если разместить между ними, по флангам, по нескольку орудий. Нельзя допускать ни одного отдельного или безоружного человека...

Так как для производства отступательного марша достаточно корпусов герцога Эльхингенского и принца Экмюльского, то императору угодно, чтобы Ваше высочество продолжали со своим корпусом двигаться на Смоленск большими переходами».

...После Вязьмы, 23 октября, генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов дал новое предписание войскам, которые непосредственно преследовали Великую армию по столбовой Смоленской дороге. В приказе главнокомандующего говорилось:

- 1) Милорадовичу идти по пятам неприятелей и теснить их сколько можно больше.
- 2) Платову стараться с правой стороны дороги опережать их одним переходом, нападать на головы французских колонн во время марша их и беспрестанно тревожить.
- 3) То же самое исполнять графу Орлову-Денисову с левой стороны дороги.
- 4) Давыдову и графу Ожаровскому с их армейскими партизанскими отрядами по возможности приблизиться к Смоленску...

Полководец писал в своих повелениях казачьим вождям генералу от кавалерии М. И. Платову и генерал-адъютанту В. В. Орлову-Денисову: «Такой род преследования приведет неприятеля в крайнее положение и лишит его большей части артиллерии и обозов». То есть это было полное одобрение

главнокомандующим предшествующих авангардных действий казачьих отрядов, начиная от боя под Колоцким монастырем.

Милорадович отправил по столбовой (Новой) Смоленской дороге казачий отряд генерал-майора Карпова. В подкрепление ему был послан отряд генерал-майора Юрковского. Атаман Платов от Дорогобужа повернул вправо, догоняя походную колонну вице-короля Итальянского Эжена Богарне: 4-й армейский корпус еще сохранял известную боевую силу и организованность. Поэтому «истребление» его виделось задачей непростой, но совершенно необходимой для победного завершения военной кампании 12-го года.

Выступивший из Дорогобужа 27 октября казачий отряд (бригада) под командованием генерал-майора А. А. Юрковского, имевший 10 конных орудий, настиг неприятеля у сожженного села Усвяты. На его пепелище французы разбили свой бивак, разведя костры. Они устроили привал под защитой поставленных на батареейной позиции 8 орудий и сдвинутых обозных фур. Вражеский вагенбург напоминал полевую крепость, защитники которой решили обороняться до крайности.

Юрковский приказал подвести пушки как можно ближе к Усвяту и открыть огонь сперва залпом, а потом беглый по вражескому стану на противоположном речном берегу Ужи. Первые пушечные выстрелы вызвали панику среди французов: они бросили свою 8-орудийную батарею и прочие походные тяжести, снялись с бивака и «побежали» к Смоленску.

Казачий отряд перешел через реку Ужу и устремился в погоню. По пути было встречено до 2 тысяч «отсталых чинов» неприятеля, «отдававшихся в плен». В тот день трофеями казаков стало 27 вражеских орудий. Однако достичь Соловьевой переправы полкам генерал-майора Юрковского не удалось: не доходя до нее всего пять верст, летучий отряд остановился биваком в заснеженном лесу, будучи настигнут здесь сильной метелью. Люди и кони заночевали в глубоких сугробах; с трудом разведенные костры гасились резкими порывами леденящего ветра и снежными зарядами.

Соловьеву переправу на следующий день, 28 октября, брал отряд полковника Карпенкова, который имел под своим начальством три полка: егерский, драгунский, казачий и 4 орудия. Французы все же успели разобрать («сломать») мост и уйти к Смоленску. Отряд Карпенкова перешел на противоположный берег по еще тонкому льду и соединился с казачьей партией Грекова, после чего двинулся дальше к Валутиной Горе, «сторожившей» с востока подступы к городу-крепости Смоленску.

Затем в летопись «грозы 12-го года» вошло дело под Ляховом, деревней Смоленского уезда, стоявшей в 42 километрах к юго-западу от Смоленска. Ляховский бой 28 октября знаменит тем, что он явил собой высокий пример полного успеха взаимодействия армейских партизан и казачьих войск в еще далеко не законченной войне.

В районе Ляхова находилась сводная дивизия генерала Л. Бараге д'Ильера, разбросанная в разных местах: в селениях Болтутино, Холмы (Холм), Язвино, Ляхово, у Долгомостья. Дивизия, сформированная в Смоленске, имела более 6 тысяч человек при шести орудиях, считалась свежей, «не голодной» и потому боеспособной.

Для того чтобы разгромить бригаду генерала Ожеро, стоявшей в Ляхово, и нанести поражение всей дивизии, свои силы объединили летучие отряды («корпуса») А. П. Ожеровского и В. В. Орлова-Денисова, армейские партизанские отряды Д. В. Денисова, А. Н. Сеславина и А. С. Фигнера. Удар по Ляхово наносился силами численностью около 3300 человек. Были блокированы сильными заставами дороги от Ляхово на Долгомостье и Язвино: отсюда неприятель мог получить сильное подкрепление.

Командир летучего отряда генерал-адъютант граф В. В. Орлов-Денисов послал штабс-ротмистра Чемоданова известить бригадного генерала Ж. П. Ожеро, имевшего в Ляхово 1100 человек пехоты и два

эскадрона конных егерей, о бегстве французской армии и о том, что он окружен, требуя сдаться. Однако наполеоновский военачальник капитулировать не согласился, видя, что к нему на помощь готова прийти кирасирская кавалерия (3 полных эскадрона, 500 человек пехоты, охранявших дивизионный обоз), теснившая казаков у Долгомостья.

Тогда Орлов-Денисов послал на подкрепление казакам, которые вступили в схватку с французскими кирасирами и пехоты, двигавшихся из Долгомостья к Ярцеву, всех, кого мог послать. Казаки, усилившись, атаковали вражеских кирасир, и в отчаянном рукопашном бою обратили их в бегство. Преследование велось около 15 верст, пока наполеоновские латники с их измученными погоней конями не оказались припертыми к болотистому ручью. Там их почти полностью перебили («истребили»).

700 кирас, снятых с убитых французских латников, стали подтверждением одержанной победы. Впоследствии эти трофейные кирасы были переданы в Псковский драгунский полк, став его реликвией до самого 1917 года, до расформирования этого полка, как части старой армии России.

Вместе с тремя эскадронами кирасир французы лишились дивизионного обоза, а самое главное – большого транспорта с провиантом и фуражом, собранным на Смоленщине. Наполеон знал об этих армейских запасах и очень рассчитывал на них, желая задержаться в Смоленске и там хорошо «подкормить» свои войска.

Полный разгром этих вражеских сил оказался плачевен для бригады генерала Ожеро, атакуемой у Ляхово со всех сторон. После того как орудия партизан Сеславина меткими выстрелами подорвали у неприятеля патронные ящики, к Ожеро явился парламентар в лице отважного партизана капитана Александра Фигнера, который заявил генералу, что его отряд окружен силами в 15 тысяч человек при 8 орудиях.

Такая угроза подействовала сразу. Обладатель Военного ордена Георгия Победоносца А. С. Фигнер к тому времени был уже известным партизанским командиром, готовым пойти на самые опасные дела. В сентябре, переодевшись в крестьянское платье, с несколькими казаками проник в Москву с целью покушения на императора Наполеона. Однако рискованный замысел Фигнеру не удался. Его отряд (партия) сперва в 200, а потом в 600 человек (частью из казаков) партизанил на Можайской дороге, истребив за короткое время около 400 и пленив более 60 наполеоновских солдат и офицеров, уничтожив артиллерийский парк и сделав многое другое.

Поздно вечером 28 октября бригада генерала Ожеро капитулировала. Оружие сложили 62 офицера и 1650 нижних чинов. Остальные части дивизии Бараге д'Ильера, атакованные в Балутино, Холмах и Язвино казачьими полками, не смогли прийти на помощь бригаде Ожеро, и ночью по проселочным дорогам поспешно отступили к Смоленску. Остатки дивизии (около 4 тысяч человек, 858 лошадей) Наполеон приказал расформировать.

В Ляховской операции отличились казачьи полки полковников А. И. Быхалова, А. А. Загряжского, И. А. Андрианова и С. Ежова 2-го, майора Данилова. Многие командиры удостоились за Ляховское дело высоких наград. Не остались без поощрений и наиболее отличившиеся нижние чины из казаков. Бесстрашный партизан капитан Александр Фигнер, не раз водивший в атаки казачьи сотни, был произведен в подполковники с переводом в гвардию и награжден 7 тысячами рублей.

Ляховское дело в летописи Отечественной войны примечательно тем, что Смоленск остался для французов неприкрытым с южной стороны. Именно оттуда к городу подходила Главная действующая армия русских, о движении которой император Наполеон известий не имел. Разгневанный Бонапарт, который в те дни порой стал терять самообладание, приказал предать военному суду генерала Бараге д'Ильера за то, что он под Ляхово потерял долгожданный крупный транспорт с провиантом и фуражом.

...Одновременно с делом у Ляхово разгрому подвергся корпус вице-короля итальянского Эжена Богарне. По приказу императора он шел на Витебск через Духовщину, переправившись 26 октября через Днепр у города Дорогобужа и двигаясь к Улховой слободе. Атаман Платов вел преследование буквально по пятам, раз за разом подвергая хвост вражеской походной колонны стремительным атакам. Казачьи полки каждый раз разворачивались в лавы и с гиканьем, присвистом устремлялись на неприятеля, который в очередной раз готовился отразить наскок всадников с пиками наперевес уже нестройными ружейными залпами.

При этом платовские казаки взяли в плен три тысячи деморализованных людей, бросавших перед собой в снег личное оружие, и подобрали брошенные по дороге 64 орудия. У них или выпрягали из упряжек лошадей, или эти лошади уже не могли тащить по дороге пушки, или были сломаны колеса, которые нечем было заменить. Вместе с орудиями бросались и зарядные ящики, и артиллерийские обозные телеги.

Одной из самых главных заслуг, среди прочих, не менее славных, в Отечественной войне 1812 года платовского летучего казачьего корпуса стал разгром 4-го армейского корпуса Великой армии, составленный в основе из итальянских воинских контингентов. С ним казаки и их атаман впервые серьезно «познакомились» на поле Бородина, но тогда стороны разошлись с ничейным результатом. Но когда они встретились вновь на столбовой Смоленской дороге, то это кончилось полным поражением, вернее – истреблением одного из самых сильных по составу и боевым качествам корпуса наполеоновской армии. Водоразделом его гибели в России стала безвестная доселе для военной истории река Вопь.

Разгром 4-го (Итальянского) корпуса вице-короля Италии, принца Венецианского Евгения (Эжен Роз) Богарне (пасынка императора Наполеона Богарне, сына Жозефины Богарне) на реке Вопь впечатлял воображение воюющих сторон. Переправа через эту небольшую реку на Смоленщине у деревни Ярцево стала местом ожесточенного боя между итальянскими войсками Великой армии и летучим казачьим корпусом генерала от кавалерии М. И. Платова. Дело обстояло так.

Постоянно испытывая давление преследователей, император Наполеон после Вяземского сражения настойчиво искал наиболее оптимальные пути отступления для корпусов Великой армии, стремясь не допустить излишних потерь в людях и артиллерии. Обозы уже не интересовали Бонапарта. 4-й армейский корпус вице-короля Евгения Богарне получает приказ двигаться к Духовщине, уездному городу Смоленской губернии, стоявшему на почтовой дороге из Дорогобужа в Поречье и Витебск.

Итальянским войскам Великой армии предписывалось из Духовщины выступить к Витебску для «открытия сообщения» с теми корпусами, которые действовали за рекой Западная Двина. Уход в сторону войск вице-короля Италии облегчал обеспечение провиантом главных сил Великой армии, отступавших по Смоленскому тракту. При этом учитывалось, что корпус Евгения Богарне еще сохранял в строю немалую часть своих сил.

Отправляя итальянцев к Витебску, Наполеон приказал придать им часть «тяжелого» армейского обоза, надеясь, что те сумеют его сохранить. Однако это только умалило маршевую скорость 4-го армейского корпуса: обозные лошади были из-за бескормицы истощены до крайности и еле тянули тяжелые повозки с различным войсковым имуществом и боевыми припасами, награбленным в Москве добром.

Богарне выступил утром 26 октября: у города Дорогобужа он перешел Днепр на правый берег по наплавному мосту, устроенному французскими саперами. Итальянцы, обремененные тяжелым армейским обозом, с большим трудом преодолели крутой обледенелый подъем правобережья, и только после этого двинулись по дороге к деревне Ярцево. Корпусной командир сильно обеспокоился состоянием дороги, и потому отправил для «обозрения дорог» к Духовщине дивизионного генерала Н. А. Сансона и трех

инженеров-топографов, дав им для охраны от местных партизан небольшой эскорт.

Граф Сансон был помощником начальника штаба Великой армии маршала империи Бертье и начальником топографического и исторического бюро французского Генерального штаба. После сражения при Малоярославце он стал исполнять должность начальника штаба 4-го корпуса. Предпринятая им рекогносцировка дорог стала для кавалера ордена Почетного легиона последним делом на войне 1812 года.

В окрестностях Дорогобужа и дальше на запад уже действовали казаки отряда генерал-майора В. Д. Иловайского 12-го, составлявшие авангард армейского партизанского отряда генерал-майора П. В. Голенищева-Кутузова. Близ Духовщины на дороге донцы перехватили эскорт французского генерала, взяв его самого в плен. При графе Сансоне оказалась целая коллекция топографических карт и различных планов, что являло собой большую ценность для командования русской армии. Дивизионный генерал Сансон после допроса был отправлен в тыл, закончив Русский поход Бонапарта в плену, находясь в городе Тамбове.

Стало ясно, куда держит по замыслу Наполеона путь 4-й корпус итальянского вице-короля. Атаман М. И. Платов, долго не раздумывая, начал его настойчивое преследование большей частью сил своего летучего корпуса. Преследование началось 26 октября после взятия Дорогобужа по проселочным дорогам 6 казачьими полками, 20-м егерским корпусом при 12 конных орудиях (одной казачьей конно-артиллерийской ротой).

На следующий день платовские «степные осы» нагнали отступавшие колонны итальянских войск и стали «роиться» вокруг них со всех сторон. «Вихорь-атаман» на этот раз выбрал такой тактический прием для нанесения поражения наполеоновцам: расчеты казачьих конных орудий стали по бездорожью опережать вражеские колонны и с удобных позиций обстреливать их. Одновременно казацкие партии истребляли фуражиров и отставшие от колонн по дороге группы итальянцев.

Обстреливаемый из казачьих орудий и растерявший по пути много людей корпус Евгения Богарне в ночь на 28-е число достиг берега реки Вопь и селения Ярцево. Моста здесь не было, переправу требовалось строить своими руками. Вице-король поручил это сделать саперной команде, которой начальствовал французский генерал барон Ж. Пуатвена де Морейана, командир корпусных инженеров. Следовало построить несколько мостов, способных выдержать орудийные упряжки. Для возведения переправы стали разбирать на бревна и доски дома местных жителей.

Корпус подошел к месту переправы утром следующего дня и остановился: от прибылой воды в Вопи и шедшего по реке льда первый мост-временка, с огромными трудами устроенный корпусными инженерами, был снесен. Материала, то есть жилых домов, для устройства нового моста вблизи уже не виделось.

Времени его восстанавливать и строить другие мосты у Ярцево у итальянцев уже не было: орудия донской казачьей артиллерии с возвышенного места начали обстрел места переправы, где скопились тысячи людей и сотни повозок. Одновременно несколько больших партий казаков переправились через реку Вопь, и всадники с приметными пиками показались на противоположном берегу вблизи разрушенного моста.

Вице-король Италии понял, что еще несколько часов и на той стороне Вопи могут оказаться целые казачьи полки с конными орудиями. Тогда 4-му корпусу придется форсировать реку с боем, под картечным огнем. Переправу требовалось начать незамедлительно, благо единственный брод у Ярцево был уже найден. Евгений Богарне приказал войскам переходить Вопь вброд, оставив у селения для прикрытия места переправы 14-ю дивизию генерала графа Ж. Б. Брусье. От части обоза пришлось отказаться сразу.

Поднявшаяся в реке ледяная вода доходила людям до пояса, а местами – до плеч. На противоположный берег удалось благополучно перетащить только несколько полевых орудий с зарядными ящиками и первые повозки тяжелого армейского обоза. От их колес на илистом речном дне образовались глубокие выбоины, в которых завязли орудия. Через несколько часов переправа оказалась загроможденной фургонами, орудийными упряжками, повозками и утонувшими людьми, и у людей, выбивавшихся из сил, уже не оставалось времени что-либо предпринять.

Итальянцам пришлось бросить у переправы почти весь обоз и 64 орудия. Тем временем донские пушки всю ночь вели огонь, а казачьи полки с егерями сжимали кольцо вокруг Ярцево. Батальоны генерала Брусье стали отходить к броду. Перед рассветом 29 октября арьергард 14-й дивизии корпуса вице-короля под казачьими пулями и картечью перешел вброд Вопь и на противоположном берегу реки присоединился к своим.

Перейдя реку Вопь, казачья конница вновь стала теснить неприятеля, продолжавшего свой путь бегства в поредевших колоннах. Казачьи отряды то следовали впереди этих колонн, то напирала сзади, истребляя отстающие команды. Теперь французские фуражировщики все реже и реже стали отходить от дороги. Кавалерии у корпусных командиров осталось совсем мало, а пешие не могли по снегам заходить далеко. Перестрелки походных колонн с казачьими партиями шли даже ночью.

Один из мемуаристов Великой армии описал подобные огневые дорожные баталии в таких словах: «Пушки перекликаются на ходу, и в этом плачевном обмене выстрелами мы теряем значительно больше, так как неприятельская артиллерия на легких санках и движется свободно, запряженная хорошими лошадьми, кованными шипами...»

В тот день летучий казачий корпус графа М. И. Платова праздновал в преследовании 4-го корпуса Великой армии большую победу. Не считая оставленных на месте переправы орудий, казаки стали обладателями еще 23 брошенных неприятелем орудий. Пленных насчитали до трех с половиной тысяч. Их могло быть и заметно больше, но атаман Платов скажет, что его казаками «брато в плен мало, а более кололи». Брошенный итальянцами обоз оказался огромен, но многие из повозок оказались без лошадей, которых увели на другой речной берег. В барских каретах и крестьянских телегах нашлось много всяких дорогих вещей, но не оказалось и следов провианта.

Об итогах боя на реке Вопь донской атаман отправил главнокомандующему скоро написанный рапорт: время торопило преследователей, которым для общей пользы дела никак нельзя было отрываться от походных колонн наполеоновских корпусов: «спаситель России» требовал «висеть у них на хвосте» и «забегать» на переход вперед. Среди прочего генерал от инфантерии М. И. Платов писал в том донесении:

«Осмелюсь донести, что неприятель наш в прошедшие дни очень, очень много расстроен, как объявляют мне пленные офицеры их, которых у нас столько, что за скоростию не могу им сделать счету. Отправляю их сколько успеваю вместе с пленными нижними чинами, которым также за скоростию верного счету сделать нельзя.»

Донские казаки, подобно орлам, несмотря на несносную холодную и снежную дорогу, с рвением к службе и к защите любезного отечества, нападают на неприятеля, поражают его на каждом шагу...»

На этом бедствия Итальянского корпуса не окончились. Когда он, спеша уйти от берегов Вои как можно дальше, подошел к Духовщине, то перед его авангардом показались два казачьих полка Иловайского 12-го, сразу же пошедших в атаку. Донцы генерал-майора В. Д. Иловайского в тот день были, как говорится, в ударе, захватив до 500 пленных и перекрыв дорогу войскам Евгения Богарне.

Вице-король Италии показал себя в том бою умелым и решительным человеком. Он построил итальянскую гвардию в каре, поддержал ее баварской кавалерией, находившейся в составе корпусных сил,

и сбил казачий заслон с дороги. Впрочем, два казачьих полка, «оседлавшие» дорогу у Духовщины, долго продержаться заслоном не могли: это было им просто не по силам.

Неприятель занял покинутый жителями город, который оказался для Евгения Богарне и его войск настоящим подарком судьбы: все дома Духовщины полностью уцелели. Вице-король получил возможность устроить здесь измотанным остаткам корпуса дневку на весь день 30 октября, но имея на окраинах городка сильное охранение на случай налета казачьих партий.

В Смоленск, где находился император Наполеон, корпусной командир под надежной охраной отправил своего адъютанта с донесением о тяжелых потерях, понесенных при переправе через реку Вопь, утрате почти всей артиллерии и о том, что город Духовщина пуста и провианта в нем не нашлось. Посланца итальянского вице-короля эскортировали остатки в несколько сот штыков 15-й дивизии генерала графа Доминико Пино. Только так можно было днем и ночью отбиться на дорогах от нападений платовских казаков, разъездами круживших вокруг.

В тот же день Евгений Богарне получил известие, что русские войска взяли город Витебск, к которому шел 4-й корпус Великой армии. Тогда корпусной командир, не ожидая приказа из императорской штаб-квартиры, в ночь на 31 октября выступил из Духовщины к Смоленску на соединение с главными силами Наполеона. Полководец Богарне спешил: время играло только против него и тех людей, которые еще оставались под его начальством.

В той ситуации это было верное решение. Иначе остатки Итальянского корпуса могли быть окончательно «растерзаны» платовскими «степными осами». Евгений Богарне не мог не видеть, что рядовые солдаты-итальянцы стали открыто предпочитать сдачу в плен казакам кровавым столкновениям с неумными преследователями.

После убедительного разгрома атаманом Платовым корпуса Итальянского вице-короля, генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов отправил на берега Невы очередное победное донесение. Императору Александру I писалось, что «казаки делают чудеса, бьют по артиллерии и пехотные колонны». Полководец еще раз подтвердил значимость боевых качеств казачества в идущем изгнании неприятеля из пределов России. Об этом в войне Михаил Илларионович будет писать многократно государю, своим подчиненным из числа военачальников русской армии, родным и близким ему людям.

Решившись на прорыв, Эжен Богарне повел тех людей, которые остались от его корпуса, не на Витебск (как ему было приказано свыше), а к Смоленску для соединения с самим Наполеоном. Он надеялся, что, соединившись с императором, с которым шла Старая и Молодая гвардия, другие войска, итальянцы получат хорошие шансы вырваться из российских объятий и не стать по пути добычей «степных ос», которые маячили по дороге уже не отдельными конными сотнями, а целыми полками.

Уходя, вице-король Италии приказал сжечь Духовщину, в которой его солдаты впервые за все время отступления со стороны Можайска смогли отогреться в жилых домах. Казачьи партии не смогли помешать этому акту вандализма. Уездный город Смоленской губернии, стоящий на почтовой дороге из Дорогобужа в Поречье и Витебск, превратился в пепелище.

Корпус Евгения Богарне прибыл под Смоленск численностью около 6 тысяч человек, потеряв по заснеженной дороге к нему под ударами казачьих лав еще до тысячи человек и два орудия из тех немногих, что еще оставались у итальянцев. Перед этим делом казаки-донцы, вновь идя в преследования, молчаливо прошли по улицам выжженной, дымящейся Духовщины. Вдоль дороги «маячили» закопченные печные трубы и на взгорках чернели от копоти кирпичные остовы православных храмов.

То, что, уходя из Духовщины, наполеоновцы предали старинный русский город огню, какой-то случайностью или ожесточением не было. Так они поступали и с другими городами и селениями, которые

проходили в бегстве из российских пределов. Все поселения по столбовой Смоленской дороге представляли из себя пожарища. Поэтому и горела под ногами иноземцев чужая земля. Что же касается казаков, то они карали незваных гостей за совершенные ими злодеяния, свидетельств которых виделось более чем достаточно.

Из Смоленска войска Евгения Богарне продолжили отступление на запад 1 ноября, имея в строю всего лишь 5 тысяч человек и 17 орудий. Считается, что еще около 6 тысяч человек деморализованных и потерявших строй людей, в своем большинстве бросивших личное оружие, следовали за остатками трех корпусных дивизий. Далеко не все они были подданными вице-короля. Смоленщина стала кладбищем для итальянских и прочих иностранных контингентов Великой армии. В Орше корпусную пехоту свели в... два полноценных батальона (не более 500 человек, в основном солдаты Итальянской королевской гвардии).

После Березины и перехода остатков Итальянского корпуса у города Ковно через пограничный Неман, в Мариенвердере удалось собрать то, что осталось от «франко-итальянцев» – 547 офицеров и 1070 нижних чинов, из которых оружие имели только 249 человек. Этого числа людей хватило разве что на один полк линейной пехоты, да и то при условии почти полного его вооружения и выдачи нового обмундирования взамен износившегося в походной жизни. В феврале 1813 года император Наполеон приказал расформировать 4-й корпус, который числился только на бумаге.

К этому следует добавить, что в день вторжения Великой армии Бонапарта в пределы России 4-й армейский корпус Эжена Бонапарта, почти наполовину состоявший из войск Итальянского королевства (остальные были в основном французскими), насчитывал в своих рядах свыше 45 тысяч человек, в том числе 1447 офицеров, около 9 с половиной тысяч лошадей. Корпусная артиллерия состояла из 116 орудий.

Основные потери корпус вице-короля Евгения Богарне понес в сражении у Малоярославца и при бегстве из России, преследуемый буквально по пятам «степными осами» атамана графа Матвея Ивановича Платова. «Франко-итальянцы» сдавались в плен казакам-донцам тысячами. При этом полки донцов «теряли» строевых людей, которые вынужденно становились конвоирами многочисленных команд военнопленных, отправляемых в тылы.

Знатный бой у переправы через реку Вопь дал повод русскому главнокомандующему издать приказ по армии о ходе преследования наполеоновских войск с объявлением «отличий» летучего казачьего корпуса генерала от кавалерии графа М. И. Платова и его конных бойцов. Приказ от 29 октября 1812 года, изданный в главной армейской квартире в Ельне, гласил:

«Генерал от кавалерии Платов 26-го и 27-го чисел сего месяца, сделав двукратное нападение на корпус вице-короля итальянского, следовавший по дороге от Дорогобужа к Духовщине, разбил оный совершенно, взяв 62 пушки и более 3500 человек пленных. По страшному замешательству, в каковой приведен был неприятель нечаянною для него атакою, продолжается по сие время поражение рассеявшихся сил его.

Генерал от кавалерии Платов полагает число убитых чрезвычайно великим и уверен, что, кроме взятых орудий, должны быть отбиты и знамена, коих не успели еще к нему доставить. Между пленными находится много высших чиновников и начальник главного штаба генерал-аншеф Сансон; сам вице-король итальянский едва не был захвачен.

После таковых чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остается только быстро его преследовать, и тогда, быть может, земля русская, которую мечтал он поработить, усееется костями его.

Итак, мы будем преследовать неутомимо. Настает зима, вьюга и морозы. Нам ли бояться их, дети севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов. Она есть надежная стена

отечества, о которую все сокрушается. Вы будете уметь переносить и кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпением, старые служивые дадут пример молодым.

Пусть всякий помнит Суворова: он научал сносить и голод и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа. Идем вперед, с нами бог, перед нами разбитый неприятель; да будет за нами тишина и спокойствие.

Князь Г(оленищев) – Кутузов».

Казачье дело на переправе через реку Вопь, где новое сильное поражение понес 4-й корпус Великой армии (он хорошо, в отличие от других, сохранился на поле Бородина), вновь подтвердило боевые достоинства авангардного летучего корпуса атамана М. И. Платова. Не случайно один из исследователей наполеоновского Русского похода 1812 года писал следующее:

«Путь к отступлению (Великой армии) все еще был открыт. Однако нападения казаков становились все более дерзкими, каждый день погода портилась, и вскоре русские степи должны были превратиться в покрытые снегом безбрежные равнины без всяких дорог».

Впечатление от одного только вида «степных ос» среди французов-мемуаристов было столь сильно, что они порой приписывали казакам участие в тех делах, в которых их там не было. Как это было, к примеру, в кровавом бою (где конница не сражалась) на улицах города Малоярославца:

«Генерал Дельзон, командовавший авангардом корпус принца Евгения, расположившегося неподалеку от города, отправил два батальона на разведку. Батальоны с первыми лучами солнца натолкнулись на солдат русского генерала Дохтурова, которые вместе с казаками атамана Платова заполнили улицы города, наполняя их боевыми кличами наподобие индейцев...»

О том, как «степные осы» вели преследование французов, написано много и в России, и за ее пределами, в той же Франции. Мемуарист Н. Н. Муравьев, прошедший всю войну 12-го года, так опишет действия русского авангарда, его казачьих полков в преследовании на Старой Смоленской дороге отступавших наполеоновских войск:

«Для умножения бедствия французов главнокомандующий приказал Платову следовать за ними со всеми казаками по большой дороге и не давать им отдыха на ночлегах. Отряды казаков часто заезжали вперед неприятеля, уничтожая переправы и мостики, дабы затруднить его шествие. Множество казаков, рассыпавшихся по всем селениям, в стороне лежащим, вместе с вооруженными крестьянами истребляли усталых французов и тех, которые удалялись от большой дороги для отыскания жизненных припасов.

Таким образом проводили французскую армию до города Красного. В сем отступлении неприятель потерял несметное множество народа...»

В ходе преследования остатков Великой армии казаки несли такие же тяготы и лишения, равно как и наполеоновские войска. Но с той лишь разницей, что неприятель по Смоленской дороге и дальше на запад добирал провиант и фураж, который еще оставался в селениях на театре войны. Казачьим отрядам после прохождения французов и их союзников мало что оставалось, люди и кони голодали. Морозы же и снежные вьюги, ночевки на снегу были одни для всех, если не считать того, что уходящим врагом в придорожных селениях сжигались все строения. И преследователи не находили совсем крыши над головой.

«У нас такая беда по недостатку хлеба, что не могу описать нужды, какую терпят военнослужащие, не имея ни малейших средств к достижению себе оного, сколько за непрерывным занятием по службе, – писал донской атаман М. И. Платов генерал-лейтенанту П. П. Коновницину, – сколько и по неимению, как

на большой дороге, так и по сторонам, в фураже также терпят нужду, но кое-как довольствуют лошадей соломою, и лошади приметно изнуряются».

...Перед Смоленском и дальше пленных казаками бралось все больше и больше: голодных, простуженных, обессиленных, больных. Платову было известно чувство человеческого сострадания, и потому он приказывал подчиненным ему командирам оказывать сдававшимся в плен возможную, посильную помощь. Так, в приказании командиру 20-го егерского полка, входившего в состав платовского летучего корпуса, говорилось следующее:

«Раненых и больных неприятелей, которые найдутся, продовольствовать сколько по человечеству, столько и потому, что пленные большею частью немецких наций и итальянцы и дабы чрез то показать им, что российское правительство поступает с военнопленными совсем не так, как им внушено».

О военнопленных Великой армии, значимая часть которых являлась военной добычей казаков, точных данных нет. Считается, что всего наполеоновские войска потеряли в России взятыми и сдавшимися в плен 110 тысяч человек, в том числе 38 генералов и свыше 3 тысяч офицеров. В ходе войны и после нее они были размещены в 45 губерниях и двух областях России. Для их сопровождения использовались воинские команды, в том числе и казачьи, а также служащие Внутренней стражи. Первые партии военнопленных в казачьих местах появились в Оренбургской губернии.

В циркулярном предписании от 29 августа 1812 года местным властям предписывалось заботиться о том, чтобы «пленным нигде ни от кого притеснения оказываемо не было, но чтобы и они вели себя скромно и послушно, за чем иметь наблюдение, внушая им, что за дерзкое поведение одного отвечают все они».

При отправке военнопленных в места назначения на 12 человек выделялась одна обывательская подвода, для тяжелобольных – одна на двоих. На двух офицеров полагалась одна пароконная телега. Нижним чинам полагался солдатский паек и 5 копеек, генералы получали 3 рубля порционных денег на семь дней. Позднее денежные выплаты (порционные деньги) были несколько увеличены.

Военнопленным в местах поселения разрешалось заниматься ремеслом и прочими работами. Пленные поляки отправлялись на Кавказ, в Грузию и на Сибирскую укрепленную линию для укомплектования войск, стоявших там. Часть из них осталась в сибирских казаках. Были предприняты попытки формирования из испанских, португальских, немецких, французских, итальянских и голландских военнопленных национальных легионов, которые участвовали бы в войне против наполеоновской Франции. 17 офицеров и 2221 рядовой добровольно приняли российское подданство. Последние военнопленные Великой армии покинули Россию летом 1814 года.

Великая армия в 1812 году пленных взяла примерно в три раза меньше, чем сама потеряла. Число казаков было среди них невелико. В это число вошли оставленные русские раненые и больные, которых отступающие Западные армии не могли взять с собой, и они оставлялись на попечение неприятеля. Точно так же поступало и наполеоновское командование. Так, в Москве было оставлено около 10 тысяч человек, в Можайске (увезенных с Бородинского поля) – 7 тысяч, в Смоленске – до 4 тысяч человек. Большинство из них погибло в плену от голода и почти полного медицинского обслуживания, а в Москве погибли во время пожара.

Отступая, император Наполеон приказал русских военнопленных уводить с собой. Нескольким сотням из них удалось бежать, несколько тысяч были освобождены армейскими летучими отрядами и местными партизанами.

Конвоирование русских пленных было поручено войскам 8-го (Вестфальского) корпуса, полякам и баденцам. Всех отставших приказывалось расстреливать. Питанием в пути служило мясо павших лошадей.

Гибель от голода, холода и болезней была массовой. Почти все военнопленные, выведенные из Москвы в четырех колоннах (3–4 тысячи), до реки Березины не дошли. Они или гибли в дороге, или были расстреляны 18 октября баденцами у города Гжатска Смоленской губернии.

...Следует заметить, что на Смоленщине преследование Великой армии шло в условиях горевшей здесь «малой войны» против чужеземцев. Причина народного партизанства видится самой веской для сознания смолян. Сожжение первопрестольной Москвы в 1812 году повторило ситуацию с сожжением Москвы поляками двести лет назад в Смутное время, когда также стоял вопрос о том: быть или не быть для Русской земли национальной трагедии. Историк-белоэмигрант А. А. Керсновский в «Истории русской армии» отмечал:

«Пожар Москвы светил на всю Россию, его уголья пламенели в каждой русской груди – под золотым шитьем мундира и под худой сермягой. И вся Россия взялась за мушкеты и самопалы, сабли и топоры, вилы и дубины!..

Этот период войны навеки связан с именами Платова, Растопчина, Дениса Давыдова, Сеславина, Фигнера, Дорохова, многих десятков и сотен других менее заметных, но столь же преданных вождей всенародного движения... Железной хваткой держали они заносчивого врага, не давали ему ни минуты отдыха, рвали его на куски. Вечная им слава!..

Партизанское движение, все разраставшееся, обращало фуражировки (неприятеля) в кровопролитные бои и затрудняло сколько-нибудь сносное довольствие (французских) войск. Почти всю кавалерию (Наполеону) пришлось спешить...»

К сказанному выше можно добавить, что основу армейских партизанских отрядов с первого дня начала их действий во вражеском тылу и на коммуникациях наполеоновской Великой армии составляли казаки. Они сотнями от многих полков «отсылались» в отряды армейских партизан, действуя в их рядах до самого окончания Отечественной войны 1812 года. Потом напишут, что партизанство стало «призванием казаков» на всякой войне, будь то на своей или чужой территории.

О том, как платовские казаки и армейские партизанские отряды громили отступавшую вражескую армию от Малоярославца до Смоленска, описано многими зарубежными исследователями эпохи Наполеоновских войн. Один из них, англичанин Джанет М. Хартли в книге «Александр I» так описал феномен Русского похода императора французов 1812 года:

«Великая армия покинула Москву 19 октября. Наполеон надеялся возвращаться через плодородные провинции к югу от пути его вторжения, но потери в битве при Малоярославце 24–25 октября вынудили его идти по своим же следам через места, уже опустошенные проходом русских и французских войск.

Наступление очень жестокой русской зимы и нападения партизанских групп и крестьянских банд усиливали деморализацию (отступавшей наполеоновской) армии...»

...Партизанство в «грозу 12-года» имело свои корни, людей, стоявших у его истоков. Еще по пути к Тарутино, генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов озаботился тем, чтобы прикрыть все дороги, ведущие из Москвы, в том числе и дорогу на Смоленск. Из Жилино он отправил письмо генерал-майору Ф. Ф. Винценгероде с приказанием прикрыть дороги на Клин и Тверь:

«Первым движением, на которое должно быть обращено внимание Вашего превосходительства, это занятие Вашими войсками дороги на Клин или на Тверь, оставив на Ярославской дороге один из Ваших казачьих полков под командою толкового офицера, объявив ему, что он будет отвечать за все ложные тревоги, которые могут дойти до великой княгини (Екатерины Павловны Романовой, сестры императора Александра I, находившейся в те дни в Ярославле. – А.Ш.).

Сей пост должен давать ежедневные донесения в Ярославль и поддерживать сообщение с казачьим постом, который я поставлю в Покрове по Владимирской дороге. Этот последний должен будет сноситься с тем постом, который будет в Егорьевске, откуда мною будут учреждены другие посты вплоть до расположения армии (в будущем Тарутинском лагере. – А.Ш.)».

С конца сентября главнокомандующий русской армией озаботился действиями легкой конницы (армейской и прежде всего казачьей) против французов. Об этом он сообщал в Молдавскую армию адмиралу П. В. Чичагову из своей штаб-квартиры в деревне Леташевке:

«Армия расположена ныне по Старой Калужской дороге и стоит в укрепленном лагере на правом берегу реки Нары при деревне Тарутине, а легкие отряды, от оной отделяемые, беспокоят неприятеля по дороге, из Москвы в Смоленск ведущей.

С другой стороны, 200 (ошибка) человек неприятелей вступили в город Рославль, откуда угрожают Брянску, в коем, как известно Вашему высокопревосходительству, находится артиллерийский арсенал. Для уничтожения сих неприятельских намерений предписал я начальнику Калужского ополчения генерал-лейтенанту Шепелеву послать в угрожаемое место достаточный отряд, снабдив оный артиллериею и казаками...»

Голенищев-Кутузов был в курсе всех действий платовского летучего корпуса, отдельных казачьих и армейских партизанских отрядов, а также наиболее крупных отрядов народных мстителей. Известия о том постоянно присутствуют в переписке главнокомандующего, начиная с донесений государю императору и кончая частными письмами семье и знакомым. Михаил Илларионович не скупился в них на похвальные слова. В письме калужскому гражданскому губернатору П. Н. Каверину от 11 октября сообщалось:

«Сейчас получено известие, что неприятель с частью своих сил взял направление к Боровску. Для узнания его дальнейших намерений приняты все нужные меры. Несколько казачьих полков под личным предводительством самого атамана (Платова) наблюдают все его движения и отряжены к Малоярославцу для прикрытия Новой Калужской дороги, куда переходит и вся армия...»

В письме атаману М. И. Платову от 12 октября главнокомандующий предписывал ему сообщить о действиях в этот день и предположениях на следующий:

«Милостивый государь мой Матвей Иванович!

Покорно прошу меня уведомить, что Вы сего числа со вверенными Вам войсками сделали; и как я полагаю, что завтра должно быть генеральное сражение (за Малоярославец), то не оставьте пояснить Ваше мнение и на сей случай.

Князь Г(оленищев) – Кутузов».

В рапорте императору Александру I от 16 октября из слободы Полотняные Заводы доносилось о фланговом движении Главной русской армии от Малоярославца к Медыни:

«Авангард (армейский под командованием генерала М. А. Милорадовича) же, оставя бригаду пехоты с тремя казачьими полками в Малоярославце, перешел к Медыню... Войсковой атаман Платов, исключая всех отдельных партий с 15-ю полками, наблюдает поблизости движения неприятельские, имея сильные партии к стороне Вереи.

Сейчас полученными известиями подтверждается, что неприятель находится около Вереи и Боровска, что больных и обозы свои направляет назад по Смоленской дороге... А чтобы совершенно затруднить отступный его марш, усилены партизаны, с сей стороны действующие, да сверх сих назначается летучий корпус, состоящий из новоприбывших полтавских казаков, перемешанных с донскими казаками, с двумя полками пехоты под командою генерал-адъютанта Ожаровского для действия прямо на Смоленск».

В тот день одновременно с рапортом Александру I главнокомандующий отправил предписание генералу от кавалерии М. И. Платову представить ему самые точные сведения об оставлении наполеоновской армией Москвы:

«Не имея до сих пор верных известий об оставлении неприятелем города Москвы, предлагаю Вашему высокопревосходительству с получением сего командировать отборных пятьдесят казаков с надежным начальником к Москве для узнания, когда неприятель сей город оставил, в чем меня наискорее уведомите, и подлинно ли оставил».

В кутузовском письме русскому послу в Турции А. Я. Италинскому, который относился к числу близких полководцу людей, рассказывалось о ходе преследования неприятеля и его потерях при бегстве. Посылая такое письмо на берега Босфора, Михаил Илларионович мог вполне уверовать в то, что с его содержанием частным порядком ознакомятся в посольствах, аккредитованных в Константинополе (Стамбуле):

«...Конница их (французов) полностью уничтожена, а перевозки совершаются на быках, в то время как наша кавалерия находится в превосходном состоянии и 20 тысяч казаков разъезжают вокруг французской армии. Предоставляю любому самому строгому судье сделать вывод из этого положения вещей».

В письме адмиралу П. В. Чичагову от 18 октября из Медыни уведомлялось о действиях Главной армии последних дней и отмечались успешные действия, в том числе и казачьих войск:

«10 000 казаков и летучие отряды действуют в тылу и флангах неприятеля, сожгли большие партии его обозов и заставили беспрестанными нападениями самого подрывать зарядные ящики, которые в противном случае, за недостатком лошадей, достались бы нам в добычу».

Обширная переписка светлейшего князя Смоленского, «освободителя России» интересна тем, что автор писем добрым словом славил тех, кто творил победу русского оружия в 1812 году. Великий полководец о своей роли в войне почти ничего не говорил, но всегда отмечал боевые заслуги тех, кто это заслужил. О казаках же и о донском атамане, в частности, в кутузовской переписке говорится действительно много. Их боевая работа на финише Отечественной войны была у всех на виду...

...Отступление, пока еще не бегство, Великой армии из пределов России стало очевидностью. Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, полководец с несомненным даром стратегического предвидения, понимал, что только настойчивое преследование Наполеона приведет императора французов к полному краху на войне, им начатой. Но для этого, по кутузовскому разумению, еще сильный и опасный неприятель должен был провожаем из пределов Отечества полками «степных ос» атамана Матвея Платова, одно имя которого уже наводило на многоязычного неприятеля страх и волнение.

23 октября главнокомандующий отправляет атаману Войска Донского предписание о способах действий казачьей конницы при преследовании наполеоновских войск. Но можно утверждать, что М. И. Платов сам прекрасно понимал, что требует от него и тысяч его конных бойцов сложившаяся ситуация. В предписании же говорилось следующее:

«Генералу от инфантерии Милорадовичу приказано от меня следовать по большой дороге за неприятелем и теснить его сколько можно более. Вследствие чего, Ваше высокопревосходительство, старайтесь выиграть марш над неприятелем так, чтобы главными силами вашими по удобности делать на отступающие головы его колонн нападения во время марша и беспрестанные ночные тревоги. Сие самое предписано графу Орлову-Денисову делать слева по большой дороге.

Таковой род преследования приведет неприятеля в крайнее положение, лишив его большей части артиллерии и обозов. При сем прошу Вас меня сколь можно чаще уведомлять о положении Вашего корпуса и о успехах, в коих я не сомневаюсь».

Успехи действительно не заставили себя долго ждать. Уже на следующий день, 24 октября, М. И. Голенищев-Кутузов подписал очередное донесение императору Александру I, в котором речь шла о сражении при Вязьме, но начиналось оно рассказом о действиях казачьего отряда В. В. Орлова-Денисова:

«Имею счастье донести Вашему императорскому величеству, что после донесения моего от 20 октября о действиях генерала от кавалерии Платова от Колоцкого монастыря к г. Гжатску, генерал-адъютант граф Орлов-Денисов 21-го числа на рассвете атаковал в разных пунктах при г. Вязьме находившиеся там из разбитых неприятельских полков партии. Оные сопротивлялись упорно, но везде были поражаемы.

При сем случае отбито у неприятеля одно батарейное орудие и более 40 повозок с разным добром.

Взято в плен: Дюка де Бассано секретарь Камюзе с канцеляриею, саксонский гвардии капитан Гартунг, штаб-доктор Швабгауз, 3 комиссионера корпуса маршала Нея и нижних чинов 130 человек...

По взятии Вязьмы авангард наш, пройдя сей город, расположился на Смоленской дороге, а легкие войска под командою генерала от кавалерии Платова гнали неприятеля от Вязьмы до Еренина...»

...Полководец Голенищев-Кутузов в стратегической игре с не менее опытным Бонапартом, по донесениям атамана Платова и командиров армейских партизанских отрядов, как шахматный гроссмейстер, каждодневно просчитывал тактические ходы своего соперника. Наполеона нельзя было выпускать из России с немалой частью его войск: на территории Восточной Пруссии и в Герцогстве Варшавском, в германских крепостных городах стояли сильные французские гарнизоны и та часть Великой армии из второго эшелона, которая не «уместилась» на маршрутах Русского похода.

Поэтому полководец, глядя на карту военных действий, видел путь движения Главной русской армии, ее авангарда под командованием генерала от инфантерии суворовца М. А. Милорадовича и, естественно, казачьей конницы. Ей, легкой на подъем, способной проделывать марш-броски по заснеженным полям и лесам, не раз менялись направления действия по пути к Смоленску.

Стаи «степных ос» днем и ночью продолжали кружить вокруг походных колонн наполеоновских корпусов, истребляя их живую силу и сводя на нет численность артиллерии. Они каждодневно подтачивали еще остававшую боевую силу Великой армии, деморализуя ее до крайних пределов. Полководец Бонапарт и его звездные маршалы видели и чувствовали это, но ничего не могли поделать с такой «степной» напастью.

На дальних подступах к Днепру, уже на Смоленщине, атаман М. И. Платов получил от главнокомандующего новое предписание. Собственно говоря, это был план продолжения преследования врага, который раз за разом пытался улизнуть от преследователей, уйти от их ударов:

«Поелику армия берет свой путь по левому берегу Днепра, то и приказал я генералу от инфантерии Милорадовичу со вверенным ему авангардом, к коему присоединяется и граф Орлов-Денисов со своим отрядом, оставить Большую Смоленскую дорогу от Михайлова, взять влево на Ельнинскую в направлении к Смоленску. Вследствие чего извольте с прочими казачьими полками преследовать быстро неприятеля по Смоленской дороге, идущей от Дорогобужа.

Хотя река Днепр будет разделять наши действия, невзирая на то, ожидаю я частые рапорты от Вашего высокопревосходительства, в коих прошу упоминать действительное направление неприятельских войск, дабы я, соображаясь с тем, мог бы взять свои меры».

Отдельные армейские партизанские отряды с их казачьей «составной» получают кутузовские приказы на ведение разведки. Одно из таких предписание из штаб-квартиры Главной армии получил капитан Александр Сеславин, кавалер ордена Георгия Победоносца 4-й степени за Бородино, один из легендарных

партизанских командиров «грозы 12-го года». Именно Сеславин первым получил достоверные сведения об оставлении Наполеоном Москвы и его движении на Калугу, что стало предтечей сражения у Малоярославца.

Полководец М. И. Голенищев-Кутузов знал не понаслышке достоинства сеславинских партизан и их на редкость удачливого командира, недавнего офицера Лейб-гвардии артиллерии. Поэтому тот и получил 27 октября задание из числа опасных: на большом удалении от русской армии разведать наличие сил наполеоновских войск в городе Могилеве и его окрестностях. Капитану Сеславиному предписывалось:

«Весьма нужно знать, есть ли неприятель в Могилеве и есть ли в оном городе какие-либо запасы. Дабы затруднить марш неприятелю, не возможно ли истреблять все мосты на пути их, чему много способствовал и вчерашний случай. Неприятель вчерашнего числа, не уходя 8 верст от Дорогобужа, должен был чинить мост в виду нашего авангарда. При сем случае потерял неприятель 6 орудий, более 600 пленных.

Не забывайте писать вашего местопребывания, числа и часа отправления».

Известно, что Михаил Илларионович высоко ценил бесстрашие и отчаянность А. Н. Сеславина, капитана Лейб-гвардии артиллерии, произведенного за блестящее дело под Ляхово сразу в чин полковника (!) и назначенного командиром Сумского гусарского полка. Его небольшой полуказачий отряд творил на войне подлинные чудеса и при ведении разведки, и в нападениях на отступающего неприятеля. Полководец в письмах командиру конных партизан-армейцев не раз сообщал о действиях (!) Главной русской армии и своем местонахождении. Делал он последнее для того, чтобы разведывательная информация особой ценности, поставляемая в кутузовскую штаб-квартиру Сеславиным, не терялась и не запаздывала с казаками-курьерами. Примером может служить письмо от 1 ноября из Щелканово:

«Мне весьма приятно благодарить вас за доставление известий. Они совершенно сходны с теми, которые мы здесь получаем. Вследствие чего генерал Милорадович отправлен преследовать генерала Зайончека (принявшего командование Польским корпусом Великой армии у князя И. Понятовского. – А.Ш.) по его следам, между тем граф Орлов-Денисов старается затруднить марш в голове его колонн.

Генерал Платов преследует неприятеля по Духовской дороге, при переправе чрез реку Вопь отбил у него 23 орудия и 200 пленных. Вчерашнего числа захвачено отрядами Главной армии и графом Орловым-Денисовым до 2000 пленных.

Представляя действия Вашего отряда совершенно Вашему усмотрению, при сем извещаю Вас, что завтрашнего числа главная квартира имеет быть в селе Юрове, что близ Волкова, а послезавтре в городе Красном...»

Главнокомандующий, веря в инициативность действий командиров отрядов армейских партизан, всегда находил случай похвалить их за удачу, за одержанные победы, пусть и не столь впечатляющие на фоне общего контрнаступления. Вместе с тем М. И. Голенищев-Кутузов за своей подписью извещал их о викториях коллег, прежде всего летучего казачьего корпуса «вихирь-атамана» и авангарда генерала от инфантерии М. А. Милорадовича.

Михаил Илларионович хвалил атамана Платова и его казаков не только в реляциях наверх, но и в частных письмах, в том числе своей супруге и дочерям. Так, в письме от 29 октября дочери Елизавете (Е. М. Хитрово) он сообщал ей, что в ходе разгрома летучим казачьим корпусом колонны итальянской гвардии «вице-король ускользнул только потому, что был очень плохо одет». Что ж, в этом была известная доля правды. Наполеоновские генералы, которых мороз тоже не щадил, были вынуждены «утепляться» чем только можно было.

...Пожалование атаману Платову долгожданного титула графа Российской империи стало боевой

(иначе не назовешь) наградой не только лично ему, но и всему Войску Донскому, которое, поголовно ополчившись, сражалось на всем театре Отечественной войны 1812 года.

На кутузовском рапорте императору Александру I с прошением о присвоении графского титула генералу от кавалерии М. И. Платову была сделана помета: «Дан указ Сенату 29 октября № 266 и рескрипт графу Платову № 267».

Блестящую победу казачья конница одержала 27 октября в деле на берегах реки Вопь, разбив французские войска маршала Евгения Богарне и отбив у них 23 артиллерийских орудия. За эту подлинную викторию атаман Войска Донского был возведен Александром I в потомственное графское достоинство Российской империи. Соответствующий указ правительствующего Сената был подписан 5 ноября того же 1812 года. Это был не только личный триумф «вихрь»-атамана. Государь император писал ему в тот же день 29 октября:

«Граф Матвей Иванович!

В знак признательности Моей к Войску Донскому и во изъявление особого Моего благоволения к заслугам Вашим признал Я справедливо возвести Вас с потомством в графское достоинство, на что и доставлен будет Вам установленным порядком диплом от Сената.

Александр».

Главнокомандующий Главной русской армией был в числе первых, кто поздравил атамана Войска Донского с пожалованием ему за ошеломляющие неприятеля успехи в войне графского титула Российской империи. М. И. Голенищев-Кутузов писал ему 10 ноября из штаб-квартиры в Ланенке:

«Милостивый государь мой граф Матвей Иванович!

Чего мне желалось, то Бог и Государь исполнили. Я вас вижу графом Российской империи. Ежели бы подвиги Ваши, начав от 6 октября по сей час, и не были так блистательны, тогда скорое прибытие с Дону 26 полков, которые в разбитии неприятеля столько участия имели, (может) сделать достаточно признательным Всемилошвейшего Государя. Дружба моя с Вами от (17) 73 году никогда не изменялась, и все то, что ныне и впредь Вам случится приятного, я в том участвую.

Теперь прошу Вас только уведомлять меня о направлении неприятеля.

Остаюсь в совершенной преданности Вашего Сиятельства верный и всепокорный слуга Князь Михаил Г(оленищев) – Кутузов».

Графский герб, высочайше утвержденный, Матвей Иванович получит несколько позднее. На нем будут изображены два казака со знаменами, полученными Войском Донским за боевую доблесть в войнах России, поддерживали импровизированную корону, составленную из оружия, кивера, двуглавого русского орла. Все это покоилось на четырехугольном гербе города Черкаска, войсковой столицы донского казачества. В центре, в окружении бунчуков, насок и орлов, был изображен на коне сам Платов. Внизу герба шло изображение пушек и знамен. И под всем этим шла надпись: «За верность, храбрость и неутомимые труды».

...Война катилась к западной госгранице России со скоростью движения пешей колнны наполеоновских войск, обремененных награбленным добром и обессиленных голодом и холодом. Продвигаясь все дальше и дальше на российский запад по Смоленской дороге, полки платовского летучего казачьего корпуса в буквальном смысле протапывали путь следовавшим за ними пехоте и артиллерии сквозь снеговые завалы.

Когда французские мемуаристы и исследователи описывают отступление Наполеона из России, то они часто делают акцент в гибели Великой армии на генерала Мороза. При этом они как-то забывают, что те же

мороз, вьюги и снега были недругами и преследователей в лице кутузовской армии. Ради истины следует заметить, что зима пришла на Смоленскую дорогу задолго после того, как корпуса Наполеона выступили в обратный путь из Москвы. Мемуарист на сей счет свидетельствует:

«До 25 октября погода стояла ясная, даже жаркая в дни, а в этот день, пополудни в четвертом часу, впервые во всю осень ты зачал порошить снежок; ввечеру при северо-западном ветре нахлынули густые тучи, при морозе 4 градуса выказавшие полную зиму с метелью».

...Полководец князь М. И. Голенищев-Кутузов не переставал восхищаться тем, как «степные осы» графа Платова истребляли силу Великой армии императора французов, хотя до катастрофы на Березине было еще далеко. Донской атаман не «успевал» радовать главнокомандующего, а через него императора Александра I и всю Россию большими и малыми победами. Так, 2 ноября Михаил Илларионович из села Щелканова, в который перебралась его штаб-квартира, писал командиру отдельного 1-го армейского корпуса П. Х. Витгенштейну о потерях вражеской армии следующее:

«Генерал Платов, не давая времени отдохнуть 4-му французскому корпусу, отбил у него при переправе чрез Вопь на Духовской дороге 23 орудия и несколько сот пленных, донося при сем, что в последнем пред сим деле вместо 62-х было взято 64 орудия.

На сих днях генерал Милорадович при Соловьевой переправе отбил 21 орудие и 1000 пленных, а вслед за сим по Еленской к Смоленску дороге генерал-адъютант граф Орлов-Денисов принудил сдаться генерала Ожеро с 65-ю штаб- и обер-офицерами и 2000 нижних чинов.

Вчерашнего числа отряд Главной армии взял в плен до 20 офицеров и до 2000 нижних чинов. Из сего Ваше сиятельство усмотрите, что потеря неприятеля неисчислима. Помощию всевышнего последует справедливое на врага наказание...

Всего пушек отбито у неприятеля от Бородинского сражения, с оставленными в Москве 26-ю, – 234 орудия, в том числе генералом Платовым 123 орудия».

3 ноября главнокомандующий сообщает атаману Войска Донского о том, что к Бабиновичам направлен армейский партизанский отряд (бывший ранее под начальством Винценгероде, попавшего в плен к французам. – *А.Ш.*) генерал-майора Павла Васильевича Голенищева-Кутузова, с которым Платову предписывалось взаимодействовать.

Михаила Илларионовича в данном случае заботило то, как бы казачьи полки бывшего отряда Винценгероде «не отошли» к атаману Платову. Речь шла не о возможном его самоуправстве, а об огромном авторитете новоиспеченного войной графа среди донцов всех чинов и известном желании их сражаться с французами под знаменами «самого вихирь-атамана». Думается, что такие опасения генерал-фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова были, как говорится, не беспочвенны. На войне бывает всякое.

...Когда Великая армия «дотащилась» до Смоленска, то в этот период бегства Наполеона из пределов России, по свидетельству мемуаристов, казаки теснили неприятеля уже со всех сторон. Они не только преследовали его и наносили удары с флангов, но все чаще и чаще преграждали ему пути дальнейшего отступления. Об одном из таких нападений платовских казаков рассказал в своем «Дневнике» дивизионный генерал маркиз Арман де Коленкур:

«Через час после прибытия в Корытню мы узнали, что в расстоянии одного лье от нас казаки только что атаковали небольшой артиллерийский парк и войсковой обоз, перевозивший трофеи, захваченные в Москве, а также императорский обоз, присоединившийся к этому парку, то есть тот, который мы только что обогнали.

Казаки воспользовались тем моментом, когда колонна была вынуждена остановиться и сдвоить

запряжки, чтобы подняться на один из обледеневших холмов; между головой и хвостом колонны образовался разрыв, и немногочисленный конвой не в состоянии был оборонять всю колонну. Казаки захватили около 10 лошадей и фургоны императора, потому что объятые страхом возницы загнали их в овраг; казаки разграбили их, причем этой участи подвергся и чемодан с картами; они захватили с собой часть вещей, а все остальное разбросали.

Мы подобрали почти все, если бы новый налет, направленный против головы колонны, не напугал обозных до такой степени, что они бросили все, что могло помешать их бегству. Наши собственные солдаты, отставшие от своих частей, довершили грабеж.

Потом, когда было уже слишком поздно для спасения разграбленных вещей, мы узнали, что казаки скрылись как только показались наши войска. Артиллерия потеряла в этом деле половину своих запряжек; большая часть офицеров ставки лишилась своего багажа. Я был в том числе».

После этого налета казаков на «обоз его императорского величества», потрясенный случившимся (потерей части своих личных вещей и «московских трофеев» – то есть награбленных в Московском Кремле ценностей) Наполеон Бонапарт опять заговорил в своем окружении о «польских казаках», которые должны были прибыть, по его словам, в самое ближайшее время. «Польским казакам» предстояло защитить его отступавшую армию от «жалких арабов Севера», которых французы ниже рангом называли «степными осами» атамана Платова.

...Переписка главокомандующего с командиром летучего казачьего корпуса, самая оживленная, велась с выражением глубокой признательности графу М. И. Платову за его впечатляющие ратные труды. Донской атаман постоянно извещал генерал-фельдмаршала о новых победах, числе взятых пленных и пушек, получая в ответ настойчивые требования неотступно следовать за Наполеоном, нанося ему новые поражения на марше. Узнав, что французские войска оставляют Смоленск, М. И. Голенищев-Кутузов 4 ноября шлет атаману новое письмо:

«Милостивый государь мой Матвей Иванович!

Благодарен Вам весьма за последний рапорт Ваш, повторяю благодарность мою за прежние успехи Ваши.

Теперь, кажется, по всем известиям, неприятель Смоленск оставил, и для того, на первый случай, ничего более от Вас не требую, как только чтобы всеми Вашими силами преследовать его хвост и вредить сколько можно сим способом. Ежели он где в силах остановится, мы все скоро соединиться можем для нанесения ему общего вреда.

Я с главным корпусом нахожусь теперь в четырех или пяти верстах от Красного, едуци от Смоленска по левой стороне дороги. Генерал Милорадович ближе от меня к Смоленску в семи верстах. Кои неприятельские корпуса в Красном, еще не знаем.

Вашего превосходительства покорнейший слуга Князь Г(оленищев) – Кутузов».

...В первых числах ноября наполеоновские войска оставили Смоленск, такой же город-погорелец, как и Москва. Вновь встал вопрос о преследовании по пятам бегущих из России французов. Ближе всего к Смоленску оказался, само собой, летучий казачий корпус.

...В боевую летопись казачьих войск России город Красный на земле Смоленской вписан действительной красной строкой. Именно здесь окончательному разгрому подвергся 3-й армейский корпус Великой армии прославленного маршала Мишеля Нея, которого император французов за высокие заслуги наградил титулами герцога Эльхингенского и князя... Москворецкого. То есть он в историю вошел как «принц Московский».

3 ноября главнокомандующий секретным письмом из Юрова известил адмирала П. В. Чичагова, двинувшегося с войсками от Пружан на Минск о ходе преследования остатков Великой армии после Красного на Смоленщине:

«Мы находимся в преследовании неприятеля. Завтра, то есть 4-го числа, буду я с главными силами армии близ Красного. Главный мой авангард – между Красным и Смоленском. Генерал Платов был в преследовании вице-короля италийского с его корпусом армии, от Дорогобужа на Духовщину, теперь, надеюсь, находится уже по Духовщинской дороге под Смоленском. Другой корпус легких войск, бывший Винценгероде, ныне под командою генерал-адъютанта Г(оленищева) – Кутузова, уже соединился с Платовым, и сей имеет повеление находиться с правой стороны ретирующегося неприятеля, то есть всегда со стороны Белоруссии, и быть в связи с генералом Витгенштейном.

По сей день неприятель еще Смоленска не оставил; известно это потому, что последний его корпус, преследуемый со стороны Москвы под командою вице-короля италийского, едва только вчера вступить мог в Смоленск...

По мобильному количеству легких войск, при мне находящихся, имею я много партий, предводительствуемых достойными людьми, коих назначение есть предупреждать неприятеля в его марше, и сей день есть уже таковые в направлении к Орше...»

...Преследование походных колонн корпусов Великой армии, бежавших на запад по Смоленщине своими путями-дорогами, велось неотступно. Летучие армейские отряды, казачьи полки и партии оказывались и впереди вражеских колонн, и сзади их, и на флангах. На какое-то время Смоленская губерния, лежащая в глубоких снегах, оказалась ареной вооруженной борьбы, итогом которой стали десятки тысяч павших и десятки тысяч плененных наполеоновских солдат и офицеров.

В ходе преследования казакам довелось действовать и большими силами вполне самостоятельно, и в составе армейских отрядов самого различного состава. В октябре и ноябре месяце боевые столкновения шли каждодневно. Французский арьергард еще не оставил Смоленск, а бои уже шли в западной, юго-западной частях обширной губернии. Примером таких боев стала схватка за Соловьевскую переправу через Днепр.

Соловьевскую переправу следовало отбить у неприятеля и перейти на другой берег Днепра – такой приказ получил командир 1-го егерского полка полковник Карпенков. Полк, имея казачью партию и четыре орудия, подошел к переправе 29 октября перед рассветом. Охотники из егерей и казаков в предшествующий день провели рекогносцировку переправы – полевых укреплений французов и полуразрушенного моста.

После взятия Словьевской переправы и восстановления моста, 1-й егерский полк поступил в распоряжение подошедшего казачьего отряда (бригады) генерал-майора Д. Е. Грекова 1-го, который шел от Дорогобужа правым берегом Днепра.

Когда 3 ноября сводный грековский отряд быстро приступил к Смоленску, егеря «очистили» обгорелый Московский форштадт до самой земляной крепости правого берега Днепра, служившей мостовым прикрытием. Казачья конница тоже участвовала в «зачистке» городских окрестностей от отсталых французов и небольших неприятельских команд.

В тот же день отряд Грекова 1-го в оконечности Петербургского предместья соединился с полками (при 3 тысячах пленных) летучего корпуса атамана М. И. Платова, расположившегося на короткий отдых на покатоности, оголенной пожаром, ближе к берегу Днепра. Платов разбил свой бивак у шлагбаума выезда к Поречью, в который его корпус «только что втиснул остатки разгромленного им корпуса Италианского, прибежавшего налегке, без артиллерии и обозов, от города Духовщины, при котором несметные богатства

поглотили коши сынов Дона».

Когда атаман М. И. Платов подошел к древнему городу-крепости, за исполинской крепостной стеной Смоленска, построенной праведными трудами ближнего боярина, а потом русского царя Бориса Годунова, находились остатки трех корпусов Великой армии – маршалов Даву и Нея, вице-короля итальянского Эжена Богарне. Они оставались в городе еще двое суток единственно для того, чтобы получить хоть какой-то отдых «от смертельного изнурения их при бегстве от завоеванной Москвы».

Вечером 4 ноября к Платову был доставлен перебежчик из Смоленской крепости – польский офицер в чине капитана. Он сообщил, что французы в следующую ночь оставляют Смоленск, «заряженный ими по повелению Наполеона во многих местах сильными минами, наложенными сверху палуб их бомбами, гранатами и камнями».

Донской атаман сразу стал действовать. Усилились конные дозоры на путях, ведущих от города на закат солнца. Командир 20-го егерского полка майор А. З. Горихвостов, герой Бородинской битвы, получил предписание вместе со своими стрелками вступить за смоленские стены после того, как уйдут французы, «стараясь в те дни уничтожить штопины огнепроводных мин».

По приказанию главнокомандующего М. И. Голенищева-Кутузова платовский летучий корпус стал готовиться к маршу вниз по течению Днепра, идя правым берегом к городу Орше. Поскольку много конных партий было в разъездах, выступление вслед за неприятелем было назначено под утро. Но еще до рассвета за смоленскими стенами стали рваться мощные мины, в городе, где оставались лишь немногие жители, начались пожары. Самый сильный взрыв прозвучал в Королевском бастионе, где в его дворе расположился главный артиллерийский парк Великой армии.

...Оставление французами Смоленска сильно повлияло на состояние духа наполеоновских войск: этот русский город был взят ими ценой больших людских потерь. Желанного отдыха они здесь не получили, равно как и обещанного провианта. Виной всему этому, как считалось, были все те же «степные осы», которые «обкусывали» походные колонны корпусов Великой армии каждодневно и со всех сторон.

Полковые казачьи командиры, да и их подчиненные, могли по пути преследования, в боях наблюдать одну и ту же отрадную картину: организованность в отступающих вражеских войсках неумолимо сходила на нет. Они видели то, что записал в своем мемуарном «Дневнике офицера Великой армии в 1812 году» старший адъютант гвардейского полка велитов младший лейтенант граф Чезаре (Цезарь) Ложье де Белькур:

«...С шестого ноября все изменилось: и пути, и внешность людей, и наша готовность преодолевать препятствия и опасности. Армия стала молчаливой, поход стал трудным и тяжким, император перестал работать; он взваливает все на своих помощников, а те, в свою очередь, на своих подчиненных.

Бертье (маршал, начальник Генерального штаба Великой армии. – А.Ш.), верное эхо, верное зеркало Наполеона, бывало, всегда начеку, всегда ясный, всегда определенный, ночью, как и днем, теперь только передает приказы императора, но ничего уже от себя не добавляет.

Масса офицеров растеряли все – взводы, батальоны, полки; в большей своей части больные и раненые, они присоединяются к группам одиночек, смешиваются с ними, примыкают на время то к одной, то к другой колонне и видом своих несчастий еще более обескураживают тех, кто остается еще на своем посту.

Порядок не в состоянии удерживаться при наличии такого беспорядка, и зараза охватывает даже полковых ветеранов, участвовавших во всех войнах революции».

...Летучий казачий корпус двинулся вниз по Днепру, к Орше. С ним следовала донская конная

артиллерия, которую прикрывал 1-й егерский полк числом всего в 360 стрелков. Путь лежал через селения Катань и Гусиное: в их окрестностях казацки разьезды «прибрали к рукам разбродные партии французов, иные числом более тысячи, оголодавших и оборванных душ».

С корпусом маршала империи Мишеля Нея платовцы столкнулись в день 7 ноября. Дело обстояло так. Летучий казачий корпус остановился на привал в деревне Герасименке и там «шумным обществом» стали поздравлять генерала от кавалерии М. И. Платова с получением графского титула. Диплом о возведении атамана Войска Донского был прислан из Главной квартиры действующей армии.

В разгар торжества от дозоров пришло донесение, что походная колонна корпуса маршала Нея из 3 тысяч человек явилась в казачьем тылу, идя тоже вниз по Днепру и теперь находясь около селения Сырокоренье. Пушек у французов уже не было ни одной, а лошадей – верховых и вьючных набиралось не более сотни. При маршале Мишеле Нее находились два десятка генералов и несколько приставших к нему офицеров из самых разных воинских частей, «искавших спасение свое в его удалстве», в чем они не ошиблись.

Атаман Платов поручил кутузовскому адъютанту полковнику П. С. Кайсарову (дежурному генералу штаб-квартиры главнокомандующего) взять на себя командование частью корпусных полков, всеми 16 орудиями Донской артиллерии и егерским полком. Кайсаров получил приказ спешить к Сырокоренью, чтобы «взять зажигателя и разрушителя Смоленска на аркан! И притащить к нему», то есть к атаману. Платов отправился в путь с главными своими силами несколько позже.

Столкновение с колонной маршала Нея произошло в том месте, где к Днепру уходила балка с крутыми скатами. Французы перед появлением казаков начали спускаться в удобном месте в балку. Завязалась перестрелка. Кайсаров допустил серьезный промах: он решил обойти балку, не оставив никого и ничего из орудий на краю балки перед неприятельской колонной. Ней, опытный тактик, сразу увидел в том свой шанс прорваться: он составил из своих людей плотную колонну и перешел балку, выйдя на ее противоположный склон, где только что находился противник.

Будь в тот час на месте боя атаман граф Платов, то ситуация сложилась бы другая, без такой тактической ошибки. Но не случайно император Наполеон говорил о своем любимом маршале империи: «В Тюльерийском дворце есть у меня 20 миллионов ливров, охотно отдал бы я их за спасение Нея».

...Остатки корпусов Великой армии, все еще в отдельных походных колоннах, стремились вырваться из России, выйти на линию ее государственной границы. На рассвете 7 ноября маршал Мишель Ней, перешедший Днепр, с остатками своих людей вышел к Гусиному. Но там уже стояли разьезды платовских казаков. Ней двинулся к Орше: казаки преследовали его до самого города, в итоге истребив и рассеяв почти весь его небольшой отряд.

Колонна (900 человек) маршала Нея испытала на себе удар казачьей лавы уже перед самой Оршей, где находилась штаб-квартира императора Наполеона. Французам здесь «пришлось столкнуться с отчаянной атакой солдат Платова. Казаки, число которых все возрастало, приближались к шеренгам французов. По возможности Ней стремился укрыться в лесу, но один или два раза, застигнутый на открытом месте, он выстраивал войска в каре и продолжал идти. Артиллерии у французов не было, а порох для мушкетов заканчивался».

До Березины в строю пришли прежде всего ветераны Наполеоновских войн. Это о них сказал маршал Мишель Ней: «С дюжиной таких людей мне наплевать на всех казаков в Европе!»

...Отступление корпуса маршала Мишеля Нея от Красного и переправа его остатков через Днепр по только-только вставшей в ледяном панцире реке – одна из самых ярких, трагических и геройских страниц в истории Наполеона. В истории Великой армии, созданной Бонапартом специально для Русского похода и

погибшей в России. И в истории Войска Донского, в биографии самого прославленного казачьего атамана М. И. Платова, георгиевского кавалера и графа Российской империи. Мемуарных воспоминаний о той странице «грозы 12-года» известно немало. Пожалуй, одними из самых ярких и достоверных стали воспоминания полкового командира де Фезанзак из состава 3-го корпуса. Он и описал события, которые привели к истреблению казаками остатков корпуса.

Ней выступил из Корытни и последним из маршалов подошел к Красному. На подступах к городу стали тревожить несколько казачьих «эскадронов», от которых французы уже привычно отбивались ружейными залпами. Бой под Красным маршал Мишель Ней проиграл, и ему оставался только один путь, обойти город и выйти севернее его к Днепру в надежде переправиться через него на противоположный берег, чтобы в Орше соединиться с императором Наполеоном.

Нею удалось обмануть преследователей и оторваться от них, но ненадолго. Тогда сам атаман Платов пошел с полками вслед 3-му корпусу Великой армии, то и дело по пути сворачивавшемуся в пехотные каре для отражения казачьих лав. Проводя демонстрационные атаки, Платов выиграл время: на противоположном берегу оврага, пересекавшего путь французам, развернулась казачья артиллерия.

Де Фезанзак, от 4-го пехотного полка которого, по его словам, оставалась всего сотня человек, в темноте ночи пробивался через березовый лес: «казаки кричали нам, чтобы мы сдавались, и стреляли в нас в упор; настигнутых их пулями мы покидали». Выйдя из леса, французы двинулись вдоль берега Днепра, раз за разом перебираясь через овраги, по которым текли полузамерзшие ручьи. Наконец 4-й полк соединился с корпусным арьергардом, сделавшим привал. Здесь стало известно, что маршал Ней с главными силами атаковал артиллерийскую позицию преследователей и «открыл себе дорогу».

Корпус Нея находился уже в 25 верстах от Орши, как «генерал Платов несомненно удвоил усилия, чтобы захватить нас». Французы продолжали путь до утра, не тревожимые никем. Но с восходом солнца кругом явились казаки. Когда преследуемые остатки 3-го корпуса вышли на ровное место, атаман Платов приказал выдвинуть на санях донскую артиллерию. Когда вражеские ряды расстроились под пушечным огнем, казачьи полки устремились в общую атаку. Дивизии Нея (вернее, их остатки) свернулись в пехотные каре, которые прикрылись цепью стрелков.

Стрелковый заслон атакующая казачья конница смяла с налета. Каре французов, отстреливаясь, стали отступать к возвышенности, где у леса стояла деревня Якубово. Де Фезанзак пишет, что «генерал Платов раз двадцать пытался сбить нас, атаки его мы постоянно отражали, и он, утомленный таким сопротивлением, сам расположился против нас». Здесь уместно заметить, что никакая конница в истории войн не могла совершить двадцать атак за половину дня, после третьей-четвертой атаки утомленные кони, даже казачьи, шли бы в атаку не рысью, а шагом.

Мемуарист заключает свой рассказ тем, что в 9 часов вечера маршал Ней приказал сняться с бивака, построиться и в глубоком молчании двинуться вперед, к городу Орше. «Казацкие посты, выставленные на дороге, снялись при нашем приближении». В четырех верстах от Орши был встречен выдвинутый пост от 4-го корпуса Великой армии.

К вышерассказанному де Фезанзаком следует добавить, что под Красным пехотный корпус маршала Мишеля Нея имел в своих рядах шесть тысяч человек. В Оршу пришло где-то человек 800–900. То есть при преследовании платовские казаки оставили от корпуса разве что один пехотный батальон. Мемуарист так заключил свой вольнительный для читателя рассказ: «Так кончился этот отчаянно смелый поход, один из наиболее замечательных эпизодов всей кампании». А о том, что это была одна из самых ярких побед казачьей конницы русской армии, участник тех событий де Фезанзак почему-то умолчал.

Показательно: наполеоновцы после Красненского дела стали сдаваться в плен казакам толпами,

надеясь на милость победителей, которые дадут им пропитание и теплый кров, спасут от гнева партизан-смолян. Интересен следующий случай, произошедший в день 8 ноября с генерал-майором В. В. Орловым-Денисовым и кратко описанный историком А. И. Михайловским-Данилевским:

«...Граф Орлов-Денисов, пригласив с собой лейб-медика Виллие, поехал в санях для обозрений проселками, в сопровождении только одного урядника Лейб-казачьего полка. По дороге встретили они колонну вооруженных неприятелей, послали урядника требовать сдачи, и по первому вызову 400 человек, побросав ружья и тесаки, тотчас сдались».

У города Красного императору французов Наполеону I довелось собственными глазами увидеть «степных ос» русских, которые обложили его корпусные походные колонны вдоль Смоленской дороги. Но в своих мемуарах венценосный полководец по понятным причинам умолчал и об этом. Рассказов же о тех боях история сохранила немало – и россиян, и французов. Один из них принадлежит большому мастеру пера, славному партизану Денису Давыдову, чей летучий отряд деятельно участвовал в Красненских событиях:

«...На рассвете, разъезды наши дали знать, что пехотные неприятельские колонны тянутся между Никулиным и Стеснами. Мы помчались к большой дороге и покрыли нашею ордою все пространство от Аносова до Мерлина. Неприятель остановился, дабы дожидаться хвоста колонны, бежавшего во всю прыть для сомкнутия. Заметив сие, граф Орлов-Денисов приказал нам атаковать их. Расстройство сей части колонны неприятельской способствовало нам почти беспрепятственно затоптать ее и захватить в плен генералов Альмераса и Бюрта, до двухсот нижних чинов, четыре орудия и множество обоза.

Наконец подошла старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон. Это было уже гораздо за полдень. Мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружья под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя бы одного рядового от сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегали все усилия наши и остались невредимыми...

Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов! Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди заснеженного поля! Будь с нами несколько рот конной артиллерии и вся регулярная кавалерия, бог знает для чего при армии влачившаяся, то как передовая, так и следующие за ней в сей день колонны вряд ли отошли бы с столь малым уроном, каковой они в сей день потерпели.

Командуя одними казаками, мы жужжали вокруг сменявшихся колонн неприятельских, у которых отбивали отставшие обозы и орудия, иногда отрывали рассыпанные или растянутые по дороге взводы, но колонны оставались невредимыми.

Видя, что все наши азиатские атаки рушатся у сомкнутого строя европейского, я решился под вечер послать Чеченского (1-й Бугский казачий) полк вперед, чтобы ломать мостики, находящиеся на пути к Красному, заваливать дорогу и стараться всяким образом преграждать шествие неприятеля; всеми же силами, окружая справа и слева и пересекая дорогу спереди, мы перестреливались с стрелками и составляли, так сказать, авангард авангарда французской армии...»

Наполеоновские маршалы, да и сам Бонапарт, каждодневно ощущали на своих войсках – корпусных колоннах удары иррегулярной конницы противной стороны. Дороги, по которым бежала из России Великая армия императора французов, стали опасными для незваных гостей из Европы во многом благодаря действиям армейских партизанских отрядов (казаки изначально по воле полководца М. И. Голенищева-Кутузова составили их основу) и местных партизан из крестьян.

Как при вступлении Наполеона на русскую землю донцы наседали на французов и всюду теснили их, так и теперь, при отходе врага, казаки неустанно и напористо преследовали его. Они навели панику и уныние на наполеоновских военачальников всех рангов. Вот что писали о «степных осах» в то время лучшие знатоки кавалерийского дела:

«Казаки делают войну весьма опасной, – писал о донцах француз де Брак, участник наполеоновского Русского похода, – и в особенности для тех офицеров, которые назначены производить разведки. Многие из них, в особенности офицеры генерального штаба, довольствовались обыкновенно тем, что успевали узнать от местных жителей, и, из опасения наткнуться на казаков, никогда не проверяли на месте этих показаний, а потому император не мог узнать того, что происходило в неприятельских войсках...»

Другой француз, дивизионный генерал Моран, граф империи, известный своим участием в Бородинском сражении, поражается лихостью и увертливостью донских казаков:

«...Казаки, кидаясь в атаку, – пишет герой Наполеоновских войн, – обыкновенно несутся марш-маршем и хорошо останавливаются на этом аллюре. Их лошади много способствуют смелости и со своими всадниками составляют как будто одно целое. Эти люди, будучи осторожны, не требуют особых попечений о себе, отличаются необыкновенной стремительностью в своих действиях и редкой смелостью в своих движениях».

«Какое великолепное зрелище представляла наша кавалерия, когда, блистая при лучах июньского солнца золотом и сталью, пылая отвагой, она гордо развертывала свои линии на берегах Немана! Какие грустные размышления возбуждали эти перестроения, утомлявшие только лошадей и оказавшиеся совершенно бесполезными в делах с теми самыми казаками, которые до сих пор были презираемы всеми, но которые так много сделали для славы России.

Каждый день видели их в виде огромной завесы, покрывающей горизонт, от которой отделялись смелые наездники и подъезжали к самым нашим рядам. Мы развертываемся, смело кидаемся в атаку и совершенно уже настигаем их линии, но они пропадают как сон, и на месте их видны только голые березы и сосны...

По прошествии часа, когда мы начинаем кормить лошадей, черная линия казаков снова показывается на горизонте и снова угрожает нам нападением. Мы повторяем тот же маневр и по-прежнему не имеем успеха в своих действиях...

Таким образом, одна из лучших и храбрейших кавалерий, какую только когда-либо видели, утомлялась и приходила в расстройство в делах с теми людьми, которых она постоянно считала недостойными себя, но которые, тем не менее, были истинными освободителями своего отечества!..»

«...Военная история представляет нам много весьма поучительных примеров, – пишет англичанин Нолан, – того превосходства казаков над регулярной кавалерией, которым не следует пренебрегать и которое не должно забываться».

Такую славу приобрели донцы и посланцы других казачьих войск в тяжелое боевое время 12-го года. Приобрели своими трудами, своей отвагой и верностью России.

Деловитый французский комендант Белоруссии маркиз Пасторе оказался свидетелем дорожных событий под Красным, описывая тот ужасающий беспорядок, который творился в походных колоннах. Когда на дороге образовывался очередной затор, движение совершенно прекращалось. В таких случаях, как пишет маркиз Пасторе, быстро появлялись казаки, не терявшие из виду неприятеля. Они открывали по колонне людей и повозок, сгрудившихся на дороге, огонь из маленьких пушек без лафетов, которые возили за собой на санях.

После первых выстрелов на дороге начиналась паника. Видя это, казаки разворачивались в лаву и шли в атаку. Они «гнали в галоп все, что еще могло скакать, остальное жгли, а солдат, пытавшихся защищаться, поражали ударами пики». Мемуарист пишет, что такие нападения по пути к Красному совершались преследователями-казаками у каждого оврага, у каждого мостка через ручей. Обычно они завершались потерей части обозов и людей. Пасторе считает, что это было еще не самым большим несчастьем в стане беглецов. Худшее ожидало их на берегах Березины.

Очевидец подхода к Красному корпуса маршала Даву писал, что его колонна явилась, «рассеивая перед собой целое облако казаков». Торопясь, маршал приказал отделить вправо обозные повозки. Но там они оказались атакованы донской конницей, которая обратила прикрытие обоза и возниц в бегство к главной дороге. Кое-кому из возниц удалось в суматохе выпрячь лошадей и, захватив самые ценные вещи из фургонов, ускакать к своим. Их не преследовали.

Походные колонны Великой армии подходили к Красному медленно, будучи принужденными то и дело оборачиваться, строиться в каре, чтобы отражать нападавших с трех сторон платовских казаков. Отразив очередную атаку, колонна вновь трогалась, часто из-за торопливости превращаясь в толпу вооруженных людей, среди которых все больше становилось людей безоружных. Преследователи уже давно перестали подбирать брошенные на дороге ружья и сабли, пистолеты и ранцы, лядунки и разное тряпье.

Счет казачьими начальниками велся только брошенным врагом или отбитым в бою пушкам, целым и заклепанным, со сломанными колесами и лафетами. Трофейные орудия представляли из себя диковинную коллекцию изделий многих стран Европы: они были отлиты не только во Франции, но и в Саксонии и Пруссии, Баварии и Гессене, Испании и Италии, Силезии...

Как только под Красным заканчивался очередной бой и Бонапарт отдавал приказ отступить, казачьи полки бросались на хвост его колонн, не спешиваясь, ведя ружейный огонь, часто стараясь сойтись с французами на удар пики. Бралось много пленных, часть которых сама бросала оружие в снег у дороги. Казаки таким образом брали «дань» с каждой вражеской колонны, проходившей мимо Красного.

...Действия платовского летучего корпуса в конце войны стали примерами для вдохновения на новые деяния и подвиги всей русской армии. Мемуарист, генерал-лейтенант артиллерии, Симбирский и Витебский губернатор И. С. Жиркевич, в 1812 году поручик 1-й конной роты Лейб-гвардии артиллерийской бригады описал такой походный случай:

«3-го ноября мы подошли к Красному. Тут, после сильных морозов, начавшихся от Вязьмы и продолжавшихся дней 10, сделалась сильная оттепель. На дневке, вечером, часу в пятом, Кутузов, объезжая бивуаки, подъехал к Семеновскому полку. За ним ехало человек пять генералов, в числе которых был принц Александр Вюртембергский, Опперман и Лавров, а позади их семь человек конногвардейцев везли отбитые у неприятеля знамена.

«Здравствуйте молодцы-семеновцы!» – закричал Кутузов. – Поздравляю вас с новою победою над неприятелем. Вот и гостинцы везу вам! Эй, кирасиры! Нагните орлов пониже! Пускай кланяются молодцам! Матвей Иванович Платов доносит мне, что сегодня взял 115 пушек и столько-то генералов... не помнишь ли ты, Опперман, сколько именно?»

Опперман отвечал: «15».

«Слышите-ли, мои друзья, 15, то есть 15 генералов! Ну, если бы у нас взяли столько, то остальных сколько бы осталось? Вот, братцы, пушки пересчитать можно на месте, да и тут не верится, а в Питере скажут: хвастают!»

Можно оставить на совести мемуариста цифры, приведенные им в своих «Записках», написанных

через лет 30–35 после приводимого случая. Но в том, что полководец, светлейший князь Смоленский так радовал своих солдат, сомневаться не приходится. Каждая большая победа казаков сразу становилась известной всей русской армии.

...Платовский летучий корпус, который уже в самом начале войны нанес несколько сильных ударов по легкой (польской) кавалерии Великой армии и умаливший ее численно, изменил многое. Наполеоновскому командованию пришлось «перекраивать» предназначение французской и союзной кавалерии, участвовавшей в Русском походе.

Во-первых, Наполеону пришлось использовать для боевого охранения (что являлось прямой задачей легкой кавалерии – полки уланские, гусарские, конно-егерские, шеволежер-пикинеров) использовать тяжелую кавалерию. Однако кирасиры, карабинеры и драгуны оказались не готовы исполнять не свойственные их функциональной готовности боевые задачи.

Во-вторых, легконные команды как никто лучше годились для фуражировки. Кормить лошадей той части Великой армии, которая оказалась на постое в обезлюдившей Москве, необходимо было зерном и сеном. Если запасов зерна в брошенном жителями огромном городе нашлось достаточное количество, то сена не было. Для его поисков французам приходилось предпринимать рискованные экспедиции по Московской губернии, что зачастую дорого обходилось им. Партизаны, как армейские (прежде всего казаки,) так и местные, спуска иноземцам – мародерам и фуражировщикам – не давали.

И в-третьих, потери в конском составе в первых конных стычках, на поле Бородина (в день 26 августа кавалерия Наполеона «надорвалась») и в ходе «московского сидения» привели к тому, что кавалерийские части Великой армии к концу 1812 года стали в своем большинстве безлошадными.

К примеру, если маршал Мюрат в конце сентября имел в четырех резервных кавалерийских корпусах до 12 тысяч всадников, то к 18 октября их было уже только 8 тысяч, из которых половина коней не имела. Когда французская армия оставляла Москву, в ее рядах на запад уже шло 4 тысячи спешенных кавалеристов. Причем эта удручающая картина для французов и их союзников ухудшалась с каждым последующим днем.

В конце сентября падеж лошадей, как верховых, так и обозных, в главных силах Великой армии, «ходившей на Москву», принял необратимый характер. Тот конский состав, поступавший в кавалерию в самых малых количествах, не соответствовал самым необходимым требованиям к нему. Известно и другое: трофейные лошади, далекие по своим качествам взрощенных в степях коней, для казачьих полков не годились. Для их «ремонта», то есть восполнения боевой убыли конского состава, пригонялись табуны с Задонских, Сальских степей.

...После катастрофического поражения при Красном император Наполеон повел остатки Великой армии через Дубровну к городу Орше, где надеялся усилиться за счет корпусов, отходивших от Полоцка и этапных гарнизонов. Там же находились провиантские магазины. Генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов составил новый армейский авангард из 12 батальонов пехоты (почти целая дивизия) и двух «доброконных» казачьих полков, вверив его генерал-майору А. П. Ермолову, человеку волевых решений, настойчивому и бесстрашному. Вновь вперед от Главной армии ушли летучие отряды.

Атаману Матвею Платову главнокомандующим была поставлена задача «употребить все способности для открытия настоящего направления Наполеона: пойдет ли он на Борисов или Сенно?» Полководец теперь каждый день нуждался в оперативной информации, полной и своевременно доставляемой в армейский штаб обычно казачьими вестниками. Они возвращались назад с новыми приказами.

...Наполеон, начальник его штаба маршал империи Бертье, корпусные командиры требовали от подчиненных им генералов доставлять им пленных, пусть будут это не казаки, а просто простые крестьяне.

Требовалось знать, что происходило вокруг отступавшей Великой армии: силы преследователей, замыслы атамана Платова, названия дорог и куда они ведут, местоположение сел, где можно было пожить провиантом и фуражом, места речных переправ – мостов и бродов, и многое другое.

Но «языков» удручающе для наполеоновского командования все не находилось. Рассылаемые для этой цели отряды, даже пешие, чаще, чем было раньше, сами становились добычей казаков, роившихся тысячами и сотнями вокруг заснеженных и обледенелых дорог. Мемуарист А. де Коленкур так описывал сложившуюся ситуацию, когда колонна гвардии во главе с императором выходила из Смоленской земли:

«Мы не встречали нигде ни одного крестьянина, никого, кто мог бы служить нам проводником. Никаких способов получить сведения! Несколько польских отрядов из гвардейского корпуса, посланных на поиски, возвратились после стычки с казаками. Они оттеснили казаков и зарубили нескольких из них, но наткнулись на большой неприятельский корпус, что вынудило их отступить, и они не захватили ни одного казака, который мог бы дать нам сведения о войсках, находившихся так близко от нас.

Мы были подобны людям, сидящим в секрете, которым разрешили только выйти подышать вольным воздухом; мы не знали, что происходит вокруг нас...»

Летучий казачий корпус на Смоленщине усилил свое давление на неприятеля. Генерал от кавалерии граф М. И. Платов демонстрировал высокое искусство изоляции вражеских колонн друг от друга. Его казаки производили постоянные набеги на дороги, пересекая их в промежутках не только между двигавшимися дивизиями, но даже между полками, если между ними образовывался в походе какой-то разрыв. Каждое такое появление казачьего полка или нескольких на виду у врага сказывалось на подавленном состоянии духа наполеоновских войск. Казаки все чаще и чаще сопровождали их на безопасном расстоянии ружейного выстрела. Французская кавалерия в крайне редких случаях реагировала на такие «пресечения» пути.

Главнокомандующий, понимая, что на Смоленщине главная тяжесть борьбы с бегущим неприятелем ложится на плечи генералов Милорадовича и Платова, решил усилить (но на крайний случай) силы последнего. 3 ноября генерал-фельдмаршал, имея главную квартиру в деревне Юрово, отправил донскому атаману следующее письмо:

«Милостивый государь мой Матвей Иванович!

Изъявляя Вам мою искреннюю признательность за действия Ваши, я Вас покорнейше прошу и впредь употреблять все средства для нанесений вреда неприятелю.

Генерал-адъютанту Кутузову предписал я следовать от Духовщины в направлении к Бабиновичи и быть в готовности подкреплять Ваш отряд в таком, однако ж, только случае, когда крайняя необходимость того востребует, ибо сей корпус по назначению его императорского величества должен действовать отдельно, почему прошу Ваше превосходительство, не присоединяя к себе казачьи полки, в состав оного вначале поступившие, предпишите им находиться в команде генерал-адъютанта Кутузова.

Остаюсь с истинным почтением и преданностию Вашего высокопревосходительства покорный слуга».

Летучий отряд генерал-адъютанта П. В. Кутузова (Голенищева-Кутузова), о котором идет речь в письме главнокомандующего, был отрядом, которым до своего пленения в октябре командовал Ф. Ф. Винценгероде. Новый начальник был известен как боевой генерал, кавалерии ордена Святого Георгия 3-й степени. В начале войны он собрал на дорогах между Москвой и Вышним Волочком 788 молодых ямщиков с лошадьми и сформировал из них ополченский Тверской-ямской казачий полк, который принял участие в войне с французами.

Армейский партизанский отряд будущего генерала от кавалерии П. В. Голенищева-Кутузова

прославился тем, что разбил отступающий Баварский корпус (вернее – его остатки) под командованием генерала графа фон Вреде.

...При появлении армейских летучих отрядов в Белоруссии катастрофа Великой армии на Березине стала приближаться более «ускоренно». Лучшим примером тому стало нападение партизан Дениса Давыдова на город Копыс и взятие его с боя:

Казачий разъезд, высланный вперед от летучего отряда, перехватил вражеского курьера с рапортом маршалу Бертье от командира кавалерийского депо Бланкара. Полковник Ахтырского гусарского полка, прочитав донесение, понял, что депо идет в отрыве от главных колонн французов, имеет не самое сильное прикрытие и вполне может стать добычей его партизан. Денис Давыдов так описал Копыское дело:

«...Девятого (ноября) поутру мы помчались к Копысу. Почти половина депо была уже на противоположном берегу (Днепра), другая половина, оставшаяся на сей стороне, намеревалась вначале защищаться против вскакавших в главную улицу гусаров моих и донского полка Попова 13-го; но сколь скоро Чеченский с Бугским своим полком пробрался вдоль берега и явился в тылу оной, среди города, у переправы, – тогда все стали бросать оружие, отрезывать пристяжки у повозочных лошадей и переправляться где попало вплавь на противоположный берег.

Мгновенно река покрылась плывущими и утопающими людьми и лошадьми. Берега оной и сама она завалилась фурами, каретами и колясками. В улицах началась погоня и резня беспощадная, а с противоположного берега открылся по нас сильный ружейный огонь. Желая дать время рассыпанным по городу казакам моим окончательно очистить улицы от неприятеля, я остановился с резервом на площади у самого берега...

Пули осыпали нас...

Вскоре наездники мои очистили от неприятеля улицы. Я собрал полки и, невзирая на стрельбу, производимую с противоположного берега, пустился двумя толпами вплавь через Днепр, оплывая, так сказать, справа и слева линию стрелков, защищавших переправу. Еще мы не коснулись до берега, как большая часть сих стрелков пришла в смятение, стала бросать оружие и кричать, что они сдаются.

Мы переправились. Я отрядил сотню казаков для забрания сдавшихся в плен, скрывавшихся в Александрии (село напротив Копыса через реку) и бежавших в разброде чрез столбовую Белорусскую дорогу. Вся партия пустилась за остатками депо, направление которого показывали нам брошенные фуры, повозки, отставшие пехотинцы от главной массы, состоявшей уже не более как в двести пятьдесят рядовых и офицеров, ибо все разбрелись по лесам, погибло в реке, поколото казаками и захвачено ими в плен. Сих последних было шестьсот рядовых и, помнится, около десяти офицеров.

Окончив преследование в нескольких верстах от берега, я послал поручика Макарова со ста казаками по дороге к Толочину, а подполковника Храповицкого со ста пятьюдесятью казаками в Шклов. Сам же с остальной частью партии возвратился в Копыс...»

Вскоре местечко Копыс заняла штаб-квартира генерал-фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова: разворачивались трагические для Наполеона события на реке Березине. Полковник Ахтырского гусарского полка Д. В. Давыдов доложил здесь главнокомандующему о последних боях партизанской партии.

После занятия Копыса и разгрома на днепровских берегах кавалерийского депо, летучий отряд поспешил к местечку Бельничичи, через которое проходила походная колонна французов, организованная и не напоминавшая толпу беглецов. Чувствовалось, что ее офицеры не потеряли управление подчиненными. Неприятель, не задерживаясь в местечке, двигался к мосту через реку Друцу с ее болотистыми берегами. То есть в данном случае переправа казачьей конницы через нее у Бельничичей виделась невозможной.

Кавалерийский отряд противника вышел навстречу преследователям, но бугские казаки и донцы встречным ударом опрокинули его, заставив укрыться в Бельничихах. Когда казаки ворвались в него, то их встретила ружейная пальба пехотинцев силой до двух батальонов. Французы «защищались с честью». Узкие улочки местечка не позволяли развернуться коннице. Стрельба велась из окон и дверей, из-за домов, заборов и плетней.

Командир летучей партии, видя такое дело, понял, что ему не пробиться к мосту через местечко и не обойти его по болотистому месту. Давыдов принял решение «вломиться» в Бельничихи через главную улицу, по которой отступала вражеская колонна. Однако атака здесь в ее начале успеха не имела, поскольку атакующие, теряя людей и коней, обстреливались с двух сторон.

Дело решил порыв младшего брата Дениса Давыдова – Павла Давыдова, подпоручика 26-го егерского полка. С несколькими десятками казаков он все же прорвался в центр местечка, врубился там в «центр» колонны и погнал его к мосту через Друцу. Однако вскоре ему пришлось отказаться от продолжения преследования: на окраине Бельничихи расходящихся казаков вновь встретил сильный ружейный огонь из укрытий. Партизаны понесли потери, лошадь Павла Давыдова получила два пулевых ранения и истекала кровью.

Тем временем донцы подполковника Храповицкого заняли местный магазин (склады) и госпиталь, находившиеся около местечка. Начался сбор пленных. Тем временем неприятельская пехотная колонна перешла мост и стала поспешно удаляться от Бельничихи. Денис Давыдов со своей партией тоже перешел реку Друцу и дал время французам выйти из леса в поле. После этого артиллеристы летучего отряда обстреляли хорошо видимого неприятеля: колонна стала «разрываться пушечными выстрелами». В ход шли и картечь, и гранаты, и ядра.

«Хвост колонны ложился по дороге», но сама она смыкалась и продолжала отступление, яростно отстреливаясь от преследовавших ее казаков. Наконец, старший в колонне офицер, приказал едва ли не половине своих людей развернуться и составить живой заслон против конников. Однако выстроиться в каре французские стрелки не успели: казаки, ведомые Павлом Давыдовым, с налету ударили из леса и пленили большую часть заслона (96 рядовых и три офицера). Остальные вражеские стрелки, спасая свои жизни, рассеялись, кто куда смог. Часть французов пала под ударами казачьих пик. В той атаке егерский подпоручик получил пулевое ранение в левую ногу и выбыл из строя.

Беда случилась на глазах старшего брата. Денис Давыдов, как ни прискорбно было ему видеть Павла жестоко раненным на поле боя, «победа чувство родства и дружбы высшим чувством», продолжил преследование неприятельской колонны. Теперь казаки и гусары стали заходить ей во фланги. Отрядный командир послал казачью сотню вперед к селу Эсмоны, чтобы та разобрала «сколько можно» мост через ближайшую по дороге речку, после чего укрылась где-то рядом в засаде.

Когда остатки французской пехотной колонны достигли селения, то они увидели мост через речку разобранным, а когда она сгрудилась на берегу, то попала под ружейный огонь из казачьей засады, устроенной вблизи моста. Первые выстрелы стали сигналом к конной атаке партизанской партии. Часть вражеских стрелков стала бросать ружья и сдаваться в плен, а другая часть, отстреливаясь из-под моста и растущих у него ив. Партизанам не удалось пленить всю колонну: несколько десятков французов, лишившись при этом оружия, переправились через реку на разбросанных казаками мостовых досках. Спасшиеся на противоположном берегу поспешили укрыться в лесу.

Денис Давыдов после боя мог доложить выше о полном разгроме вражеской пехотной колонны силой в два стрелковых батальона. Было взято более полутысячи пленных (в том числе 290 находившихся в госпитале при 15 «лекарях»), большое число ружей и немалые запасы ржи, пшеницы и гречихи, собранных французами в склады Бельничихи с округи и которыми воспользоваться они не успели.

Дело у Бельничей вошло в список боев сражения на реке Березине, в котором Великая армия французов фактически прекратила свое существование как организованная сила.

В ходе преследования Великой армии крупные числом людей летучие партизанские отряды получали подкрепления казачьими сотнями, егерскими полками, эскадронами регулярной кавалерии (гусарами, уланами, драгунами), расчетами конных орудий. Создавались новые отряды, зачастую малочисленные, но зато мобильные, легкие на подъем. Был среди них и такой.

Полковник князь С. Г. Волконский в ходе контрнаступления русской армии стал командиром отдельного, пусть и сравнительно небольшого летучего отряда. Он состоял из двух сотен донских казаков и одной сотни «Камышинских казаков астраханских». Офицерами были три сотенных командира и волонтер Л. Н. Львов из ополченческого Ямского казачьего полка. Отряд получил задачу идти на Духовщину параллельно большой дороге и тревожить неприятеля «в принятом им отступательном движении».

Отряду полковника С. Г. Волконского пришлось действовать то с Иловайским 4-м, то с «казацкими полчищами» атамана Платова. Затем отряд силой в три казачьи сотни отделился и стал действовать самостоятельно близ Бабиновичей. Волконскому не повезло с попыткой захватить вражеский обоз с казной Наполеона, который заблаговременно покинул деревню Неклюдово. Пускаться в погоню было бессмысленно.

Зато повезло казачьей партии в полсотни всадников во главе с сотником Врублевским, которые пленили французского бригадного генерала Корсена с его свитой (два адъютанта и четыре конвойных), устроившихся ночевать в панском доме. Взятый в плен генерал 1-го корпуса Великой армии был вскоре отправлен в Саратов. Тот же Врублевский отличился еще раз: во время ночного налета на деревню под Бабиновичами, где на ночлег устроился немалый неприятельский отряд, его казаки без стрельбы захватили в плен несколько сот человек.

Полковник С. Г. Волконский по поводу тактики летучих отрядов в своих мемуарах высказался так: «...По добросовестности моей, в противность рассказам всех партизан того времени, я скажу во всеобщее сведение, что, большей частью, действие партизан не подвергает их опасностям, ими выводимым в их реляциях. Партизан рыщет там, где ему по силам, и всегда имеет в виду не попасть самому впросак».

...На территории Белоруссии театр войны заметно расширился и стал совсем иным, чем он смотрелся на столбовой Смоленской дороге. Оперативная обстановка менялась каждодневно. Император Наполеон, получив известие о потере Минска, писал 18 ноября из селения Дубровны своему министру иностранных дел Ю. Б. Мааре, герцогу Бассано и графу империи, находившемуся в то время в Вильно о состоянии Великой армии:

«В результате холода число людей, которых пришлось оставить, значительно возросло. Казаки извлекли пользу из абсолютной нехватки нашей кавалерии и артиллерии, изводя нас и нарушая наши коммуникации, поэтому я несколько беспокоюсь...»

...Перед Березиной стало ясно, что катастрофа Великой армии неизбежна. Среди тех, кто описал отступление Великой армии из пределов России на финише 1812 года, был и голландский генерал ван Дедем. Рассказывая о поведении Наполеона, он, среди прочего, рассказал о том, как взволнован был император, когда по его армии прошел слух, что атаман Платов обещал руку своей дочери тому из казаков любого чина, кто доставит ему Бонапарта живым.

Ван Дедем рассказал и о том, как казаки, скрывавшиеся в засаде за оврагом в маленькой деревеньке, «с диким криком бросились вперед» и напали на свиту энергичного маршала Мюрата, которому удалось спастись. Генерал из Голландии описывает то, какое уныние и тревога охватили Великую армию, которой стало известно об отступлении. «Поминутно слышались крики: «Казаки!» Тогда люди, лошади, повозки

стремительно двигались вперед, толкая и давя друг друга».

Описывая все невзгоды по пути бегства из России, французские мемуаристы, выжившие в 1812 году, почти всегда говорят о страшном бедствии, которое представляла для них казачья конница. Так, кавалерийский офицер Мишель Комб со всем откровением пишет, что «казаки, которых наши солдаты до сих пор презирали, внушали им теперь ужас партизанскою войною, которую они с нами вели с невероятным ожесточением и непостижимою деятельностью, врасплох нападая на отряды, которые сбивались с дороги, выходя, как стая свирепых волков, из самых густых лесов и находя в них убежище, благодаря своим превосходным маленьким лошадям, после того как причинили нам возможно больше вреда, никогда не давая пощады».

Мишель Комб констатирует тот факт, что такие нападения, совершаемые днем и ночью, убеждали французов и их союзников в том, что «степные осы» с Дона и других мест «превосходно понимали, как надо вести партизанскую войну». Это, как делает вывод мемуарист, оказывало самое пагубное влияние на моральное состояние наполеоновских войск, подавленных усталостью, лишениями и «оконченевших от холода».

Другой мемуарист, Франсуа, пишет, что по пути отступления его походную колонну окружали «сонмы казаков и вооруженных крестьян». По его запискам можно говорить о чрезвычайной дерзости преследователей: всадники пробивались днем и ночью сквозь ряды отступающих и «похищали ломовых лошадей и фургоны, которые они считали богато нагруженными». У солдат, спутников Франсуа, уже не было сил противиться таким похищениям.

Потеря лошадей при таких нападениях казаков приводила к тому, что французам приходилось взрывать артиллерийские и патронные повозки, ломать пушечные лафеты или заклепывать орудия. Франсуа, чей полк шел в арьергарде Великой армии, констатировал в происходящем самый тревожный для него факт: «Военные снаряды исчезают на наших глазах ужасающим образом». Он же пишет, что при казачьих налетах часть людей бегут в лесную чащобу, чтобы укрыться там. И что эти люди остаются там навсегда, не имея сил догнать ушедшую вперед колонну.

...С «возвращением» большой войны в западные губернии России действия казачьих сил стали носить иной характер. Теперь они все чаще становились частью сил и Главной действующей армии, и 3-й Западной армии. Она, вобрав в себя войска 3-й Обсервационной (Наблюдательной) и Дунайской армий, приступила к активным наступательным действиям на заключительной фазе войны.

Операция, задуманная адмиралом П. В. Чичаговым в конце сентября против австрийского вспомогательного корпуса Великой армии князя Шварценберга, заключала в себе взятие городов Брест и Тересполь и окружение там неприятеля. Против последнего был направлен отряд Чернышева в составе 4 батальонов пехоты, 4 эскадронов кавалерии, 2 казачьих полков при 8 орудиях.

Однако Шварценберг сумел на день 29 сентября перехитрить противника. Под покровом темной осенней ночи его войска тихо снялись с лагеря и, переправившись через реку Лесну, вышли из-под удара. Об этом стало известно только тогда, когда столбы расцвеченного искрами дыма поднялись над подожженными мостами через Лесну.

Встревоженный Чернышев отправил к Тересполью охотников из казаков, приказав подобраться как можно ближе к городку и разузнать, что там происходит. Казаки вскоре возвратились с донесением, что Тересполь пуст, и в доказательство привели с собой нескольких отсталых австрийцев, плененных в его окрестностях. Те подтвердили, что корпус князя Шварценберга ночью оставил и Тересполь, и соседний Брест. Русские войска незамедлительно заняли эти города.

Адмирал П. В. Чичагов решил продолжить наступательные действия. Военный историк

А. И. Михайловский-Данилевский в своем «Описании Отечественной войны 1812 года» так описывает нападение на город Слоним, малоизвестную страницу в повествовании об изгнании Наполеона из российских пределов:

«...Чичагов послал Чернышева с отрядом для истребления неприятельских запасов в Варшавском Герцогстве и угрожения Варшаве; тогда же Сакен отправил Чаплица из Пружан, с предписанием захватить сформировавшийся в Слониме из мятежных литовцев гвардейский 2.000 полк под командою Конопки.

Отряд Чаплица состоял из двух егерских, Павлоградского гусарского, двух казачьих полков и конной роты Арнольди. Чаплиц шел чрезвычайно скоро. Последний переход в 70 верст сделан в сутки, и усталых не было! Только тот поверит сему случаю, кто был свидетелем духа, оживлявшего русские войска в 1812-м году.

Перед рассветом 8-го октября подошли к Слониму. Передовую колонну вел командир конной роты Арнольди, знавший подробно местность города. Ему приказано было подойти скрытно к дому Конопки и окружить его. На заре пробравшись благополучно в город, Арнольди не нашел в нем никакого движения, даже караула у дома Конопки, который в час перед тем, узнав о приближении наших, собрал полк и пошел на Дзенциолы, отправив в Деречин бывших в Слониме жен польских генералов Зайончека и Домбровского и свою, равно полковую казну, в сопровождении 250-ти уланов.

Получа о сем донесение, Чаплиц погнался за Конопкою, а капитана Арнольди послал за казною. Оба поиска кончились удачно. Чаплиц настиг и разбил полк; войска Донского полковник Дячкин ранил пикой Конопку и полонил его. Арнольди рассеял уланов и взял казну, состоявшую из 200.000 франков. Жены польских генералов избежали плена, успев в виду казаков переправиться на пароме, и удержав его за собою на противоположном берегу, от чего дальнейшее преследование их было невозможно.

Вообще в этом набеге взято в плен отрядом Чаплица, кроме Конопки, 13 офицеров и 235 нижних чинов.

Лишившись своего начальника, весь волонтерский полк разбежался, что имело важные последствия и на остальные формирования в Литве. Они приведены были тем в большой страх, что полк Конопки почитался ядром сих скопищ, состоя из офицеров лучших фамилий, и таких, которые в Испанской войне, особенно при осаде Сарагосы, приобрели себе известность и поляками почитались за неодолимых витязей».

Появление отряда Чернышева, адъютанта императора Александра I, привело к большому смятению в Варшаве. Казачьи разъезды появились вблизи польской столицы на берегах Вислы, у Сточек и Гарволина. Армейские партизаны уничтожили неприятельские магазины с провиантом и фуражом в Седлеце, Мендержице, Лукове и Коцке. Часть захваченного продовольствия была отправлена под конвоем в Брест.

При истреблении складов в Лукове огонь перебросился на городские строения, и партизанам пришлось помогать луковчанам тушить нешуточный пожар, грозивший превратить город в пепелище. Чернышев приказал оценить убытки погорельцам, которым были розданы деньги.

...Отечественная война 1812 года на просторах Смоленщины примечательна широким размахом народной войны, народного партизанства. Огромный край, центром которого является древний русский город-крепость на Днепре, словно переживал повторение событий двухвековой давности, то есть злую годину Смутного века начала XVII столетия. Тогда королевская армия Речи Посполитой столкнулась с сильным сопротивлением смоленских партизан-«шишей», в рядах которых было и немало казаков, волей судьбы оказавшихся на Смоленщине.

История Смуты повторялась в «грозу 12-го года». Казачьи партии, рассылаемые командирами армейских летучих отрядов во все стороны, часто становились инициаторами партизанских действий

местных крестьян. Вокруг таких легкоконных партий объединялись местные «громленные» мужики, собиравшиеся в деревенские партизанские отряды. Их совместные действия в волостях, на дорогах, которые вели к столбовой Смоленке день изо дня подтачивали силы наполеоновских войск.

Один из мемуаристов описывает такой случай. Отряд из 19 французских кирасир въехал в деревню из одной улицы на фуражировку. Пока мародеры грабили дома, крестьяне завалили чем попало оба выхода из деревни, а потом вместе с несколькими казаками, случайно оказавшимися в тех местах, атаковали кирасиров. Французы поскакали назад, но, нашедши улицу загороженную и увидев приметных для них казаков, полагали себя окруженными и послали к нападавшим «толмача, чтобы просить пардону», на что партизаны согласились. Кирасиры были обезоружены, заперты в бане, отдельно стоявшей, которую крестьяне сожгли.

Подобных примеров история Смоленского края знает много. Не случайно французы и летом, и осенью, и с наступлением зимы чувствовали себя на Смоленщине в крайней опасности. Провиант и фураж ими добывался здесь с боем. Каждая лесная дорога грозила засадой, в которой часто вместе с вооруженными крестьянами врага поджидали и казаки. То есть шла подлинная народная война, устрашающая собой остатки наполеоновских полчищ.

Глава четвертая. От Красного до Немана. «Жалкие арабы Севера» добивают остатки наполеоновских войск. Катастрофа на Березине. Первые рейды в Европу. Финал «грозы 12-го года».

Отступавшая наполеоновская армия спешила к Смоленску в надежде найти здесь теплый кров и отдых, провиант и фураж. Однако смоленский гарнизон и местный комендант Пюибюск находятся в большой тревоге: Смоленщина охвачена партизанской «малой войной», казачьи отряды с большой дерзостью действуют прямо под стенами города. Пюибюск заносит в свой дневник такие записи:

«Собранные мною около города большие стада скота отбиты неприятельскими легкими отрядами...»

«Отряды наших войск, расположенные в окрестностях города, принуждены спасаться от русских разъездов в самом городе...»

«Подвоз продуктов из деревень прекратился, и два наших транспорта с 65 нагруженными фурами и 150 лошадьми у нас отбиты...»

Смоленск не стал надежным убежищем для наводнивших его наполеоновских войск. Город, сильно пострадавший от пожара в ходе Смоленского сражения начала войны, был пуст и небезопасен. Вскоре в его окрестностях появились казачьи партии. С городских высот было хорошо видно, как они бродили по заснеженным холмам, то и дело завязывая перестрелки с теми неприятельскими войсками, которые нашли себе приют под городскими стенами, в предместьях Смоленска.

Казачьи налеты на городские окрестности словно подстегивали неприятеля, так мечтавшего получить хотя бы самый непродолжительный отдых под защитой крепостных стен Смоленска. Но в итоге получилось иное. Все чаще стали случаться и взятие с боя большого числа военнопленных, и сдача добровольная, когда военные люди Бонапарта думали таким образом избежать губительных ужасов войны.

Однажды среди пленных платовские казаки обнаружили знаменитого итальянского певца Тарквинио, который со всем блеском давал концерты в Московском Кремле. После этого каждый вечер по дороге или на биваках обладатель великолепного сопрано услаждал мелодическим пением досуг казаков, которые иногда «соединяли свои грубые голоса» с голосом Тарквинио. Так прославленный итальянский певец без всяких опасностей для себя, надежно и заботливо охраняемый новыми почитателями своего таланта, добрался до города Вильно.

По Смоленской дороге и дорогам из Смоленска на запад катилась волна бежавшей Великой армии, еще сохранявшей до Березинской переправы видимость организованности. Хотя казачьи партии при налетах на дороги и неприятельские станы все реже и реже встречали ожесточенное сопротивление тех, кто еще не распрощался с личным оружием. Преследователей и после Смоленска продолжало поражать наличие в воинских колоннах людей гражданских, самых разных по своему положению.

Среди беглецов из Москвы оказалась известная французская актриса Фюзи. Она ехала в собственной карете, имела слуг и в начале пути не знала особых печалей. Но когда ее карета оказалась в колонне людей, отставших от своих частей, актриса познала страх перед казаками, которые то и дело совершали набеги на столбовую Смоленскую дорогу. Фюзи обратилась с вопросом к офицеру, который командовал солдатами, окружавшими ее карету:

– Скоро ли мы догоним главный отряд, а то на нас опять нападут казаки?

Офицер, как писала Фюзи, со злобой ответил актрисе, своей соотечественнице:

– Можете быть спокойны, мы никогда его не догоним, так как если нас не захватили этой ночью, то это случится завтра утром, мы не можем этого избежать...

Французской актрисе, оставившей после себя интересные мемуары о бегстве из России, сумевшей пережить события у Березинской переправы, откровенно повезло в 12-м году. Оставшись без собственной кареты, она переехала границу в карете престарелого маршала Лефевра, который совершил поистине рыцарский поступок, вернув к жизни замерзающую женщину большим стаканом крепкого кофе и приказав завернуть ее в меха.

По пути к Березине командиры воинских частей корпусов Великой армии, которые еще не растеряли по пути организованность и строй, столкнулись с таким явлением, как повальный страх подчиненных перед казаками. Тем стало казаться, что каждый березовый лесок, встречавшийся у дороги, таит казачью засаду. Если в занятой уцелевшей деревушке ночью загорался дом, то это обязательно приписывалось подкравшимся в ночи казакам. Если у спящего кавалериста ночью уводили его коня, то потерпевший сваливал беду на казака, но не своего безлошадного соседа, неизвестно куда скрывшегося с бивака еще до утра. Мародеров, убитых за грабеж местными крестьянами, называли жертвами все тех же неуловимых казаков.

...Главная русская армия продолжала идти параллельно пути Великой армии. Она под Смоленском, по сути дела, выполнила тот же Тарутинский маневр под Москвой. Прибыв 1 ноября в Щелканово, главнокомандующий отправил на Красненскую дорогу летучие отряды Орлова-Денисова и Ожаровского. Генерал-фельмаршалом М. И. Голенищевым-Кутузовым им ставилась задача разведать то, что творилось на главном пути бегства Бонапарта из российских пределов.

По дороге к Красному, в Пронино, казаки Орлова-Денисова «разогнали разные неприятельские депо, пленив 1300 человек. В той ситуации они сделали еще одно, но более важное дело: была отбита тысяча лошадей, предназначенных для артиллерии и следовавшие в Смоленск, 100 телег с хлебными и винными припасами, а также стадо рогатого скота, предназначенного на провиант смоленскому гарнизону».

В Червонном ночью казаки напали на часть сил Польского корпуса Понятовского, который двигался в Могилев для переформирования. Понятовский, видя, что дорога туда ему отрезана казачьей конницей, возвратился в Смоленск. Генерал-адъютант В. В. Орлов-Денисов отправил в Главную армейскую штаб-квартиру донесение большой важности: вражеские пленные офицеры в один голос утверждали, что император Наполеон имеет твердое намерение не оставаться в Смоленске.

Информация, каждодневно поступающая из летучих отрядов с казачьими хорунжими и сотниками в Главную штаб-квартиру, позволяла полководцу Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову продолжать строить «золотой мост» для бегства императора французов из России. Строить весьма успешно: наполеоновская армия уже перед Смоленском мало чем напоминала боевую единицу в виде огромной армии.

Но все же ядро ее оставалось способным сражаться и открывать себе дорогу к спасению штыками и ружейными залпами. Это ядро состояло из ветеранов наполеоновских войн и императорской гвардии. Наполеон, как величайший в истории Франции полководец, был верен себе: он знал, что еще не все потеряно, что по ту сторону российской границы у него стоят под ружьем многие десятки тысяч солдат. И главное – император французов продолжал верить в свою полководческую звезду.

Главным свидетелем процесса разрушения армейского организма его «интернациональных» войск, и главным виновником гибели бонапартовского европейского воинства на Смоленской дороге стало

казачество. Это была, не посчитая сказанное громкими словами, его историческая миссия в Отечественную войну 1812 года.

По сути дела, октябрь месяц решил судьбу Великой армии. Начальник ее Главного штаба маршал империи Л. А. Бертье, князь Ваграмский, Невшательский и Валанженский, генерал-полковник швейцарских войск за день до его прибытия в Смоленск отправил Бонапарту донесение следующего содержания:

«Долгом поставляю донести Вашему Величеству о состоянии корпусов, осмотренных мною на марше за последние три дня. Только четвертая часть солдат остается при знаменах; прочие идут сами по себе разными направлениями, стараясь сыскать пропитание и избавиться от службы. Все думают только о Смоленске, где надеются отдохнуть. В последние дни много солдат побросали патроны и ружья.

Какие ни были бы ваши дальнейшие намерения, но польза службы Вашего Величества требует собрать корпуса в Смоленске и отделить от них спешенных кавалеристов, безоружных, лишние обозы и часть артиллерии, ибо она теперь не в соразмерности с числом войск. Необходимы продовольствие и несколько дней покоя; солдаты изнурены голодом и усталостью; многие умерли на дороге и на биваках.

Такое бедственное положение беспрестанно усиливается и подает опасение, что если скоро не отвратим его, то не будет у нас войск в сражении».

Черновое донесение Бертье, написанное рукой самого маршала Франции, было перехвачено вместе с курьером казаками. Долгое время оно, как реликвия войны 12-го года, хранилось в Военном министерстве России и впервые было напечатано в 1846 году.

Начальнику Главного штаба Великой армии Луи Александру Бертье не верить было просто нельзя. Ведь не случайно же современники называли его «мозгом наполеоновской армии», пользовавшимся полнейшим доверием императора французов.

Великая армия в корпусных колоннах подкатывалась к Березине. С таким же перенапряжением сил спешили к этой судьбоносной реке «грозы 12-го года» преследователи. Казачьи войска продолжали служить авангардом кутузовской Главной армии.

...Еще до Березины, как писали очевидцы, казаки «стали предметом ужаса всей армии» императора Наполеона. Число их не только не уменьшалось, а увеличивалось за счет местных крестьян, становившихся партизанами, вооруженными пиками («этим национальным русским оружием») или просто кольями с железным острием на конце. Начиная со Смоленщины всадники на маленьких лошадаках и в черных барашковых шапках следовали вдоль походных колонн неприятеля, атакуя их при каждом удобном случае.

Казачьи отряды на всей коммуникационной линии Великой армии, начиная от Москвы до Вильно, нападали на блокгаузы – укрепленные этапные пункты с постоянным гарнизоном в них. Блокгаузы находились на расстоянии 20–30 верст друг от друга и представляли собой следующее фортификационное сооружение. На квадратной площади, огороженной рвом и палисадом (частоколом), были возведены бараки, в которых проживал пехотный гарнизон. В его задачи входило конвоирование проезжавших курьеров, сопровождение проходивших обозов. В блокгаузах обычно ночевали маршевые роты и батальоны, эскадроны, следовавшие на пополнение армейских полков и дивизий Великой армии. Здесь же устраивались склады с провиантом и фуражом, «добытым» в окрестных селениях.

Командиры армейских партизанских отрядов и казачьих партий довольно быстро распознали, что блокгаузы представляют для них ценную во всех отношениях военную добычу. Поэтому они с желанием устраивали налеты на эти вражеские укрепления, превращая коммуникационную линию французов в «огнедышащую дорожную цепь». Императору Наполеону приходилось постоянно усиливать охрану линии блокгаузов, на что у него ушла немалая часть маршевых пополнений, прежде всего из германских земель.

Некоторым наполеоновским мемуаристам довелось побывать в плену у казаков. Одним из таких неудачников на Березине оказался старший врач Вюртембергского конно-егерского герцога Людвиг полка фон Роос, так счастливо переживший сражение на реке Чернишне и бегство по столбовой Смоленской дороге. В своих воспоминаниях он, думается, правдиво рассказал о том, как был взят в плен казаком:

«...Достигнув опушки леса, мы столкнулись с пестрой кучей себе подобных, за которой гнался отряд казаков. Я было повернул налево, чтобы снова скрыться в лес, как вдруг казак схватил меня за воротник шинели, а его пика очутилась у моих ног. «Ты офицер?» – «Да», – был мой короткий, робкий ответ. Как я ни испугался, однако в этот момент я уже овладел собой и доволен был хотя бы тем, что холодное железо его пики еще не вонзилось в меня...

У казака, безбородого молодого человека лет двадцати четырех, лицо было изрыто оспой, но нельзя сказать, чтобы оно было уродливое или злое. Он отвел меня в сторону, показывая мне знаком, чтобы я вывернул карманы и показал, что у меня есть...»

Процедура пленения полкового врача из немецких земель закончилась тем, что он добровольно расстался с 14 золотыми монетами, своими любимыми лейпцигскими часами (они-то больше всего заинтересовали казака), орденом (Почетного легиона?) и карманным хирургическим прибором (его врач тщетно выпрашивал вернуть). Казак оставил пленному из вещей курительную трубку с табаком, ножницы, перевязочные средства и кофе, который де Роос так бережливо расходовал на свои нужды во время отступления.

Когда наполеоновские войска вступили на белорусские земли, то в Орше, где сохранился мост через Днепр, нашлись склады провианта, которого хватило только для императорской гвардии. Однако положение дел с продовольствием для прочих войск складывалось обнадеживающе: здесь по пути лежали не разграбленные в начале войны селения. Отставших от своих частей мародеров-«одиночек» стало еще больше, что заметно облегчало преследователям-казакам дело пленения наполеоновцев. Французский мемуарист свидетельствовал:

«В здешних местах было, впрочем, много продовольствия; что было, несомненно, благом для армии, но в то же время и большим злом, так как многие, оставшиеся до сих пор под знаменами, видя, что в деревнях царит изобилие, покидали свои ряды, чтобы отправиться на поиски продовольствия, и лишь очень немногие из них возвращались обратно. Солдатам очень нравилась жизнь одиноких путников, обещавшая им еду, независимость, приют под кровом и теплый ночлег, взамен жизни на бивуаках – почти всегда без пайков – и тяжелых ночных караулов на морозе.

Правда, казаки и вооруженные крестьяне захватывали ежедневно много отставших, так как они по большей части бросали свое оружие, чтобы легче было идти, а также для того, чтобы у начальства не являлось искушения заставить их возвратиться в ряды: за отсутствием ружей они были бы там бесполезны».

Будучи в Орше, наполеоновский адъютант де Кастеллан сделал в походном «Дневнике» такую запись: «19-го на рассвете, около семи часов утра, у нас была тревога. За городом показались казаки и заставили бежать пять или шесть тысяч отставших солдат, которые ворвались в город с криками: «К орудию, неприятель!» Гвардия приготовилась к битве. Приготовились отбивать нападение тысяч двадцати человек. Все ограничилось дюжиной казаков».

Де Кастеллан видел казаков в деле еще до Орши. Их небольшой отряд с пушкой пересек путь французам незадолго до прибытия в город императора. Они заманивали противника в засаду, которая таилась поблизости. Какое-то число пеших кавалеристов увязались за «отступавшими перед ними в страхе» казаками. Дело закончилось тем, что «полковник 12-го кирасирского полка был взят в плен со многими

офицерами».

В наполеоновских войсках, сходящихся воедино в Орше, имелось еще немало людей, способных сражаться до конца. Равно как и тех, кто готов был командовать такими людьми. Не случайно же маршал Мишель Ней сказал офицеру, прибывшему к нему от князя Экмюльского, то есть маршала Луи Никола Даву: «Все русские на свете со своими казаками не помешают ему пройти» по дороге из Смоленска на спасительный запад.

Казачьи до самого последнего дня войны занимались истреблением неприятеля. 21 ноября император Наполеон в своем 29-м Бюллетене писал о испепеляющей беде, свалившейся на его армию при бегстве из пределов России: «Русские... окружили со всех сторон наши колонны казаками, которые, подобно аравитянам в пустыне, охватывали обозы. Эта негодная конница сделалась грозой в тех обстоятельствах, в какие мы были поставлены».

Следует заметить, что Наполеон был одним из немногих полководцев Европы, которые, воюя против русской армии, высокомерно называли казачье войско «негодной конницей». От которой, между прочим, больше всего и досталось Великой армии по пути от Малоярославца к Березине.

...Летучие армейские и авангардные казачьи отряды на финише Отечественной войны собирали обильную «жатву» на полях брани. Вернее – на дорогах войны. Одним из таких удачливых отрядов смотрятся полки донского генерала Василия Дмитриевича Иловайского 12-го, первыми вошедшими в Москву. Он, как подлинный герой изгнания Наполеона из России, прошел со своими конными бойцами весь путь преследования неприятеля до самой границы.

После Москвы отряд внес в победную копилку не менее впечатляющие боевые успехи. Под Оршей казаки Иловайского 12-го захватывают более 500 пленных, а у Ковно (ныне Каунас, Литва) – одного генерала, 202 штаб- и обер-офицеров и 2262 рядовых. За эти славные для донского казачества дела генерал-майор награждается алмазными знаками к ордену Святой Анны 1-й степени, который он уже имел.

Подсчитано, что под командованием В. Д. Иловайского в период контрнаступления русской армии казаки захватили в плен трех генералов, 239 офицеров и 4168 солдат императора Наполеона Бонапарта.

Иловайский 12-й был одним из тех способных платовских военачальников, которые по кутузовскому приказу «сели на хвост» отступающей из России наполеоновской армии, превращая ее первоначально хорошо организованный отход в повальное бегство перед страхом полного истребления. Офицер штаба итальянской гвардии Ц. Ложье с ужасом записывал в своем походном дневнике:

«Слева – русская армия, справа – многочисленные сотни казаков, всюду вооруженные крестьяне окрестных деревень».

Иловайского 3-го можно с полным основанием называть достойным человеком в плеяде платовского генералитета: по заслугам, по доблести, по числу боевых наград. Его казаки после Бородина сражались против французов с песней, которая была сложена ими же сразу после битвы:

Вспомни-кась: бывало
За двадцать годов,
Уж давно пугало
Имя казаков.

Да, мусье и паны,
Лучше всех других
Помнят их арканы
И ногайки их.

Что казак им русский
Был не по рук —
Свидетель – французский
Глагол казак!

Храбрые казаки —
В деле удальцы,
Гнаться ль, биться ль в драке —
Прямо молодцы!

...В 1840 году Василий Дмитриевич Иловайский 12-й по состоянию здоровья увольняется со службы, проведя остаток своей жизни на Дону, в родной станице. Он ушел из жизни через двадцать лет, став одним из последних донских генералов, носителей казачьей славы Отечественной войны 1812 года. Был похоронен в Донском монастыре, в Москве.

Высочайшим указом императора Николая I имя (как вечного шефа) генерал-лейтенанта В. Д. Иловайского 12-го в августе 1904 года было присвоено 8-му Донскому казачьему полку. Он имел Георгиевское знамя, перешедшее к нему от Донского казачьего Дячкина полка. Надпись на стяге гласила: «Храброму Донскому казачьему Дячкина полку». Знамя было пожаловано в сентябре 1813 года.

Когда описывается контрнаступление русской армии, ход преследования Великой армии, то как-то забывается, что преследователи тоже терпели всякого рода неудачи, которые редко можно назвать боевыми.

При переходе через Днепр у Борисова казаки отличились вновь: они смогли, благодаря своим способностям и ловкости отыскать броды. По ним переправились на противоположный берег без потери времени не только они сами, но и два кирасирских полка. Пехота, артиллерия и зарядные ящики «не замочили ноги», перейдя водную преграду по сделанным на козлах мостам, на которых «постлали солому, поливаемую водой и скрепленную морозом». Так крепились, помимо веревок, подобные временные мосты, устраиваемые пионерами (саперами).

...Трагедия Великой армии на Березине приближалась для Великой армии неумолимо, с каждым днем. Боевой дух русской армии, тоже голодной и измотанной постоянными марш-бросками, крепился диаметрально противоположно падению духа наполеоновских войск. Тому есть и такое любопытное свидетельство.

Перед событиями на Березинской переправе в войсках 3-й Западной армии, в ее казачьих полках был зачитан приказ главнокомандующего адмирала П. В. Чичагова о важности пленения императора Наполеона. В приказе по армии говорилось:

«Наполеонова армия в бегстве; виновник бедствий Европы с ней. Мы находимся на путях его. Легко быть может, что всевышнему будет угодно прекратить гнев свой, предав его нам. Посему желаю, чтобы приметы сего человека были всем известны. Он росту малого, плотен, бледен, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящей же надежности ловить и приводить ко мне всех малорослых. Я не говорю о награде за сего пленника. Известные щедрости монарха нашего за сие ответственны».

Казаки не стали главными действующими лицами сокрушения остатков Великой армии на Березинской переправе 14–17 ноября, хотя ожесточенные бои шли на обеих речных берегах. События на Березине были в чем-то схожи со сражением за Малоярославец: сражалась прежде всего пехота, поддерживаемая огнем артиллерии. Кавалерия не ходила здесь на главных ролях.

Император-полководец Наполеон перехитрил здесь своих противников, прежде всего в лице адмирала Чичагова и генерала Витгенштейна. Но оторваться от преследователей остатки Великой армии при всем тактическом искусстве «повелителя Франции» не смогли.

На выбранном месте переправы через Березину на виду у французов, на противоположном берегу, замаячили небольшие партии казаков. Еще сохранившие коней польские кавалеристы перешли реку вброд и заставили их отойти за болото: дело дошло до перестрелки. Однако казаки из 7-й дивизии генерала Е. И. Чаплица засели в деревне Брили, и стрелкам с гусарами (бывшими на аванпостах) польской дивизии генерала Яна Домбровского пришлось выбивать их оттуда.

Когда наполеоновская армия, то есть та ее часть, которая сохранила организованность и оружие, начала переход через Березину по наведенным мостам, передовые казачьи разъезды уже появились в Студянке.

Войска Наполеона переправлялись через Березину, когда та в стужу несла свои холодные воды на юг. Спустя три дня после Березинской катастрофы Великой армии река встала и оделась в прочный панцирь из искрящегося под зимним солнцем льда. По нему человек мог спокойно, без опаски перейти на противоположный берег. Еще через день-два речной лед мог выдержать и лошадь, и повозку.

На месте Березинской переправы среди казачьих трофеев оказались походные кровати Бонапарта. Они больше всего напоминали современные раскладушки. Одна из этих кроватей расставлялась в местах ночлега императора французов в городах и походных лагерях. Вторая кровать, несколько меньших размеров, – на походных стоянках. Достопримечательностью их являлись специальные чехлы, снабженные карманами для различных бумаг и ночных донесений. Сегодня эта часть «походного комфорта» императора Наполеона украшает знаменитый Бородинский музей, вызывая неизменный интерес у посетителей.

Безвестный мемуарист описывал сражение на берегах реки Березины близ устроенной французами переправы глазами штабного офицера 3-й Западной армии адмирала П. В. Чичагова в таких словах:

«Неимоверная торпливость, с которою неприятель старался перебраться на ту сторону, вскоре объяснилась, когда услышали мы сильную канонаду на другой стороне реки, быстро приближавшуюся. Корпуса гр(афов) Витгенштейна и Платова неумолимо преследовали уже расстроенную армию Наполеона, и в надежде, что адмирал (Чичагов) преградит ей путь на Березинской переправе, напирали сильно. Арьергард французский, совершенно расстроенный, в беспорядке стремился к переправе...»

Тот же безвестный для истории мемуарист из числа подчиненных адмирала П. В. Чичагова описал виденную им картину утра следующего дня после сражения на месте Березинской переправы, так поразившую его воображение:

«...В эту ночь сильный мороз прозрачным саваном покрыл влажную могилу несчастных утопленников.

На другое утро казаки вышли на добычу, пробивали проруби и крючками начали вытаскивать утонувших, в ранцах и карманах коих находили разные золотые и серебряные вещи, святотатственную рукою награбленные в храмах Божьих. Тут были оклады с икон, церковные сосуды, подсвечники, ризы и пр.; я любопытствовал посмотреть, что там делается, и при мне казак вытащил женщину с грудным ребенком, крепко обхваченным руками матери, грустно было смотреть, я ушел»

...Переправившиеся через Березину остатки наполеоновской армии вновь оказались под ударами казачьих партий, легкоконных армейских партизанских отрядов и полков донского атамана графа М. И. Платова. Мемуаристы свидетельствовали, что сильные морозы «ударили» по Великой армии уже после Березинской переправы, из-за чего изменился и сам «внешний вид» беглецов-иноземцев, стремившихся найти себе спасение по ту сторону российской границы. Мемуарист так, чему был свидетель,

описывал французское войско после тайного бегства Бонапарта от армии в Париж:

«...Наполеон запятнал свое имя и честь, насмехаясь святынею, дозволив осквернять святые храмы, превратив их в магазины и конюшни... Бог наказал... и его (Наполеона) и сподвижников его.

Видя над собою явную кару Господню, обессиленные голодом, усталые форсированным маршем, оборванные и в худой обуви, не защищавшей их от сильных тогда наступивших морозов, они старались прикрыть свою наготу всем, чем только могли: награбленные юбки, капоты, салопы, скатерти, ноги в телячьих ранцах и т. п. В таком жалком маскараде тянулись остатки некогда победоносной Великой армии Наполеона, как толпа нищих с отмороженными носами и ушами, с мрачными, дикими и отчаяние выражавшими лицами и с проклятиями на полумертвых устах! Их мародеры, как муравьи, расплозились по близлежащим деревьям, чтобы найти пищи и тепла, но тут встречали их озлобленные жители и убивали без пощады.

Все деревни и местечки по дороге и по сторонам, чрез которые проходил неприятель, были им сожжены, и нам оставались одни пепелища для ночлегов. Не успевая подбирать своих отсталых, они оставляли их на волю Божию и великодушие наше, но в том положении, в каком мы сами находились, какую помощь могли мы дать этим несчастным?»

В рядах наполеоновской армии на Березине страх перед казаками был так велик, что французский мемуарист и военный писатель граф Ф. П. Сегюр, в рядах Великой армии – главный квартирмейстер Главной императорской квартиры в чине бригадного генерала, писал следующее:

«Стоило только какому-нибудь казаку взять огня из своей трубки и зажечь мосты, тогда все усилия наши и переход через Березину сделались бы тщетны. Взятые на узком пространстве между болот и реки, без пищи и приюта, подверженные нестерпимой метели, главная армия и ее император были бы принуждены сдаться без боя».

Сразу после сражения на берегах реки Березины в преследование остатков неприятельской армии, на первый случай, были посланы только легкие войска, основу которых составляли казачьи полки:

– авангард генерал-майора Е. И. Чаплица;

– казачьи отряды от атамана графа М. И. Платова, которые двинулись левой стороной Виленской дороги;

– от армии адмирала Чичагова в том же направлении пошел летучий отряд генерал-майора С. Н. Ланского;

– от отдельного корпуса Витгенштейна два отряда – В. В. Орлова-Денисова на Камень и генерал-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова наблюдать за баварским корпусом генерала Вреде.

...За Березиной пленных становилось все больше. В рядах остатков наполеоновской армии находилось все меньше и меньше желающих сражаться. Падала вера в возможность вырваться из России. Летучие отряды, которые шли буквально по пятам вчерашних завоевателей, оказались обремененными пленными, которых уже не приходилось брать с боя. Военный историк А. И. Михайловский-Данилевский так описал картину финала Отечественной войны 1812 года на заснеженной Виленской дороге, по которой тащились последние тысячи из тех военных людей, которые «побывали» в Москве:

«Биваки были также пагубны, как и сильные дневные марши. Приходя к ночлегу, изнеможенные, полузамерзшие бросались вокруг огней; крепкий сон одолевал их, и жизнь угасала прежде, нежели потухали огни.

Не всегда и на биваках находили неприятели успокоение, потому что их тревожили донцы. При одном восклицании: «Кзаки!» сдавались французы или бежали дальше, искать другого уголка

оледенелой земли, где усыпление превращалось в сон вечный.

Пленными уже давно у нас пренебрегали. Часто они отставали толпами от неприятельского арьергарда, шли навстречу нашим войскам, от которых целым тысячам пленным давали иногда не более двух, трех казаков, башкирцев или поселян. Нередко бабы, одна впереди, другая позади, гнали дубинами стада европейцев...»

...Торопясь уйти от Березины, наполеоновцы не смогли опередить преследователей хотя бы на один переход, и им снова пришлось иметь дело с преследователями в лице вездесущих казаков. Мемуарист Марбо, полковник конных егерей, рассказал о том, как остаткам 2-го корпуса маршала Удино пришлось выдержать «тяжелую битву с тучей казаков» при Плещеницах. С ними Марбо довелось в тот день познакомиться поближе и получить ранение казачьей пикой в колено. Мемуарист рассказывает о том, как казаки «нагло кололи французских офицеров перед их войском».

Принявший на себя командование боем маршал Мишель Ней ввел в бой все, что имелось у него под рукой. Конно-егерский полк полковника Марбо, еще многочисленный, «оказался перед черноморскими казаками в барашковых шапках. Одежда их и лошади были гораздо лучше, чем это бывало обыкновенно у казаков. Мы обрушились на них, а они, по привычке, свойственной этим людям, которые никогда не сражались в стройном порядке (в линию), сделали пол-оборота и понеслись от нас галопом...»

Марбо не говорит, что в данном случае казаки-черноморцы с берегов Кубани применили привычный для них прием заманивания врага под удар из засады. Но незнакомые с местностью, они натолкнулись на неодолимое для конников препятствие – огромный овраг с обрывистыми склонами. Тогда казаки-черноморцы развернулись, и, прижавшись тесно друг к другу, храбро выставили свои пики, принимая рукопашный бой с конными егерями.

Если верить мемуаристу, сабли его всадников взяли верх над казачьими пиками, что случалось, скажем, в войнах не часто. В той схватке полковник Марбо потерял немало своих конных егерей. Казачий офицер из двухствольного пистолета сразил одного из них наповал и пробил пулей воротник плаща самого Марбо. В плен к французам попал сын казачьего полковника и его «гувернер».

Свое повествование Марбо заканчивает рассказом о том, что на протяжении двух последующих дней «осколки его полка» никто не преследовал, что и «обеспечило наше отступление вплоть до Молодечной (Молодечно)». Однако отступать приходилось в условиях «самой жестокой войны, объявленной морозом людям и лошадям». Из упавших в дороге всадников и их коней уже мало кто поднимался на ноги...

Под Молодечно, в одной миле от Беницы, на отступавших французов обрушилась «банда казаков Ланского» числом в 600 всадников. Нападавшие отбили почти весь обоз неприятельской колонны, перебив или обратив в бегство его охрану. В плен едва не попали генералы Пино и Фонтан, ехавшие в одной карете. Однако группа стрелков с «поразительной отвагой и энергией» смогла защитить карету с «ее содержимым» от казаков.

Плененным казаками после Березинской переправы мог оказаться и герцог Реджио маршал Н. Ш. Удино, еще не оправившийся после полученного ранее ранения. Дело было в маленьком местечке Плещеницах, где скопились «одиночки»-дезертиры, партии раненых и обозы, отправленные вперед от разбитых корпусов. Охрану маршала Франции составили в тот день полтора десятка офицеров, шесть конных егерей из личного конвоя Удино и несколько рядовых штабных служителей. Всего набралась команда человек в тридцать вооруженных людей.

Казачий отряд с двумя пушками на санях ворвался в местечко неожиданно. В Плещеницах началась обычная в таких случаях неразбериха, в которой казаки «чувствовали себя как рыба в воде». Маршала Удино (которому пришлось взяться за пистолеты) и его защитников спасло то, что нападавшие не сразу

обратили внимание на одинокий дом с крепкими «заборами», стоявший у самого елового леса. «Битва» у дома с «армией пик», в который было направлено несколько пушечных выстрелов, закончилась вполне благополучно для сборной воинской команды французов. К местечку подошел многочисленный отряд вестфальцев, которым командовал герцог д'Абрантес, и казаки, гораздо меньшие числом, покинули местечко.

За Березиной император Наполеон окончательно расстался с мыслью о «польских казаках», которым «предстояло» отбить летучий корпус Платова от остатков главных сил Великой армии, побывавших в Москве. Поэтому во французских мемуарах эту часть войск Бонапарта часто называют «московской армией». В Молодечно его ожидало сразу 14 парижских эстафет, в том числе депеш из Герцогства Варшавского. Вести оттуда удручающе подействовали на венценосного полководца, о чем свидетельствовал маркиз Арман де Коленкур:

«...О польских казаках не было даже и речи. Герцогство Варшавское было истощено, особенно в денежном отношении, и император, который старался тратить как можно меньше денег, лишился из-за этого польских казаков, на которых он рассчитывал и которых он каждый день ожидал встретить».

Оставляя вконец деморализованные остатки Великой армии и отправляясь через Вильно в Париж, император Наполеон говорил своим приближенным о том, что русская армия на своих границах получит серьезный и быстрый отпор. При этом Бонапарт не раз упомянул о «жалких арабах Севера», так потрудившихся в истреблении его доселе победоносной армии Французской империи:

– Вы же знаете хорошо, как и я, что нашим отставшим по пути войскам наплевать на казаков, идущих за нами...

– Я уже видел, как Польша вооружает своих крестьян, чтобы прогнать казаков в Россию, в ее снега...

– Наша пехота, лишь только она поест досыта, будет презирать морозы и еще до истечения двух недель далеко прогонит казаков...

Наполеону с его маленьким кавалерийским эскортом откровенно повезло: он незаметно в ночи пронесся по местам, где уже действовали передовые казачьи партии. Его отъезд от остатков Великой армии, которой было уже суждено не возродиться, в русской армии, в летучих казачьих отрядах узнали не сразу. Быстрее об этом узнали в рядах армии французской, на что реакция была не однозначной. В любом случае венценосный полководец бросал (не оставлял) остатки разбитого войска, собранного с пол-Европы для войны с Россией.

О таком неоднозначном поступке Бонапарта говорили тогда и говорят сегодня разное. К примеру, мемуарист Пьон де Лош, верный присяге и долгу офицер гвардии, командир двух батарей дивизии генерала Морана, достаточно резко отозвался о бегстве от армии императора французов: «Таким образом, египетский дезертир – дезертировал и из России. Он покинул нас в нашей несчастной судьбе».

Император Наполеон отправился из России в Париж не просто инкогнито, а на странном для любого француза поезде, состоявшем из трех саней. В самом начале бегства его сопровождал небольшой конный конвой из французов, поляков и неаполитанцев.

Судьба хранила Бонапарта в Русском походе. В самом его конце кортеж императора в деревне чудом разминулся с казаками, отряд которых умчался в другую сторону за час до того, как через селение проехали трое саней, полных людей, закутавшихся во что придется. Таким образом, казаки-донцы упустили самый большой трофей Отечественной войны 1812 года.

В Ошмяны небольшой санный поезд Бонапарта прибыл как раз в то время, когда подошедший к городку партизанский отряд, состоявший из гусар и казаков, ворвался на его окраину. Налет не удался,

поскольку в Ошмянах стояли остатки дивизии генерала Луазона и «безлошадная» неаполитанская кавалерия. Партизаны отошли из городского предместья, заняв соседнюю возвышенность, куда вскоре прибыли расчеты конных орудий.

В городе Ошмяны казаки партизанского отряда Сеславина имели прекрасную возможность захватить (наконец-то!) в плен самого императора французов. Партизаны ворвались в город совершенно внезапно для неприятеля. Главной мишенью для нападавших стал большой дом, во дворе которого оказалось много людей военных. Но здесь квартировал комендант города. Сам Наполеон со свитой находился в тот день на другом конце Ошмян и вовремя покинул опасное место вместе со свитой и конвоем, бежав в сторону Вильно.

Знай местоположение Бонапарта, казаки-партизаны сделали бы все возможное и невозможное, чтобы не упустить такой бесценной добычи. Пленение императора французов в России (что дважды смотрится реальностью), думается, изменило бы очень многое в европейской истории ближайших лет. Денис Давыдов в своих «Записках» ошмянское дело сеславинцев описал в двух строках:

«Партизан Сеславин шел на местечко Забреж, которое 22 ноября он занял с боя. За малым дело стало, чтобы на другой день (в близлежащих Ошмянах) сам Наполеон не попался ему в руки; во второй раз в течение сей кампании судьба спасла его от покушения казаков, везде и повсюду ему являвшихся как неотразимые вампиры!»

Финальную часть боя русских партизан за Ошмяны император французов со своей небольшой свитой не видел: он спешил по пути бегства из России в Париж. Думается, что Наполеон за Неманом, на земле Восточной Пруссии, вздохнул с явным облегчением: здесь «жалкие арабы Севера» на своих степных кониках его уже не догоняли и даже не мерещились в морозной ночи.

Образ «жалких арабов Севера» настолько въелся в воображение Наполеона, что по прибытии 10 декабря в Варшаву он приказал первому человеку, с кем встретился, – французскому послу в герцогстве Варшавском аббату Доменику Жоржу Фредерику де Прадту (известному как аббат Дюфур) буквально следующее:

«Собери десять тысяч польских казаков. Все, что им нужно, – пика и лошадь. Это остановит русских!»

Посланник де Прадт, доктор теологии и недавний архиепископ бельгийского Мехелена, осмелился высказать удивление такому императорскому повелению: польская шляхта мало годилась в казаки. Разгневанный Наполеон в тот же день отдал распоряжение отзыва посланника-аббата из Варшавы, то есть лишил его должности высокопоставленного дипломата Французской империи. Де Прадту пришлось возвратиться в свою епархию; естественно, что он стал после Варшавы оппозиционером по отношению к власти Бонапарта.

...Мемуарист и военный писатель граф Ф. П. Сегюр, человек, приближенный к императору Наполеону, в описании его отъезда от остатков Великой армии (в «Истории Наполеона и Великой армии в 1812 году») заметил:

«От Малоярославца до Сморгони этот повелитель Европы был только генералом умирающей и дезорганизованной армии. От Сморгони до Рейна это был неизвестный беглец, стремившийся перейти через неприятельские земли. За Рейном он вдруг снова оказался повелителем и победителем Европы! Последний порыв ветра благоденствия надувал еще его парус!»

Несомненно, Сегюр был талантливым мемуаристом, описавшим драму Великой армии, не забыв при этом вспомнить и про дела «степных ос» атамана Платова. После выхода в свет «Истории» граф был обвинен бывшим адъютантом Наполеона I бароном Гаспаром Гурго в очернении памяти императора и вызван на дуэль, которая закончилась для Сегюра ранением.

...Казачи «ходили в партизанах» до последнего дня «грозы 12-го года». В историю Отечественной войны красной строкой вошли действия казачьего отряда под командованием императорского флигель-адъютанта полковника А. И. Чернышева в конце октября – начале ноября. Эта партизанская экспедиция во вражеские тылы имела такую предисторию.

Когда 3-я Западная армия по кутузовскому приказу начала движение к реке Березине, то ее командующий адмирал П. В. Чичагов получил известие, что противостоявший ему Австрийский вспомогательный корпус князя Шварценберга пришел в наступательное движение. Чтобы затруднить движение австрийцев, до этого не проявлявших большой активности, Чичагов отправил Чернышева с Донским казачьим полком майора С. И. Пантелеева в рейд для действий близ Волковыска Гродненской губернии.

Первым делом казаков в том рейде стало уничтожение (сожжение) заготовленного леса для устройства французами переправы через Неман у местечка Мосты. Были разогнаны рабочие, собранные для устройства переправы. Одновременно донцы «истребили» мосты на реке Зельвянка у местечек Зельва и Ивашкевичи.

После этого Чернышев получил новый приказ адмирала Чичагова: требовалось установить связь с Первым отдельным пехотным корпусом генерала П. Х. Витгенштейна, который тоже двигался к реке Березине. Казачий полк, 28 октября переправившись через Неман вплавь, двинулся в Минский уезд. По пути им встретились два французских госпиталя с больными: казаки забрали там лошадей, лишив наполеоновцев оружия и припасов. Затем был перехвачен вражеский конный пикет из двух десятков кирасир и драгун...

Во время рейда армейского партизанского отряда полковника А. И. Чернышева (будущего военного министра России) отличился сотник Дудкин. Со своей немногочисленной партией (всего 12 казаков) у местечка Радошкевичи Вилейского уезда Минской губернии он, будучи в засаде в «скрытом месте», захватил трех наполеоновских «кааб-курьеров с важными бумагами». В том деле было пленено еще три жандарма, захвачено 13 повозок и «выручены» из плена генералы Ф. Ф. Винценгероде и А. С. Свечин 3-й, ротмистр Н. А. Нарышкин, есаул Князев и военный комиссионер Полутов, которых вывозили из пределов России.

Пленных везли под «внешним» конвоем из трех жандармов в карете «малыми этапами». По дороге из Тихочина в Минск на карету и прочие повозки напала казачья партия. Урядник Дудкин был послан с «доброконными» казаками «пошарить по большой дороге». Нападение оказалось очень удачным для армейских партизан: их добычей стали французские курьеры, следовавшие к Наполеону из Парижа и от императора на берега Сены.

После этой удачи казачий полк Пантелеева двинулся дальше и у местечка Верхнее Березино встретил посланца Витгенштейна к командующему 3-й Западной армии хорунжего Демидова. Полковник Чернышев направил соответствующее донесение адмиралу Чичагову и повел свой армейский партизанский отряд силой в один Донской казачий полк в Лепель, где 5 ноября соединился с авангардом 1-го отдельного пехотного корпуса.

Рейд казачьего полка по вражеским тылам с враждебным польским населением длился пять дней. Было пройдено по тылам Великой армии 350 верст, уничтожено несколько больших обозов и немало припасов, собранных для наполеоновской армии. По пути предавались огню мосты через водные преграды. Местная французская администрация оказалась «деморализованной», проводимые ею поставки провианта и фуража оказались сорванными, о чем стало известно в штабе маршала Бертье и доложено императору Наполеону.

За успех этой экспедиции по вражеским тылам А. И. Чернышев получил производство в чин генерал-майора и пожалован Александром I в императорские генерал-адъютанты. Полковой командир майор С. И. Пантелеев удостоился высокой боевой орденой награды – Святого Георгия 4-й степени. Наград удостоились и рядовые участники Чернышева экспедиции: рядовые казаки, урядники, хорунжие...

В конце ноября главные силы русской армии, преследуя остатки Великой армии, готовились вступить на литовскую землю и в город Вильно (Вильнюс), значительную часть населения которого составляли поляки. Памятуя их участие в наполеоновском нашествии, Голенищев-Кутузов, князь Смоленский отдал атаману М. И. Платову приказ позаботиться о том, чтобы отношение казаков к местному населению не бросало тень на воинство России. Об этом главнокомандующий писал 27 ноября из Сморгони адмиралу П. В. Чичагову следующее:

«...Одерживаемые Вами поверхности над бегущим неприятелем доставляют графу Платову случай вступить завтрашнего числа в Вильну, о чем, я полагаю, Ваше высокопревосходительство уже известны.

Я в особенную обязанность поставил графу Платову обратить всевозможное внимание и употребить все долживые меры, дабы сей город при проходе наших войск не был подвержен ни малейшей обиде, поставя ему притом на вид, какие в нынешних обстоятельствах могут произойти от того последствия».

...Появление атамана Платова с казачьими полками под Вильно произвело эффект разорвавшейся бомбы на те остатки бегущей наполеоновской армии, которые еще не успели пересечь границу Российской империи в обратном направлении. Ноель, германский офицер, прибывший только-только из Восточной Пруссии с подкреплением в составе двух артиллерийских батарей (16 орудий), наблюдал картину бегства из Вильно на Ковенской дороге. Ноелю удалось встретиться с Неаполитанским королем, от которого он ожидал получить боевой приказ. Но маршал Мюрат склонился к артиллерийскому офицеру и тихо шепнул ему: «Командир, мы... садитесь на лошадь и утеките».

Для Ноеля это был приказ человека, которого император Наполеон в день своего отъезда (бегства) в Париж поставил на пост главнокомандующего Великой армией, уже не существовавшей. Командир двух резервных артиллерийских батарей велел своим подчиненным запрягать, и вскоре 16 орудийных упряжек с зарядными ящиками двинулись назад по дороге в Ковно, чтобы там перейти границу в обратном направлении. Батареи казаков не думали по той простой причине, что с ними еще не встречались, поскольку на войну благополучно для себя опоздали.

Но в Ковно батареям Ноеля пришлось задержаться, поскольку они получили приказ от маршала Нея и генерала Жерара занять боевую позицию. Вместе с артиллеристами город защищали те немногие солдаты, которые исполнили приказ маршала, и батальон из Липпе (Вестфалии). Огневой бой шел до 8 часов вечера, и когда казачьи партии стали обходить город по льду Немана («река замерзла на несколько футов в глубину»), его немногие защитники поспешили уйти по мосту на противоположный берег.

Ноель покидал Ковно во главе своей сильно поредевшей походной колонны, которая состояла из двух 6-дюймовых пушек и одной повозки. Остальные орудия и повозки с батарейными тяжестями за поспешностью ухода и угрозы встречи с казаками в самом городе он приказал бросить. По мосту через Неман артиллерийские упряжки неслись во весь конский мах.

...28 ноября еще перед рассветом наполеоновские маршалы Мюрат, Даву, Нея, Мортье, вице-король Эжен Богарне стали покидать Вильно в направлении прусской границы. С ними уходила императорская гвардия и толпы людей, многие из которых бросили оружие. Когда стало светать, у Ковенской дороги, между Вильно и Понарской горой, появились казачьи полки Орлова-Денисова. Казаки дважды ходили в атаку, взяв плен более тысячи человек.

В ходе этого боя у Ковенской дороги подошел донской атаман граф М. И. Платов. Осмотревшись, он

послал к неприятелю, проходившему тесными колоннами, парламентаров с требованием сдаться и сложить оружие. Французы ответили отказом и потому были атакованы с разных сторон. Атакующие разрывали колонны на части и тех, кто не сдавался в плен, истребляли. Было захвачено два знамени и два штандарта.

Дальше преследование отступающих велось картечными выстрелами из подоспевших конных орудий и новыми атаками казачьей конницы. Когда наполеоновские войска подошли к Понарской горе, то она стала для них подлинным камнем преткновения. Пологие склоны горы обледенели: лошади падали целыми упряжками, обозы остановились у подножия горы, только часть повозок смогла подняться на вершину. Мюрату и его спутникам в маршальских и генеральских чинах пришлось оставить кареты и сани и продолжить путь через гору пешком.

В эту толпу, которая не соблюдала никакого порядка, врезался отряд маршала Мишеля Нея, последним оставивший Вильно. Этот отряд и «очистил» Ковенскую дорогу казакам-донцам. Им и достались брошенные у Понарской горы 28 вражеских орудий, оставленные вместе с зарядными ящиками. Все эти действия с участием платовского летучего корпуса разыгрались между Погулянкой и Понарами.

Вильно, столица Литовского края был взят без достойного сопротивления французов и быстро. На всем протяжении пути отступления Великой армии из России Вильно оказался единственным уцелевшим городом. В нем нашлись неразграбленные большие склады комиссариатских вещей и провиантских запасов: новых мундиров, башмаков, ружей, сум, седел, шинелей, киверов, медвежьих шапок и прочей амуниции, много ржи и муки. Нашлось и 41 орудие. В числе пленных значились 7 генералов, 18 штаб-офицеров, 224 обер-офицера и 9517 нижних чинов, не считая находившихся в виленских госпиталях 5139 больных.

...Взятие же города происходило так. Когда передовые казачьи отряды подошли к предместьям Вильно, то оказалось, что город приготовился к их встрече. Виленский комендант генерал Гогендорп приказал устроить палисады там, где не было стен, и в выходах окраинных улиц. Так гарнизон защитил себя от возможных ночных проникновений казаков в город.

Собственно говоря, местный гарнизон был значителен. Основу его составляла дивизия генерала Луазона, пришедшая в последних числах ноября, Польский уланский полк и два полка неаполитанской кавалерии, составленных из волонтеров, подданных короля Иоахима Мюрата. Большая часть этих войск была размещена в окрестностях Вильно, прикрывая идущие к нему дороги.

Наполеоновские солдаты и офицеры при появлении на окраинах Вильно платовских казаков спешили на дорогу, ведущую в Ковно, чтобы «дать Богу ноги». Один из таких беглецов, немецкий лейтенант фон Зукков в мемуарах рассказывает, «как заяц, с тысячью всяких предосторожностей» пробирался к выходу из города, сумев избежать встречи с казаками, которых в город вошло еще малое число.

Мемуарист фон Зукков писал далее: «Ежемитно я ожидал – вот-вот появится один из этих бородачей и грубо закричит мне: «Стой», а затем посыпятся удары кнута, и мне придется провести лето в Сибири...

Но Бог любит смелых. Я без труда достиг городских ворот и вышел на Ковенскую дорогу. Дорога была вся покрыта бегущими, охваченными паническим ужасом. Этот ужас навел на них казачий атаман Платов своим вступлением в Вильно в сопровождении нескольких тысяч конницы. Он со всех сторон грозил остаткам нашей армии...»

Тот же лейтенант фон Зукков рассказывает, что дорога в Ковно походила на беговое поле, на котором каждый старался опередить соседа, чтобы избежать встречи с казаками. Их появление ожидалось с любой стороны, и тогда беглецам, возможно, чтобы избежать гибели от казачьих пик, пришлось бы возвращаться в только что оставленный Вильно.

Но там уже распоряжался атаман Платов, уже приказавший атаковать французский арьергард и «отнять» у него пушки, которые еще оставались, и повозки немислимо огромного обоза. Платовские казаки нагнали хвост колонны беглецов уже в двух верстах от Вильно, у деревни Понары, где Ковенская дорога покрылась гололедецей, а ее обочина лежала в снежных сугробах. Здесь и начался погром обозного каравана. Это стало причиной того, почему в конце Ковенской дороги казаки не часто тревожили бежавшего к Неману неприятеля.

Когда большая часть военных людей вышла из Вильно, и организованного сопротивления ожидать уже не приходилось, атаман М. И. Платов приказал полковым командирам занять город. Один из тех, кто заблаговременно оставил Вильно, сделал в более мирной обстановке такую запись: «...На рассвете мы выступили. Казаки сейчас же после нас вошли в город и захватили в плен всех оказавшихся менее осторожными, чем мы».

Из тех немногих артиллерийских орудий, что были вывезены из Вильно на Ковенскую дорогу, почти все были брошены перед обледенелой высотой в ее начале. Она стала главным и трудно преодолимым препятствием для огромного каравана различных повозок бежавших в Восточную Пруссию наполеоновцев. В их мемуарах этот подъем обычно называется «ледяной горой» или «горой, покрытой льдом». Для казачьих же коней она серьезным препятствием не стала.

Виленское дело не ограничилось только собственно взятием столицы Литовского края. Большой успех иррегулярной коннице сопутствовал 28 ноября в сражении при городе Вильно, где был наголову разбит 30-тысячный вражеский корпус, попытавшийся было прикрыть собой отход за пограничный Неман того, что еще оставалось от Великой армии. Историк-белоэмигрант А. А. Гордеев писал о том событии в таких словах:

«...1 декабря происходил исход французских войск из Вильно. Вытянувшись влево от Вильно в плоскогорье, покрытое гололедецей, войска были окружены конницей Платова, сдались без боя, и казаками были захвачены весь обоз, артиллерия и казна императора в 10 миллионов франков». К слову говоря, немалая часть этой казны была разграблена деморализованными беглецами, чему есть мемуарные свидетельства.

Мемуаристы многонациональной Великой армии оставили после себя потомству немало трогательных рассказов о нападениях казаков в те дни. Один из таких рассказов выглядит так:

«Капитан Ройдир, сопровождаемый неизменно преданным сержант-майором Фогелем, на этой стадии отступления (дело происходило близ Вильно) чувствовал себя хуже, чем обычно. На мгновение оставшийся без своего товарища, он был окружен казаками, которые немедленно начали грабить капитана. Неожиданно они остановились и уставились на гессенский орден «За заслуги», приколотый к груди Ройдира. После этого, сорвав с капитана рваное меховое пальто и лишив листов его дневника, которые они по ошибке приняли за военную информацию, казаки умчались прочь, оставив капитана невредимым.

Сержант-майор Фогель, появившийся из укрытия, объяснил причину чудесного спасения капитана. Казаки по ошибке приняли гессенский орден Ройдира за орден Святого Владимира и решили, что их жертву когда-то наградил царь».

Финалом бегства остатков наполеоновских войск по дороге из Вильно в Ковно стало разграбление французами и их союзниками золотой казны Великой армии, которая везлась в фургонах в опечатанных бочках. Фургоны к тому же оказались брошенными служителями. Казаки стали свидетелями этой сцены, немислимой в русской армии.

Перебравшись не без труда через обледенелую Понарскую гору, которая была запружена

всевозможными брошенными повозками и толпами безоружных людей, платовские казаки двинулись в преследование арьергарда маршала Нея, уходившего по дороге к городу Ковно, стоявшему на берегу Немана.

Генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов мог послать донскому атаману подкрепление только из полков легкой регулярной кавалерии. Все казачьи силы Главной действующей армии находились к концу в составе летучих отрядов.

К концу 1812 года казачьи полки сильно поредели. Бывших в Тарутинском лагере комплектными, в начале декабря в них оставалось в среднем человек по 150. Еще мрачнее было состояние регулярной кавалерии – гусар и улан, драгун и кирасир. Иные их полки насчитывали при выходе к линии государственной границы по 60 всадников. Полк регулярной кавалерии, имевший налицо от 120 до 150 человек, считался сильным.

...Остатки Великой армии во главе с маршалом империи Иоахимом Мюратом спешили по Ковенской дороге к спасительному, как казалось, Неману, за которым была уже Восточная Пруссия. Платовский летучий казачий корпус преследовал то, что осталось от главных сил Великой армии, которые император французов вел на Москву. Военные историки и писатели не раз описывали эту картину, одну из самых последних в Отечественной войне 1812 года:

«Погоня графа Платова за Мюратом представляла зрелище невиданное. Армия, за 5 месяцев состоявшая более чем из полумиллиона людей, во всей воинской силе и красоте, озаряемая блеском славы, одушевленная воспоминаниями чудесных успехов, бежала без оглядки, преследуемая горстью казаков!

Донцы напирали, сколько позволяли силы людей и лошадей, и настигая французов, ударяли в дротики или били в них из пушек, везомых на полозьях. Все желания Мюрата, маршалов и скопищ их, состояли в поспешном достижении пределов России, все их военные соображения сосредоточились в быстроте ног...»

Ночью 30 ноября маршал Иоахим Мюрат прибыл в Ковно. Вместе с ним была императорская гвардия, в рядах которой под ружьем оставалось всего около 600 человек. Пехота, не бросившая по пути оружие, исчислялась от 900 до 1000 человек. От недавних корпусов оставались горстки людей. Из 30-тысячного Баварского корпуса оставалось при оружии только 30 человек.

Вскоре (ночью 1 декабря) в Ковно прибыл глава арьергарда маршал Ней, имея при выходе из Вильно под своим командованием 3000 человек. Один из лучших наполеоновских полководцев привел на берега Немана всего 60 вооруженных людей. Остальные или погибли на Ковенской дороге, или были взяты в плен казаками-донцами.

Мюрат и маршалы империи вышли из Ковно 1 декабря, переправившись на противоположный берег Немана. Больше всего сокрушался маршал Бертье, начальник Главного штаба: добычей казаков стала его коляска, в которой находились секретные («тайные») бумаги и прямое доказательство мошенничества императора Наполеона I – «доска для делания фальшивых сторублевых русских ассигнаций».

Гарнизон Ковно состоял из 700 немцев. Маршал Мишель Ней, прибыв в город, сразу же включил его гарнизон в состав своего арьергарда. Его войско разместилось на крепостных стенах, с которых на ковенские окраины грозно смотрели 24 орудийных ствола. Огневых припасов в пороховом гарнизонном погребе имелось вполне достаточно.

Преследователи французского арьергарда в лице донских казаков не заставили себя долго ждать. С крепостных стен вразнобой прозвучал первый артиллерийский залп, и казаки, отвернув коней, отхлынули от ковенских стен только для того, чтобы изменить ход событий. Их вид и первый пушечный грохот над

притихшим во льдах Неманом заставил маршала Нея задуматься над тем, обороняться ли дальше? Большинство гарнизонных немцев разбежалось на его глазах: они побросали мушкеты и понесли к речному берегу, торопясь уйти из России в Восточную Пруссию.

Последним героем Великой армии в Русском походе Бонапарта оказался маршал империи Мишель Ней. Он, взяв в руки солдатское ружье, вместе с генералом Жераром и пятью стрелками из нижних чинов, до 9 часов вечера удерживал за собой новопостроенный Ковенский мост. Ружейный огонь защитниками моста велся из-за изгороди. Впрочем, казаки в том коротком бою не упорствовали: Неман, одетый в крепкий ледяной панцирь, был вполне проходим для их коней. Ледяной покров выдерживал тяжесть и саней с пушками донской артиллерии, снятых с лафетов.

Маршал Ней понимал, что и в Ковно отступление для него неизбежно, и он последним перешел мост, сделав последний выстрел по казакам из ружья, которое выбросил на лед. Но перед своим последним боем на российской территории, прославленный и верный до конца императору Наполеону (не в пример большинству других маршалов) полководец Франции «разрушил предварительно все артиллерийские материалы, все запасы» в оставляемом городе. По тому как он был одет, преследователи, разумеется, не могли принять его даже за старшего офицера вражеской армии.

Казачья конница сотнями стала охватывать город, демонстрируя явные намерения перейти по льду реку. Мост через Неман еще не был в их руках. Маршал Ней, генерал Жерар и остатки арьергарда Великой армии (несколько десятков человек), пользуясь наступающей темнотой, поспешили («стали отступать») к мосту. На ту сторону Немана они перешли благополучно.

Один из французских мемуаристов скажет о поведении маршала империи Мишеля Нея на вновь построенном Ковенском мосту через пограничный Неман так: «Этот великий полководец, перейдя реку во главе сорока трех тысяч человек, был вынужден перейти ее назад один со своими адъютантами, отстреливаясь вместе с ними от казаков».

...Бой за Ковно для русской стороны выдался удачно. Считается, что атаман М. И. Платов со своими полками подступил к Ковно в десятом часу утра 2 декабря. Казачья конница была встречена пальбой из двадцати орудий, стоявших на городских укреплениях. Граф Платов понял, что маршал Мишель Ней, присоединив к остаткам своего арьергарда ковенский гарнизон, вознамерился оборонять город, сколько было можно. Атаман, со своей стороны, поставил на батарейную позицию 8 имевшихся у него казачьих пушек. Завязалась недолгая артиллерийская дуэль.

Чтобы принудить неприятеля к отступлению с этого кусочка территории Российской империи, Платов послал донцов по льду Немана на противоположный берег выше и ниже Ковно. Вид этой картины сразу произвел на французов должное впечатление, они бросили пушки и побежали из города на прусскую землю. Генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский в своем труде по истории Отечественной войны 1812 года так описал финал арьергарда Великой армии во главе с маршалом империи Мишелем Неем:

«Настигнутый казаками за рекою, Ней хотел сделать последнее усилие и ударить в штыки, но солдаты отказались идти против страшных для них казаков и рассыпались. Одна часть из них была исколота и взята в плен; другая, рассеянная донцами, сбилась с пути и впотьмах побежала двумя направлениями: к Тильзиту и Вильковиску».

По обеим дорогам пошли за неприятелем доброконные, из всего (платовского) отряда выбранные казаки.

Ней был ранен, и, пользуясь темнотою ночи, ускакал Пильвишским лесом в то самое местечко Вильковиски, откуда 10-го июня Наполеон высокопарным приказом возвещал вселенной о пробитии для

России последнего часа. Весь арьергард разбежался по лесам, и Ней остался без войск...»

Могли ли французы защищать город Ковно, чтобы дать на земле Российской империи последний бой платовским казакам? Ведь в таком случае обороной города руководил бы сам бесстрашный маршал Мишель Ней. Но на такой безрассудный поступок следовало еще решиться: река Неман замерзла, и по этой веской на войне причине Ковно защищать было немыслимо.

Пограничный Ковно был занят казаками под вечер 2 декабря. Сам атаман М. И. Платов прибыл в город на следующий день. Сбор и подсчет трофеев в один день не уложился. Потери сторон в схватке за Ковно неизвестны, но большие числом они быть не могли. Пленных вновь набиралось немало; сопротивление из них оказывали немногие.

3 декабря в Ковенском городском соборе служили торжественный молебен по случаю освобождения России от вражеского нашествия. Донцы-атаманцы присутствовали на нем вместе со своим командиром С. Ф. Балабиным. Из тысячи конных бойцов Атаманского полка, вступивших в священную Отечественную войну, в строю осталось только 150 казаков. Остальные либо пали в боях, либо умерли от ран, болезней и даже от голода, или получили тяжелые ранения и контузии. Лишь бежавших от войны не было среди казаков.

...Занятие казаками литовского города Ковно (ныне Каунас), стоявшего на российской границе, имело своих героев. Пожалуй, бой за Ковно стал самым громким делом подполковника М. Г. Власова 3-го. Он, командуя отрядом всего из трех казачьих полков, захватил в плен 125 офицеров, 2237 непиятельских солдат и немало трофеев. За боевые отличия при преследовании неприятеля и изгнании его из пределов России он награждается Военным орденом Святого Георгия 4-й степени. В феврале 1813 года следует производство в полковники.

Максим Григорьевич Власов 3-й был в почти 200-летней истории Российской империи последним атаманом Превеликого войска Донского из природных казаков. И последним атаманом из славной плеяды генералитета донцов – героев Отечественной войны 1812 года. После него на донское атаманство стали приходить совсем иные люди, прежде всего преданные престолу и знавшие по личному опыту устройство государственной власти.

Генерала от кавалерии Власова чтили в Войске Донском. С 26 августа 1904 года по начало 1918 года его имя, как вечного шефа, носил 5-й Донской казачий полк. Он комплектовался в станицах и хуторах 2-го Донского округа, перед Первой мировой войной состоял в гарнизоне города Саратова.

То, что 5-му Донскому казачьему полку присвоили имя атамана М. Г. Власова, было не случайным высочайшим решением. Полк имел почетное Георгиевское знамя, которое украшала надпись: «За отличную храбрость и поражение неприятеля в Отечественную войну 1812 года». Знамя было вручено донцам, будущим власовцам, в ходе еще не оконченной войны против наполеоновской Франции – в октябре 1813 года.

...Итоги последней операции Отечественной войны 1812 года при участии летучего казачьего корпуса генерала от кавалерии графа М. И. Платова были таковы. За время 4-дневного преследования неприятеля от Вильно до Ковно, в бою 2 декабря на левом (прусском) берегу Немана было пленено до пяти тысяч человек и взято 21 орудие. Атаман Платов писал 3 декабря в донесении главнокомандующему: «С нашей стороны урон не велик, и ему в войске Донском ведется домашний счет...»

Победители при занятии Ковно помогли жителям в тушении пожаров. В городе нашлись нетронутые мародерами большие запасы тыловых магазинов наполеоновской армии. Было найдено до 30 тысяч не бывших еще в употреблении новых ружей со штыками, такое же число ружей сожженных, 779 ящиков с пушечными зарядами, 528 ящиков и 1384 бочонка с ружейными патронами, 1540 пушечных зарядов,

хранившихся не в таре, и значительное количество муки.

Сам генерал от кавалерии граф М. И. Платов прибыл в Ковно с места боя на берегах Немана 3 декабря в восемь часов утра. Горожане и жители близлежащих селений приветствовали «вихрь»-атамана и его донцов «с распущенными регалиями и радостными восклицаниями. В искренности чувств их нельзя было сомневаться, ибо в 5-месячное пленение, несчастные жители Ковно и окрестных сел изнемогали под бременем войны и буйства своих мнимых избавителей».

По приказанию Платова его полки выстроились на городской площади. Был заслушан благодарственный молебен с коленапреклонением и пушечной пальбой. Участники этой торжественной церемонии трижды прокричали «ура!» сперва государю императору Александру I, затем полководцу М. И. Голенищеву-Кутузову, князю Смоленскому.

Так на западной государственной границе для казачьих войск кутузовской армии закончилось полуторамесячное преследование Великой армии императора французов. На этом военном пути они не знали ни дня отдыха и не получали продовольствия и фуража, которое должны были находить сами для себя и для своих коней.

Финал Отечественной войны 1812 года на берегах пограничного Немана и участие в нем казаков изложены в трудах многих отечественных историков и мемуаристов. Так, А. А. Гордеев описывает действия конных бойцов атамана Матвея Платова в день 2 декабря предельно кратко:

«...(Маршал) Мюрат решил оставить Ковно и переправиться в Тильзит, чтобы соединиться с отступавшими от Риги войсками (маршала) Макдональда.

При выступлении его частей из Ковно появились казаки, отходившие части были атакованы и казаками были захвачены обозы и много армейских ценностей и пленных.

По прибытии в Кенигсберг в составе императорской гвардии оказалось из старой – 1471, а из молодой – никого...»

...Для истории сохранился такой интересный документ, как письмо генерала от кавалерии графа М. И. Платова управляющему Военным министерством генерал-лейтенанту князю А. И. Горчакову 1-му, датированное 8 декабря и отправленное из Ковно. Матвей Иванович рассказывал в нем о своем боевом пути в кампании 1812 года:

«На тысячеверстном расстоянии от Малоярославца до Немана и за Неманом лежат дерзкие французы, мало сказать на каждой версте, но на каждом шагу, как стервы.

Да познает Европа и целый свет, с каким ревностнейшим и верноподданническим усердием к Всемиловейшему Государю Императору и любезнейшему Отечеству действовало войско Донское. Остатки европейцев, которые были в нечестивой армии коварного и злого неприятеля, возвестят соотчикам своим, каково ходить на Русь, больно и дерзостно задевать Россию.

Познают и донских казаков, да и все пленные, коих у нас в России, по моему исчислению, более 50.000 от меня доставлявшихся, подтвердят: кто поражал их нещадно, кто не давал спать и наималейшего роздыху, кто не допускал их фуражировать от дороги ни на сто сажень, и кто взял у них при сражениях, кроме Красненского, где я не был, более 500 пушек.

Богомерзкий их грабеж церковной святыни не досталось им увезти с собою весь, разве малое число, бывшее при остатках бежавшей и расстроеной злодейской его гвардии, а вся добыча их досталась большей частью в руки победителей...»

...В день взятия города Ковно, 2 декабря, платовские казаки удачно форсировали реку Неман и перенесли боевые действия русской армии на территорию Восточной Пруссии. Император Александр I не

раз высказывал монаршьё «благоволение» казачьему полководцу с берегов Дона. В личной переписке венценосца за 1812 год о действиях казаков упоминается многократно.

Результативность боевой деятельности казачьих войск под командованием атамана графа М. И. Платова в ходе Отечественной войны 1812 года поразительна. Они захватили 546 (548) вражеских орудий, 30 знамен и взяли в плен более 70 тысяч наполеоновских солдат, офицеров и генералов. Полководец М. И. Голенищев-Кутузов писал военному вождю казачества России такие слова:

«Услуги, оказанные вами Отечеству, не имеют примеров, вы доказали целой Европе могущество и силу обитателей благословенного Дона...»

Матвей Платов за свое доблестное атаманство стал не только на Дону, но и в других казачьих войсках песенным героем еще при жизни. В одной из сложенных о нем песен были такие слова:

От своих чистых сердец
Совьем Платову венец,
На головушку наденем,
Сами песню запоем,
Сами песню запоем —
Как мы в армии живем.
Мы в армейюшке бывали,
Провианты получали,
Провианты получали,
Ни в чем горя не знали.
У нас много пуль, картечь,
Нам некуда беречь.
Наши начали палить,
Только дым столбом валит —
Каково есть красно солнышко,
Не видать во дыму.
Во солдатском пылу.
Не ясен сокол летает —
Казак Платов разъезжает,
Он по горке, по горе,
Сам на вороном коне.
Он проехал, проскакал,
Три словечушка сказал:
«Ой еси, воины-казаки,
Разудалы молодцы!
Вы пейте-ка без мерушки
Зеленое вино,
Получайте-ка без расчету
Государевой казны!»
В одной лавке —
Дорогой товар,
В другой лавке —
Весовой жемчуг.
В третьей лавке —
Казны счету нет,
На меня молодца,
Давно смерти нет.

Манифестом 25 декабря 1812 года император Александр I возвестил России об окончании

Отечественной войны. Великая армия была разгромлена, и теперь от нее на российской территории оставались только десятки тысяч военнопленных. Начался освободительный поход русской армии по дорогам Европы. Впереди ее шли казачьи полки. Родина могла быть довольна атаманством графа М. И. Платова.

Государь продолжал выражать слова монаршей благодарности «вихрь»-атаману и его легкоконному войску, ставшему для канувшей в историю Великой армии императора французов настоящей погибелью. 8 января 1813 года Александр I писал войсковому атаману Дона такие трогательные слова:

«...Вы собственным Вашим лицом и вообще все Донское Войско много участвуете в славе истребления врагов и в спасении Отечества.

Заслуги Ваши и подвиги казацких войск пребудут незабвенны. Имя их сделалось страшно неприятелю...»

Полководец генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов, светлейший князь Смоленский не упускал случая, чтобы не отметить доблесть казачества и его атамана. «Спаситель России» высоко ценил вклад казаков в дело истребления отступавшего неприятеля на дорогах России от первопрестольной Москвы до пограничного города Ковно. Он, к примеру, писал М. И. Платову 17 января 1813 года:

«Милостивый государь мой граф Матвей Иванович!

...Почтение мое к Войску Донскому и благодарность к подвигам его в течение кампании 1812 года, которые были главнейшею причиною к истреблению неприятеля, лишенного вскорости всей кавалерии и артиллерийских лошадей, следовательно, и орудий...

Сия благодарность пребудет в сердце моем, донеже угодно будет Богу призвать меня к себе...»

...Спустя три месяца после вступления союзных войск в Париж, 24 июня 1814 года, генерал-фельдмаршал М. Б. Барклай де Толли направил генералу от кавалерии графу М. И. Платову письмо с благодарностью Войску Донскому за отличия в антинаполеоновских войнах 1812, 1813 и 1814 годов. В нем писалось:

«В то незабвенное время, когда непобедимое воинство Русское спасало Отечество свое от руки сильного врага, на низложение его устремлявшегося, в то самое время воинство Донское, Вашим Сиятельством предводительствуемое, прославило себя новыми и бесчисленными доводами приверженности к Всеавгустейшему монарху и усердия в пользе общей...

Наконец, когда победоносные войска всемилостивейшего к нам и сострадательного к нашествию других народов государя нашего, изгнав с лица земли своей все силы вражды, обращены были на освобождение от ига его чужих земель, полки Донские, сподвизаясь им повсюду, достойно разделили с ними славу защитников Германии, избавителей самой Франции и восстановителей мира в Европе».

...Еще не было объявлено об окончании Отечественной войны, как и приказа главнокомандующего о переходе линии государственной границы, а война уже велась на сопредельной стороне. Еще до этого приказа казаки атамана М. И. Платова переправились по льду Немана и оказались на территории Восточной Пруссии. Они разбились на небольшие партии, которые «рыскали» по дорогам, полям и лесам, продолжая вести «малую войну» на истребление вражеской силы. Казаки нападали на группы наполеоновских солдат, убивали их или брали в плен, крик: «Казаки!» можно было услышать на французских биваках в любое время дня и ночи.

Действия казачьих партий в первые же дни их пребывания на чужом берегу Немана стали искрой для населения этой части Прусского королевства. В городах и селениях начались волнения: «Вся востояная твердыня Французской империи начинала рушиться, и ветераны Великой армии, за последние шесть лет

растолстевшие на германских квартирах, обнаружили, что окружены потенциальными врагами, ожидавшими сигнала к атаке».

Платовские казаки оказались на Неманском левобережье, в приграничье Восточной Пруссии спонтанно, преследуя буквально по пятам разрозненные группы наполеоновских войск. Они частью истреблялись (если вооруженной рукой оказывалось сопротивление), частью брались в плен. Одновременно казаки вели разведку, поскольку оказались на территории королевства, которое оставалось союзным императору французов. Шел сбор документов, опрос местных жителей из числа осведомленных, прежде всего людей, имеющих отношение к военному делу.

Поскольку летучий казачий корпус армейскими тылами ничем не обеспечивался уже долгое время и он «кормился сам», казаки занимались «открытием» вражеских магазинов с провиантом и фуражом. Их утомленные войной кони, наверное, впервые за последние два-три месяца получали в достатке овса и сена.

Неутомимый в ратных трудах атаман граф М. И. Платов отписывал в те дни главнокомандующему: «По велению вашей светлости преследовал я неприятеля и за границую. Часть остатков его, потянувшаяся от Ковно вниз по течению левой стороны Немана по дороге на Тильзит, истреблена совершенно без остатка; из остальных взято много в плен, в том числе по сту штаб- и обер-офицеров и разных чинов».

В местечке Мариуполь к казачьему генералу от кавалерии привели местного почтмейстера, оказавшегося на редкость осведомленным человеком. Он мог достоверно сообщить высокому русскому начальнику, что лично, в силу занимаемой должности, провожал в местечке самого императора Наполеона, который держал путь в Дрезден под именем Коленкура. Почтмейстер сказал также, что Бонапарт пробыл в Варшаве не более трех часов, поскольку сильно спешил, и что князь Понятовский находится в столице герцогства Варшавского.

Рассказ мариупольского почтмейстера оказался ценнейшей информацией разведывательного характера, незамедлительно доложенной в Вильно. Суть ее состояла в следующем: император французов Наполеон бежал и от остатков Великой армии, и с театра войны. Для его противников это было, можно сказать – официально, «объявлением» окончания венценосным полководцем Бонапартом Русского похода 1812 года.

Но Большая Европейская война, начатая Французской империей, продолжалась, чтобы закончиться в поверженном Париже, куда в ранге победителей тоже вступят казачьи полки. Случится это знаковое для мировой истории событие только в году 1815-м.

Однако на исходе 12-го года далеко не всем казачьим партиям, бывшим на острие действий русской армии, довелось «с налета» перейти черту государственной границы, чтобы и дальше преследовать бегущего врага. Война для них закончилась на российской территории.

Партизанский отряд Дениса Давыдова уже «сел на коней», чтобы начать действия на польской территории против австрийцев корпуса Шварценберга, как был получен кутузовский приказ остаться в Новых Троках. Светлейший князь, еще с эпохи императрицы Екатерины II известный как опытный дипломат, «желал видеть австрийцев в добрых отношениях с нашими войсками». Действительно, вскоре Вена вновь встанет союзницей России по антинаполеоновской коалиции.

Сам Давыдов был вызван в Вильно к главнокомандующему. С небольшим казачьим конвоем он поспешил «на свидание» с великим полководцем России. Там отважный партизан узнает, что за «дела и труды» в кампании 1812 года император Александр I наградит его орденами Святого Владимира 3-й степени и Святого Георгия 4-й степени. Высокие пожалования ждали отрядных офицеров, казаков и ахтырских гусар.

От Новых Трок до селения Поныри зимняя дорога была свободна и гладка. У последнего селения, где дорога разделялась на Новые Троки и на Ковну (Каунас), «груды трупов человеческих и лошадиных, тьма повозок, лафетов и палубов едва оставляли мест для проезда; кучи еще живых неприятелей валялись на снегу или, залезши в повозки, ожидали холодной и голодной смерти. Путь освещаем был пылающими избами и корчмами, в которых горели сотни сих несчастных. Сани на раскатах стучали в заостренные головы, руки и ноги замерзших, и проезд от Понырей до Вильны сопровождаем был разного диалекта стенаниями страдальцев... восхитительным гимном избавления моей Родины!»

Так писал отважный партизан Денис Давыдов, прославившийся в Отечественной войне 1812 года доблестными делами своей летучей партии, состоявшей из донцов и бугцев, казаков-тептярей и ахтырских гусар. Его отряд с боями прошел весь путь из подмосковных лесов на Смоленской дороге до самой черты государственной границы.

...Офицеру 23-го конно-егерского полка французской армии де Марбо (потом барон и генерал-лейтенант, генерал-губернатор Алжира) в ходе Русского похода Бонапарта повезло: он вышел из России. Правда, в один из последних дней ноября, вскоре после получения чина полковника, он получил ранение казачьей пикой. Марбо лично знал Наполеон: низложенный император французов, будучи сослан на остров Святой Елены, завещал ему огромную сумму в 100 тысяч франков для написания работы в защиту славы Великой армии. Барон действительно написал свои мемуары, наполненные «перлами» и «клюквой», но не правдой о войне в России.

Полковник Марбо называет себя с остатками полка конных егерей одними из самых дисциплинированных среди бежавших наполеоновцев. Он пишет, что его подчиненные спаслись от морозов благодаря его настойчивости: каждый кавалерист полка еще летом запасся курткой из толстой овчины. Его конные солдаты голода не знали, так как опытный фуражир мог обнаружить запасы зерна в селах по обе стороны дороги.

Марбо дает свои разъяснения действиям армии противника. Так, он объясняет «позднее появление» перед отступавшими войсками императора Наполеона регулярных русских войск (не казаков) тем, что «солдаты Кутузова хуже переносили сильные морозы, чем французы, частично потому, что зимой они привыкли сидеть по домам, в которых на полную тягу топилась печь». То есть сидели всю зиму на теплых лежанках, не часто выходя на улицу, как это делают зимой французы.

Барон империи утверждает, что русский авангард редко сблизился с французским арьергардом на расстояние мушкетного выстрела, «только казаки нависали с флангов, и, когда им удавалось схватить кого-нибудь из отставших солдат, они занимались тем, что грабили пленника и бросали его умирать на морозе».

Такое жестокое отношение к измученным отступлением французам со стороны казаков мемуарист де Марбо объясняет следующим образом: «Взять в плен – означало отказаться от возможности мародерства, а вдоль дороги оставалось немало добра, которым можно было поживиться, включая содержимое царской сокровищницы».

Марбо рассказывает и о том, как казаки нападали на колонну, в рядах которой шли его конные егеря: «Иногда казаки подтягивали на санях одно из легких орудий, из которого стреляли по едва бредущей шеренге, но их артиллерийских навыков было недостаточно, и они не могли причинить много вреда». Здесь уместно отметить, что расчеты донских конных орудий за войну 12-го года много раз бывали в самых яростных переделках, традиционно демонстрируя и меткость огня, и скорострельность, и умение маневрировать на поле боя.

Полковник конных егерей в своих мемуарах утверждает, что французская кавалерия благополучно добралась (!) до самой границы, до города Вильно. Его конные егеря вошли в этот город 9 декабря (?),

«останавливаясь время от времени, чтобы освободить удила своих лошадей от сосулек, которые образовывались от дыхания».

Барон де Марбо утверждает и такое: «Каждый раз, когда по сугробам навстречу казакам скакал конный отряд французов, они рассеивались и исчезали». То есть, по Марбо, выходит, что всю войну не французы с союзниками боялись казаков (чему мемуарных свидетельств более чем достаточно), а казаки боялись даже малого числа кавалерии неприятеля, что полковник, лично знакомый самому императору, мог наблюдать весь Русский поход Наполеона.

После бегства французов через пограничный Неман донской атаман М. И. Платов с прискорбием писал главнокомандующему о состоянии на день победы казачьей иррегулярной конницы:

«...В донских полках... не более осталось казаков, как в лучшем полку полтораста человек на таких лошадях, кои могут еще, хотя и с трудностью, действовать: в прочем сделалось много казаков больных разными болезнями, ознобивших ноги в бывшие сильные морозы... и немало осталось их за устьем лошадей, которые хотя и собираются к полкам, но все еще не собрались...»

Все это было прямым следствием непомерных тяжестей и лишений быстрого преследования наполеоновской армии, ведения партизанских действий, требовавших высокой маневренности. Атаман М. И. Платов не напоминал о том высокому начальству до самых последних дней «грозы 12-го года». Но когда казачья конница вышла на берега Немана, об этом сказать уже надо было непременно.

Казачьи полки «выдохлись» к концу войны: измотались и люди, и их степные кони, полгода не знавшие отдыха и достаточного пропитания. Конский состав в войну не «ремонтровался», то есть свежие кони в казачьи войска не поступали. Лошади же, отбитые у неприятеля, никак не годились для казаков.

Прибыв в Вильно, император Александр I, празднуя со всей Россией великую Победу над Наполеоном, жаловал многих высокими орденоскими наградами, чинами, другими почестями. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский, как главнокомандующий победоносной Главной русской армией, удостоился высшей воинской награды – ордена Святого великомученика и победоносца Георгия 1-й степени. Думается, что в те торжественные минуты полководец вспомнил и о тех, кто даровал Отечеству историческую викторию.

Победные торжества продолжились и на следующий день. Был устроен традиционный в таких случаях званый обед. Во время его над древним городом, нынешней столицы Литвы, прозвучали пушечные залпы из отбитых у французов в здешних местах литовских орудий, что было делом казаков. После этого состоялся бал, на котором женскую половину представляла местная польская знать, еще полгода назад приветствовавшая триумфальный въезд императора французов в Вильно. Но времена, как говорится, меняются.

В ходе этого великосветского бала первый полный (из четырех) георгиевский кавалер Российской империи М. И. Голенищев-Кутузов под аплодисменты окружающих бросил под ноги Александра I два наполеоновских знамени из числа последних, отбитых платовскими казаками на финише «грозы 12-го года». В тот праздничный день это смотрелось символическим жестом рук великого полководца России.

...В популярном гимназическом учебнике старой России начала XX столетия «История нового времени» ученых Р. Ю. Виппера, И. П. Реверсова и А. С. Трачевского о вторжении наполеоновской Великой армии и ее бегстве сказано красочно. И хотя авторы книги здесь не упомянули казаков, то их «присутствие» между строками чувствуется весьма заметно благодаря их ратным трудам:

«...Завоеватель отлично изготвился и создал гениальный план. Но все пошло прахом от неожиданностей. Наполеона озадачили и такие «стихии», как грязь, мороз, необъятные пространства и стойкость армии врага, и «варварство» народа, который сам истреблял все перед неприятелем. Ему

вредили самый страх и неурядица в русском лагере.

Русские отступали поневоле – и это-то спасло их. Гонясь за ними, французы потеряли сверх 100 тысяч – больше, чем при отступлении в морозы. А австрийцы изменили (Наполеону). При таких условиях ничего не значила бы и блестящая победа. А то единственное генеральное сражение, которого добился наконец Наполеон, было неутешительно. Русские были сломлены (?!) под Бородином (26 августа старого стиля).

Но из этого ничего не вышло. Напрасно Наполеон больше месяца ждал в Москве просьбы о мире. Его армия таяла и превращалась в мародеров среди сгоревшей столицы. Русские же силы росли кругом. На Александра «снизошла горячая вера»: он счел себя «спасителем Европы».

Наконец началось знаменитое отступление «великой армии», ужасы которого превзошли бегство из Сирии. Три свежие (?) русские армии следовали за ним по пятам тоже в изнеможении. И если в России упокоилось до четверти миллиона из «великой армии», то не меньше погибло и русских. Но царь сказал: «Прочный мир может быть подписан только в Париже».

Авторы гимназического учебника публицистически ярко обрисовали Русский поход 1812 года для Бонапарта. Пусть у Виппера, Реверсова и Трачевского далеко не все в ладах со знанием военной истории (Бородинской битвы, потерь сторон, не сказано о соотношении сил и другое), но они показали, что для венценосного завоевателя Наполеона поход в Россию стал «самым великим, самым трудным делом».

И что Великую армию погубили не грязь, не морозы, не «варварство» народа, оказавшегося под ударом воинства, собранного императором французов с пол-Европы, а ее истребила русская армия, частью которой являлось казачество. И что арабы Сирии не сделали с экспедиционной французской армией в пустыне то, что сделали с действительно Великой армией Наполеона «жалкие арабы Севера» в лесах Смоленщины.

...Любое великое историческое событие оставляет свой след, который может «показаться» и через многие десятилетия. Как светлая память об участии донцов в Отечественной войне 1812 года, указом всероссийского императора Николая II Александровича ряду первоочередных Донских казачьих полков были присвоены имена героев войн с императором Наполеоном I: Именными полками в рядах русской армии стали:

4-й Донской казачий атамана Платова полк;

5-й Донской казачий войскового атамана Власова полк;

7-й Донской казачий атамана Денисова полк;

8-й Донской казачий генерала Иловайского 12-го полк;

9-й Донской казачий генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова полк;

10-й Донской казачий генерала Луковкина полк;

11-й Донской казачий генерала от кавалерии графа Денисова полк;

13-й Донской казачий генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полк;

14-й Донской казачий войскового атамана Ефремова полк;

15-й Донской казачий генерала Краснова 1-го полк;

16-й Донской казачий генерала Грекова 8-го полк.

...Памятью о подвигах казачества при отражении нашествия наполеоновской Великой армии на Россию стали и боевые трофеи, почетная военная добыча «степных ос». Они стали гордостью казачьих

войск, прежде всего Войска Донского.

В списке трофеев русской армии в Отечественной войне 1812 года наиболее почетных значатся французские и польские орлы (навершия знамен), знамена и штандарты иностранных частей Великой армии, а также ее артиллерия. Свой весомый «трофейный взнос» в их число внесли и казачьи полки, особенно платовский летучий корпус при преследовании наполеоновских войск после сражения при Малоярославце. В историю русских трофеев «грозы 12-го года» вошли:

Орел 1-го кирасирского полка, отбитый казаками бригады полковника В. А. Сысоева в Тарутинском сражении;

Орел 28-го драгунского полка, найденный казаками во время преследования неприятеля, отступавшего от Малоярославца;

Орел 4-го кирасирского полка, попавший в руки партизан отряда А. Н. Сеславина в окрестностях Вильно;

Орел (предположительно) 11-го гусарского полка, взятый на финише войны на берегах Немана в бою под Ковно;

Знамена саксонских 2-го батальона полка Рехтена, 1-го и 2-го батальонов полка Лоу, взятые платовскими казаками в боях между Вильно и Ковно.

Всего казаками за войну было захвачено 13 знамен и штандартов. Больше всего повезло полкам генерал-майора В. А. Сысоева 3-го – 8. Отряд генерал-майора И. В. Иловайского 10-го – 4, генерал-майора И. Д. Иловайского 4-го – одно знамя.

Особенно велики числом оказались трофейные артиллерийские орудия, отбитые у Великой армии в боях и найденные брошенными по пути ее бегства. После кампании 1812 года была создана специальная комиссия для сбора трофейной артиллерии (орудия свозились в Москву). Таким образом, ее трудами было собрано 874 орудия всех калибров, в том числе:

280 пушек и 85 гаубиц производства Франции;

160 пушек и 28 гаубиц производства Австрии;

95 пушек и 28 гаубиц производства Пруссии;

56 пушек и 14 гаубиц производства Италии;

31 пушка и 9 гаубиц производства Неаполя;

21 пушка и 13 гаубиц производства Баварии;

22 пушки производства Голландии;

12 пушек производства Саксонии;

8 пушек производства Испании;

5 пушек производства Вюртемберга;

5 пушек производства Польши;

1 пушка производства Вестфалии;

1 пушка производства Ганновера.

Стволы большинства этих артиллерийских орудий (пушек и гаубиц) в 1839 году были выставлены перед фасадом здания Московского арсенала. Трофеи русской армии в Отечественной войне 1812 года в виде 875 орудийных стволов и по сей день украшают Московский Кремль. Они предназначались для

неосуществленного памятника Победы в 1812 году на Сенатской площади в Кремле. «Разноплеменное собрание» орудий Великой армии выставлено на обозрение и перед Бородинским музеем.

Разумеется, что свезенные в Москву по распоряжению специальной комиссии орудия артиллерии Великой армии являлись далеко не полным списком трофеев такого рода. Достаточно привести такой пример: по подсчетам известного исследователя Отечественной войны 1812 года в старой России генерал-лейтенанта В. И. Харкевича, в боях на реке Березине с 7 по 11 ноября русские войска отбили у неприятеля 476 различных орудий.

В артиллерийскую трофейную копилку «грозы 12-го года» казачество внесло самую большую лепту – 426 вражеских орудий, отбитых в бою и найденных брошенными по пути бегства неприятелем. Здесь особенно отличились полки отряда А. В. Иловайского 3-го – 118 орудий, В. А. Сысоева 3-го – 101, В. Т. Денисова 7-го – 84, И. В. Иловайского 10-го – 32, В. В. Орлова-Денисова – 27, Б. А. Грекова 3-го – 21 орудие.

...Отечественная война 1812 года дала истории казачества не только имена людей высокого воинского подвига, но и прославила целые полки бесстрашных конных бойцов. Война породила уникальные формирования иррегулярной конницы, которыми стали летучие казачьи корпуса.

Наряду с летучим казачьим корпусом 1-й Западной армии генерала от кавалерии М. И. Платова был такой же корпус (менее известный в военной истории) и в составе багратионовской 2-й Западной армии. Им командовал генерал-майор Н. В. Иловайский, а затем генерал-майор А. А. Карпов.

Этот летучий корпус состоял из 8 Донских казачьих полков: самих генерал-майоров Н. В. Иловайского и Карпова, подполковника И. И. Андрианова 2-го, подполковника Г. Г. Мельникова 4-го, полковника И. В. Иловайского, полковника В. Д. Иловайского, полковника Т. Д. Иловайского и полковника В. А. Сысоева. Корпусную артиллерию представляла 12-орудийная 1-я рота донской конной артиллерии. Всего в летучем казачьем корпусе на начало войны насчитывалось около 3,5 тысячи сабель.

Платовский летучий корпус после Бородинского сражения был фактически воссоздан после прибытия в Тарутинский лагерь Донского ополчения. Тогда заместителем атамана стал прибывший с Дона генерал-лейтенант А. Д. Мартынов. Корпус, составленный из ополченских полков, отличился в преследовании Великой армии императора французов во всех делах, в которых ему довелось участвовать.

Ход Отечественной войны показал, что состав этих двух летучих казачьих корпусов постоянно менялся в силу самых разных обстоятельств. Они то дробились на отдельные казачьи бригады, то получали пополнение в свои ряды, то отдавали свои полки и сотни в создаваемые армейские партизанские бригады. В январе 1813 года после отзыва атамана М. И. Платова его летучий казачий корпус был разделен на три отдельных отряда. Платовский корпус был воссоздан в сентябре 1813 года и успешно действовал на территории собственно Франции.

Когда Отечественная война 1812 года для русского оружия победно завершилась, стали подводить ее итоги. «Вихрь»-атаман Матвей Платов мог с искренним удовлетворением писать, подводя черту под боевым счетом казачьих полков всего за одну кампанию, которая длилась всего полгода:

«...Взято казаками пятьсот сорок семь пушек, знамен и эстандартов более тридцати и более 70 тысяч пленных, в том числе более десяти генералов различных классов и более четырех тысяч офицеров». Пусть эти цифры и разнятся с более поздними подсчетами трофеев и военнопленных, но ратный труд казачества при защите Отечества был громаден и убедителен.

Вклад казачества в истребление Великой армии императора французов по достоинству оценен не только отечественными историками, но и современниками, участниками событий 1812 года. Сам Наполеон в «погребальном» для его армии 29-м Бюллетене признавал свое поражение на просторах России. Среди

прочего, в Бюллетне говорилось и такое: «Все наши колонны были окружены казаками, подобно арабиянам в пустынях – они охватывают обозы».

Французский генерал граф Ш. А. Л. А. Моран, командир 1-й пехотной дивизии 1-го корпуса маршала Даву, чей полк на поле Бородина захватил Курганную высоту (Батарей Раевского), высказал пером такую мысль, рассказывая о том, как наполеоновская армия покидала Россию, идя в обратном направлении по Смоленской дороге: «Казачи сделали для спасения России более, чем вся регулярная армия». С его мнением согласиться трудно, но это взгляд на события 12-го года глазами очевидца.

Подвиги казачества в Отечественной войне не забывались на протяжении всех последующих двух столетий. Выходили книги И. В. Быкадорова и А. А. Гордеева, Д. В. Давыдова и А. К. Денисова, И. И. Кияшко и П. Н. Краснова, В. Н. Мамышева и Н. П. Михневича, П. Х. Попова и Л. М. Савелова, В. И. Харкевича и В. М. Шаховского, М. Л. Юдина... Казачество славилось в песнях и поэтических строках. Известный русский поэт Некрасовской школы Иван Никитин создал стихотворение «Донцы». В нем звучат такие строки:

Привет донцам! Увековечен
Ваш сильный, доблестный народ,
И знает мир, как вами встречен
Войны Отечественной год:
Весь Дон восстал, на голос чести
И день и ночь казак летел
И крови в битвах грозной мести
Последней капли не жалел.
...Войны испытанные дети,
Русь помнит ваши имена!
Недаром славою столетий
Покрыты Дона знамена;
Вы вашей кровию вписали
Любовь к Руси в ее скрижали.

...Изгнание Наполеона из России ознаменовалось деянием казаков, которое сделало им в отечественной истории большую честь. Речь идет о знаменитом серебряном даре платовских воинов Русской Православной Церкви. Дело обстояло так.

Донское казачество отметило свое участие в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах русской армии, закончившихся взятием Парижа, традиционно. Традиционность заключалось в том, что все ценное, добытое в войнах, в первую очередь отдавалось в храмы Русской Православной церкви. Речь идет о полуполюгендарном серебряном запасе наполеоновской армии из награбленных в России драгоценностей.

Например, в Казанском соборе в Санкт-Петербурге была сделана из серебра, отбитого в 1812 году у французов, тяжелая решетка вдоль главного амвона величественного православного храма. На этой решетке, весом в 40 пудов, сделана скромная надпись:

«Усердное приношение войска Донского».

Кроме того, атаман граф М. И. Платов передал отбитые у наполеоновской Великой армии 10 пудов серебра и 20 000 рублей на возобновление богослужений в ограбленных французами храмах московского Донского монастыря.

Но это были еще не все атаманские дары. Из серебра, отбитого донцами у французов в 1812 году, граф М. И. Платов три пуда восемь фунтов на дарохранительницу для Новочеркасского Вознесенского войскового собора. На устройство этого собора атаман пожертвовал всего свыше шести пудов серебра.

Во время своего пребывания в Париже Матвей Иванович «дерзнул, – как он сам писал протоиерею

Долотину, – вылить там сосуд со всеми к нему принадлежностями и с надписью года и числа вступления Императора нашего с победоносными войсками в Париж (то есть 19 марта 1814 года. – А.Ш.) для соборного храма Божия, город Черкасск украшающего, в котором осенены были благодатию превыспреннюю юные и старцы, подвигнувшиеся за веру, царя и отечество на отомщение лютого и дерзкого врага».

23 декабря 1812 года генерал-фельдмаршал князь М. И. Голенищев-Кутузов пишет письмо Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Амвросию. Он сообщает ему о том, что донские казаки действующей армии жертвуют на украшение столичного Казанского собора серебро, похищенное из православных храмов России наполеоновскими мародерами.

«Благословите сей дар, приносимый воинами подателю победы!

Храбрые донские казаки возвращают Богу похищенное из храмов его сокровище. На меня возложили они обязанность доставить Вашему высокопреосвященству сие серебро, бывшее некогда украшением святых ликов, потом доставшееся в добычу нечестивых хищников и, наконец, храбрыми донцами из когтей их исторгнутое.

Предводитель войска донских казаков граф Матвей Иванович Платов и вместе с ним все его воины и я желаем, чтобы сии слитки, составляющие весу 40 пуд серебра, были обращены в изображение четырех евангелистов и служили убранством церкви Казанской божия матери в С.-Петербурге. Все издержки, нужные на изваяние сих священных ликов, принимаем мы на свой счет.

Прошу Ваше высокопреосвященство взять на себя труд приказать найти искусных художников, которые могли бы удовлетворить нашим благочестивым победителям, изваяв из серебра, усердием их приносимого божию храму, лики святых евангелистов. Не замедлите также уведомить меня о том, что может стоить сия работа, дабы я в скорейшем времени доставил Вам всю нужную на издержки сумму.

По моему мнению, сим ликам было бы весьма прилично стоять близ царских дверей перед иконостасом. Таково было мое завещание, дабы они первые поражали взоры входящего в храм богомольца. На подножии каждого изваяния должна быть вырезана следующая надпись: «Усердное приношение Войска Донского».

Я уверен, Ваше высокопреосвященство, что сия возлагаемая на Вас забота будет приятна Вашему сердцу. Служитель и проповедник мира, спешите воздвигнуть памятник брани и мщению в божием храме, но, воздвигая его, скажите с благодарностию к промыслу: врагов России уже не стало, мщение божие постигло их на земле русской, и путь, ими пройденный, усыпан костями их на устрашение хищного буйства и гордого властолюбия».

Схожее по содержанию письмо генерал-фельдмаршал князь М. И. Голенищев-Кутузов одновременно отправил протоиерею Казанского собора. Оно тоже было принято с большой благодарностью полководцу и донскому казачеству.

В тот же день, 23 декабря, Михаил Илларионович в письме супруге Е. И. Голенищевой-Кутузовой из Вильно сообщил о необыкновенном даре донских казаков, людей православных, и о своих «серебряных» заботах:

«...Теперь вот комиссия: донские казаки привезли из добычи своей сорок пуд серебра в слитках и просили меня сделать из его употребление, какое я рассужу. Мы придумали вот что: украсить этим церковь Казанскую. Здесь посылаю письмо к митрополиту и другое к протопопу Казанскому, и позаботьтесь, чтобы письма были верно отданы и о том, чтобы употребить хороших художников. Мы все расходы заплатим. А серебро отправляю с донским офицером на наемных (повозках)».

«Серебряный дар» донского казачества на украшение величественного Казанского собора, являвшегося одним из украшений столяного града на берегах Невы, имел в России большой общественный резонанс. Причем в дар Русской православной церкви приносилось не простое сокровище в виде слитков драгоценного металла, а военные трофеи, взятые у врага на родной земле.

26 декабря полководец России, ставший ее «Спасителем» пишет атаману Войска Донского М. И. Платову из того же города Вильно теплое письмо с изъявлением искренней благодарности за присылку серебра, отбитого у неприятеля и предназначенного для украшения столичного Казанского собора. В письме говорилось:

«Милостивый государь мой граф Матвей Иванович!

Спешу объявить Вам и предводимым Вами храбрым донцам живейшую благодарность мою за драгоценный дар ваш, приобретенный мужеством и жертвуемый от непритворного благочестия.

Мне сладостно думать, что наши воины, бросаясь в опасность, не щадя жизни для исторжения сокровищ из рук похитителя, имели в виду не корысть, но бога отцов своих и мщение за оскорбленную им святыню. Принадлежащее божеству возвращаете вы к подножию божества.

Мне поручено от Вас исполнить желание столь благочестивое. С удовольствием и благодарностью принимаю на себя сию обязанность, тем более что она совершенно согласна с моими собственными намерениями, ибо в то время, когда монарх благословил меня мечом военачальника отечества, пришел я во храм Казанския божия матери, дабы молить ее о даровании мне сил для истребления иноплеменника, и обет мой пред алтарем всемогущего был тот, что первая добыча, исторгнутая мною из когтей хищника, будет украшением того храма, в котором приносил мольбы о победе, храма чудесного, зачатого благочестием Павла и ныне славно воздвигнутого его августейшим сыном на удивление современников и потомства.

Ваше мужество дает мне способ исполнить мою клятву. Пускай победа украсит святыню и святыня возвеличит победу.

Но позвольте мне сделать в расположении Вашем некоторую перемену. Вы желаете, чтоб из присланного Вами сребра вылиты были священные лики двенадцати апостолов для украшения церкви Казанския божия матери. Я полагаю, что сии двенадцать ликов в столь высоком храме будут мало заметны и что они должны исчезнуть между великолепными его украшениями. Гораздо было бы приличнее, когда бы все серебро было употреблено на изваяние только четырех евангелистов, которых величественная огромность соответствовала бы тогда огромности самого храма, а потому и производила бы большое благоговение в душе молящегося при входе его в храм. Изваяния сии первые поражали бы его взоры и вместе с благоговением пробуждалась бы в душе его мысль о делах великих.

Так говорю с сладострастным восхищением: сему памятнику, сооруженному вашими храбрыми воинами, не будет подобного в свете! В храме Бога, источника милосердия, увидим изваяния проповедников мира и братского согласия, поставленные окровавленной рукою победителей, и при взоре (на них) в нашей душе необходимо с мыслию о благодати божества будет соединяться воспоминание о мужестве русских героев, о грозном их мщении и о страшной гибели иноплеменника, посягнувшего на русскую землю.

Еще раз повторяю Вам мою благодарность и с совершенным почтением честь имею пребыть, милостивый государь, Вашего сиятельства всепокорный слуга Князь Михаил К(утузов) – Смоленский».

«Серебряный дар» казачества не прошел мимо отечественных мемуаристов. Князь С. Г. Волконский, за отличия в партизанах произведенный из ротмистров в полковники, описал отношение казачьих начальников к военной добыче, взятой их казаками. В данном случае речь идет о церковном серебре:

«...Иван Дмитриевич Иловайский (4-й) с попечительным вниманием рассматривал отбиваемые обозы у французов, которые, без исключения, препровождались к нему на личный осмотр. Он тогда имел свое пребывание на Тверской (улице в Москве)...

Все вносилось на личное его обозрение, и как церковная утварь и образа в ризах были главной добычей, увозимой французами, то на них более обращал внимание Иловайский и делил все это на два отдела: что побогаче в один, что победнее в другой. Эта сортировка Бенкендорфу и мне показалась странным действием, и Александр Христофорович спросил его:

– Зачем этот дележ? Ведь все это следует отдать духовному начальству, как вещи, ограбленные из церкви Московских и следующие обратно в оные.

Но на это Иловайский отвечал:

– Нельзя, батюшка, я дал обет, если бог сподобит меня к занятию Москвы от рук вражьих, все, но побогаче, все ценное, доставшееся моим казакам, отправить в храмы божьи на Дон, а данный обет надо свято исполнять, чтобы не разгневать бога...»

...Война завершилась не на берегах Немана. Вспомогательный австрийский корпус Великой армии под командованием князя Шварценберга прекратил всякие активные действия. Желание императора Александра I вновь вернуть Вену в союзники России было хорошо известно главнокомандующему русской армией. Поэтому генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов указал войсковым командирам, действовавшим против австрийцев, не «задирать» и всячески демонстрировать свое дружелюбие к невольным союзникам Наполеона, против которого они воевали не раз.

Волей судьбы случилось так, что именно казаки стали для австрийцев первыми вестниками такого доброжелательства. 1 декабря казачий разъезд из летучего отряда графа Ожаровского в Белицах неожиданным налетом схватил стоявший там пикет венгерских гусар и после короткого объяснения, не отнимая оружия и лошадей, отпустил их к своим, дав несостоявшимся военнопленным свободу. Такое великодушие на войне произвело на австрийцев сильное впечатление.

О случившемся было доложено главнокомандующему. Светлейший князь Смоленский похвалил казаков, а отрядному командиру генерал-майору Ожаровскому объявил благодарность, приказав обращаться с австрийцами самым ласковым образом.

В результате проведенных переговоров австрийский корпус, который не преследовался, стал отступать к городу Белостоку. Венгерские гусары корпусного арьергарда, сходясь с казаками, называли их товарищами и объявляли о данном им запрещении драться с русскими.

Корпус Шварценберга остановился в Белостоке Варшавского герцогства, не переходя близко лежащую российскую границу. Австрийцы знали, что по их пути идут только летучие отряды, а войска главных кутузовских сил им не противостоят. Однако полководец Голенищев-Кутузов не желал видеть австрийский корпус в Варшаве, приказав летучим отрядам занять Белосток. Переговорщик генерал-майор Щербатов, шеф 2-го Украинского регулярного казачьего полка, сумел убедить князя Шварценберга совсем покинуть российские пределы и оставить город Белосток.

Отряд Васильчикова 14 декабря вступил в оставленный австрийцами Белосток. Поскольку в городе не оказалось никакой власти, то пришлось «водворять в нем прежний порядок». Вскоре пришел кутузовский приказ: регулярным войскам встать на кантонир-квартиры, а казакам следовать за австрийским корпусом, наблюдая его движение.

За четыре дня до этого летучий отряд Дениса Давыдова занял город Гродно. И отсюда австрийцы ушли миром после переговоров. Местные польские шляхтичи вышли навстречу русским с мрачным видом,

вооруженные саблями и пистолетами. Но Давыдов не допустил столкновения, объявив о гибели в России Великой армии императора французов.

По Гродно стали разъезжать казачьи патрули, не позволявшие нигде собираться более пяти человек. Подполковник Ахтырского гусарского полка поэт-партизан Д. В. Давыдов приказал горожанам сдать все имевшееся у них оружие. Был подрублен топорами знаменитый гродненский столб, воздвигнутый местной шляхтой во славу взятия Наполеоном Москвы. Запылали разложенные казаками в центре города костры, на которых сжигались «призрачные картины, выставленные в разных домах, с аллегорическими насмешками над русскими».

Давыдов приказал разыскать местного ксендза, чрезмерно прославлявшего в своих проповедях императора Наполеона. В наказание ему было велено сочинить и произнести речь для предания проклятию Бонапарта, его армии грабителей и наполеоновских клеветов из числа польской знати. Этому ксендзу пришлось сказать много похвальных слов в адрес всероссийского государя, полководца Голенищева-Кутузова и его войска.

Было восстановлено богослужение в местном православном храме, который французы и их местные пособники превратили в фуражный магазин, свезя туда собранный с округи овес и пуки сена. Церковь быстро была очищена от этих запасов. Казаки говорили: «По делам чудотворцы наказали нечестивцев...»

...Изгнание Наполеона из России изменило социальное лицо казачьего сословия. Отечественная война 1812 года и последующие заграничные походы русской армии резко (вдвое) увеличили число дворянских родов в Войске Донском. Если до войны их насчитывалось около 400, то в 1815 году их насчитывалось до 800 фамилий донского казачьего дворянства. Объясняется такой резкий рост следующим обстоятельством.

Император Павел I Петрович указом от 22 сентября 1798 года «за ревностную службу Войска Донского» и «в знак признательности» за заслуги перед Российской державой повелел все казачьи чины приравнять к армейским чинам. Этот высочайший указ касался и других казачьих войск России. Теперь чин войскового старшины соответствовал чину майора, есаула – ротмистра, сотника – поручику, чин хорунжего – чину корнета.

Павловским указом казачьи офицеры получали права чинов Российской императорской армии, и в соответствии с «Табелью о рангах» имели право на получение дворянского достоинства. Для этого требовалось представить по команде документы о «беспорочной» службе. Таким правом обладали теперь казачьи офицеры, начиная с самого младшего чина хорунжего. Эта процедура заметно упрощалась, если испрашиваемый дворянства офицер имел боевые заслуги перед Отечеством и орденские награды, чему войны с наполеоновской Францией много способствовали. Так на рубеже двух веков завершился процесс превращения казачьей старшины в военно-служилое дворянство. Образовалось «общее Донское дворянское собрание».

Отечественная война 1812 года наложила свой отпечаток на общественную жизнь на Дону. Она практически замерла, поскольку все казаки от мала до велика отправились на защиту Отечества в составе войскового ополчения. «Отпечаток» большой войны на жизни Области войска Донского ушел в историю только после того, как платовские полки, овеянные мировой славой, проделали обратный путь из Парижа, с Елисейских Полей на берега Тихого Дона.

...Опыт, приобретенный казаками, прежде всего донскими, в войне 12-го года, когда армейское партизанство приобрело самый широкий размах, сослужил им хорошую службу в недалеком будущем, на Кавказе. Носители такого командирского опыта в лице В. Д. Иловайского, В. А. Сысоева, А. А. Карпова 2-го, В. В. Орлова-Денисова, К. И. Харитонов, З. Г. Попова, не раз становились во главе казачьих и сводных

воинских отрядов, совершавших рейды в горы Чечни, в Нагорный Дагестан, в тылы турецкой и персидской армий в войнах начала XIX столетия в Закавказье.

За Отечественную войну 1812 года казачество награждалось войсковыми и полковыми знаменами, другими почетными регалиями. Высочайше жаловались орденами и чинами казачьи генералы и офицеры. Нижние чины за доблесть получали солдатский Егорий (Знак отличия Военного ордена), а наиболее отличившиеся производились в первый офицерский чин хорунжего.

Для всех казаков, начиная от атамана Войска Донского генерала от кавалерии графа М. И. Платова до рядового-первогодка, равно как и для всего личного состава армии-победительницы, была выбита наградная медаль. Единая для всех, пожалованных ею, что было впервые в Российском государстве. Это была серебряная «боевая» медаль 1812 года.

На лицевой стороне медали было изображение Всевидящего Ока в треугольнике, окруженном лучами, а внизу медали – дата «1812 год». На оборотной стороне медали в четыре строки шли слова из Давидова псалма: «Не нам, не нам, а имени твоему». Медаль носилась на голубой ленточке ордена Святого Андрея Первозванного, высшей награды Российской империи и современной Российской Федерации.

История наградной серебряной медали за Отечественную войну 1812 года такова. Первый ее образец был утвержден 5 февраля 1813 года: на лицевой стороне предлагался профиль императора Александра I, что государю не понравилось, и он не утвердил проект медали. Окончательно медаль была высочайше утверждена 22 декабря того же года. Награждать же ею стали только после окончания военных действий против наполеоновской Франции, в апреле 1814 года.

Этой медали удостоивались все, кто принимал участие в Отечественной войне, начиная с вторжения Великой армии в пределы России и по 1 января 1813 года. После смерти ее владельца медаль оставалась в семье как реликвия. В казачьих семьях она свято хранилась за иконой в Красном углу дома.

Список использованной и рекомендованной литературы

Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. В 2 т. Новочеркасск, 1891–1894.

Андреев И. А. Материалы для истории Войска Донского. Новочеркасск, 1886.

Астапенко М. П. Донские казаки: 1550–1920. Ростов-на-Дону, 1992.

Астапенко М. П., Левченко В. Г. Атаман Платов. Жизнеописание. М., 1988.

Атаман Платов в песнях и преданиях. М., 2001.

Афанасьев В. А. Подлинные документы о Бородинском сражении. М., 1912.

Ахлестышев Д. П. Двенадцатый год. Исторические документы... А. П. Тормасова. СПб., 1912.

Ахшарумов Д. И. Описание войны 1812 года. В 2-х т. СПб., 1824.

Бабенышев П. Донские казаки в Отечественной войне 1812 года. Ростов-на-Дону, 1945.

Безотосный В. М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. М., 1999.

Белозерская А. Н. Донской казак в Лондоне // Исторический вестник. 1886. № 12.

Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам Т. 1–3. СПб., 1859–1860.

Бородино: Документальная хроника. М., 2004.

Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962.

Броневский В. История Донского войска. Ч. 1–4. СПб., 1834.

Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. 1–2. СПб., 1823–1824.

Быкадоров И. Ф. История казачества. Прага, 1930.

Быкадоров И. Ф. Очерк участия Донского войска в Отечественной войне 1812 года и в Заграничных походах. Новочеркасск, 1811.

Валентини Г. В. Правила малой войны и употребления легких войск. СПб., 1811.

Вильсон Р.-Т. Дневники и письма 1812–1813 гг. СПб., 1995.

Военная энциклопедия // Под редакцией В. Ф. Новицкого. Т. 1–18. СПб., 1911–1915.

Военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия. Библиографический справочник. М., 2004.

Военский К. А. Вильна в 1812 году. СПб., 1912.

Военский К. А. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 г. СПб., 1912.

Вороновский В. М. Отечественная война 1812 года в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912.

Вуич И. В. Малая война. СПб., 1850.

Высочайшие грамоты и регалии, пожалованные Войску Донскому. Новочеркасск, 1887.

- Габаев Г. С.* Роспись русским полкам 1812 года. Киев, 1912.
- Генерал Багратион. Сборник документов. М., 1945.
- Гершельман Ф.* Партизанская война. СПб., 1885.
- Гордеев А. А.* История казаков со времен царствования Петра Великого до начала Великой войны 1914 года. Т. 1–4. М., 1991–1992.
- Граилин К. Ф.* Казачий календарь. Новочеркасск, 1884.
- Гувьон Сен-Сир.* Записки маршала Сен-Сира о войнах во времена Директории, Консульства и Империи французской. Ч. 1. СПб., 1838.
- Давыдов Д. В.* Военные записки. М., 1892.
- Давыдов Д. В.* Дневник партизанский действий 1812 года. М., 1985.
- Давыдов Д. В.* Опыт теории партизанского действия. М., 1821.
- Делдерфилд Р. Ф.* Наполеон. Изгнание из Москвы. М., 2002.
- Денисов А. К.* Записки донского атамана Денисова. СПб., 2000.
- Денисон Дж.* История конницы. М., 2001.
- Де-Романо А. Л.* Черкасск и Войско Донское в 1812 году. Новочеркасск, 1898.
- Добровольский В. К.* Витебская губерния в Отечественную войну. Витебск, 1912.
- Дон и донцы в прежнее и нынешнее время. Б. м., б. г.
- Донские казаки в 1812 г. Сборник документов об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 года. Ростов-на-Дону, 1954.
- Донское казачество в Отечественной войне 1812 года. Ростов-на-Дону, 1943.
- Донцы XIX века. Биографии и материалы донских деятелей на поприще службы военной, гражданской и общественной, а также в области наук, искусств, литературы и проч. Новочеркасск, 1907.
- Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников. 1812–1815. СПб., 1882.
- Дьяков А.* Памятка 10-го Донского казачьего генерала Луковкина полка. СПб., 1905.
- Ермолов А. П.* Записки. 1798–1826. М., 1991.
- Жеребков С.* История Лейб-гвардии Казачьего полка (1775–1875). СПб., 1876.
- Жизнь и военные подвиги Войска Донского генерал-майора Ивана Кузьмича Краснова 1-го // Русский вестник. 1817.
- Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974.
- Жиркевич И. С.* Записки. 1789–1848 // Русская старина. 1874. № 8.
- Жиров М. С.* Материалы для биографии графа М. И. Платова // Сборник Области Войска Донского статистического комитета. Вып. 11. Новочеркасск, 1913.
- Жомини А.* Политическая и военная жизнь Наполеона. Ч. 5. СПб., 1840.
- Записки генерала Колачковского о войне 1812 года // Военно-исторический сборник, 1911, № 4.
- Звегинцев В. В.* Русская армия. Ч. 4. 1801–1825. Париж, 1971.
- Иванов И.* Русская конница в великой Бородинской битве. Одесса, 1912.

- Иллюстрированная история казачества. СПб., 1909.
- Иловайские и донские казаки. Пг., 1914.
- Иловайский Д. И.* Очерки Отечественной истории. М., 1995.
- Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т. 5. СПб., 1848–1849.
- Иностранцев М.* Отечественная война 1812 года. Операции 2-й Западной армии князя Багратиона от начала войны до Смоленска. СПб., 1914.
- Историческое описание Войска Донского. Новочеркасск, 1830.
- История Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка. СПб., 1876.
- Казачий Дон. Пять веков воинской славы. История и современность. М., 2010.
- Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей. СПб., 1912.
- Казин В. Х.* Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. СПб., 1912.
- Казин В. Х.* Императорская гвардия. СПб., 1912.
- Казачество: Энциклопедия. М., 2003.
- Калмыки в Отечественной войне 1812 года. Элиста, 1964.
- Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Малоярославец, 1994.
- Картины былого Тихого Дона: краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. СПб., 1909.
- Каузлер Ф.* Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле. СПб., 1844.
- Керсновский А. А.* История Русской армии. В 4 т. М., 1992–1994.
- Кияшко И. И.* Заметки об участии в боевых действиях строевых частей Кубанского казачьего войска в Отечественной войне 1812 года и в последующих кампаниях 1813–1814 гг. Екатеринодар, 1911.
- Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991.
- Колюбакин Б. М.* Война 1812 года. Бородинская операция и Бородинское сражение. СПб., 1912.
- Колюбакин Б. М.* Набег Дорохова на Смоленскую (Можайскую) дорогу. СПб., 1900.
- Краснов И. И.* Воспоминания старого казака // Военный сборник. 1873. № 12.
- Краснов П. Н.* А. К. Денисов. Новочеркасск, 1877.
- Краснов П. Н.* Атаманская памятка. Краткий очерк истории Лейб-гвардии Е. И. Высочества государя наследника цесаревича полка. 1775–1900. СПб., 1900.
- Краснов П. Н.* Донцы и Платов в 1812 году. М., 1912.
- Краснов П. Н.* История войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2007.
- Левшин А. Г.* Партизаны в Отечественную войну. М., 1912.
- Липранди Н. П.* Кому и в какой степени принадлежит честь Бородинского боя. М., 1867.
- Лобов В. П.* Краткая историческая записка об участии оренбургских казаков в Отечественной войне 1812 года. Оренбург, 1912.
- Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912.

- Мамышев В. Н.* Генерал от кавалерии М. И. Платов. СПб., 1904.
- Мартынов Н.* Исторический очерк столетия Лейб-гвардии Уральской казачьей сотни. СПб., 1898.
- Матвиевский П. Е.* Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. Исторические очерки. Оренбург, 1912.
- М. И. Кутузов.* Письма, записки. М., 1989.
- М. И. Кутузов.* Сборник документов. Т. 4. М., 1955.
- Материалы Военно-научного архива Главного штаба (Материалы ВУА). Т. XIV. СПб., 1911.
- Материалы научных конференций. Бородино, 1988–2011.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1–4. СПб., 1840.
- Михневич Н. П.* Партизанские действия кавалерии в 1812 и 1813 гг. СПб., 1888.
- Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. В 2 кн. М., 2004.
- Окунев Н. А.* Разбор главных военных операций, битв и сражений в России в кампании 1812 года. СПб., 1912.
- Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1900–1914. Т. I–XXII.
- Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004.
- От Москвы до Парижа. Малоярославец, 1998.
- Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000.
- От Тарутино до Малоярославца. К 190-летию Малоярославецкого сражения. Калуга, 2002.
- Очерк истории Лейб-гвардии Атаманского Е. И. Высочества государя наследника цесаревича полка, составленный ко дню столетней годовщины. СПб., 1875.
- Очерк столетней службы полков Лейб-гвардии Казачьего и Атаманского. СПб., 1875.
- Памятная книжка области Войска Донского на 1812 год. Новочеркасск, 1912.
- Пивоваров А.* Донские казаки. Краткий сборник рассказов из военной жизни донцов, о их храбрости, находчивости в бою, преданности долгу и проч. Новочеркасск, 1892.
- Победы, увенчанные графом Платовым и казаками. М., 1814.
- Подмазо А. А.* Большая Европейская война 1812–1815 годов. Хроника событий. М., 2003.
- Полнейший российский военный песенник. СПб., 1899.
- Поликарпов Н. П.* Боевые действия и подвиги казачьих полков и донской артиллерии в сражении 26 августа 1812 года при селе Бородине // 1812-й год. 1912. № 15–16.
- Поликарпов Н. П.* К истории Отечественной войны 1812 года. Забытые и не описанные военной историей сражения Отечественной войны 1812 года, вызвавшие своим ходом решительное сражение 26 августа 1812 года при селе Бородине. М., 1910–1911. Вып. 1–3.
- Поликарпов Н. П.* Краткая историческая справка о казачьих полках 1812 года // 1812-й год. 1912. № 9–10.
- Поляков Н., Жиров М.* Донцы – кавалеры ордена Св. Великомученика и победоносца Георгия. М., 1911.

- Попов А. И.* Бородинское сражение: Боевые действия на северном фланге. Самара, 1995.
- Попов А. И.* Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002.
- Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года. От Малоярославца до Березины. Историческое исследование. СПб., 1877.
- Попов П. Х.* Герои Дона. Новочеркасск, 1911.
- Попов Х. И.* Высочайшие грамоты и регалии, пожалованные Войску Донскому. Новочеркасск, 1887.
- Попов Х. И.* Краткий очерк прошлого Донского казачества. Ростов-на-Дону, 1907.
- Прозрителев Г.* Военное прошлое наших калмыков. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года. Ставрополь, 1912.
- Прянишников И.* Материалы для истории Войска Донского. Грамоты (1571–1863). Новочеркасск, 1864.
- Пузанов В. В.* История 5-го Донского казачьего Войскового атамана Власова полк. Саратов, 1913.
- Пюбюск М.-Л. де.* Письма о войне в России 1812 года. М., 1833.
- Ригельман А. И.* История о донских казаках. Ростов-на-Дону, 1992.
- Роос Г.* С Наполеоном в Россию. Записки врача Великой армии. СПб., 1912.
- Российское казачество. Научно-справочное издание / Отв. ред. Т. В. Таболина. М., 2003.
- Ростопчин Ф. В.* Записки Ростопчина Ф. В. о 1812 годе // Русская старина. 1889. № 12.
- Русская историческая песня. Л., 1990.
- Русский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. Вып. VII. М., 1996.
- Рычков П. Н.* История Оренбургская (1730–1750 гг.). Оренбург, 1896.
- Рябинин А. Н.* Уральское казачье войско. СПб., 1886.
- Савелов Л. М.* Донские дворяне Иловайские. М., 1899.
- Савелов Л. М.* Дворянские роды Кутейниковы. М., 1899.
- Савелов Л. М.* Донские дворянские роды. Вып. 1. М., 1902.
- Савельев А. М.* 300-летие Войска Донского (1570–1870). Очерки из истории донских казаков. Новочеркасск, 1870.
- Савельев Е. П.* История Дона и Донского казачества. Т. 1–3. Новочеркасск, б. г.
- Савельев Е. П.* История казачества: Историческое исследование. Ч. 1–3. СПб., 1915–1918.
- Сапожников А. И.* Донской атаман М. И. Платов и главнокомандующие русскими армиями в 1812 году // Российская история. 2011. № 5.
- Сегюр Ф.* Поход в Россию. Записки адъютанта Наполеона. М., 1916.
- Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., Вып. 11. 1902.
- Сватиков С. Г.* Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924.
- Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. М., 1992.
- Сенюткин М.* Донцы. Исторические очерки военных действий, биографии старшин прошлого века. М., 1866.

- Симанский Л. А.* Журнал участника войны 1812 года // Военно-исторический сборник. 1913. № 2.
- Скугаревский А. П.* Бородино. Описание сражения 26 августа 1812 года. СПб., 1912.
- Смирнов Н. Ф.* Жизнь и подвиги графа М. И. Платова. СПб., 1821.
- Стариков Ф. Н.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890.
- Столетие Военного министерства (1802–1902 гг.) Т. XI. Главное Управление казачьих войск. Ч. 1–4. СПб., 1902–1907.
- Струсевич А.* Герои Дона. Псков, 1899.
- Суворов А. В.* Наука побеждать. Любое издание.
- Судравский В. К.* Кавалеры ордена Святого великомученика и победоносца Георгия за 140 лет (1769–1909 гг.). СПб., 1909–1910.
- Сухоруков В. Д.* Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1902.
- Тарасов Е. И.* Донской атаман Платов. СПб., 1902.
- Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай. М., 1996.
- Тарыкин А. П.* Казачьи войска. Омск, 1913.
- Толузаков С. А.* Взятие Вереи. СПб., 1912.
- Томаревский И. И.* Песни казаков. М., 1911.
- 1812 год. Военные дневники. М., 1992.
- 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991.
- Увенчанные победы генерала Платова и храбрых казаков. Т. 1–2. 2-е изд. М., 1814.
- Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.
- Усманов А. Н.* Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964.
- Фабер дю Фор Х. В.* Война 1812 года. Иллюстрированный дневник участника. М., 2011.
- Филатов А.* Очерки Дона. СПб., 1856.
- Французы в России. 1812 год в воспоминаниях современников-иностранцев. Ч. 1–3. М., 1912.
- Харкевич В. И.* Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904.
- Харкевич В. И.* Действия Платова в арьергарде Багратиона в 1812 г. Кавалерийские бои при Мире и Романове. СПб., 1901.
- Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1904.
- Хоперский М.* Краткая история артиллерии войска Донского. Новочеркасск, 1886.
- Хрещатицкий Б. Р.* История Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка. 1775–1813—1875—1913. Ч. 1. СПб., 1913.
- Шаховской В. М.* Лейб-казаки на берегах Немана в 1812 г. СПб., 1900.
- Шишов А. В.* «Балканский узел» в судьбе России. Связь времен. М., 2011.
- Шишов А. В.* Битва великих империй. Слава и горечь 1812 года. М., 2005.
- Шишов А. В.* Кавалеры ордена Святого Георгия. М., 2004.

Шишов А. В. Казачьи атаманы. М., 2008.

Шишов А. В. Казачьи войска России. М., 2007.

Шишов А. В. Казачьи войска России: от вольных казаков до Резервного казачьего войска. М., 2004.

Шишов А. В. Кутузов. Фельдмаршал Великой империи. Новое прочтение биографии. М., 2006.

Шишов А. В. 100 великих казаков. М., 2007.

Энциклопедия военных и морских наук / под ред. Г. А. Леера. В 8 т. СПб., 1883–1897.

Юдин М. Л. Оренбуржцы в войнах 1812–1814 годов. Ташкент, 1912.

Вкладка

Переправа наполеоновской армии через Неман. Гравюра XIX в.

Дело казаков Платова у деревень Кареличи и Мир 28 июня 1812 г. Художник Н. П. Красовский

Линейные казаки. Художник А. О. Орловский

Дело казаков Платова под Миром. Художник В. В. Мазуровский

Французские солдаты маршала Нея загнаны в лес в сражении под Красным. Художник А. Ивон

Атака донских казаков М. И. Платова около города Несвижа. Хромо­литография Н. Богатова

Стычка казаков с французами у села Довгелишки. Гравюра XIX в.

Атаман Войска Донского Матвей Иванович Платов. Художник С. Карделли

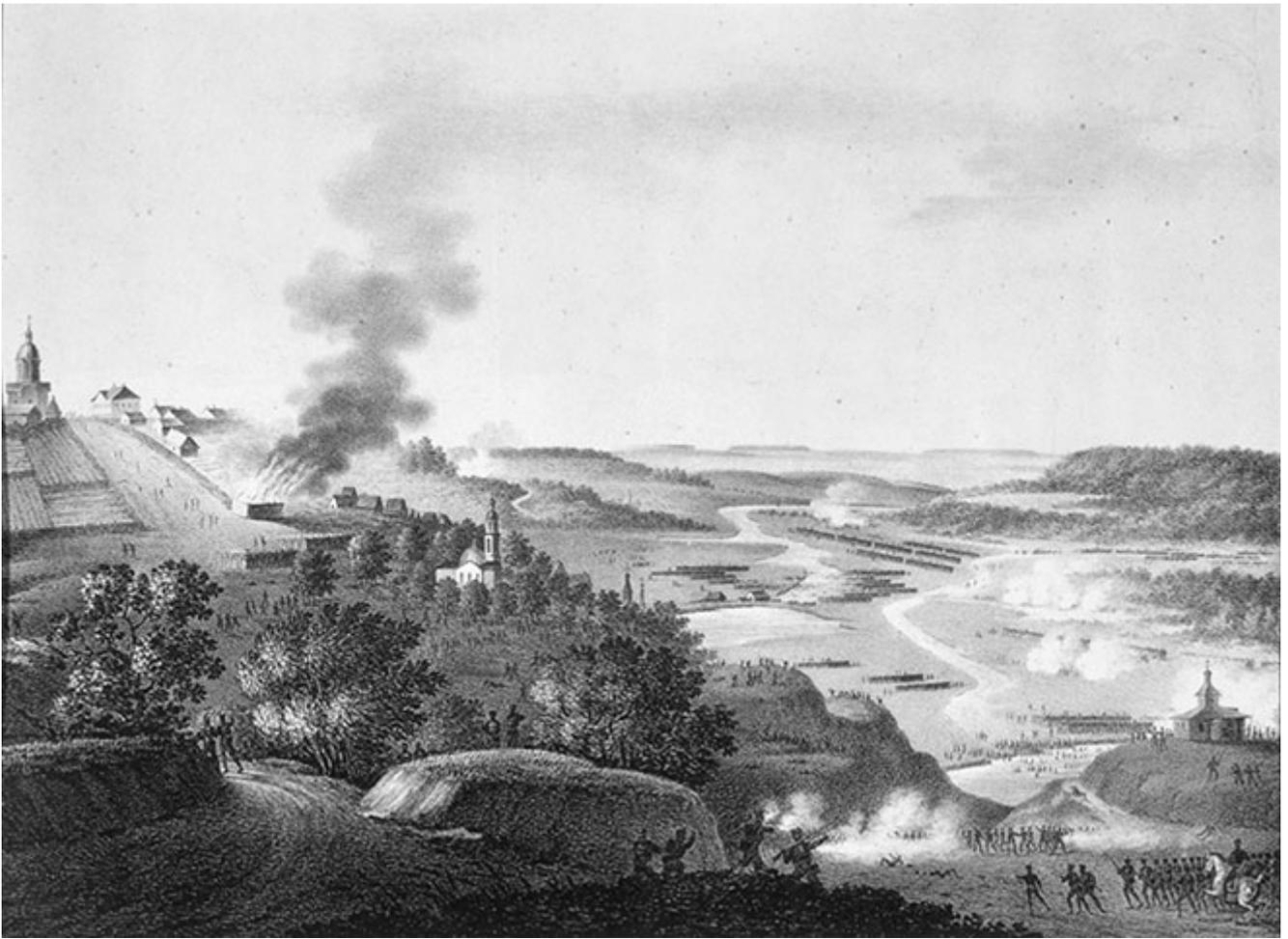
Атаман Платов в сопровождении казаков, калмыков и татар. Гравюра А. Грегориуса

Казачи отбивають обоз Наполеона в районі Городни. Художник Б. В. Зворькин

Генерал-майор, командир лейб-гвардии Казачьего полка Алексей Петрович Орлов. Неизвестный художник

Сражение при Малоярславце. Гравюра XIX в.

Победа при Тарутино. Гравюра С. Карделли

Казак и француз. «Чем он победил врага своего? Нагайкою!». Из журнала «Сын Отечества»

Кто кого? Художник В. В. Мазуровский

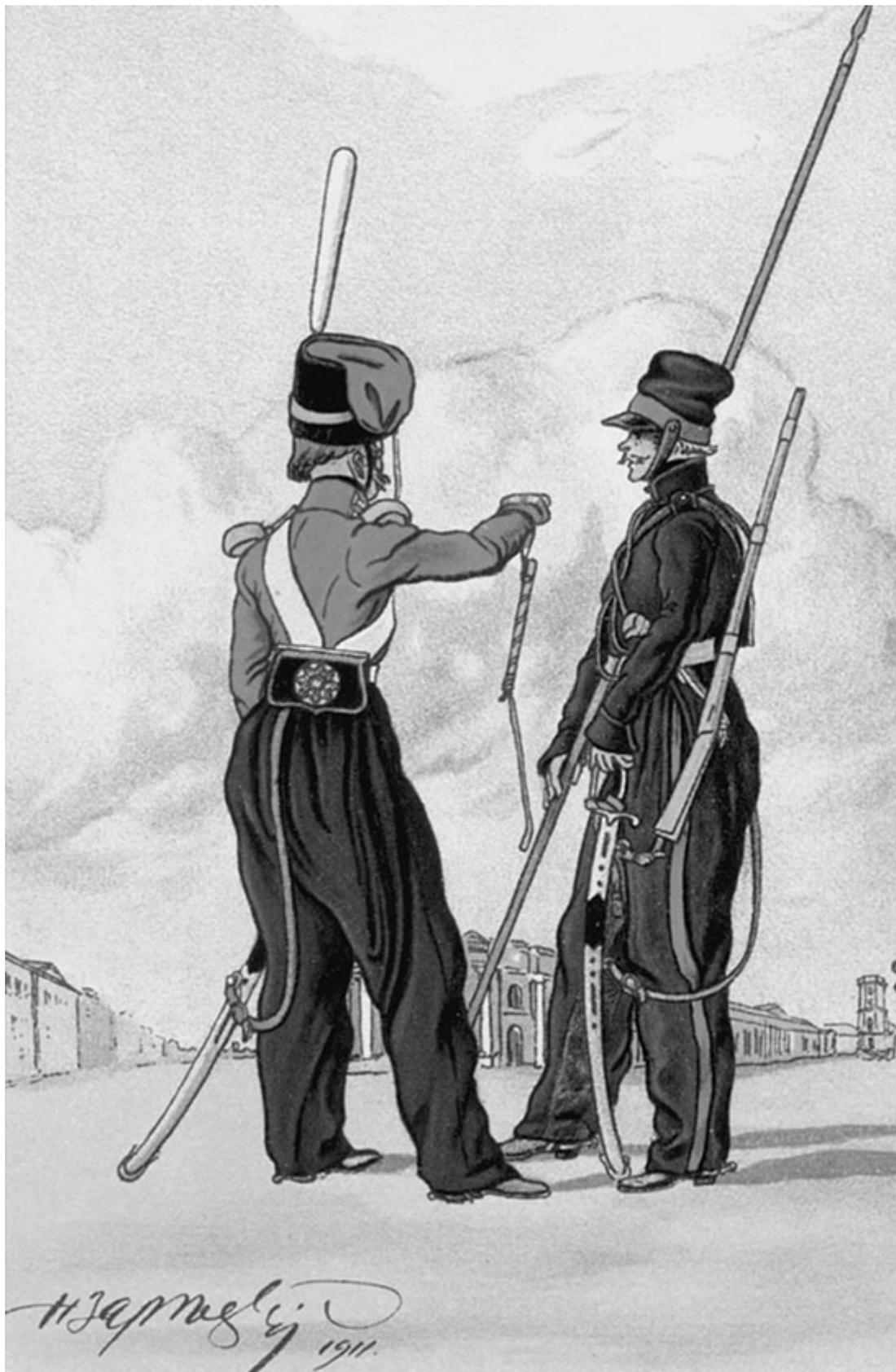

Генерал-лейтенант казачьих войск Андриан Карпович Денисов. Неизвестный художник

И. К. Краснов. Гравюра А. А. Осипова

Казак лейб-гвардии Казачьего полка. Парадная форма. Донской казак. Походная форма. Художник Н. В. Зарецкий

Василий Дмитриевич Иловайский 12-й. Художник Дж. Доу

Г. Д. Иловайский 9-й. Портрет середины XIX в.

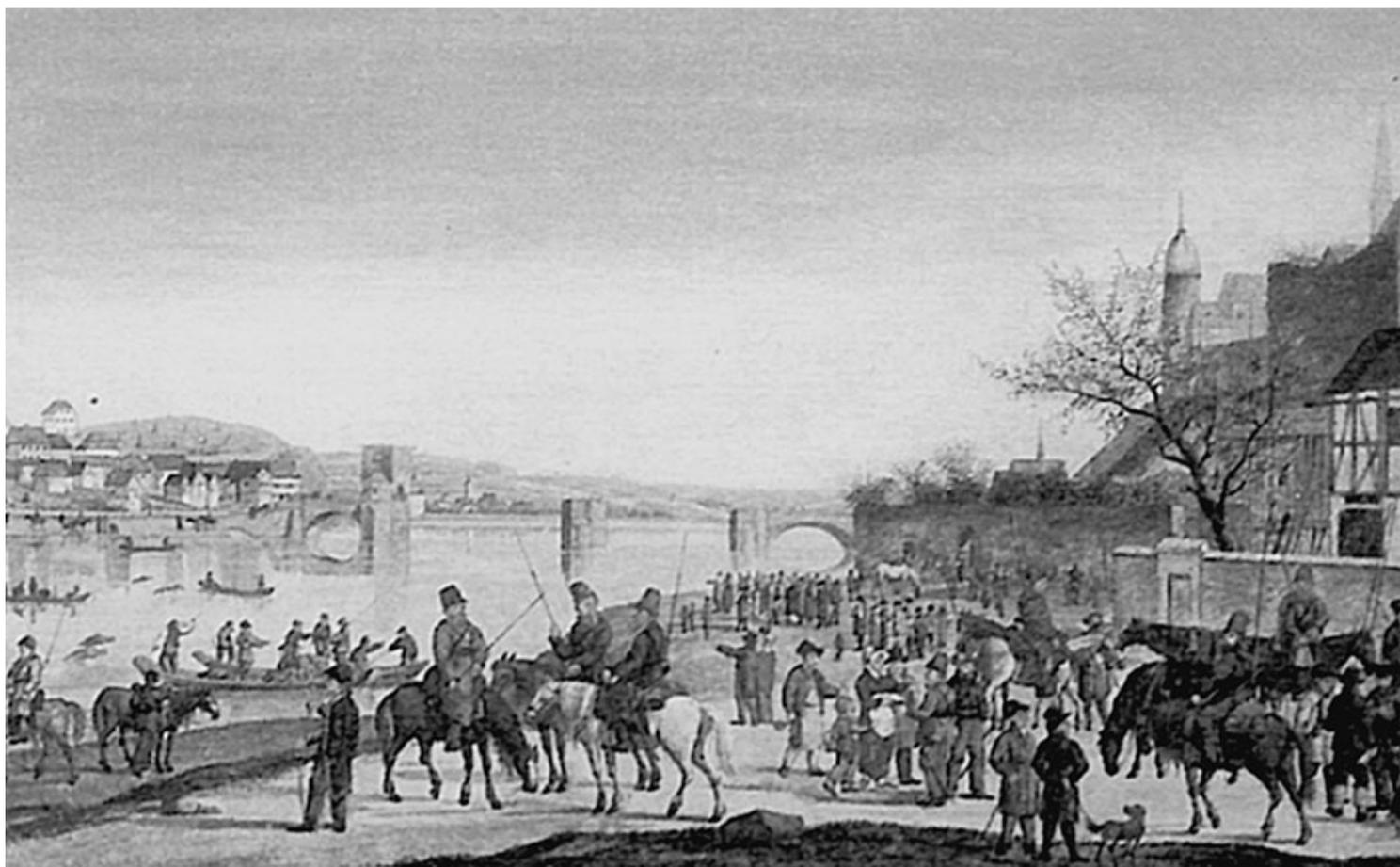
И. Д. Иловайский 4-й. Художник Дж. Доу

Конный казак на улицах Парижа. Художник Г.-Э. Опиц

Казаци в Гамбурге 18 марта 1813 г. Художник С. Кристофор

Русские казаки за границей. Неизвестный художник